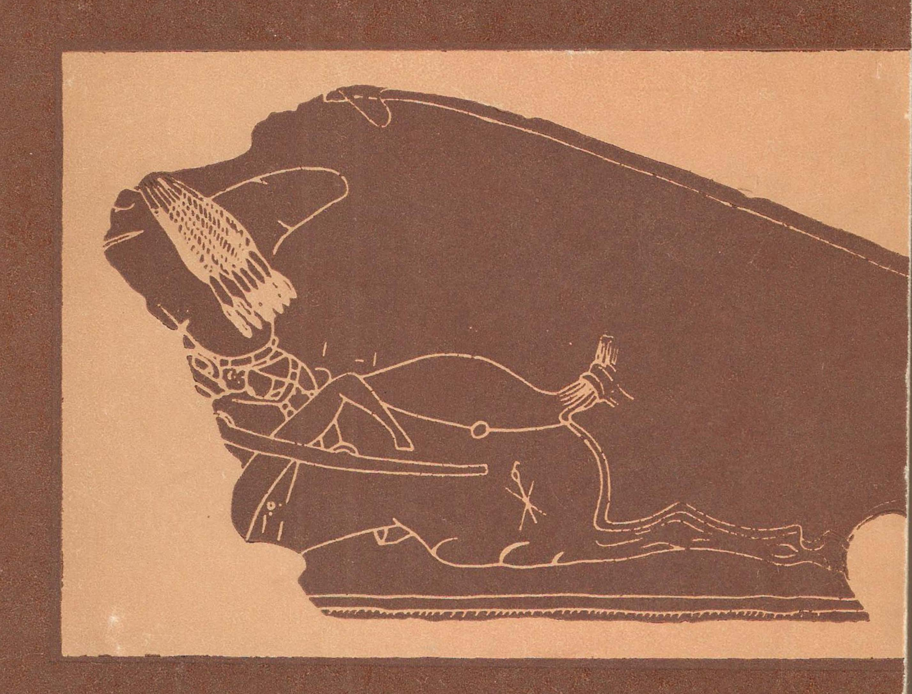
М. Г. Магомедов

ОБРАЗОВАНИЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. Г. ЦАДАСЫ

М. Г. Магомедов

ОБРАЗОВАНИЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

По материалам
археологических исследований
и письменным данным

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1983

В монографии на основе новейших археологических материалов рассматриваются вопросы социально-экономических предпосылок появления хазарского раннефеодального государственного образования на территории Приморского Дагестана. Одновременно затрагивается вопрос о взаимовлиянии земледельческих и кочевых культур.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С. А. ПЛЕТНЕВА

Мурад Гаджиевич Магомедов

ОБРАЗОВАНИЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

(по материалам археологических исследований и письменным данным)

Утверждено к печати ордена «Знак Почета» Институтом истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. П. Прохоров.* Художник *Э. Л. Эрман.*
Художественный редактор *Н. Н. Власик.* Технический редактор *З. Б. Павлюк.*
Корректоры *Г. Н. Джиоева, К. П. Лосева*

ИБ № 26879

Сдано в набор 13.04.83. Подписано к печати 14.07.83. Т-15812. Формат 70×90 1/16
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая
Усл. печ. л. 16,38. Усл. кр. отт. 16,67. Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 2300 экз.
Тип. зак. 4529. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука», 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

М $\frac{0507000000-281}{042(02)-83}$ 54—83, III

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории древних народов нашей Родины, всестороннее исследование их вклада в мировую цивилизацию — одна из важнейших задач советской исторической науки. К числу кардинальных проблем раннесредневековой истории Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы относится проблема возникновения Хазарского каганата, которая до настоящего времени остается одной из слабо разработанных тем в отечественной исторической науке.

История Хазарского каганата — первого феодального государственного образования в Восточной Европе в VII—X вв.— вот уже около двухсот лет привлекает внимание исследователей. Непреходящий интерес к проблеме объясняется мощью и обширными размерами созданной хазарами империи, успешно соперничавшей с Византией и Арабским халифатом, и тем глубоким следом, который он оставил на страницах всемирной истории. В период наивысшего расцвета в состав хазарского государства входили: просторы Северного Кавказа и Южного Приуралья, Восточный Крым и степи Поволжья, Подонья и Приазовья. В орбиту созданного ими государства были втянуты различные народы Кавказа и Юго-Восточной Европы, а также многочисленные племена кочевников: алан, гуннов, савир, булгар, мадьяр, печенегов и других, сменявших друг друга на степных просторах Причерноморья и Прикаспия и находившихся на различном уровне экономического и культурного развития. Значительная роль хазар в истории народов, втянутых в сферу созданной ими империи, породила соответственно и многочисленные сведения о них, сохранившиеся в древних хрониках, летописях, в географической и исторической литературе. Однако письменные источники содержат о хазарах лишь отрывочные и противоречивые сведения, отражающие главным образом внешнеполитические акции каганата периода арабо-хазарских войн. Поэтому воссоздать объективный процесс формирования каганата на основании только скудных данных письменных источников было очень сложно. Слабая изученность памятников и недооценка археологических источников, связанных с ними, способствовали искажению истории хазар и нередко полному отрицанию их культурного наследия. Характер этих источников является и причиной продолжающихся до сих пор дискуссий по вопросам происхождения культуры каганата, местоположения древних центров страны, об антропологическом облике, погребальных сооружениях и религиозных воззрениях хазар. В итоге мы до сего времени не знаем точно, откуда пришли хазары, где осели и какой образ жизни вели.

Коренной перелом в исследовании хазарской проблемы наступил с выходом в свет монографий М. И. Артамонова «История хазар» и С. А. Плетневой «От кочевий к городам». В замечательном труде М. И. Артамонова на основании тщательного анализа разнообразных источников подробно освещается история кочевых народов Восточной Европы на протяжении II—XII вв. Впервые в качестве иллюстративного материала в работе использованы и яркие археологические источники. Однако недооценка этих источников и отсутствие тщательного их анали-

за являются причиной негативных выводов автора о культурном наследии хазар.

Новым направлением в изучении хазарской проблемы является исследование С. А. Плетневой. В своей работе автор впервые обосновала связь Хазарского каганата с широко распространившейся в Юго-Восточной Европе салтово-маяцкой археологической культурой. Прикаспийский Дагестан — наиболее вероятный очаг формирования культуры каганата, где расселение хазар засвидетельствовано в многочисленных письменных источниках,— остался за пределами региона исследований С. А. Плетневой вследствие слабой археологической изученности края. Тем не менее она выделила Дагестан как возможную территорию распространения культуры хазар. Несмотря на неоднократные безуспешные попытки выявить здесь следы хазарской культуры, Дагестан продолжал привлекать исследователей как возможный регион формирования древних центров каганата. Противоречие между сведениями письменных источников и отсутствием здесь их археологических подтверждений одни исследователи пытаются объяснить полным отсутствием у хазар собственной материальной культуры, другие же выдвинули даже целую теорию о гибели Хазарии в результате якобы трансгрессии Каспийского моря (Хазарская Атлантида).

Только целенаправленные археологические исследования, предпринятые в Дагестане в конце 60-х годов, позволили выявить здесь многочисленные поселения и города хазарского времени. Стационарными раскопками на ряде памятников Прикаспия выявлен обширный и яркий археологический материал, свидетельствующий о том, что здесь на протяжении VI—IX вв. протекали сложные процессы взаимопроникновения культуры местных народов и пришлых кочевников. Хронологическая и территориальная взаимосвязь памятников с регионом расселения собственно хазарских племен, а также смешанный характер представленных на них археологических материалов, в которых ясно выражены и элементы культуры кочевников, дают возможность для постановки проблемы образования Хазарского каганата. Актуальность проблемы и необходимость разностороннего исследования представленной здесь культуры определяется прежде всего тем, что на сегодняшний день нет ни одной работы, основанной на анализе новых обширных археологических материалов из древнего центра Хазарии. В то же время мы имеем ряд капитальных исследований и обобщающих трудов, посвященных Волго-Донскому региону Хазарии. Подобная диспропорция в изучении различных областей и соответственно разных периодов истории каганата порождает нередко взаимоисключающие суждения исследователей по различным вопросам хазарской проблемы. Не зная древнего центра культуры хазар, нельзя, очевидно, составить полного представления о путях и закономерностях последующего развития созданной ими державы. Накопленные материалы не только подводят прочную археологическую базу под проблему дагестанского этапа хазар, но и дают возможность с совершенно новых позиций решать целый комплекс вопросов, связанных с формированием каганата. Впервые на основе археологических исследований в Приморском Дагестане представилась возможность решить один из кардинальных вопросов проблемы — вопрос о границах и путях формирования культуры древней Хазарии, а на основании этого воссоз-

дать процесс зарождения и последующих этапов развития хазарского государства. Новые материалы дают возможность проследить сложные процессы взаимоотношений пришлых кочевников и местных земледельцев Восточного Кавказа. Они позволяют выяснить пути и причины перехода кочевников к оседлому быту и земледельческому хозяйству, которые способствовали появлению городов и урбанизации части населения. Сложные социально-экономические процессы, протекавшие в среде кочевников по мере их перехода к оседлости, лежат в основе классовой дифференциации общества и формирования древних экономических и политических центров страны. С исследованием крупных городищ в Приморском Дагестане представилась возможность более объективно разобраться в запутанной проблеме местоположений древних политических центров каганата.

Археологические материалы свидетельствуют о высоком уровне развития различных отраслей экономики и культуры сложившегося здесь государства, а также подтверждают его классовый характер.

Накопленные палеоэтноботанические материалы воссоздают зональную специализацию хозяйственной деятельности населения, соответствовавшую местным природно-географическим условиям, что имеет в какой-то степени практическое народнохозяйственное значение и в настоящее время (опыт по рациональному использованию земельных участков под виноградники, древние оросительные каналы и т. д.). Раскопки памятников, расположенных вдоль побережья Каспийского моря, дают также ценные материалы для изучения такой важной проблемы, как колебания уровня Каспийского моря на протяжении всего I тысячелетия н. э.

Анализы различных типов погребальных сооружений и богатого инвентаря исследованных в Приморском Дагестане могильников впервые позволили поднять завесу над тайной погребальных сооружений и ритуала захоронений хазар, а многочисленные христианские символы, особенно же остатки выявленных здесь церквей, дают возможность по-новому решать вопросы о специфике религий и причинах «веротерпимости» в Хазарском каганате.

В археологических древностях Дагестана заложена в значительной степени основа культуры и всей последующей истории многих народов, объединенных в составе Хазарского каганата. Поэтому с анализом этих материалов достоянием науки станут качественно новые источники, которые будут иметь важное значение при исследовании истории различных оседло-земледельческих народов Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы, а также кочевых племен: алан, гуннов, савир, булгар, мадьяр и других, входивших в состав Хазарского каганата. Разработка проблемы имеет важное значение и для понимания специфики раннесредневековой истории Дагестана, где сформировался древний центр феодальной Хазарии и образовался сложный узел взаимоотношений различных народов Евразии.

В целом всесторонняя разработка проблемы на основе новых материалов и в синтезе с данными письменных источников позволяет воссоздать наиболее объективную картину зарождения и ранних этапов развития хазарского государства.

Основными источниками данной работы являются археологические материалы, исследованные автором с 1969 по 1979 г. на памятниках

Терско-Сулакского междуречья. Кроме того, в работу включены материалы, раскопанные в 1955—1958 гг. в зоне строительства Чирюртовской ГЭС на Сулаке и частично опубликованные в трудах К. А. Бредэ, М. И. Пикуль, Н. Д. Путинцевой, В. И. Канивца, В. Г. Котовича. В работе отражены, кроме того, раскопки Д. М. Атаева. А. И. Абакарова, М. М. Маммаева на Андрейаульском городище и А. В. Гадло на городище Хазар-кала.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аз.ГНИИ — Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДАН — Доклады Академии наук
ДАЭ— Дагестанская археологическая экспедиция
ДГУ — Дагестанский государственный университет
ДС — Дагестанский сборник
ДСХИ — Дагестанский сельскохозяйственный институт
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОЛКА — Записки Общества любителей кавказской археологии
ИАК — Известия археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КСИА — Краткие сообщения Институту археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
КЧНИИ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
КЭС — Кавказский этнографический сборник
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОИДР — Московское общество истории и древностей российских
МХЭ— Материалы Хорезмийской экспедиции АН СССР
РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГУ — Саратовский государственный университет
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СТ — Советская тюркология
СЭ — Советская этнография
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
Тр. ТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
Тр. ТФАН — Труды Таджикского филиала АН СССР
УЗ ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
ЧИНИИ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция

ВВЕДЕНИЕ
(история изучения и источники)

В обширной историографической литературе, связанной не с одним поколением советских и зарубежных исследователей, хазары чаще всего фигурируют в трудах или комментариях по истории других народов Юго-Восточной Европы эпохи раннего средневековья. А специальные исследования, посвященные отдельным вопросам истории хазар, представлены сравнительно небольшим количеством трудов. В них, как правило, дается достаточно полный анализ письменных источников и развернутая историография проблемы, поэтому нет необходимости специально останавливаться на этих вопросах, поскольку нам неоднократно придется возвращаться к ним в соответствующих разделах работы. Здесь отметим лишь наиболее значительные труды, являющиеся важными вехами в исследовании хазар, и остановимся на истории археологического исследования хазарской проблемы в Дагестане, где предпринимались неоднократные попытки поисков их вещественных следов.

Первую и наиболее удачную попытку обобщения письменных источников о хазарах предпринял в середине XIX в. талантливый востоковед В. В. Григорьев. В своих статьях по политической истории хазар, их общественных отношений и государственного устройства он писал: «Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную цветущую торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как светлый метеор ярко блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования»[1]. Подобная идеалистическая концепция, созданная В. В. Григорьевым о Хазарском каганате, при отсутствии его «следов существования», явилась следствием скудости и противоречивости письменных источников, которые и в последующем повлекли за собой различные, а порой и взаимоисключающие оценки роли хазар во всемирной истории[2].

Наиболее значительным зарубежным изданием историографического характера о хазарах является книга Д. М. Данлопа «История иудейских

---

[1] *Григорьев В. В.* Россия и Азия. СПб., 1876, с. 66.

[2] *Рыбаков Б. А.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси.— СА, 1953, XVIII, с. 131; *Он же.* Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии).— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952; *Мерперт Н. Я.* Против извращений хазарской проблемы.— В кн.: Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953, с. 165; *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 1966; и др.

хазар». В этом труде собраны все известные сведения письменных источников и различные суждения исследователей по вопросам истории хазар. Однако собственные выводы автора касаются главным образом необоснованных попыток доказать иудейское происхождение хазар [3].

Крупным вкладом в хазароведение является капитальное исследование М. И. Артамонова «История хазар» [4]. В работе дана исчерпывающая историография вопроса и подробнейшим образом прослежены все проблемы, касающиеся не только истории этого народа, но и многих кочевых племен Восточной Европы, этнически связанных или соприкасавшихся с Хазарским каганатом. Значение исследования состоит и в том, что в нем в качестве новых источников привлечены яркие археологические материалы, выявленные на обширных просторах Юго-Восточной Европы. Особое место среди них занимают материалы с археологических памятников салтово-маяцкой культуры, исследованные Волго-Донской экспедицией под руководством М. И. Артамонова [5]. Однако выразительные археологические комплексы в работе остались не проанализированными и этно-культурная их принадлежность по существу невыясненной.

Новым направлением в изучении истории хазар является монография С. А. Плетневой «От кочевий к городам» [6]. В работе впервые в качестве основных источников использованы обширные археологические материалы более чем с 200 памятников. В ней также дается подробная история археологического изучения проблемы и путем анализа различных групп археологических источников: поселений, жилищ, погребений, керамики, предметов быта и производства, оружия, украшения и т. д., прослеживается целый комплекс вопросов, связанных с историей кочевников Юго-Восточной Европы в VIII—X вв. Автору удалось убедительно доказать, что широко распространенная в Юго-Восточной Европе салтово-маяцкая археологическая культура связана с Хазарским каганатом. Пять локальных вариантов этой культуры, выделенных автором, сопоставляются с политическими или племенными объединениями, входившими в состав каганата. Следует особо отметить, что среди этих вариантов С. А. Плетнева выделила отдельно и дагестанский вариант как самостоятельный очаг хазарской культуры. При отсутствии археологических материалов основанием для выделения хазарского варианта культуры в Дагестане послужили сведения письменных источников, в которых засвидетельствовано расселение хазар к северу от Дербента. Поэтому не случайно почти все исследователи, касавшиеся этой проблемы, непременно указывали на Дагестан как на возможный регион оседания хазарских племен и формирования их древних центров.

Однако в археологическом плане территория Дагестана оставалась до недавнего времени практически неисследованной из-за отсутствия местных кадров исследователей. Те же незначительные исследования раз-

---

[3] *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. New Jersey, 1954.

[4] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.

[5] Труды Волго-Донской археологической экспедиции.— МИА, 1958, № 62; 1959, № 75; 1963, № 109.

[6] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967.

ведочного характера, которые предпринимались в приморских районах до установления Советской власти, связаны главным образом с именами путешественников и любителей старины. Наиболее ранние сведения об археологических изысканиях в Дагестане связаны с Н. А. Нарышкиным, служившим здесь в 70-х годах XIX в. Он дает краткие сведения об археологических памятниках Терско-Сулакского междуречья, в частности указывает на наличие здесь крепостей и курганов со склеповыми сооружениями под ними. Интересны его сообщения о том, что эта территория в «более отдаленную эпоху представляла собой страну, значительно населенную и обработанную, на что указывают следы орошавших ее водопроводных каналов»[7]. Н. А. Нарышкин обследовал и Андрейаульское городище на Акташе, указав на хазарский период, как на возможное время его бытования. В поисках антикварных изделий он варварски раскопал в Приморском Дагестане около 100 курганов[8]. Материалы этих раскопок не изданы, а находки не сохранились. Пример Н. А. Нарышкина послужил своего рода сигналом для местного населения, начавшего после него широкие раскопки курганов в Приморском Дагестане. Как указывают старожилы сел. Андрейаул, курганы эти якобы были поделены между дворами и раскапывались целыми семьями в поисках дорогих изделий.

Большое количество курганов пропало безвозвратно для науки и в результате деятельности И. Черного, который производил «кладоискательские» раскопки в Приморском Дагестане[9]. Отчеты этих раскопок также не сохранились.

Интерес к древностям Дагестана особенно возрос в связи с V археологическим съездом, состоявшимся в 1881 г. в Тифлисе. По поручению Подготовительного комитета съезда в Дагестане производили исследования А. А. Русов и А. В. Комаров. Последний осмотрел древние могильники у сел. Чиркей, именуемые местными жителями киргизскими, в которых находили сабли, кинжалы, наконечники стрел. Он указывает и на ряд искусственных холмов в окрестностях Темир-Хан-Шуры (Буйнакска) со строительными остатками и могилами, называемыми Гяуртепе (холм неверных)[10]. Сообщения А. В. Комарова также носят описательный характер без соответствующего анализа материалов.

Во время работы V археологического съезда были прочитаны рефераты и среди них — Байера, содержавший перечень и описание предметов, найденных в курганах около г. Петровска (Махачкалы)[11].

---

[7] Годовой отчет исправляющего должность секретаря Общества любителей Кавказской археологии Н. В. Аргунского-Долгорукова с 9 декабря 1873 по 1 января 1875 г.— ЗОЛКА, Тифлис, 1875, кн. 1, с. 185.

[8] Там же.

[9] *Черный И. Я.* Путешествие по Кавказу и Закавказскому краю. СПб., 1884; *Он же.* По ущельям Дагестана (Путевые заметки).— Еврейское образование, 1885, № 5, с. 157.

[10] *Комаров А. В.* Пещеры и древние могилы в Дагестане.— В кн.: Пятый археологический съезд в Тифлисе. Труды подготовительных комитетов. М., 1882, т. 1, с. 434—438.

[11] Рефераты и речи, упоминаемые в протоколах съезда.— В кн.: Труды пятого археологического съезда в Тифлисе, 1881 г./Под ред. графини Уваровой. М., 1887.

После V археологического съезда исследованием древностей в Дагестане занимались Е. И. Козубский [12] и Ф. А. Афанасьев [13], раскопавшие курган у г. Буйнакска. Дневниковые данные этих раскопок были опубликованы А. А. Захаровым, который датирует богатый инвентарь погребений III—VII вв.[14]

Плодотворными были исследования в Дагестане, проведенные А. Н. Греном по заданию Московского археологического общества. В своем отчете он, в частности, пишет: «В Хасавюртовском округе в местности между сел. Эндери (Андрейаул) и Хасавюртом целая масса остатков старины» [15]. Он дает описание одиночных курганов и целых групп, раскопанных им вдоль рек Акташа и Ярыксу, Эгиз-тюбе (Балтаяк-тюбе, Актю-тюбе и др.). Помимо курганов, А. Н. Грен отмечает и бытовые памятники, в том числе Андрейаульское городище, на котором он заложил небольшую разведочную траншею. На основании этих раскопок он приходит к выводу, что здесь находился древний хазарский Семендер, а районы Северного Дагестана были местом, где селились хазарские племена [16]. Раскопки А. Н. Грена явились собственно первой попыткой исследования хазарских древностей в Дагестане. Однако они, как и предыдущие исследования, произведены на низком методологическом уровне, без соответствующего анализа материалов, что исключает возможность их использования в разработке хазарской проблемы. В последующие годы путешественники и исследователи, посетившие Дагестан, оставили немало ценных сведений о его природе и истории. Однако археологические памятники, за исключением Дербента, выпадают из поля их зрения.

Коренной перелом в изучении края наступил только после Великой Октябрьской социалистической революции. Победа Октября открыла народам Дагестана широкие возможности для развития экономики, науки, культуры. Начавшийся процесс возрождения вызвал глубокий интерес и к памятникам старины.

В 1923 г. в Дагестане начала работу этнолого-лингвистическая экспедиция под руководством проф. Н. Ф. Яковлева, которая занималась здесь разнообразными изысканиями. Археологический отряд экспедиции под руководством А. С. Башкирова выявил в Приморском Дагестане ряд археологических памятников, в том числе остатки древних оборонительных стен в районе Тарков (у г. Махачкалы), протянувшихся от гор к морю. О существовании этих ныне полностью исчезнувших стен упоминали и путешественники, проезжавшие в XVII—XVIII вв. по При-

---

[12] *Козубский Е. И.* Исторические памятники Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.

[13] *Афанасьев Ф. А.* Доисторические могилы в окрестностях Темир-Хан-Шуры.— Газ. «Кавказ», 1899, № 231б.

[14] *Zakharov A. A.* Contributions to caucasian archaeology. A large barrow in Daghestan. ECA 5. Helsinki, 1930, p. 216.

[15] *Грен А. Н.* Отчет о летней командировке в Хасавюртовский округ Терской области. Древности.— Тр. МАО. М., 1907, т. XXI, вып. II. Протоколы заседаний МАО за 1904—1905 и 1905—1906 гг., с. 133.

[16] *Грен А. Н.* Отчет о командировке для раскопок и археологического исследования Хазарского каганата в Хасавюртовском округе Терской области.— Изв. археологической комиссии. СПб., 1905. Прибавление к вып. 16, с. 137.

морскому Дагестану[17]. А. С. Башкиров, исследовавший остатки этих стен, пишет, что «между городом Махачкала и аулом Тарки обнаружен ряд монументальных памятников, среди которых едва заметные фрагменты древних оборонительных стен, идущих от гор к морю (как в Дербенте). Площадь между ними почти сплошь представляет культурный слой. Грамотные люди из Тарков, указывая на эти фрагменты, говорят, что это остатки древнего Семендера»[18]. Работа А. С. Башкирова являлась фактически первым шагом по историко-культурному осмыслению памятников средневекового Дагестана в советский период.

В 1930-х годах в связи с предполагавшимися работами по сооружению Сулакского каскада ГЭС разведовательное обследование в бассейне р. Сулак предпринимал А. А. Иессен. В отчете о своих исследованиях он отмечал массивные оборонительные сооружения Андрейаульского городища раннесредневековой эпохи, а также остатки оборонительных стен в районе г. Махачкалы с множеством курганов, расположенных между стенами[19]. О направлении этих стен неоднократно говорили и местные историки[20].

На внушительный характер Андрейаульского городища и его оборонительных сооружений указывает, в частности, местный краевед М. Исаков, который в 50-х годах выявил и зафиксировал в Приморском Дагестане огромное количество самых разнообразных по времени памятников[21].

Целенаправленное и систематическое изучение археологических памятников Дагестана с охватом всех его областей было предпринято в 1936 г. Северокавказской экспедицией ГАИМК—ИИМК АН СССР под руководством А. П. Круглова и М. И. Артамонова.

М. И. Артамонов посвятил свои исследования главным образом средневековым памятникам Дагестана. Основным объектом его исследований стали оборонительные и архитектурные сооружения Дербента и его окрестностей. Характер и время сооружения этого монументального памятника впервые получают научное освещение[22]. Ряд памятников М. И. Артамонов обследовал и в предгорьях Дагестана. Примечательны среди них Верхнекаранаевский склеповый могильник и Буйнакское поселение[23], в отложениях которого представлены и слои хазарского времени.

---

[17] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом.— В кн.: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889, вып. 1, с. 404; *Лерх И. Я.* Из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 годы из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря. СПб., 1790 (Новые ежемесячные сочинения, ч. XVIII).

[18] *Башкиров А. С.* Изучение памятников старины.— ДС. Махачкала, 1927, т. III, с. 234—239.

[19] *Иессен А. А.* Работы на Сулаке.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 110, с. 33.

[20] *Малачиханов Б.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане.— УЗ ИИЯЛ, 1965, т. XIV Сер. ист., с. 175; *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, с. 36.

[21] *Исаков М. И.* Указ. соч., с. 36.

[22] *Артамонов М. И.* Древний Дербент.— СА, 1946, VIII, с. 121.

[23] *Артамонов М. И.* Отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции в Дагестане в 1937—1938 гг.— Архив ЛОИИМК, оп. 1, д. 41, с. 18—53.

Начатые до Великой Отечественной войны археологические исследования в Дагестане возобновились с 1947 г. Работы Северокавказской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством Е. И. Крупнова и К. Ф. Смирнова в 1947—1951 гг. затронули главным образом приморские районы Дагестана, где были выявлены и исследованы могильники эпохи бронзы и албано-сарматского времени. Наиболее значительным памятником хазарского времени, раскопанным в эти годы, является Агачкалинский могильник, о котором упоминает еще Е. И. Козубский [24]. Анализируя погребальный инвентарь из склепов Агачкалы, К. Ф. Смирнов фактически первым отметил, что материалы могильника имеют связь с хазарской культурой [25].

Плодотворные работы Северокавказской экспедиции в Дагестане значительно расширили круг наших представлений о средневековой и более ранней эпохе, выявили древность и самобытность представленных здесь археологических культур и, что особенно важно, способствовали созданию археологической базы для дальнейших исследований, а также формированию и росту местных кадров археологов.

С 1951 г. в Дагестане начинают самостоятельную работу археологические экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Исследования в северо-восточных районах Приморского Дагестана в 1952—1953 гг. производились археологическим отрядом под руководством М. И. Пикуль. В Кизилюртовском, Хасавюртовском, Бабаюртовском и Новолакском районах она осмотрела ранее известные и выявила ряд новых поселений: Герменчик, Тенг-кала, Бораул, Новонадеждинская и др. Вокруг них было зафиксировано большое количество курганов, уничтоженных в большинстве своем в процессе ирригационных и других строительных работ. В отчете М. И. Пикуль дает краткую характеристику не только этих памятников, но и Андрейаульского городища, на котором отмечает значительные пласты культурных остатков и естественную защищенность памятника [26].

Новый этап археологических исследований в Северо-Восточном Дагестане связан со строительством Чирюртовской ГЭС на Сулаке. С 1955 г. в районе строительства были начаты широкие разведки, в процессе которых выявлены многочисленные поселения и укрепленные городища хазарского времени, в том числе Сигитминское, Бавтугайское, Верхнечирюртовское, которые стали объектами раскопок нескольких отрядов. Исследования Сигитминского городища позволили выявить яркие керамические материалы, представленные обломками сероглиняной посуды, а также остатки жилых и хозяйственных построек из камня. С напольной стороны городище было укреплено остатками мощных кре-

---

[24] *Козубский Е. И.* Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902, вып. 1, с. 163.

[25] *Смирнов К. Ф.* Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана.— КСИИМК, 1951, вып. 38, с. 113—119; *Он же.* Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг.— КСИИМК, 1952, вып. 45, с. 91—96.

[26] *Пикуль М. И.* Отчет по археологическим работам 1951—1952 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 11; *Она же.* Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 19.

постных сооружений, возведенных из камня и глины[27]. Аналогичная керамика выявлена и в процессе раскопок Бавтугайского городища. Под отложениями городища толщиной до 3 м также сохранились остатки помещений, возведенных из необработанного камня и речных валунов[28]. На могильнике, расположенном рядом с городищем, исследованы катакомбные и подбойные захоронения, датируемые IV—IX вв.[29]

Наиболее значительные раскопочные работы велись в эти годы на обширном по своим размерам Верхнечирюртовском городище и могильнике, расположенных на берегу р. Сулак. Культурные отложения городища также достигают 3 м и насыщены общей для памятников этого региона сероглиняной керамикой, костями животных и другими бытовыми остатками[30]. Были предприняты попытки исследования и крепостных сооружений городища. В небольшом разрезе здесь прослежен наружный фасад оборонительной стены, возведенной из камня техникой панцирной кладки[31]. Большие работы одновременно проводились и на Верхнечирюртовском грунтовом могильнике, на котором исследовано более 100 могил с захоронениями в катакомбах, в подбоях и в грунтовых ямах[32]. В целом в течение 1955—1958 гг. усилиями нескольких археологических отрядов по обоим берегам Сулака исследован ряд крупных городищ и могильников, на которых выявлен обширный археологический материал, представленный в основной своей массе обломками сероглиняной керамики и другими бытовыми остатками. За пределами этого региона на Чиркейском плато в 1958—1959 гг. производились раскопки Узунталинского могильника. Погребальный инвентарь, выявленный в склепах могильника[33], также имеет много общего с культурой памятников Сулакского бассейна. Несколько ранее был исследован Акушинский могильник, с не характерными для горного Дагестана катакомбными захоронениями[34].

---

[27] *Канивец В. И., Березанская С. С., Костюченко И. П., Савчук А. П.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 16; *Бредэ К. А.* Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 35; *Он же.* Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на Нижне-Сигитминском поселении и городище.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 60; *Он же.* Новые поселения на Сулаке.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, с. 25—27.

[28] *Котович В. Г.* Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1956 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 2333; *Пикуль М. И.* Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 62; *Она же.* Отчет о работе III Бавтугайского отряда ДАЭ за 1958 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 8; *Путинцева Н. Д.* Отчет о работе II Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС в 1958 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 83.

[29] *Пикуль М. И.* Указ. отчет за 1958 г., с. 3.

[30] *Путинцева Н. Д.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1957 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 65.

[31] *Бредэ К. А.* Отчет об археологических разведках на берегах Сулака и доисследования Сигитминского нижнего поселения в 1958 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 82, с. 9.

[32] *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение).— МАД. Махачкала, 1961, т. II, с. 248.

[33] *Путинцева Н. Д.* Указ. отчет за 1958 г., с. 36; *Она же.* Отчет о полевых исследованиях 1-го Чиркейского отряда в 1959 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 97, с. 13.

[34] *Марковин В. И., Твердохлебов А. М.* Акушинский могильник.— КСИИМК, 1955, вып. 60, с. 150—154.

Наряду с раскопочными работами исследователями предпринимались и попытки интерпретации материалов, выявленных в основном на памятниках Сулакского бассейна. Так, К. А. Бредэ, исследовавший оборонительную стену у Верхнего Чирюрта, предполагает, что она сооружена в средневековье для прикрытия с севера государственной границы царства Серир [35].

Попытки обобщений накопившихся материалов с поселений Северо-Восточного Дагестана предпринимались также М. И. Пикуль. В своих исследованиях она основывалась главным образом на материалах, собранных в процессе разведок, и поэтому дала лишь классификацию выявленных памятников, которые не могли отражать всю полноту картины формирования памятников и развития представленных на них культур [36]. Обширные раскопочные работы, выполненные экспедицией под руководством М. И. Пикуль на Бавтугайском городище и могильнике, нашли отражение в ее обстоятельных отчетах [37]. К сожалению, богатые коллекции этих раскопок остались непроанализированными. Наиболее плодотворные исследования материалов с памятников Сулакского бассейна были предприняты Н. Д. Путинцевой. В сводной работе она дает характеристику основных типов инвентаря и бытовых остатков по отдельным их категориям и предлагает хронологические рамки Верхнечирюртовского грунтового могильника в пределах V—VIII вв.[38] Подчеркнув самобытный характер представленной здесь культуры, она вслед за В. И. Канивцом считает, что носителями верхнечирюртовской культуры и представленного здесь катакомбного обряда захоронения были местные племена, жившие рядом с пришлыми кочевниками [39].

Некоторые исследователи связывают Верхнечирюртовский грунтовый могильник с кочевыми савирскими племенами, засвидетельствованными здесь в древних письменных источниках [40]. Другие связывают грунтовые могилы с булгарами, а катакомбы — с аланскими племенами раннего средневековья [41]. Ярко выраженное локальное своеобразие погре-

---

[35] *Бредэ К. А.* Указ. отчет за 1958 г., с. 9—17.

[36] *Пикуль М. И.* Некоторые сведения о средневековых поселениях...

[37] *Пикуль М. И.* Указ. отчеты за 1957 и 1958 гг.

[38] *Путинцева Н. Д.* Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (по материалам раскопок в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС).— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 113а.

[39] *Путинцева Н. Д.* Северо-Восточный Дагестан..., с. 133; *Канивец В. И.* Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г.— УЗ ИИЯЛ, 1957, т. III, с. 157—164.

[40] *Костюченко И. П.* Предварительное сообщение о раскопках раннесредневекового Верхнечирюртовского могильника.— Материалы отчетной сессии ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР за 1956 г. Махачкала.— РФ ИИЯЛ, д. 2378, с. 72; *Кондукторова Т. С.* Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирюртовского могильника в Дагестане.— В кн.: Вопросы антропологии. М., 1967, вып. 25, с. 128; *Котович В. Г.* Об этнической принадлежности раннесреднековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана.— В кн.: Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докл. Махачкала, 1975, с. 97.

[41] *Ковалевская В. Б.* Древние булгары на Северном Кавказе.— В кн.: Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докл. Махачкала, 1975, с. 78; *Федоров Г. С.* Погребальные сооружения и обряды погребений Верхнечирюртовских могильников и их этническая интерпретация.— В кн.: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974, вып. 5, с. 204; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106, с. 34.

бального инвентаря могильника, не характерное для аланских памятников, В. А. Кузнецов, в частности, объяснял периферийным его расположением по отношению к Алании[42]. Возражая ему, В. Г. Котович и Н. Б. Шейхов рассматривали памятники Сулакского бассейна как один из локальных вариантов культуры местных племен. Причины значительной близости памятников этого региона с памятниками синхронных культур Северного Кавказа и юга Восточной Европы они объясняют влиянием «алано-хазарской» культуры на племена Северного Дагестана. Этот процесс связывается с тюркоязычными племенами савиров и барсилов, которые восприняли элементы местной культуры и вместе с ее носителями прошли через историю Хазарского каганата. И далее они отмечают, что «связь культуры Северного Дагестана с царством Джидан и его этносом представляется несомненной»[43].

Столь разноречивые предположения исследователей о характере культуры раннесредневековых памятников Сулакского бассейна являются следствием их неизученности. Попытки анализа обширных материалов памятников этого региона были предприняты лишь Н. Д. Путинцевой, которая отметила самобытный характер культуры Верхнечирюртовского могильника[44], хотя выявленные здесь катакомбные захоронения и чужды для народов Дагестана. В последующие годы обширные материалы с памятников Терско-Сулакского междуречья не вызывали к себе интереса со стороны исследователей и этническая принадлежность представленной на них культуры оставалась невыясненной.

В начале 60-х годов внимание дагестанских археологов привлекает к себе Урцекское городище, расположенное в предгорной долине к югу от сел. Уллубий-аул Ленинского района. Интерес к городищу был вызван его обширными размерами и незаурядным характером строительных и архитектурных остатков памятника, а также значительными размерами связанных с ним могильников. Стратиграфия его культурных и строительных напластований свидетельствует о существовании здесь крупного города не только в раннесредневековую эпоху, но и в албано-сарматское время, который возник на базе поселения скифского периода[45]. Мощность и значительная протяженность его оборонительных сооружений придает памятнику облик важного экономического и политического центра Дагестана раннесредневековой эпохи[46]. Городище примечательно и тем, что в его отложениях заключительного периода наряду с красноангобированной и белоангобированной керамикой представлена и характерная для памятников Сулакского бассейна сероглиняная керамика верхнечирюртовского типа[47], которая свидетельствует о взаимосвязи

---

[42] *Кузнецов В. А.* Указ. соч., с. 35.

[43] *Котович В. Г., Шейхов Н. Б.* Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (Итоги и проблемы).— УЗ ИИЯЛ, 1960, т. VIII, с. 358—363.

[44] *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник, с. 248.

[45] *Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Отчеты о работе приморского отряда ДАЭ в 1960—1964 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 104, 136, 163, 172, 191.

[46] *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 181.

[47] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970, с. 8.

культуры этих памятников в VII—VIII вв. К сожалению, несмотря на огромное значение городища для изучения истории местных и пришлых кочевых народов, богатые материалы этого уникального памятника до сего времени не введены в научный оборот.

В течение 1964—1965 гг. в Приморском Дагестане проводились маршрутные разведки, позволившие выявить многочисленную группу памятников, представленных крупными городищами, поселениями и крепостями. Городища (Капчугайское, Таркинское, Кака-Шуринское, Гуржиюртовское, Гентурунское, Таргу, Чакавуркентское, Эскиюртовское и др.)[48], нередко укрепленные внушительной системой оборонительных сооружений, расположены в предгорных долинах, сливающихся с приморской полосой, занимая наиболее естественно защищенные участки. К ним тяготеют мелкие поселения и сторожевые крепости, расположенные на господствующих вершинах хребтов. В культурных отложениях этих памятников представлена керамика не только красноглиняная, но и верхнечирюртовского типа, свидетельствуя о распространении этой культуры за пределы Терско-Сулакского междуречья в VII—VIII вв.

В последующие годы практика раскопок крупных бытовых памятников была продолжена. Большой школой в этом плане являлись раскопки Урцекского городища: через нее прошли все археологи Дагестана.

В 1967 г. были начаты стационарные раскопки обширного Андрейаульского городища, не раз привлекавшего внимание исследователей. Были прослежены особенности планировки городища и его составных частей, конструктивные своеобразия оборонительных сооружений, выявлены обширные археологические материалы[49]. У городища был раскопан также целый комплекс гончарных печей, проливший свет на специфику представленной здесь культуры[50]. Однако уже в 1968 г. успешно начатые раскопки на городище были прекращены в связи с безвременной кончиной руководителя экспедиции Д. М. Атаева. Обширные материалы с памятника нашли отражение в специальной статье, в которой впервые предпринята попытка интерпретации представленной здесь культуры[51].

В 1966—1967 гг. археологические исследования предпринимались также в нижнем течении р. Сулак. В частности, Г. С. Федоровым были начаты раскопки небольшого поселения Чопалав-тепе, культурные отложения которого насыщены характерной сероглиняной керамикой, костями животных и другими бытовыми остатками. Анализируя материалы с поселения и с других аналогичных памятников Дагестана, Г. С. Федоров не исключал возможную связь памятников Терско-Сулакского междуречья с хазарами. По его мнению, материалы верхнего слоя исследованного поселения связаны с хазарским вариантом салтово-маяцкой куль-

---

[48] *Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Указ. отчет за 1964 г., д. 191.

[49] *Атаев Д. М., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Раскопки Андрейаульского городища.— АО 1967 г. М., 1968, с. 33.

[50] *Маммаев М. М.* Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане.— УЗ ИИЯЛ, 1970, т. XX. Сер. общ. наук, с. 333.

[51] *Атаев Д. М., Магомедов М. Г.* Андрейаульское городище.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 121.

туры. Погребальный инвентарь Верхнечирюртовских могильников, по мнению автора, также дает возможность считать, что основной этнический состав населения присулакских районов в послегуннское время состоял из алано-болгарских племен, в числе которых, возможно, были и собственно хазары[52]. В своих работах Я. А. Федоров приходит к противоположному выводу. Он отмечает, что хазары не оставили в Дагестане следов своего существования[53]. Наиболее четко свои взгляды о культурном наследии хазар в Дагестане Я. А. Федоров и Г. С. Федоров изложили в совместной монографии по этнической истории народов Северного Кавказа. Отдельная глава работы, написанной на основании письменных сведений с привлечением и археологических материалов памятников Прикаспия, посвящена хазарам в Дагестане. Они пишут, что «хазары не оставили ни следов своей собственной культуры, ни этнического наследства: они растворились в новой волне кочевников, хлынувшей в Европу»[54].

В целом исследование Я. А. Федорова и Г. С. Федорова является повторением старых негативных концепций, существующих по хазарской проблеме в исторической науке. Их выводы находятся в явном противоречии с обширными археологическими материалами, раскопанными на памятниках хазарского времени в Дагестане.

В 1966—1967 гг. раскопки на городище Хазар-кала у с. Новокули Новолакского района в Дагестане проводила экспедиция ЛГУ под руководством А. В. Гадло. Исследованиями установлена двухчастная структура городища и сложная стратиграфия его значительных по толщине культурных отложений, насыщенных сероглиняной керамикой.

В статье, посвященной итогам исследования городища, А. В. Гадло дает краткую характеристику археологических коллекций по всем трем этапам его бытования и предполагает, что культура хазарского периода городища появляется в Северном Дагестане в готовой форме извне. В своей монографии по этнической истории Северного Кавказа IV—X вв., написанной на основе письменных источников, он вновь возвращается к этому вопросу и отмечает, что культура памятников Терско-Сулакского района не может рассматриваться как собственно хазарская культура. Терско-Сулакская низменность и предгорья для хазар были по мнению А. В. Гадло такой же периферией, как и территория Алании, Западного Предкавказья, Крыма и Подонья. И в итоге он приходит к выводу, что обнаружить археологические памятники коренной Хазарии до сих пор не удалось[55]. Подобные суждения А. В. Гадло являются следствием явной недооценки обширных археологических материалов, исследованных на памятниках Приморского Дагестана. Его выводы противоречат и данным письменных источников, анализ которых далеко

---

[52] *Федоров Г. С.* Раскопки в Северном Дагестане.— АО 1967 г. М., 1968, с. 92; *Он же.* Погребальные сооружения и обряды..., с. 224.

[53] *Федоров Я. А.* Хазария и Дагестан.— В кн.: Кавказский этнографический сборник. М., 1972, V, с. 39.

[54] *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978, с. 215.

[55] *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 140; *Он же.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979, с. 202—203.

не достаточен для выяснения происхождения материальной культуры каганата.

В начале 60-х годов поиски археологических следов хазар в приморских районах Дагестана предпринял Л. Н. Гумилев. Он осмотрел, в частности, известное Шелковское городище и сопоставил его остатки с хазарским Семендером[56]. Привлекло внимание Л. Н. Гумилева и Некрасовское городище, остатки которого он относит к сарматскому времени[57]. Безрезультатные поиски хазарских памятников в Дагестане нашли отражение в ряде статей и в монографии Л. Н. Гумилева, в которых причины отсутствия следов хазар в Приморском Дагестане он пытается объяснить колебаниями уровня Каспийского моря. Он пишет, что на Хазарию «неуклонно наступала вода морская. Она медленно заливала плоский берег — «Прикаспийские Нидерланды»,— губила посевы и сады, нагонами разрушала деревни. К середине X в. уже две трети хазарской территории оказались под водой»[58].

В целом, несмотря на большое количество памятников, выявленных в прикаспийских районах на протяжении почти 20 лет, а также обширные археологические материалы, добытые на них в процессе разведок и стационарных раскопок, хазарская проблема не только не получила своего разрешения, но и не стала предметом специального изучения в Дагестане. Исследователи выдвигали лишь различные предположения о происхождении яркой археологической культуры, представленной на памятниках этого региона, без соответствующего анализа материалов. Поэтому хазары, засвидетельствованные здесь в письменных источниках, продолжали оставаться загадочными, поскольку не были определены непосредственно связанные с ними археологические памятники.

Картина стала проясняться с 1969 г. с началом целенаправленного изучения памятников Сулакского бассейна. Предшествовавшая попытка сопоставлений сведений древних письменных источников с топографией и археологическими материалами Верхнечирюртовского городища и могильников позволила связать его остатки с древней столицей Хазарии г. Беленджером и соответственно культуру верхнечирюртовского типа — с культурой раннехазарского каганата[59]. Наметившиеся перспективы изучения культуры памятников верхнечирюртовского типа и явились причиной постановки хазарской проблемы для самостоятельного исследования в планах Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР начиная с 1970 г. С этого времени была организована Верхнечирюртовская археологическая экспедиция и возобновлены археологические раскопки памятников Терско-Сулакского междуречья. Работы экспедиции начинались с раскопок в крепости Тенг-кала и на Некрасовском городище, расположенных в низовьях Сулака и Терека. Их исследования

---

[56] *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 1966, с. 166; *Он же.* Где же тогда Семендер?— История СССР, 1969, № 3, с. 242.

[57] *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии, с. 163.

[58] *Алексин А., Гумилев Л. Н.* Хазарская Атлантида.— Азия и Африка, 1962, № 2; *Гумилев Л. Н.* Хазария и Терек.— Вестн. ЛГУ, 1964, вып. 4, с. 81; *Он же.* Открытие Хазарии, с. 92.

[59] *Магомедов М. Г.* Верхнечирюртовское городище.— УЗ ИИЯЛ, 1969, т. XIX. Сер. ист., с. 167.

позволили выявить почти 3-метровой толщины культурные отложения, насыщенные характерной для памятников этого региона сероглиняной керамикой. Массивные остатки оборонительных сооружений, исследованных вокруг них, возведены из глинобита и сырцовых кирпичей[60].

В следующем году были возобновлены раскопки оборонительных сооружений Верхнечирюртовского городища, которые позволили на значительном отрезке проследить остатки массивных оборонительных стен и целую систему башен, защищавших город с приморской стороны[61].

Параллельно проводились раскопки и на разрушавшемся обширном Верхнечирюртовском курганном могильнике. Здесь раскопано более 50 подкурганных катакомб, в которых выявлен яркий и разнообразный по характеру погребальный инвентарь, проливающий свет на культуру и этно-социальный состав обитателей Верхнечирюртовского городища. В пределах могильника были исследованы также остатки двух церквей, свидетельствующих о проникновении христианства в приморские районы Дагестана в хазарскую эпоху.

Продолжались раскопки и на самом городище. Здесь изучалась стратиграфия отложений и выяснялась специфика всей представленной культуры и характер хозяйственно-бытовых сооружений[62].

Раскопки производились также на вновь выявленном грунтовом могильнике, расположенном на речных террасах к югу от городища. Здесь исследовано до 50 погребений с захоронениями в катакомбах и реже — в подбойных ямах.

С 1975 г. были возобновлены и исследования Андрейаульского городища на Акташе. Хорошая сохранность памятника и непотревоженность его культурных напластований, достигающих 4 м толщины, а также наличие отложений не только хазарского времени, но и предшествующих периодов, позволили проникнуть к истокам культуры сероглиняной керамики, распространившейся как в Дагестане, так и далеко за его пределами[63].

Раскопками на могильнике, простирающемся к западу от городища, выявлены погребения трех групп населения, имеющих социальные различия[64]. Среди них представляют значительный интерес катакомбные погребальные сооружения хазарского времени[65].

Наряду со стационарными раскопками на крупных городищах в Приморском Дагестане продолжались поиски новых памятников с общей для памятников этого региона культурой и путем небольших разведочных раскопок прослеживалась их стратиграфия и характер быто-

---

[60] *Магомедов М. Г.* Отчет о работе Северного отряда ДАЭ в 1969 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 1747.

[61] *Магомедов М. Г.* Отчеты о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции за 1970—1973 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 288, 334, 336, 346.

[62] *Магомедов М. Г.* Указ. отчет за 1973 г.

[63] *Магомедов М. Г.* Происхождение раннесредневековой культуры Терско-Сулакского междуречья.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг.: Тезисы докл. Махачкала, 1978.

[64] *Магомедов М. Г., Абрамова М. П., Гмыря Л. Б.* Исследования Андрейаульского городища.— АО 1976 г. М., 1977.

[65] *Магомедов М. Г.* Раскопки Андрейаульского городища.— АО 1979 г. М., 1980.

вых и крепостных сооружений. Разведочными раскопками были охвачены такие памятники, как Герменчикская крепость, Шелковское, Таркинское и другие городища. На этих памятниках уточнялся характер представленной на них культуры, толщина отложений, специфика бытовых построек, а также особенности их защитных сооружений.

Наряду с археологическими исследованиями на памятниках Терско-Сулакского междуречья проводились и широкие палеогеографические изыскания. В процессе почвенных и палеоэтноботанических анализов, а также начатых с 1978 г. исследований остатков древних оросительных каналов получены важные материалы о формах хозяйственной деятельности населения Приморского Дагестана в хазарскую эпоху [66].

В целом последний этап целенаправленных исследований археологических древностей в Дагестане является наиболее плодотворным как по количеству обследованных памятников, так и по результатам предпринятых обобщений материалов [67], позволивших наметить не только общие контуры, но и дальнейшие направления поисков для решения хазарской проблемы. К настоящему времени в результате исследований 1955—1979 гг. в Прикаспийском Дагестане известно большое число бытовых памятников и могильников хазарского времени, на которых представлена общая культура. Обширные материалы, полученные при раскопках на наиболее значительных памятниках этого района, и являются качественно новыми источниками, которые дают возможность разобраться во многих спорных вопросах истории хазар.

Наряду с археологическими материалами важными источниками по хазарской проблеме продолжают оставаться и сведения древних письменных источников. Они, взаимно корректируя друг друга, не только позволяют выяснить степень достоверности каждой группы источников, но и в совокупности проливают более яркий свет на исследуемые вопросы. Моя задача обзора письменных источников облегчается тем обстоятельством, что историография хазар располагает замечательными переводами и исследованиями источников, принадлежащих перу Н. А. Караулова, П. К. Коковцова, Н. В. Пигулевской, И. Маркварта, В. Ф. Минорского, Б. Н. Заходера, Ф. Вестберга, М. И. Артамонова и др. [68] Благодаря их трудам мы имеем возможность пользоваться обширными и разноязычными источниками по истории хазар. Поэтому

---

[66] *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977, с. 75.

[67] *Магомедов М. Г.* Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 2, с. 200; *Он же.* Древние политические центры Хазарии.— СА, 1975, № 3, с. 63; *Он же.* Верхнечирюртовский курганный могильник.— В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 5; *Он же.* Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта.— СА, 1979, № 3, с. 186; и др.

[68] СМОМПК. Тифлис, 1901, вып. XXIX, 1902, вып. XXXI; 1903, вып. XXXII; 1908, вып. XXXVIII; *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932; *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941; *Marquart S.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzuge. Leipzig, 1930; *Kazem-Beg M. A.* Derbend-Hameh, of the History of Derbend.— In: Memoires l'Academie imp. Sciences de St. Petersbourg, 1851, t. VI; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X—XI вв. М., 1963; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений в Восточной Европе. М., 1962; *Артамонов М. И.* История хазар, с. 1—38; *Вестберг Ф. К.* К анализу восточных источников о Восточной Европе.— ЖМНП, 1908, XIII, XIV (февраль, март); и др.

характеристика письменных источников дается в работе в самых общих чертах. Мы остановимся на обзоре главным образом тех источников, в которых отражены сведения о хазарах в Прикаспийском Дагестане.

Из источников по истории хазар заслуживает особого внимания переписка испанского сановника еврея Хасдая ибн Шафрута и хазарского царя. Ответное послание хазарского царя Иосифа на запрос Хасдая ибн Шафрута является «...единственным дошедшим до нас официальным и достоверным документом хазарского происхождения», имеющим большое историческое значение[69]. В переписке содержится ряд ценных сведений о происхождении хазар, социальных отношениях, экономике, религии и по другим вопросам истории каганата[70].

Ценные сообщения по ранней истории хазар содержатся в сирийских[71] и особенно византийских источниках. Византийская империя долгое время находилась в союзе с Хазарским каганатом; она опиралась на него в своей борьбе сначала с Сасанидским Ираном, а затем с гораздо более опасными врагами — арабами[72]. О территориальном соседстве и тесных династических связях между двумя государствами могут служить свидетельства византийских авторов о внутренних событиях и внешней политике Хазарского каганата, особенно в VII—VIII вв. Интересные данные об эпохе великого переселения народов содержатся в трудах Аммиана Марцеллина, непосредственно принимавшего участие в составе римской армии в восточных походах. В своих обстоятельных трудах он описывает специфику быта и военные походы кочевых народов[73], из которых вышли хазары. Некоторые сведения о взаимоотношениях печенегов и хазар встречаются в истории Константина Багрянородного[74], бывшего византийского императора, много времени посвятившего собиранию исторических материалов. Представляет особый интерес летопись Феофана, в которой содержатся сведения о древней родине хазар[75].

Наиболее подробные известия о хазарах можно найти в трудах закавказских историков. Народы Албании, Армении и Грузии неоднократно подвергались нашествию хазар и становились данниками каганата. Переплетение истории хазар с историей стран Закавказья VII—VIII вв. и находит отражение в обширных сведениях историков этих стран о внешнеполитических акциях каганата. Наиболее популярным историком Армении был Моисей Хоренский. В его «Истории Армении» и приписываемой ему «Армянской географии» содержатся наиболее ранние упоминания о хазарах, а также важные сообщения о военно-политической обстановке, сложившейся в Закавказье с началом хазарских втор-

---

69 См.: *Артамонов М. И.* История хазар, с. 8—12.
70 *Коковцов П. К.* Указ. соч., с. 9 и сл.
71 *Пигулевская Н. В.* Указ. соч., с. 109—148.
72 *Артамонов М. И.* История хазар, с. 13.
73 *Аммиан Марцеллин.* История/Пер. с лат. Ю. Кулаковского. Киев, 1908, вып. III, с. 236—243.
74 *Константин Багрянородный.* Об управлении государством; царя Константина Багрянородного о фемах Запада, т. е. Европы; царя Константина, изложение царского чина.— ИГАИМК, 1934, вып. 91, с. 15—18.
75 Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта/Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского.— Чтения в обществе истории и древностей Российских. М., 1884—1887, кн. 1, с. 263.

жений[76]. Интересные сообщения о хазарах имеются и в «Новом списке географии», автором которого считается писатель VII в. Ананий Ширакаци[77].

Первоклассным источником по истории хазар является «История албан» Моисея Каганкатваци. Он, будучи уроженцем области Ути Кавказской Албании, был очевидцем описываемых событий. Поэтому работа его содержит большое количество живых и детальных описаний быта и религиозных представлений родственных хазарам гуннов. В работе Моисея Каганкатваци встречаются наиболее полные сведения о царстве гуннов в Дагестане, а также о разрушительных вторжениях хазар в страны Закавказья[78].

Из грузинских источников представляет интерес хроника «Жизнь картлинских царей» (Картлис цховреба), приписываемая историку XI в. Леонти Мровели. Отдельный раздел хроники, в котором использованы сведения не дошедших до нас источников, посвящен нашествию хазар, где описываются пути проникновения и последствия хазарских завоеваний в Закавказье[79].

Среди источников по истории хазар важное место по количеству и по полноте сведений принадлежит арабоязычным источникам IX—X вв. — периода наибольшего расцвета арабской историко-географической литературы[80].

Ожесточенные продолжительные войны между арабами и хазарами за владычество над Восточным Кавказом сменялись периодами мирных отношений и тесных контактов. Сложный характер этих взаимоотношений и отразился в арабоязычной литературе о хазарах.

«Первым автором, от которого дошло до нас географическое сочинение описательного типа», был Ибн Хордадбех (ок. 820—ок. 912)[81]. Он служил начальником дивана, почты и государственного осведомления в персидской провинции Джибал и в связи с этим имел доступ к богатым материалам и официальным сведениям о дорожной сети стран Переднего Востока, Ирана, Кавказа, Средней Азии, о налогах, административном устройстве, отдельных городах. Поэтому в его «Книге путей и царств» содержатся точные топографические и исторические сведения о Семендере и путях, проходивших по территории Дагестана[82].

Среди авторов арабских историко-географических трактатов выделяется аль-Белазури (ум. в 982 г.). В «Книге завоевания стран», посвященной арабским завоеваниям от Мухаммеда до IX в., он в специальном разделе освещает и арабо-хазарские войны[83].

---

76 *Моисей Хоренский.* История Армении/Пер. Н. О. Эмина. М., 1893, с. 134—157.

77 *Патканов К. П.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому.— ЖМНП, 1883, март, с. 26—30.

78 *Моисей Каганкатваци.* История агван/Пер. с арм. К. Патканян. СПб., 1861, с. 105.

79 *Леонти Мровели.* Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана/Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г. В. Цулая. М., 1979, с. 25—27.

80 *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1957, т. IV, с. 147.

81 Там же, с. 147—150.

82 *Ибн-Хордадбэ.* Книга путей и царств/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, вып. XXXII, 1903, с. 6.

83 *Ал-Баладзори.* Книга завоевания стран/Пер. П. К. Жузе.— В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927, с. 6—22.

Наряду с аль-Белазури много интересных сведений по политической истории средневекового Дагестана дает знаменитый историк и географ Якуби (ум. ок. 897 г.). В его «Истории» имеются ценные сведения и о хазарах[84]. Немногочисленные, но заслуживающие внимания сообщения о хазарах содержатся в географическом сочинении Ибн аль-Факиха аль-Хамадани — «Книге стран». Интересны два раздела сочинения — «Рассказы об Азербайджане» и «Рассказы об Армении», где встречаются известия о строительной деятельности Сасанидов, направленной против хазар, об арабских походах и о проникновении христианства в Приморский Дагестан[85].

Оригинальные сведения о городах, религии и хозяйственной деятельности населения Хазарского каганата можно найти в астрономическом и географическом трактате Ибн Руста под названием «Книга драгоценных камней». Отдельный раздел сочинения посвящен Хазарскому морю[86].

Географическое описание различных стран, в том числе и Дагестана, а также укреплений и городов в стране хазар содержится в сочинении аль-Истахри под названием «Книга путей царств»[87]. Переработанный и значительно измененный вариант сочинения Истахри под названием «Книга путей и царств», в котором содержится ряд новых сведений о хазарах, подготовил Ибн Хаукаль[88].

Исключительно ценные сведения о хазарах оставил арабский путешественник, географ и историк аль-Масуди (ум. в 956 г.). В его сочинениях «Книга сообщений и знаний» и «Луга золота и рудники драгоценных камней» имеются интересные сведения по исторической географии и о религиозных воззрениях в Хазарии. Оригинальные данные встречаются в сочинениях Масуди о хозяйственной деятельности, а также об организации войск Хазарского каганата[89].

Детальные сведения о хозяйственной деятельности населения Хазарского каганата и исторической географии страны встречаются в сочинении аль-Мукаддаси «Наилучшее распределение для познания стран»[90]. Его работа также является классическим произведением арабской географической науки и отличается точностью информации.

---

[84] *Якуби.* История. Пер. П. К. Жузе.— В кн.: Материалы по истории Азербайджана, Баку, 1927, вып. IV, с. 2—21.

[85] *Ибн ал-Факих.* Книга о странах/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1902, вып. XXXI, с. 5—41.

[86] *Ибн-Русте.* Книга драгоценных камней/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1903, вып. XXXII, с. 37—51.

[87] *Ал-Истархи.* Книга путей и царств/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1901, вып. XXIX, с. 3—73.

[88] *Ибн-Хаукаль.* Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 81—129; *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1871, с. 218—222.

[89] *Ал-Масуди.* Книга сообщений и знаний/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 31—37; *Он же.* Луга золота и рудники драгоценных камней/ /Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 37—78; *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 125—141.

[90] *Ал-Мукаддаси.* Лучшее из делеций для познания стран/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 3; *Гаркави А. Я.* Указ. соч., с. 281—283.

Видное место в арабской исторической литературе занимает ат-Табари (858—923). Его многолетний труд «История пророков и царей» начинается от сотворения мира и охватывает историю многих народов, известных арабам. Значение ат-Табари для изучения истории Хазарского каганата огромно прежде всего и потому, что он использовал не дошедшие до нас работы своих предшественников [91], непосредственных участников арабских походов на Кавказе [92].

Среди авторов, в сочинениях которых встречаются ценные сведения о хазарах, можно назвать географический трактат «Худуд ал'алем», или «Аноним Туманского» [93], а также произведение Ибн Фадлана. Последний в докладной записке о посольстве к болгарам в 922 г., составленной для Халифа Муктадира, сообщает ценные сведения не только о болгарах, но и о хазарах [94].

Арабский историк Ибн аль-Асир (1160—1234), автор «Полного свода истории», выступает продолжателем Табари. В своей работе он почти полностью использовал сведения Табари [95]. Однако в его сочинении имеются сведения, не отразившиеся в истории Табари, поэтому оно имеет значение первоисточника [96]. Текст Ибн аль-Асира выгодно отличается от текстов других авторов и наличием строгих хронологических рамок [97].

Видное место среди арабских историков и географов занимает знаменитый энциклопедист Якут ар-Руми (ок. 1179—1229). В своем многолетнем «Словаре» он объединил обширные сведения, накопленные арабской литературой за шесть веков [98]. В сочинении Якута помещен ряд статей, посвященных Прикаспийскому Дагестану и хазарским городам [99].

Интересные сведения о хазарах встречаются также в местных исторических хрониках. Особое место среди них занимает «Дербенд наме» — «История Дербента», которая является компиляцией арабских исторических и географических сочинений [100]. Помимо известных из арабских сочинений сведений, автор «Дербенд наме» сообщает много новых данных, в частности о крепостном строительстве в Прикаспийском Дагестане, о хазаро-сасанидских взаимоотношениях и арабо-хазарских войнах [101].

И, наконец, следует отметить сочинение Аббас-Кули-Ага Бакиханова «Гюлистан — Иран». Ссылаясь на материалы арабских географов и ис-

---

91 *Tabari.* Annales quos scriptit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Cum aliis ed. M. J. de Goeje. Lugd-Bat, 1879—1898.

92 *Зия Буниятов.* Азербайджан в VII—XI вв. Баку, 1965, с. 15.

93 *Худуд ал-алем.* Рукописи А. Туманского/С введ. и указ. В. Бартольда. Л., 1930, с. 3—45.

94 Путешествие Ибн Фадлана на Волгу/Пер. и коммент. под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939, с. 83—87.

95 Тарих-ал-Камиль, Ибн ал-Асира/Пер. П. К. Жузе.— В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940, с. 4—25.

96 *Артамонов М. И.* История хазар, с. 23.

97 *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969, с. 9.

98 *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения, с. 230—254.

99 *Якут.* Географический словарь, т. III.— РФ ИИЯЛ, д. 59.

100 *Бартольд В. В.* К вопросу о происхождении Дербенд-наме.— Соч. М., 1973, т. VIII. с. 469—480.

101 Тарихи Дербенд-наме/Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.

ториков, он дает ценный перечень укрепленных ущелий (абвабов) Приморского Дагестана[102], строительство которых относится к хазарскому времени.

Значительный вклад в изучение раннесредневековой истории Дагестана и хазарской проблемы внесли Л. И. Лавров, Р. М. Магомедов, А. Р. Шихсаидов, С. Ш. Гаджиева, Б. Г. Малачиханов, М. М. Ихилов, Н. Б. Шейхов и др. В их трудах получили освещение и некоторые вопросы политической истории, социальных отношений, идеологических представлений, культуры и исторической географии Хазарии. Достигнутые успехи в развитии исторической науки края нашли отражение в опубликованном в 1967 г. 1-м томе «Истории Дагестана». В разделе, посвященном образованию Хазарского каганата, предпринята попытка воссоздать процесс зарождения этого государственного образования на основе упомянутых письменных источников. Однако яркие археологические материалы, раскопанные на памятниках Приморского Дагестана, оказались вне поля зрения исследователей, что в значительной мере обеднило содержание упомянутого раздела.

В заключение нашего краткого источниковедческого обзора отметим, что, несмотря на скудость и компелятивный характер письменных источников, они дают возможность наметить общие контуры исторического развития Прикаспийского Дагестана в хазарскую эпоху. Ценные сведения по исторической географии края, содержащиеся в источниках, являются в некоторых случаях единственными данными, позволяющими уточнить местоположение древних центров Хазарии, проливая свет на исторические условия их образования и последующих перемещений. Однако наиболее плодотворное решение этих и многих других вопросов, связанных с историей хазар, возможно лишь путем сопоставлений сведений письменных источников с археологическими материалами. Если еще до недавнего времени археологические материалы служили эффективным оформлением при исследовании хазарской проблемы, полностью базировавшейся на данных письменных источников, то теперь соотношения между этими двумя группами источников качественно изменились. Информация письменных источников, удачно накладывающаяся на обширные археологические материалы, становится не только богаче, но и получает совершенно иное звучание. Они, взаимно восполняя и корректируя друг друга, наиболее полно отражают сложные процессы образования Хазарского каганата.

---

[102] *Бакиханов Аббас-Кули-Ага.* Гюлистан — Иран. Баку, 1926, с. 33. (Тр. о-ва обследования и изучения Азербайджана, вып. 4).

Глава первая

ПОСЕЛЕНИЯ

Дагестан является страной исключительного разнообразия рельефа и резких природных контрастов. Он расположен на северо-восточных склонах Большого Кавказа и в Прикаспийской низменности. Высокие горные системы с отдельными вершинами, поднимающимися выше 4000 м над уровнем моря и увенчанными шапками вечных снегов и льдов, сменяются обширными низменностями, находящимися ниже уровня мирового океана. По характеру рельефа Дагестан подразделяется на четыре части: 1) низменности, 2) полоса предгорий, 3) горный Дагестан и 4) высокогорный Дагестан.

Прикаспийская низменность состоит из обширного Терско-Сулакского междуречья на севере страны и узкой полосы вдоль берега моря на юге. Терско-Сулакское междуречье представляет собой слегка наклонную к морю степную поверхность, сложенную мощной толщей аллювиальных отложений рек Терека, Аксая, Ярыксу, Акташа, Сулака, Шура-озени и др. С запада прикаспийской низменности тянется полоса предгорий шириной от 20 до 50 км, изрезанная обширными речными долинами.

Приморская полоса, протянувшаяся на 160 км от г. Махачкалы до р. Самур, достигает 25—30 км ширины. На некоторых участках (у г. Махачкалы, мыса Буйнак и г. Дербента) предгорья близко подходят к морю и приморская полоса сужается до 2—3 км[1].

В силу своего географического положения Дагестан с древнейших времен служил связующим звеном между Юго-Восточной Европой и странами Закавказья и Древнего Востока. Постоянная борьба за овладение торговым путем по берегу Каспийского моря и его сохранение имела зачастую решающее значение в исторических судьбах населяющих его народов, особенно в эпоху великого переселения народов.

В середине IV в. на Восточную Европу, сокрушая все на своем пути, обрушились гунны. А уже в конце IV в. они вторглись в прикаспийские степи, сломив сопротивление кочевавших здесь алан, «...многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе»[2]. С этого времени опустошительные походы кочевников в страны Закавказья и Переднего Востока продолжались с возрастающим напором[3]. На всем протяжении V—VI вв. прикаспийские степи служили основной дорогой кочевников в их походах в страны Закавказья или ареной беспрерывных столк-

---

[1] *Гюль К. К., Власова С. В., Кисин И. М., Тертеров А. А.* Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959, с. 22—31.

[2] *Аммиан Марцеллин.* История/Пер. Ю. Кулаковского. Киев, 1906—1908, XXXI, *3*, 2.

[3] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 53; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, X—XI вв. М., 1963, с. 37.

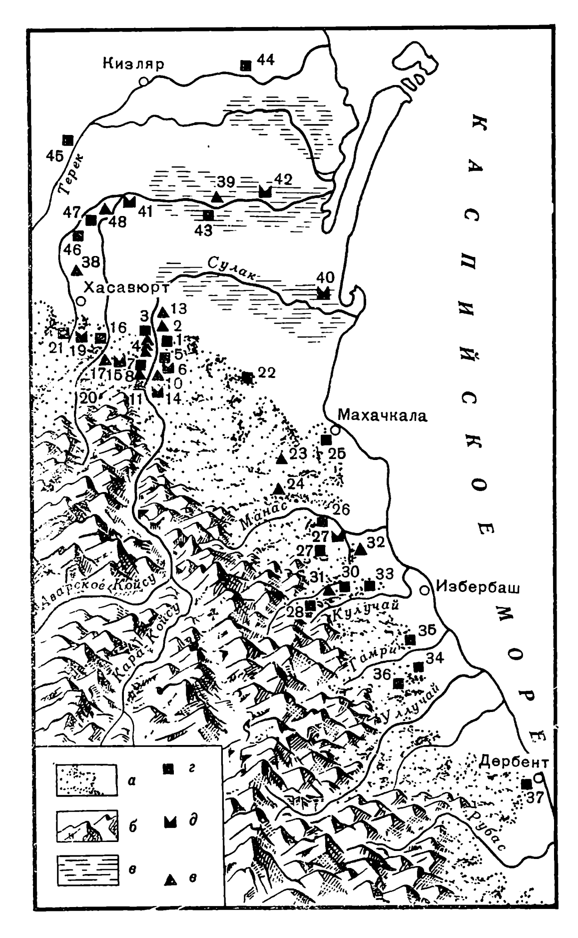

Рис. 1. Бытовые памятники Прикаспийского Дагестана VI—IX вв.

а — предгорья; *б* — горы; *в* —болота; *г* —городище; *д* — крепость; *е* — поселение

1, 2 — Верхнечирюртовские; *3, 4* — Бавтугайские; *5, 6* — Сигитминские; *7* — Исти-Су; *8* — на поле Муса-шейха; *9* — на Черном поле; *10* — Правобережное; *11* — Тлар; *12* — Миатлинское; *13* — Кизилюртовское; *14* — Хадумская; *15* — Туе-гирган; *16 — 18* — Андрейаульские; *19* — Аркабаш; *20* — Калининаульское; *21* — Новокулинское; *22* —Капчугайское; *23* — Буйнакское; *24* — Верхнеджентутайское; *25* — Таркинское; *26* — Гентурун; *27* — Инглис-тюбе; *28* — Кака-Махинское; *29* — Кака-Шуринское; *30* — Губденское; *31* —Халагорское; *32* —Ачи-Су; *33*—Урцекское; *34* — Чакавуркент; *35* — Эски-юрт; *36* — Таргунское; *37* — Дербентское; *38* —Османюртовское; *39* —Чупалав-тепе; *40* —Тенгкала; *41* — Герменчикская; *42* — Бораульская; *43* — Новонадеждинская; *44* — Некрасовская; *45* — Шелковская; *46* — Нурадиловское; *47, 48* — Бараганчинские

новений между разрозненными и неустойчивыми объединениями кочевников и местных народов.

Ожесточенные столкновения и размежевания между пришлыми кочевниками и оседло-земледельческими народами сменялись в последующие периоды стабилизацией обстановки и качественно новыми их взаимоотношениями. Завладев степными просторами Северного Кавказа вплоть до Дербента, кочевники создают здесь обширные военно-политические союзы, возникновение которых было обусловлено внутренними и внешнеполитическими факторами. Самое значительное объединение кочевников в степях Предкавказья было создано в VI в. савирами [4]. Несколько позже к северу от Дербента, по свидетельству армянских источников, возникло «царство гуннов» со столицей под названием Варачан[5].

В середине VII в. на просторах Прикаспия, судя по многочисленным сведениям письменных источников, сложилось хазарское государство,

[4] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 78.
[5] Там же, с. 183.

объединившее различные по социальному развитию и пестрые по этническому составу племена и народы[6]. Источники не только определенно помещают хазар к северу от Дербента, но и указывают на существование в их стране обширных городов и многочисленных поселений. Однако в археологическом плане эти сведения не имели до сих пор подтверждения. Поэтому мы остановимся на кратком обзоре памятников, исследованных в Прикаспийском Дагестане в основном за последние годы. Всего здесь выявлено свыше 60 в большинстве своем бытовых памятников (рис. 1) хазарского времени, на которых распространена общая сероглиняная керамика[7]. Она резко отличается от красноглиняной и белоангобированной керамики, характерной для памятников остальной территории Дагестана этого времени. Поэтому культура Прикаспийского Дагестана хазарского времени условно названа нами «культурой сероглиняной керамики», характеристика которой дается ниже.

Все исследованные здесь памятники, несмотря на существенные различия места их расположения, тяготеют, как правило, к берегам рек или находятся на берегах стариц, а в отдельных случаях — у древних оросительных каналов. Это объясняется спецификой хозяйства их обитателей, нуждавшегося в пресной воде. Приречное расположение поселений давало возможность для занятий земледелием, особенно орошаемым, являвшимся наиболее эффективным в условиях Приморского Дагестана. Концентрация поселений по берегам рек обусловлена и тем, что поймы были богаты густыми и сочными травами, необходимыми для выпаса стад. В условиях малоснежных зим в Приморском Дагестане обитатели этих поселений имели надежную кормовую базу для круглогодичного содержания здесь обширных стад. Важное значение для обитателей поселений имела, наконец, рыбная ловля. Приморские реки Дагестана богаты ценными породами рыб (в том числе осетровыми), которые являлись существенным источником питания.

«СТРАНА БЕЛЕНДЖЕР»

В письменных источниках, особенно в арабской географической литературе, к северу от Дербента нередко упоминается «страна Баланджар» (Беленджер). С этой страной столкнулись уже первые арабские отряды, которые продвинулись в Хазарию на север от Дербента. По данным ат-Табари, Баланджаром называлось «целое царство и много городов». Он же упоминает Баланджар и как «хазарский город»[8]. Противоречивость и отрывочность письменных данных о Беленджере являются причиной острых дискуссий исследователей по вопросу о местоположении этого древнего центра Хазарии[9]. Очевидно, поэтому лишь

[6] Там же, с. 128; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 117.
[7] Список и описание памятников см. Приложение 1.
[8] *Дорн Б.* Известия о хазарах восточного историка Табари/Пер. П. Тяжелова.— ЖМНП, 1844, ч. XLIII, № 7, 8, с. 13—14.
[9] *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 181; *Магомедов М. Г.* Древние политические центры Хазарии.— СА, 1975, № 3, с. 63—74; *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979, с. 119—126.

новые данные могут внести ясность в проблему его локализации. И наиболее достоверными источниками для этого служат остатки многочисленных городищ и поселений хазарского времени, исследованные к северу от Дербента, на месте предполагаемого Беленджера. Памятники эти не только значительны по количеству, но и различаются по месту расположения, характеру планировки, структуре культурных отложений и особенностям оборонительных сооружений. По характеру они подразделяются на несколько групп, причем все эти разновидности сосредоточены, как отмечалось, по речным долинам. Поэтому для воссоздания цельной картины заселения прикаспийских просторов обзор памятников дается по долинам рек с последующим типологическим их анализом.

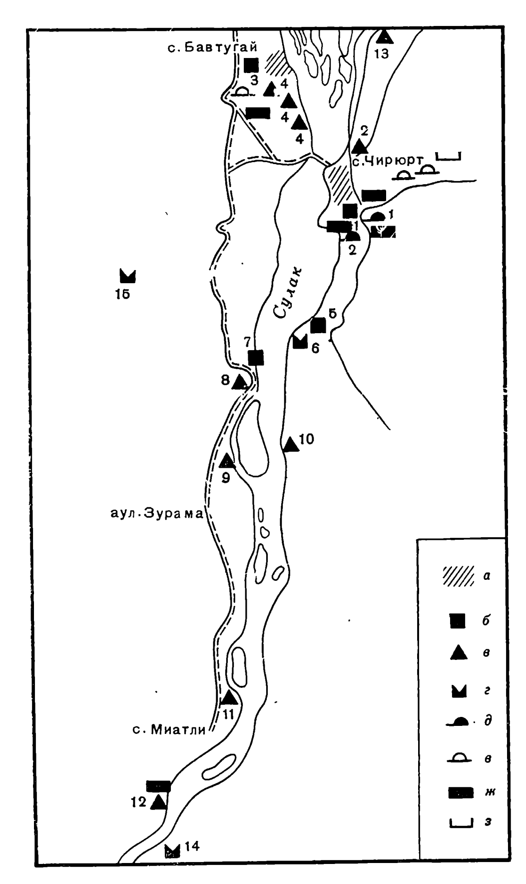

Рис. 2. Памятники хазарского времени в долине р. Сулак (Страна Беленджер)

а — современные поселения; *б* — городище; *в* — поселение; *г* — крепость; *д* — катакомбы; *е* — курганы; *ж* — грунтовые погребения; *з* — каменные склепы

1, 2 — Верхнечирюртовские; *3, 4* — Бавтугайские; *5* — Сигитминское; 6 — Сигитминская; *7* — Исти-Су; *8* — на поле Муса-шейха; *9* — на «черном поле»; *10* — Правобережное; *11* — Тпар; *12* — Миатлинское; *13* — Кизилюртовское; *14* — Хадумская; *15* — Туе-гирган

Наиболее плотно заселенной территорией Прикаспия в раннесредневековую эпоху была долина полноводной р. Сулак. Замкнутая с трех сторон отрогами приморских хребтов, эта долина тянется на 15 км и достигает на отдельных участках 4 км ширины. Ущелье, откуда Сулак вырывается на приморскую низменность, является естественной дорогой в долину. Всего вдоль берегов Сулака выявлено до 15 поселений (рис. 2), на которых представлена общая культура сероглиняной керамики. Они тянутся от сел. Верхний Чирюрт до сел. Миатлы Кизилюртовского района почти непрерывной цепочкой, разделенные между собой поперечными оврагами, сливающимися с руслом Сулака.

Среди многообразия густо расположенных здесь памятников особо выделяются остатки крупных тщательно укрепленных городов. Наиболее ярким из них является Верхнечирюртовское городище, протянувшееся более чем на 1 км вдоль правого берега реки. Занимая нешироку

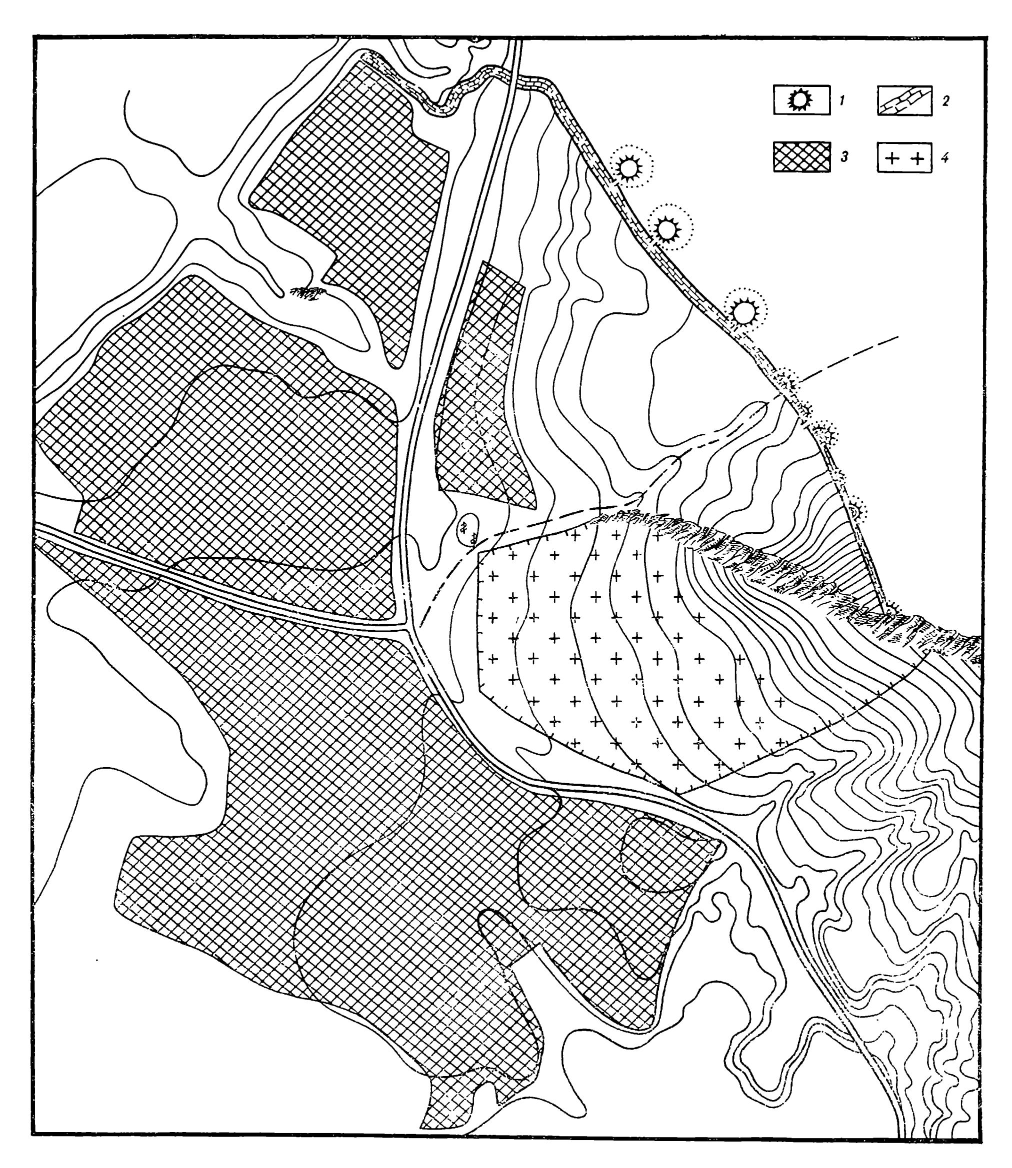

Рис. 3. План Верхнечирюртовского городища

1 — курганы — выносные башни; *2* — оборонительная стена; *3* — территория современного поселка; *5* — современные кладбища

долину между приморскими хребтами, оно прикрывает доступ в предгорья Дагестана (рис. 3).

Подобно Верхнечирюртовскому расположено и Бавтугайское городище, возвышающееся на противоположном, левом берегу реки, у выхода из долины. К югу от них сохранились остатки Сигитминского го-

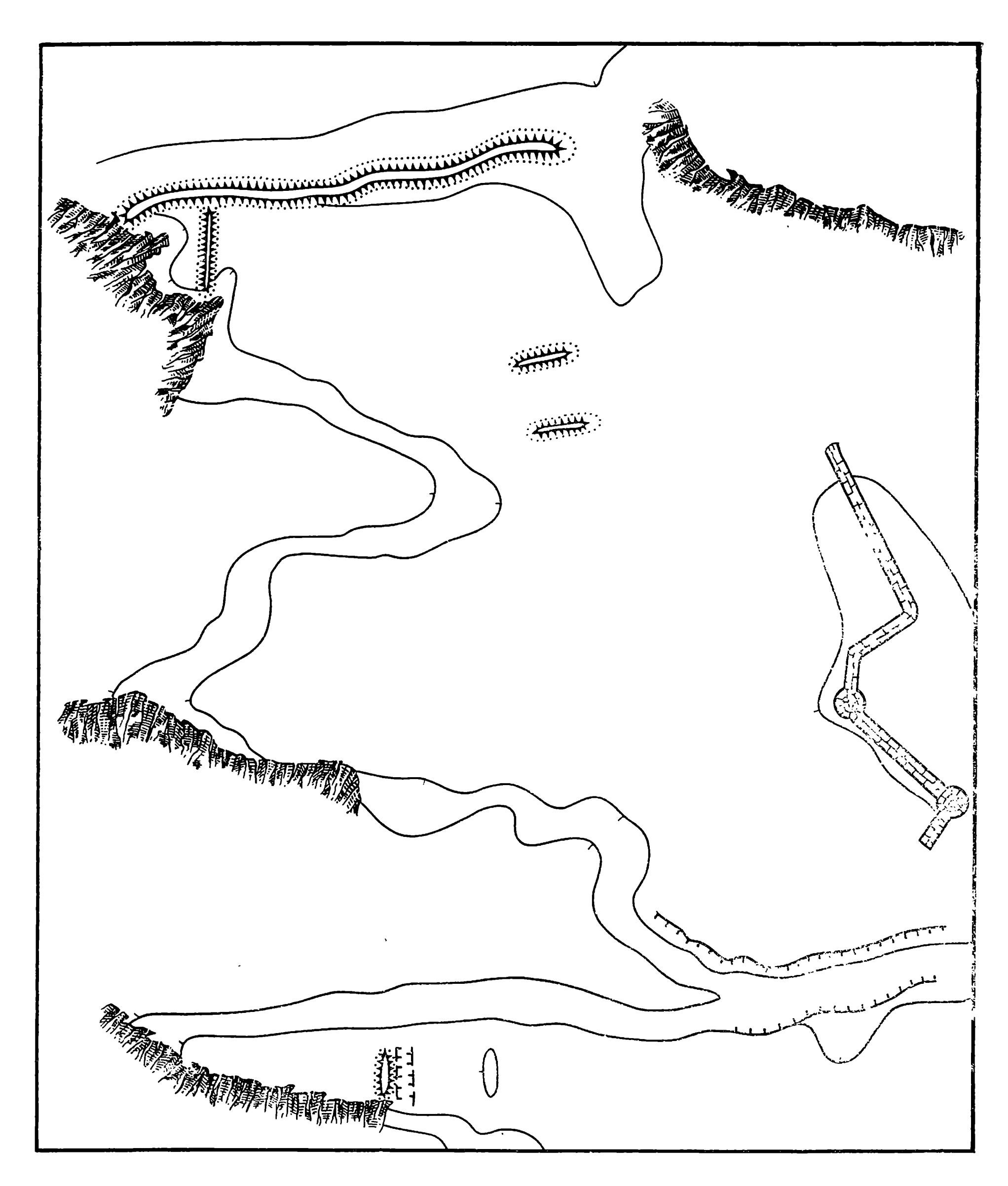

Рис. 4. План Сигитминского городища

родища и городища Исти-Су. Они также занимают изрезанные поперечными оврагами берега, зажатые между грядой хребтов и р. Сулак (рис. 4).

Все четыре городища имеют много общего не только в культуре и системе крепостных сооружений, но и в характере расположения. Занимая надпойменные террасы между системой приморских хребтов и об-

рывистыми берегами Сулака, они связаны визуально и общей тактической обороной. Верхнечирюртовское и Бавтугайское городища закрывали не только проходы Сулакской долины с открытой приморской стороны, но и соответственно подступы к городищам Сигитминскому и Исти-Су, расположенным в глубине долины, которые в свою очередь прикрывали со стороны гор проходы к Верхнечирюртовскому и Бавтугайскому городищам. Об оборонительной взаимосвязи их свидетельствует и северная линия крепостных сооружений Сигитминского городища. Она не только ограждала само городище, но и тянулась значительно дальше, до недоступной части хребта, закрывая проходы в обе стороны от него. Столь тщательно продуманная система обороны между этой группой памятников и соответственно всей долины возможна была, очевидно, лишь при определенной централизации власти и развитых общественных отношениях их обитателей.

Наряду с крупными городами небольшую группу памятников долины Сулака составляют крепости. Они обычно невелики и окружены остатками оборонительных сооружений. Формы их повторяют конфигурацию места расположения. В одних случаях они структурно связаны с городищами и выступают их составными частями (цитаделями). Наиболее сохранившиеся остатки Сигитминской крепости отделены от городища глубоким оврагом и укреплены более мощными крепостными сооружениями, свидетельствующими о привилегированном положении ее обитателей, обособленных от соплеменников.

Остатки аналогичной и тщательно укрепленной крепости возвышались на левом берегу Сулака, в пределах Верхнечирюртовского городища.

Судя по особенностям топографии городищ Бавтугайского и Исти-Су, крепости (цитадели), очевидно, имелись и в пределах этих памятников. Однако раскопки их не производились.

Несколько отличаются от рассмотренной группы крепости, расположенные на господствующих вершинах хребтов за пределами долины. Остатки одной из них, под названием Хадумская, возвышаются на горе, с юга над Сулакской долиной. Вторая крепость — Туе-гирган — возвышается на вершине горы к западу от долины. С места их расположений открывается широкая панорама не только всей долины, но и предгорного Дагестана до Гимринского хребта включительно. Располагаясь на труднодоступных вершинах хребтов, крепости могли быть летними резиденциями привилегированной части населения Сулакской долины, выполняя одновременно и сторожевые функции по охране подступов к долине со стороны гор.

Своеобразными спутниками крупных городищ долины Сулака являются открытые поселения самой разнообразной планировки и размеров. На отдельных участках они тянутся вдоль реки непрерывной цепочкой, прерывающейся поперечными оврагами. По размерам и толщине культурных отложений поселения подразделяются на две группы. Первую группу составляют крупные поселения, культурные отложения которых составляют более 1 м и свидетельствуют об оседло-земледельческом характере хозяйства их обитателей. Наиболее значительным по размерам является Миатлинское поселение, расположенное у каньона и замыкаю-

щее долину Сулака с юга. Место это является наиболее живописным участком всей долины, защищенным со всех сторон отрогами приморских хребтов. Сюда не проникают холодные ветры Прикаспия, почти не бывает снежных покровов. Здесь произрастают знаменитые на весь Дагестан сорта винограда и фруктов. Все эти факторы и определяли, очевидно, специфику экономики обитателей поселения.

Представляет интерес Верхнечирюртовское поселение, расположенное к северу, за пределами долины Сулака. От оборонительных стен Верхнечирюртовского городища его отделяет древний овраг. Поэтому поселение выступает своего рода спутником городища, стены которого служили защитой для его обитателей в случае военной опасности. Подобные поселения-спутники протянулись почти на 2 км и к югу от Бавтугайского городища. Они отделены друг от друга только поперечными оврагами. Культурные отложения подобных поселений-спутников связаны лишь с заключительными слоями городищ V—VIII вв.

Для поселений второй группы (8—10) характерна слабая выраженность культурных отложений. Они также тянутся по обоим берегам реки, занимая почти все удобно расположенные надпойменные террасы, имеющие проходы к реке. Характер планировки и точные размеры этих поселений в большинстве своем не установлены, за исключением их несомненной культурно-исторической связи с расположенными рядом крупными городищами. Топография подобных памятников, а также зафиксированные на всем протяжении берегов Сулака многочисленные скопления сероглиняной керамики, костей животных и бытовых остатков без четко выраженных самих культурных отложений создают впечатление о сплошном обживании долины в раннесредневековую эпоху. Незначительные размеры памятников и небольшие толщи скопившихся на них культурных слоев (0,3—0,5 м) позволяют говорить о них как о жилищах или «хуторках» сезонного характера. Например, площадь наиболее исследованного памятника подобного рода у хутора Измаила составляет всего 40×30 м; толщина культурного слоя — 30—40 см. На нем зафиксированы куски турлучной обмазки со следами прутьев, которые являются остатками небольшого жилья [10]. Сосуществование подобных памятников с расположенными рядом крупными городищами и поселениями с четко выраженным оседло-земледельческим характером экономики их обитателей является свидетельством большой концентрации населения, стекавшегося, по всей вероятности, в благодатную Сулакскую долину зимой и в период весенней путины. Такие «хуторки» временного характера или остатки кратковременных кочевнических зимовищ известны в бассейне Дона и в Приазовье, для них также характерна незначительность культурного слоя [11].

В целом исследования Сулакской долины показали, что в хазарское время она была исключительно густо заселена. Здесь сосредоточены самые разнообразные по характеру, но единые по культуре памятники. Среди многочисленных больших и малых поселений хуторского типа

---

[10] *Канивец В. И., Березанская С. С., Костюченко И. П., Савчук А. П.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 16, с. 141.

[11] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 13—18.

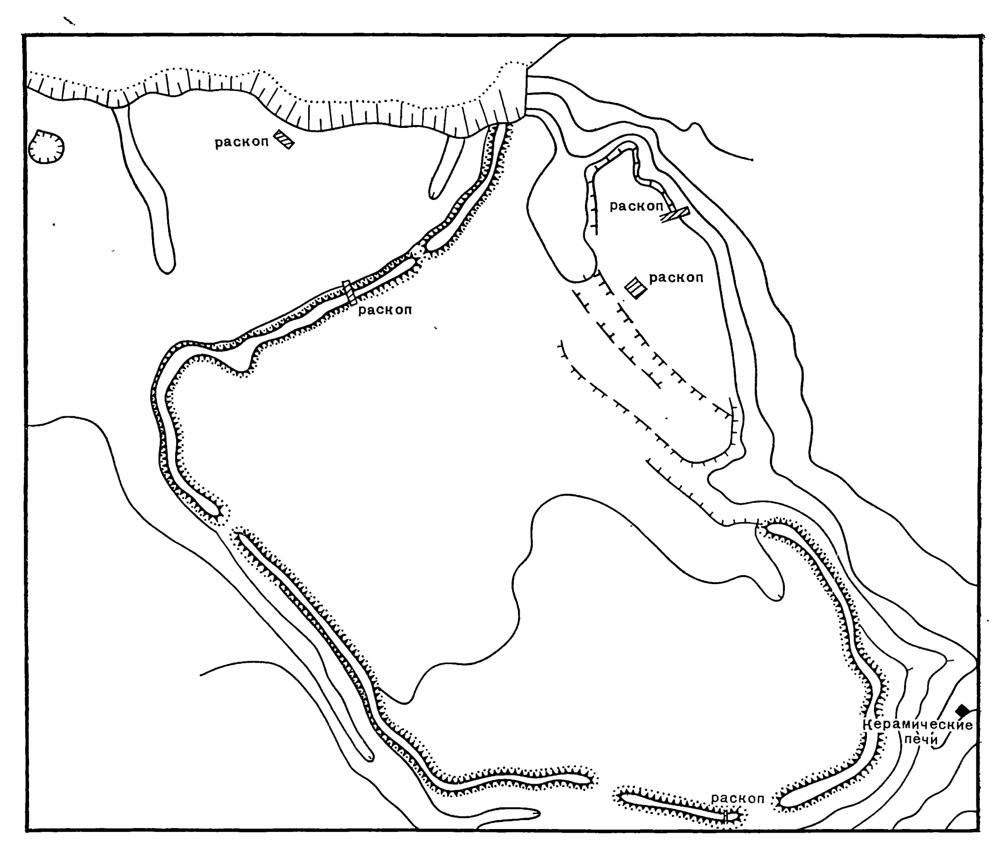

Рис. 5. План Андрейаульского городища

особо выделяются крупные и основательно укрепленные городища, связанные между собой общей системой обороны. Структурно и территориально с ними связаны и небольшие крепости, расположенные в долине и на господствующих хребтах вокруг нее.

Подобно Сулакской в хазарское время были заселены долины рек Акташ и Ярыксу, причем наибольшая концентрация памятников и здесь наблюдается по предгорным долинам. Наиболее значительным памятником на Акташе является Андрейаульское городище, расположенное у входа в долину, на границе предгорий и равнины. Остатки городища протянулись на 1,5 км вдоль берега реки и структурно состоят из нескольких составных частей (рис. 5).

С юга долину замыкает Калининаульское городище, расположенное на вершине отрога хребта с отвесными склонами. Территория городища отделена от укрепленной цитадели глубоким рвом. Это наиболее углубленный в предгорную полосу памятник, на котором представлена культура, характерная для поселений Терско-Сулакского междуречья. Расположение городища на границе двух культурных регионов, очевидно, объясняет его труднодоступное местоположение.

Между Андрейаульским и Калининаульским городищами, расположенными на расстоянии 12 км друг от друга и замыкающими Акташскую долину с обеих сторон, находится Андрейаульское поселение, протянувшееся более чем на 1 км к югу от сел. Андрейаул вдоль невысокого правого берега реки. Его культурные отложения достигают толщины 0,5 м и насыщены сероглиняной керамикой VIII—IX вв. и красноглиняной IX—XII вв. По характеру керамики можно думать, что возникновение поселения было связано с переселением сюда части населения после захвата и разрушения Андрейаульского городища.

Территориально с Акташской долиной связаны и остатки двух небольших крепостей, расположенных на возвышенных участках. Андрейаульская крепость возвышается на левом берегу Акташа в 4 км к югу от одноименного городища. Крепость имеет округлую форму и достигает в поперечнике до 30 м.

Остатки аналогичной крепости под названием Аркабаш сохранились в 8 км к западу от долины Акташа в урочище Аркабаш. Изолированно расположенная и рельефно возвышающаяся над окружающими пашнями крепость, очевидно, контролировала обширные угодья между Акташем и долиной Ярыксу.

Завершая обзор памятников Акташской долины, следует отметить относительно редкое заселение ее по сравнению с долиной Сулака. Это, очевидно, объясняется значительной концентрацией населения на самом Андрейаульском городище, соответствовавшим по количеству населения экономическому потенциалу долины. Следует также учесть, что р. Акташ, в отличие от Сулака, лишь в период весенних паводков впадает в Каспийское море. Поэтому в ней почти нет рыбы, являющейся в условиях Сулака существенным источником питания.

Подобно Акташской была заселена и долина р. Ярыксу. Здесь расположено обширное Новокулинское городище, известное местному населению под названием Хазарская крепость, город [12]. Остатки городища возвышаются на границе переходной зоны между предгорной полосой и приморской низменностью. Значительная территория городища, протянувшегося по пойменной террасе правого берега, уничтожена рекой. Структурно цитадель отделена от городища.

Стационарными исследованиями на городище экспедицией кафедры археологии ЛГУ под руководством А. В. Гадло выявлены значительные культурные отложения, стратиграфия которых свидетельствует о неоднократных катастрофах, обрушивавшихся на его обитателей. Разнообразный, в том числе и керамический, материал с городища тождествен керамике с памятников Терско-Сулакского междуречья.

В целом, несмотря на различия в плотности заселения, долины Акташа и Ярыксу имеют много общего с Сулакской. Их объединяют не только наличие крупных городищ, но и общая стратиграфия, единая культура памятников, а также значительная территориальная близость. Поэтому они могли быть составными частями целой страны, политический центр которой находился в наиболее благоприятной для хозяйственной деятельности Сулакской долине. Большая плотность за-

[12] *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 140.

селения выделяет ее как обособленную административно-территориальную область по сравнению с остальной территорией Прикаспия. А самое значительное по размерам Верхнечирюртовское городище, закрывая своими мощными оборонительными стенами доступ в долину с приморской стороны, выступает главным щитом всей долины. Подобная роль городища по отношению остальных памятников Сулакского бассейна соответственно выделяет его как основной, возможно политический, центр не только этого обособленного района, но и целой страны, а может быть и Беленджера.

ПРЕДГОРЬЯ И «ЦАРСТВО ГУННОВ»

Вторая группа памятников, на которых распространена сероглиняная керамика, протянулась по приморской полосе к югу от Сулака до Дербента включительно. Здесь проходила одна из важнейших коммуникаций древности, которая в разные периоды, в зависимости от исторической обстановки, служила то торговым, то военным путем [13].

Постоянная борьба за овладение и сохранение этого пути, где нередко завязывался сложный узел взаимоотношений местных оседло-земледельческих народов с пришлыми кочевниками, и находит отражение в специфике выявленных здесь памятников. На отдельных участках хребты близко подходят к берегу моря, образуя узкие 2—3-километровые коридоры, удобные для осуществления контроля над передвижением по этому пути. Как показали исследования, характер представленных на этих участках памятников находится в прямой взаимосвязи с естественными оборонительными факторами места их расположения.

Всего на протяжении приморской полосы к югу от Сулака выявлено более 15 памятников (22—37), среди которых выделяются крупные городища. Они расположены в предгорных долинах, сливающихся с приморской полосой, и концентрируются группами. В каждой долине расположено, как правило, по одному крупному городищу, которое занимает наиболее удобные естественно защищенные участки отрогов хребтов. Городища достигают значительных размеров и укреплены мощной системой оборонительных сооружений, возведенных из необработанного камня, включающей в отдельных случаях рвы. К ним тяготеют мелкие поселения-спутники, расположенные на возвышенных участках долин или по берегам рек. Наконец, на господствующих и труднодоступных участках приморских хребтов возвышаются небольшие по размерам сторожевые крепости, которые были визуально связаны с городищами. Таким образом, в топографии расположения памятников вырисовывается довольно выразительная система, в которой каждая долина выступает отдельным звеном в общей цепи укрепленных и взаимосвязанных памятников, протянувшихся по всей приморской полосе.

---

[13] *Козубский Е. И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, с. 2—6; *Пахомов Е. А.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье.— В кн.: Проблемы истории материальной культуры. Л., 1930, № 9/10, с. 38—47; *Артамонов М. И.* Древний Дербент.— СА, 1946, VIII, с. 131; *Крупнов Е. И.* К историко-археологическому изучению степного Дагестана и Северо-Западного Прикаспия.— МАД. Махачкала, 1959, т. II, с. 83.

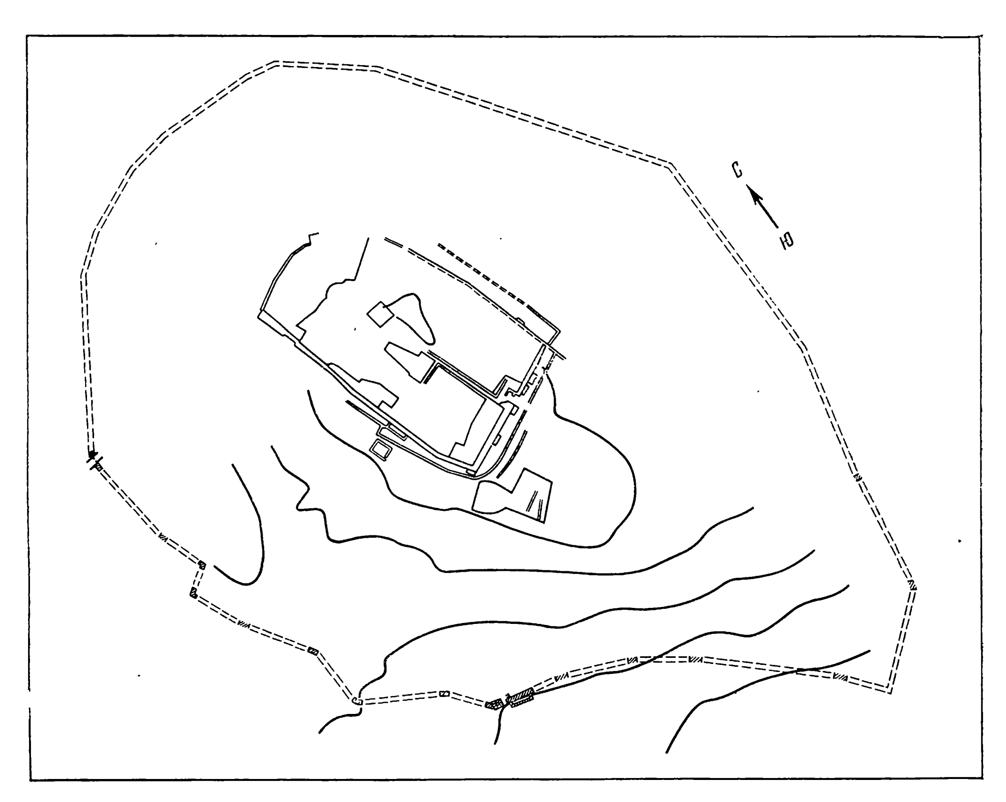

Рис. 6. План Урцекского городища

Важными опорными базами в этой системе выступают крупные городища, расположенные у узких коридоров приморской полосы. Особо выделяется среди них Таркинское, остатки которого простираются по склонам горы Тарки-тау к югу от Махачкалы.

Занимая стратегически важный пункт, городище перегораживало приморский коридор в районе г. Махачкала и этим обеспечивало контроль над Прикаспийским путем. Огромные размеры городища, значительная протяженность его оборонительных стен, а главное — обширный археологический материал, в том числе и ссроглиняная керамика, выявленная на этом памятнике, свидетельствуют о том, что здесь в хазарское время был крупный экономический и политический центр.

Незаурядный характер имеет и Урцекское городище, расположенное в замкнутой ответвлениями хребтов предгорной долине неподалеку от г. Избербаш. Оно выделяется размерами (35—40 га) и состоит из собственно города и хорошо укрепленной цитадели (рис. 6). Вокруг городища простирается обширная сельскохозяйственная территория, защищенная ответвлениями приморских хребтов и системой «длинных» стен, протянувшихся до берега моря [14].

[14] *Магомедов М. Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1970, с. 8.

Археологические раскопки, проводившиеся на этом памятнике, позволили выявить многослойную стратиграфию культурных отложений и значительные по протяженности крепостные сооружения, свидетельствующие о сложном характере памятника как крупного экономического и политического центра раннесредневековой эпохи [15].

Среди богатых керамических материалов с городища четко выделяется сероглиняная керамика, относящаяся к заключительному периоду его существования и генетически связанная с памятниками Терско-Сулакского междуречья [16].

Замыкает памятники приморской полосы г. Дербент — всемирно известный оборонительный комплекс. В процессе археологических раскопок на территории цитадели и городища в раннесредневековых слоях Дербента выявлена сероглиняная керамика, своими формами и орнаментацией тяготеющая к посуде с памятников Терско-Сулакского междуречья [17].

Как показали стационарные раскопки, особенно Урцекского городища, и разведочные исследования остальных памятников этой группы, все они имеют почти одинаковую стратиграфию культурных отложений. Нижние слои их со значительными отложениями белоангобированной, красноангобированной и красноглиняной керамики относятся к местной албанской культуре V—VII вв. [18] Эта культура продолжает бытовать здесь и после возникновения в приморской полосе «царства гуннов». С гуннами, по всей вероятности, связано некоторое огрубение керамики в VII—VIII вв. и распространение зооморфных орнаментальных мотивов. Выразительно представлена в слоях гуннского времени и сероглиняная керамика, генетически связанная с памятниками Терско-Сулакского междуречья.

СТЕПИ ХАЗАРИИ

По своим формам, характеру оборонительных сооружений и специфике культурных отложений особую группу составляют памятники степной зоны Терско-Сулакского междуречья. Они протянулись вдоль берегов рек и древних оросительных каналов и также подразделяются на поселения, крепости и городища.

Наименее исследованной группой памятников степной зоны являются поселения (38—39, 48). В большинстве своем они лишь зафиксированы и нет данных по особенностям их топографии и структуре культурных отложений. Поэтому мы отметим только наиболее характерные признаки этих поселений. Они обычно тянутся вдоль речных террас или отводных каналов на протяжении от 100 до 300 м. Культурные отложения поселений, достигающие толщины 1,5—2 м, насыщены характер-

---

[15] *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов..., с. 191.

[16] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970, с. 8.

[17] *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 67; *Он же.* Раскопки богатого здания VIII—XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента.— В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 79.

[18] *Маммаев М. М.* Указ. соч., с. 7.

ной сероглиняной керамикой. Среди поселений выделяются незначительными размерами и слабой выразительностью культурных напластований поселения, расположенные в болотистой местности. По специфике отложений, достигающих 20—30 см,— это временные «хуторки» или зимовища кочевников, стекавшихся в Приморский Дагестан в зимний период.

Следует отметить, что обломки сероглиняной керамики — нередкие находки также на территории современных населенных пунктов Прикаспия (Кизилюрта, Кизляра, Тамаза-тюбе, Хасавюрта, Нечаевки, Шамхалянгиюрта, Костека и др.). Очевидно, большие возможности для занятий сельским хозяйством в местах расположения этих населенных пунктов, вокруг которых раскинулись обширные виноградники и пашни, привлекали сюда население и в древности. Однако поселения их погребены под постоянно разрастающимися территориями современных населенных пунктов. Поэтому мы не располагаем данными о специфике хозяйственного уклада древних их обитателей, за исключением несомненной многочисленности самих поселений, свидетельствующей о значительной плотности заселения этого региона уже в раннесредневековую эпоху.

Для решения вопросов о хозяйственном укладе и социально-экономических отношениях населения степной части Терско-Сулакского междуречья важное значение имеют археологические исследования крепостей и городищ.

Крепости здесь невелики и окружены остатками мощных оборонительных сооружений, возведенных из глинобита и сырцовых кирпичей (40—42). Они обычно имеют овальную форму и составляют в диаметре не более 100 м (рис. 7). Культурные отложения их достигают толщины 2—3 м и насыщены типичными для памятников этого региона бытовыми остатками и керамикой. Интересно, что нижние надматериковые отложения крепости Тенг-кала, расположенной в иизовьях р. Сулак, состоят из чередующихся слоев культурных отложений и речного ила толщиной 20—30 см. Они являются отложениями рек в период их разливов. Поэтому массивные стены крепости служили для ее обитателей, очевидно, и защитой от весенних паводков, выполняя функции дамб. Примечательно также, что крепость расположена на берегу древнего канала.

Следует отметить и своеобразие Бораульской крепости. К западу от нее на протяжении 200 м прослеживаются остатки культурных отложений с характерной сероглиняной керамикой, свидетельствующие о наметившейся тенденции превращения крепости в обширное городище.

В степях Приморского Дагестана, помимо отмеченных крепостей, известно пять крупных городищ, укрепленных глинобитными оборонительными сооружениями. Примечательно среди них Нурадиловское городище, которое имеет форму вытянутого треугольника и состоит из цитадели, городища и посада. Округлой формой выделяется Новонадеждинское городище, в центре которого возвышаются остатки округлого сооружения диаметром 60 м и высотой 7—8 м, которые, возможно, являются развалами укрепленной цитадели или донжона. Для остальных городищ характерна подчетырехугольная форма. Все они име-

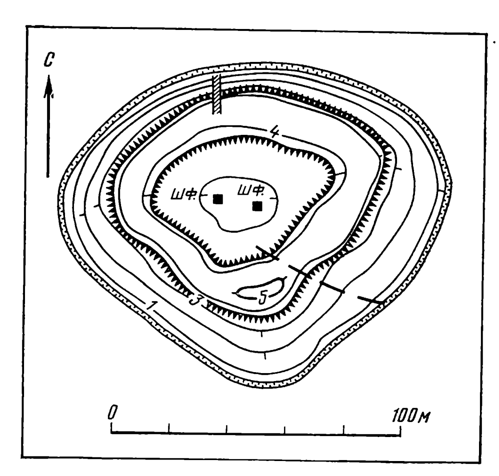

Рис. 7. *План крепости Тенг-кала*

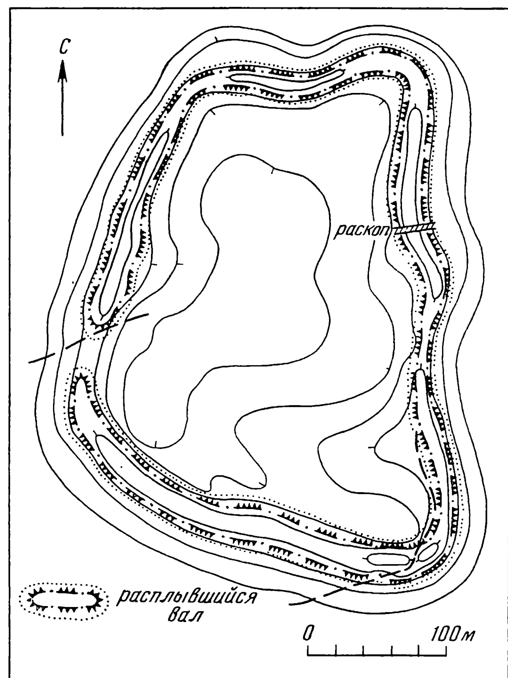

Рис. 8. *План Некрасовского городища*

ют общую стратиграфию культурных отложений, достигающих 2—3 м толщины и насыщенных сероглиняной керамикой.

В нижних слоях Некрасовского городища (рис. 8) также зафиксированы чередующиеся с культурными слоями прослойки речного ила.

Необходимо более подробно остановиться на Шелковском городище, привлекавшее в последние годы внимание исследователей в связи с выходом в свет книги Л. Н. Гумилева «Открытие Хазарии», в которой он отождествляет его остатки с хазарским Семендером [19].

Предпринятый нами осмотр городища с целью его сопоставления с исследуемыми в Дагестане памятниками хазарского времени дал возможность уточнить некоторые детали его устройства. Размеры городища, как показали точные его обмеры, составляют не 200×200 м, как указано у Л. Н. Гумилева [20], а 450×450 м (рис. 9). Оно имеет квадратную форму и обнесено мощной системой оборонительных сооружений, сохранившихся в виде валов высотой 6—8 м и шириной у основания около 30 м. Посередине каждой из четырех сторон в системе валов прослеживаются проемы въездов и по 11 оплывших башнеобразных выступов. С западной и восточной сторон сохранились и остатки оплывших рвов, достигавшие 50 м ширины. Территория городища используется в настоящее время под пашню. Специально для ее орошения произведен разрез вала с южной его стороны. В обнажении разреза

---

[19] *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 1966, с. 166.
[20] *Гумилев Л. Н.* Хазария и Терек.— Вестн. ЛГУ, 1964, № 24, с. 81.

можно проследить своеобразные приемы устройства оборонительных сооружений. Их возводили из чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей, причем кирпичи по размерам соответствуют кирпичам с других памятников Прикаспия. Объединяет их и керамика [21]. И, наконец, их объединяет наличие у Шелковского городища целой серии значительных по размерам курганов, которые также являются неотъемлемой частью топографии крупных городищ хазарского времени в Приморском Дагестане. Все эти параллели определенно указывают на то, что Шелковское городище принадлежит к кругу исследованных выше памятников Терско-Сулакского междуречья. Различия между ним и остальными памятниками Прикаспия состоят только в отсутствии или слабой выраженности культурных отложений на Шелковском городище, которые могут свидетельствовать лишь о незначительном отрезке времени его существования. Л. Н. Гумилев объясняет нарушение стратиграфии Шелковского городища разливом Терека [22]. Однако трудно

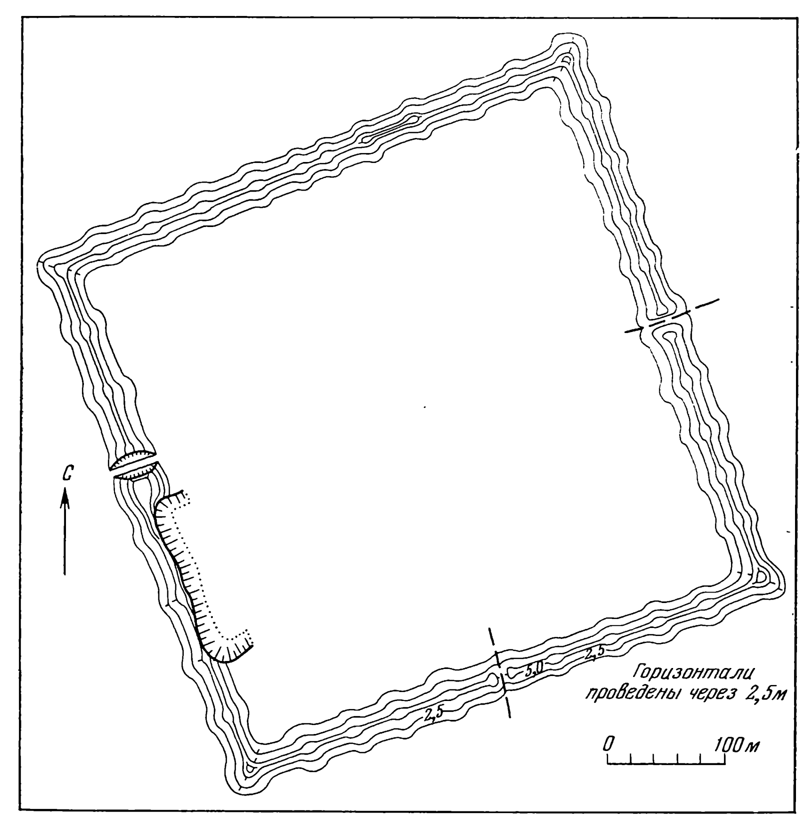

Рис. 9. План Шелковского городища

[21] *Магомедов М. Г.* Отчет о работе Северного отряда ДАЭ в 1969 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 273.
[22] *Гумилев Л. Н.* Где же тогда Семендер? — История СССР, 1969, № 3, с. 242—244.

допустить, чтобы разливы реки смыли культурные отложения городища, замкнутого со всех сторон массивными стенами. Поэтому отождествление хазарского Семендера, просуществовавшего, судя по сведениям письменных источников, около трех веков, с Шелковским городищем, на котором отсутствуют выразительные культурные отложения, вызывает объективное возражение исследователей [23]. Крупные размеры городища наряду с мощной системой его оборонительных сооружений несомненно указывают на незаурядный характер памятника, являвшегося, очевидно, одним из важных центров раннесредневековой эпохи.

Завершая обзор памятников Приморского Дагестана, следует в первую очередь отметить, что, несмотря на существенные различия места их расположения, все они объединены общей культурой сероглиняной керамики VII—IX вв. Очевидна поэтому их хронологическая и территориальная связь с хазарами. Но вычленить хазарский компонент из обширной культуры представленных здесь памятников сложно. Для выяснения взаимосвязи этих памятников с хазарами необходим тщательный типологический анализ не только самих памятников, но и всех групп их материальной культуры, что позволит детально проследить истоки и процессы развития самой культуры, а также связанных с ними явлений (социально-экономических отношений, хозяйственной деятельности, ремесла, торговли и т. д.).

Типологический анализ городищ и крепостей (табл. 1) наглядно воссоздают взаимосвязь специфики памятников с условиями их местоположений. По характеру расположения они подразделяются на три основные группы: 1) предгорные, 2) расположенные на границе переходной зоны от степей к предгорьям и 3) степные. Природно-географические условия их местоположения находят конкретное отражение в планировке памятников и характере их крепостных сооружений. Так, памятники предгорной зоны имеют, как правило, неправильные очертания и укреплены каменными оборонительными сооружениями. Конфигурация их определена ландшафтом. Подобные памятники являются наиболее распространенным типом не только в Дагестане и на Кавказе, но и далеко за их пределами. Наибольшая концентрация их, особенно крупных городищ (около 70%), в предгорных долинах не случайна. Она обусловлена не только ландшафтными факторами, но и природными условиями долин, располагающих большими возможностями для сельскохозяйственного производства.

Памятники переходной зоны от степей к предгорьям, конфигурация которых также определена рельефом местности, выступают промежуточным звеном между степными и предгорными городищами и сочетают элементы обеих групп. Они укреплены системой валов и рвов, которые содержат в отдельных случаях элементы каменной фортификации. Крепостям небольших размеров здесь обычно придана округлая форма, характерная для памятников степей. Интересно, что и в степной зоне округлую форму имеют в большинстве своем лишь небольшие крепости (рис. 10). Исключение составляет Новонадеждинское городище, которое по размерам (200×200 м) больше напоминает крепость.

---

[23] *Виноградов В. Б.* Открыт ли Семендер? — История СССР, 1968, № 4, с. 232—233.

Таблица 1. Формы городищ и крепостей и характер их укреплений в зависимости от местоположения

№	Памятник	Местоположение и форма			Характер укреплений		
		в предгорьях	на границе предгорий и степей	в степях	каменные стены	валы	сырцово-глинобитные стены
	Городище						
1.	Верхнечирюртовское	+Н	—	—	+	—	+
3.	Бавтугайское	+Н	—	—	+	—	—
5.	Сигитминское	+Н	—	—	+	—	—
7.	Исти-Су	+Н	—	—	+	—	—
20.	Калининаульское	+Н	—	—	+	—	—
22.	Капчугайское	+Н	—	—	+	—	—
25.	Таркинское	+Н	—	—	+	—	—
26.	Гентурун	+Н	—	—	+	—	—
28.	Какамахинское	+Н	—	—	+	—	—
30.	Губденское	+Н	—	—	+	—	—
33.	Урцекское	+Н	—	—	+	—	—
34.	Чакавуркентское	+Н	—	—	+	—	—
35.	Эскиюрт	+Н	—	—	+	—	—
36.	Таргунское	+Н	—	—	+	—	—
37.	Дербент	+Н	—	—	+	—	—
16.	Андрейаульское	—	+Н	—	—	+	—
21.	Новокулинское (Хазар-кала)	—	+Н	—	—	+	—
43.	Новонадеждинское	—	—	+О	—	+	—
46.	Нурадиловское	—	—	+П	—	+	—
47.	Бараганчинское	—	—	+П	—	+	—
44.	Некрасовское	—	—	+П	—	—	+
45.	Шелковское	—	—	+П	—	—	+
	Крепость						
6.	Сигитминская	+Н	—	—	+	—	—
14.	Хадунская	+Н	—	—	+	—	—
15.	Туе-гирган	+Н	—	—	+	—	—
27.	Инглис-тюбе	+Н	—	—	+	—	—
18.	Андрейаульская	—	+О	—	—	+	—
19.	Аркабаш	—	+О	—	—	+	—
40.	Тенг-кала	—	—	+О	—	—	+
41.	Герменчикская	—	—	+О	—	+	?
42.	Бораульская	—	—	+О	—	+	?

Н — неправильной формы; О — округлые; П — прямоугольные.

Для крупных городищ степной зоны характерны в основном прямоугольная форма и сырцово-глинобитные крепостные сооружения. Часть из них укреплена валами, под оплывшими остатками которых также, возможно, сохранились остатки сырцово-глинобитных стен. Сырцово-

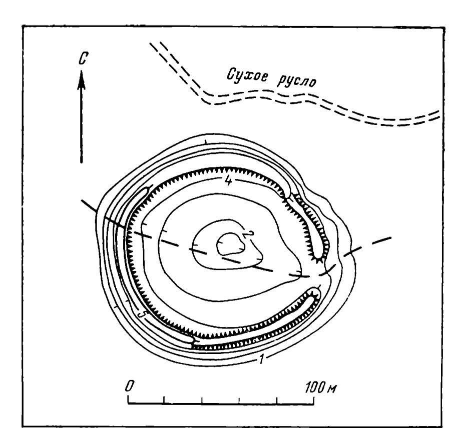

Рис. 10. План Герменчикской крепости

глинобитные стены были возведены и на заключительном этапе Верхнечирюртовского городища.

В целом наряду с географическими факторами конфигурация и характер укреплений городищ во всех зонах несомненно связаны, как будет прослежено ниже, со строительными традициями их обитателей.

Структурный анализ городищ (табл. 2) дает возможность четко разделить их на две группы. К первой группе относятся малые городища, площадью менее 20 га. Памятники этой группы составляют около 70% общего их числа и примечательны двухчастной структурой. Выделение цитаделей внутри большинства этих городищ обусловлено, по всей вероятности, не только внешней опасностью, но и внутренними, социальными причинами. Незначительные по размерам (20, 30, 46) и не всегда расположенные в черте городищ цитадели, являясь дворцовыми сооружениями правителей, использовались населением городищ в качестве последних убежищ. Среди малых городищ по своей структуре выделяются Нурадиловское и Шелковское. К остаткам Нурадиловского городища с четко выделенной цитаделью примыкает обширная посадская территория, протянувшаяся вдоль р. Аксай. Подобная структура городища наряду с его тяготением к Прикаспийскому торговому пути может являться свидетельством наметившейся тенденции превращения его в крупный раннесредневековый город.

Шелковское городище выделяется монументальностью и значительной протяженностью крепостных сооружений, а также наличием в пределах обширной его территории небольшой цитадели [24]. Вокруг городища встречаются обломки сероглиняной керамики, которые могут свидетельствовать о начавшемся процессе его разрастания за пределами городских стен. К городищу примыкают обширные курганные могильники, напоминающие городские некрополи. Все эти признаки, присущие крупным приморским городам Дагестана, и выделяют Шелковское городище как складывавшийся крупный политический и экономический центр хазарского времени.

Среди всех этих рассмотренных памятников особо выделяются крупные городища, площадь которых достигает 30—150 га (табл. 2). Они примечательны не только обширными размерами, но и более сложной структурой составных частей. У большинства памятников этой группы (Таргунское, Урцекское, Таркинское, Андрейаульское, Верхнечирюртовское, Дербентское городища) четко выделяются более крупные и тщательно укрепленные цитадели. К ним обычно примыкают укрепленные

[24] *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии, с. 170 (см. рис.).

Таблица 2. Структура городищ

Городище	Размер, га	Двухчастное	Трехчастное	Поселение-спутник	Укрепление сельхозокруги	Культовое сооружение	Некрополь	Остатки ремесленного производства	Торговые связи	Связь с Каспийским путем
Калининаульское	1,5	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Исти-Су	3,6	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Новонадеждинское	4	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Капчугайское	6	?	—	—	—	—	—	—	—	—
Новокулинское (Хазар-кала)	8	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Эскиюрт	10	?	—	—	—	—	—	—	—	+
Некрасовское	11,6	?	—	—	—	—	—	—	—	—
Бавтугайское	15	?	—	+	—	—	—	—	—	+
Сигитминское	16	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Какамахинское	16	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Губденское	?	?	—	—	—	—	—	—	—	—
Гентурун	?	+	—	—	—	—	—	—	—	—
Чакавуркентское	18	+	—	—	—	—	—	—	—	+
Нурадиловское	18	—	+	—	—	—	—	—	—	+
Шелковское	20	+	—	—	—	—	—	—	—	+
Таргунское	30	—	+	—	+	+	+	+	+	—
Урцекское	35	—	+	—	+	+	+	+	+	+
Таркинское	60	+	?	—	+	+	+	+	+	+
Андрейаульское	68	—	+	+	+	?	+	+	+	+
Верхнечирюртовское	120	+	?	+	+	+	+	+	+	+
Дербентское	150	—	+	—	—	+	+	+	+	+

посады и обширные сельскохозяйственные округи. Вокруг городищ раскинулись также огромные некрополи с различными типами погребальных сооружений, свидетельствующие об этнической и социальной пестроте их обитателей. На ряде памятников этой группы исследованы монументальные остатки не только крепостных и жилищно-бытовых, но и культовых сооружений (языческие храмы, христианские церкви). И, наконец, на них представлены остатки ремесленных производств (металлургии, ювелирного и гончарного производств). О важной роли торговли в экономике обитателей городищ свидетельствуют их расположение вдоль Прикаспийского пути, а также импортные изделия и монеты различных стран, выявленные при раскопках. Совокупность всех этих данных, концентрированно выраженных на каждом из этих памятников, не только выделяет их на фоне остальных городищ, но и позволяет считать эту группу памятников остатками крупных раннесредневековых городов Приморского Дагестана. Они служат блестящим подтверждением многочисленных сведений письменных источников, которые пестрят сообщениями о бытовании в Приморском Дагестане в хазарское время обширных и цветущих городов.

В целом многочисленные городища, особенно крупные, составляющие более 25% от общего количества памятников, а также крепости позволяют считать культуру Приморского Дагестана хазарского времени «культурой городов».

РАННИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ХАЗАРИИ

С исследованием остатков крупных городов в Прикаспийском Дагестане появилась реальная возможность для решения сложной проблемы локализации ранних политических центров Хазарии, известных по письменным источникам под названиями Беленджер и Семендер. Наиболее плодотворное решение проблемы возможно путем сопоставления сведений о географическом положении этих центров с местоположением остатков крупных городов, выделяющихся стратегическим расположением и укрепленных наиболее мощными крепостными сооружениями. Исследователи, предпринимавшие попытки локализации Беленджера, основываясь лишь на данных письменных источников, выдвигали различные и нередко взаимоисключающие предположения о месте его расположения. Ярким примером этого могут служить исследования А. Я. Гаркави. Анализируя сведения письменных источников о Беленджере, он пришел к выводу, что такого города вообще не существовало, поскольку в источниках его называют то городом, то страной, то горой, то рекой или башней. В итоге он предполагает, что «Беленджер» служил в древнее время названием Дагестанской области и города Семендера [25]. К аналогичному выводу приходит и Б. Н. Заходер, полагая, что первая столица хазар была известна под различными названиями (Хамлидж, Баланджар, Варачан, Семендер) [26]. Некоторые исследователи, допускавшие возможность отдельного существования Беленджера, сопоставляли его с г. Буйнакском [27]. Следует также остановиться на новом варианте его локализации, выдвинутом недавно В. Г. Котовичем, который попытался подкрепить свои выводы не только письменными источниками, но и топонимическими и археологическими данными [28]. Он полагал, что Беленджер находился к югу от Дербента у населенного пункта Белиджи, расположенного в 10 км севернее р. Самур. Подобное сопоставление обосновывается прежде всего созвучием топонимов Белиджи и Беленджер, а также тем фактом, что близ сел. Белиджи находятся остатки городища под названием Торпах-кала. Городище имеет обширные размеры (100 га) и является крупнейшим памятником албано-сасанидского времени на Восточном Кавказе [29]. Одним из немногих, кому довелось осмотреть этот памятник, был М. И. Исаков. Он собрал на поверхности городища красноглиня-

---

[25] *Гаркави А. Я.* Существовала ли у хазар столица под названием Беленджер? — РФ ИИЯЛ, ф. 6, д. 21, с. 7.

[26] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 183.

[27] *Еремян С. Т.* Моисей Каланкатуйский. О посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу.— Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, 1938, т. VII, с. 146; *Артамонов М. И.* История хазар, с. 186.

[28] *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов..., с. 181.

[29] *Башкиров А. С.* Изучение памятников старины.— ДС. Махачкала, 1927, т. III, с. 234.

ную керамику, среди которой отсутствует сероглиняная хазарского времени. Яркие образцы красноангобированной и красноглиняной керамики позволили М. И. Исакову отнести городище к последним векам до нашей эры и к первым векам нашей эры [30]. О том, что это городище представляет собой развалины одного из крупных городов Албании, отмечала К. В. Тревер [31]. И сам В. Г. Котович раньше сопоставлял его остатки с албанским городом Чор, или Чол, являвшимся первой резиденцией албанского католикоса [32]. К хазарам городище не имеет, таким образом, никакого отношения.

Обратимся теперь к письменным источникам, привлеченным В. Г. Котовичем для локализации на месте Торпах-кала хазарского города Беленджера. Анализируя поход Салмана Ибн Рабиа в 652—653 гг. на хазарский Беленджер, он пришел к выводу, что этот полководец так и не достиг Дербента, поскольку погиб «за рекою Беленджер» у Белиджи. Однако тот же Баладзори, Ибн аль-Факих и Якуби, свидетельствами которых это заключение подкрепляется, говорят об обратном. У Баладзори сказано, что «...Салман переправился через Куру, занял Кабалу и заключил с владетелями Шаккана и Камибарана мир, с условием платить подать. Такой же мир заключили с Салманом и жители Хайзана, и царь Ширвана, и остальные цари гор, и жители Маската и Шабирана и города Баба (Дербента). Но как только Салман выступил за город, жители заперли его за ним, а хазарский каган встретил его со своей конницей за рекой Беленджером. Здесь Салман был убит с четырьмя тысячами мусульман» [33]. Из текста Баладзори недвусмысленно вытекает, что встреча Салмана с хазарами произошла лишь после покорения им Дербента, расположенного к северу от Белиджи. При гибели Салмана к югу от Дербента его жители не могли быть обложены податью. Они заперли за Салманом ворота, как только он выступил из города и двинулся на север, где и произошла роковая для него встреча с хазарами.

У Ибн аль-Факиха также сказано, что «...Салман переправился через Куру и завоевал Кабала, Шаккан, Кемиберан, Хайзан; царь Ширвана и прочие цари гор заключили с ним мир; то же самое сделали жители Маската, Шабирана и города Баб (Дербента)... Затем встретил его хакан со своей конницей, и был Салман убит с 4000 мусульман» [34].

И, наконец, Якуби также пишет, что «Салман проник в Ширван, царь которого заключил с ним мир. Так же поступил с ним царь лакзов, жители Шабирана и Филана, что касается хакана, царя хазар, то он встретил Салмана во главе многочисленной армии за рекой Баланджаром и убил его и тех, кто был с ним» [35]. Из этого сообщения Якуби

---

[30] *Исаков М. И.* Исчезнувший город в Дагестане.— Исторический журнал, 1941, № 6, с. 156.

[31] *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959, с. 262—264.

[32] Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, с. 33.

[33] *Баладзори.* Книга завоевания стран/Пер. П. К. Жузе.— В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927, с. 14.

[34] *Ибн ал-Факих.* Книга о странах/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1902, вып. XXXI, с. 29.

[35] *Якуби.* История/Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 5.

следует, что встреча кагана с Салманом произошла после покорения последним раннефеодального образования под названием Филан, локализуемого в горах Дагестана к северу от Дербента[36]. Невозможно допустить, чтобы раннефеодальные правители горного Дагестана, в частности Филана, заключили мир с Салманом, сидевшим в Кабале. Поэтому не только перечисленные авторы, но и целый ряд других источников определенно помещают Беленджер к северу от Дербента[37]. И не случайно, что ни один из исследователей до автора новой локализации Беленджера не допускал возможности его расположения к югу от Дербента. Сам В. Г. Котович также не уверен в неоспоримости своих выводов и поэтому полагает, что Беленджер, выстроенный Хосроем Ануширваном на месте Белиджинского городища Торпах-кала, служил резиденцией хазарских каганов около 30 лет, с конца 20-х годов до рубежа 50—60-х годов VII в.[38] Однако дело не в продолжительности, а в самой возможности бытования хазарской столицы к югу от Дербента, являвшегося исторически сложившейся границей между Сасанидским Ираном и Хазарским каганатом. С рубежа 50—60-х годов VII в., пишет В. Г. Котович, Беленджер из Белиджи перемещается на север — в Семендер (в район г. Махачкала). И тут же следом говорит, что г. Беленджер был взят в 722/23 г. войсками арабского полководца Джарраха, захватившими здесь большую добычу. Но поскольку у Беленджера должна протекать и река аналогичного названия, в которой Джаррах приказал топить пленных хазар, то автор путем различных сопоставлений и самых невероятных лингвистических анализов отождествляет Беленджер с р. Гюльгерычай[39]. Оставляя правомерность подобных сопоставлений на суд специалистов, отметим только, что в небольшой речушке Гюльгерычай, протекающей в 10 км к югу от Белиджи, утопить людей невозможно. В последнем случае автор подкрепляет свои суждения и ссылками на сведения Якуби. В одном из своих сообщений Якуби действительно пишет, что «Джаррах завоевал Баланджар и дошел до реки Рубас, а затем до реки Арран». Однако направление этого второго похода, предпринятого Джаррахом в 724 г., определено довольно четко. Он двигался с севера на юг. Якуби недвусмысленно заявляет, что «Джаррах совершил поход против ворот Аллана (т. е. Дарьяла) и вернулся через ал-Баб»[40]. Об этом его походе, предпринятом специально в Аланию через Дарьял, сообщают и другие источники[41]. Цель похода, как отмечает М. И. Артамонов,— предотвратить возможность хазарских набегов через Дарьял[42]. Это сообщение Якуби

---

[36] *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969, с. 42; *Он же.* Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975, с. 12, 134.

[37] Худуд ал-Алем. Рукопись А. Туманского. С введ. и указ. В. Бартольда. Л., 1930, с. 32; *Ибн-Хордадбэ.* Книга путей и царств/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1903, вып. XXXII, с. 17; *Якут.* Географический словарь, т. I.— РФ ИИЯЛ, ф. 6, д. 67 (на арабском яз.).

[38] *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов..., с. 215.

[39] Там же, с. 212.

[40] *Якуби.* История, с. 6.

[41] Тарих ал-Камиль, Ибн ал-Асира/Пер. П. К. Жузе.— В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940, с. 25.

[42] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 209.

уточняют предыдущие его отрывочные сведения о походе Салмана, позволяя конкретизировать захваченные им пункты. Проникнув в Аланию через Дарьял и двигаясь затем с севера на юг, Джаррах прошел сначала через Беленджер, дошел до р. Рубас, а потом и до р. Арран. Река Рубас протекает севернее Торпах-кала, что исключает, таким образом, всякую возможность для сопоставления Белиджи (Торпах-калы) с хазарским Беленджером.

Не решает проблемы локализации Беленджера и предположение В. Г. Котовича о постепенном перемещении этого названия на север. После Белиджи под этим названием у него выступает целый ряд городов в Прикаспийском Дагестане и, наконец, Беленджер перемещается в Итиль и даже еще севернее [43]. Название хазарской столицы кочевало, таким образом, с одного города на другой, что и породило, по его мнению, значительные расхождения исследователей при решении этого вопроса. Однако и предложенное им решение далеко не самое удачное, поскольку является не конкретизацией свидетельств письменных источников на основе археологических данных, а признанием всех самых противоречивых вариантов локализации Беленджера. Среди выдвинутых им вариантов заслуживает внимания тот, что не исключает возможности существования Беленджера на месте Верхнечирюртовского городища, расположенного в бассейне р. Сулак. Однако, по мнению В. Г. Котовича, его следует назвать „городом Булхар — Балх“, а название «Беленджер» — якобы неправильное написание этого имени, образовавшееся вследствие небрежности переписчиков [44]. А между тем хазарская столица под названием Беленджер встречается почти во всех древних источниках (аль-Балазури, Ибн Хордадбех, Худуд ал-Алем, аль-Мукаддаси, Ибн аль-Факих, Ибн Фадлан, Якуби, Якут ар-Руми и др.), название же Балх можно встретить лишь в Дербенд-наме [45]. В. Г. Котович оперирует в своих суждениях этим названием города для того, чтобы обосновать свою идею о перемещении названия «Беленджер» с одного города на другой, в данном случае на Балх (Булхар), сопоставляемый им с Верхнечирюртовским городищем.

Накопленный за последние годы археологический материал не позволяет согласиться с выводами В. Г. Котовича.

Как было отмечено выше, Терско-Сулакское междуречье являлось наиболее густо населенным районом в VI—VIII вв., где лучше, чем в других местах, сохранились следы оседания кочевников, в том числе и хазар. Здесь сосредоточено наибольшее количество памятников с мощными слоями культурных отложений хазарского времени [46]. Распространенная на них сероглиняная керамика также свидетельствует о связи этой культуры с хазарами [47]. Поэтому Терско-Сулакское междуречье, известное у византийских писателей под названием Берзилия (Берсилия), а у арабов как Баршалия, и выступает наиболее вероятным очагом оседания хазарских племен.

---

[43] *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов..., с. 217.
[44] Там же, с. 215—219.
[45] Тарихи Дербенд-наме/Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, с. 43.
[46] *Магомедов М. Г.* Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 2, с. 200.
[47] Анализ керамических материалов дается ниже.

Очевидно, именно здесь должен был сложиться и первый политический центр Хазарии, известный под названием «Беленджер» [48]. Наиболее возможный пункт его формирования — незаурядное по своим особенностям Верхнечирюртовское городище, расположенное у р. Сулак и занимающее стратегически важный пункт на границе предгорий и низменности. Месторасположение городища — узловое в системе Прикаспийского пути, сюда сходились все дороги, ведущие на юг в страны Закавказья и Переднего Востока. Городище примечательно не только значительными размерами и мощной системой оборонительных сооружений, но и окружающими его обширными могильниками с различными конструкциями погребальных сооружений, свидетельствующих об этнической и социальной пестроте его обитателей.

Как же согласуются с археологическими данными и топографией Верхнечирюртовского городища разноречивые сведения письменных источников о Беленджере? Упоминаемый в источниках в качестве первой столицы хазар, он выступает как обширный город, где были сосредоточены значительные богатства [49]. О богатстве Верхнечирюртовского городища свидетельствуют разнообразные высокохудожественные изделия с могильников.

В некоторых источниках Беленджер не без основания называется и страной. Дело в том, что во всей замкнутой отрогами хребтов Сулакской долине выявлено, как отмечалось выше, более 15 поселений и крупных городищ с тождественной культурой, расположенных вдоль реки. Все они тяготеют к Верхнечирюртовскому городищу. Очевидно, эта основательно заселенная долина и нашла отражение у арабских авторов как «царство» и много городов, называемое «Беленджер» [50].

По свидетельству «Худуд ал-Алема», Беленджер был городом с крепкими стенами или известной хазарской крепостью [51]. Действительно, Верхнечирюртовское городище укреплено массивными, достигающими 10 м толщины оборонительными стенами с регулярно расположенными башнями, которые придавали городу вид неприступной крепости. Система выносных башен, сооруженных на господствующих перед стенами холмах, затрудняла возможность подхода к главным стенам. Эти башни также нашли отражение в источниках: Табари писал, что башни Беленджера нанесли арабам много вреда [52] при захвате ими города. Неоднократные захваты Беленджера арабами (Джаррахом, Масламой, Мерваном), засвидетельствованные в источниках, находят подтверждение в остатках оборонительных стен, несущих следы многочисленных достроек и перестроек.

Примечательно, что Беленджер известен из источников и как река. Когда арабы в 723 г. захватили город, их предводитель Джаррах из-за множества пленных хазар и их семей приказал топить их в р. Беленджер [53]. Очевидно, речь шла о Сулаке. Другой реки к северу от Дербен-

---

[48] *Масуди.* Книги сообщений и знаний/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 34.
[49] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод..., с. 176.
[50] *Дорн Б.* Известия о хазарах..., с. 13—23.
[51] Худуд ал-Алем. Рукопись А. Туманского, с. 32.
[52] *Табари.* История пророков и царей/Пер. А. Р. Шихсаидова.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 34.
[53] Там же, с. 29.

та, в которой можно было бы топить людей, нет. Поэтому не случайно еще Маркварт отмечал, что р. Беленджер надо искать на р. Сулак[54]. О том, что Сулак — это р. Беленджер, указывал и М. И. Артамонов[55].

Б. Н. Заходер, анализируя сведения о Беленджере, обратил внимание на то, что вместе с ним в источниках часто упоминается и г. Хамлидж[56]. Если исключить, что в источниках под Хамлиджем подразумевается часть Верхнечирюртовского городища, расположенного на противоположном берегу Сулака, то им могли быть расположенные рядом с Верхнечирюртовским Бавтугайское или Сигитминское городища. Они выступают своего рода спутниками Верхнечирюртовского городища, объединенными с ним не только общностью культуры, но и взаимной обороной. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в источниках они фигурируют рядом.

И, наконец, само название г. Беленджер также находит конкретное объяснение при локализации его на месте Верхнечирюртовского городища. Основание города и других многочисленных укреплений в Приморском Дагестане письменные источники связывают со строительной деятельностью иранских правителей, которые после того, как вся территория Албании в конце IV в. вошла в состав Сасанидской империи[57], предпринимают огромные усилия по укреплению своих северных границ[58]. Эти усилия завершаются сооружением знаменитых дербентских оборонительных комплексов[59].

Об укреплении Сасанидами приморского прохода и заселении его воинами сообщается в ряде источников[60]. Сооружения эти предназначались для закрытия не только прохода по берегу моря, но и ущелий соседних гор, откуда могли окружить г. Дербент[61].

Важными узлами среди тщательно продуманной системы обороны Приморского Дагестана, возведенной на дальних подступах к Дербенту, были города Беленджер и Семендер, основанные, по свидетельству письменных источников, Хосровом Ануширваном. Следы строительной деятельности Ануширвана на территории Верхнечирюртовского городища пока не обнаружены. Но нередкие находки обломков красноангобированной и красноглиняной керамики, характерные для памятников приморской полосы, в отложениях города могут свидетельствовать о проникновении иранского влияния до теснин Сулака. Поэтому не исключена возможность, что названия этих городов могли быть иранского

---

[54] *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898, S. 17.
[55] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 207.
[56] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод..., с. 179.
[57] История Азербайджана, Баку, 1958, т. 1, с. 96.
[58] История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в./Пер. К. Патканьян. СПб., 1861, с. 125.
[59] *Артамонов М. И.* Древний Дербент, с. 121; *Еремян С. Т.* Сюния и оборона сасанидами кавказских проходов.— Изв. Арм ФАН СССР, 1941, № 7(12), с. 33.
[60] Ибн ал-Факих. Книга о странах, с. 15; *Ибн-Хордадбэ.* Книга путей и царств, с. 15; *Масуди.* Луга золота и рудники драгоценных камней/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 41; *Баладзори.* Книга завоевания стран, с. 5.
[61] *Бартольд В. В.* Дербент. Из энциклопедии ислама.— РФ ИИЯЛ, д. 9(Д), Б-26; *Козбуский Е. И.* История города Дербента, с. 17.

происхождения. Наименование «Беленджер (Боланджар)» образовалось из двух слов «боланд» и «джор». «Боланд» на современном иранском языке — «высокий», «длинный», «громкий» и «джор» — «шель», «трещина», «расселина». Боланджар означает, таким образом, высокая (длинная) щель (трещина) [62]. Если учесть, что Верхнечирюртовское городище расположено на берегу р. Сулак, вытекающей из самого глубокого на Кавказе каньона, то в его названии, а также в названии реки и отразились наиболее яркие особенности топографии этой местности. Таким образом, столь детальное совпадение разноречивых сведений письменных источников о Беланджере с топографией Верхнечирюртовского городища и с комплексом выявленных здесь памятников далеко не случайно. Они свидетельствуют не о противоречивости источников, а скорее об их объективности. Древние авторы отмечали разные, но действительно присущие не только самому городищу, но и всей стране Беленджер особенности.

С выяснением месторасположения Беленджера — раннего центра терско-сулакской Хазарии — соответственно возрастают возможности и для отыскания Семендера. Основными источниками для этого также служат археологические материалы, которые раскрывают не только предпосылки появления у хазар новой столицы, но и причины противоречивости источников о местонахождении этого города.

Как известно, большинство исследователей, занимавшихся проблемой Семендера (Ю. Клапрот, И. Маркварт, Б. А. Дорн, А. Я. Гаркави, А. К. Казембек, Д. А. Хвольсон, Х. Алкадари, Б. Г. Малачиханов, В. Ф. Минорский, С. Т. Еремян, Л. И. Лавров, В. Г. Котович, авторы «Истории Дагестана» и др.), отождествляют этот город с современным сел. Тарки (у г. Махачкалы) или же с его окрестностями [63].

Другая часть исследователей (Ф. Вестберг, П. К. Коковцов, Заки Валиди, М. И. Артамонов, Л. Н. Гумилев и др.) допускают возможность бытования Семендера на Тереке или отождествляют его с современным Кизляром [64].

Таким образом, в вопросе об идентификации и второй столицы хазар также нет единого мнения, хотя преобладающее большинство авторов склонно или отождествлять Семендер и Тарки, или же расположить

---

[62] *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов..., с. 208.

[63] *Klaproth I.* Tablea historique geographique, ethnographique et politique du Caucase et de provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. Paris; Leipzig, 1827; *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903; *Дорн Б. А.* Каспий. СПб., 1875, с. 66; *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1871, с. 229; *Алкадари Х. Э.* Асари Дагестан/Пер. Али Гасанова. Махачкала, 1929, с. 9; *Малачиханов Б.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане.— Учен. зап. ИИЯЛ, 1965, т. XIV. Сер. ист., с. 177; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, X—XI вв., с. 144; *Еремян С. Т.* Моисей Каланкатуйский. О посольстве албанского князя Вараз-Трдата..., с. 142—143; *Лавров Л. И.* Тарки до XVIII века.— УЗ ИИЯЛ, 1965, т. XIV. Сер. ист., с. 14—15; История Дагестана. М., 1967, т. 1, с. 129; *Котович В. Г.* Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 232.

[64] *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе.— ЖМНП, 1908. Нов. сер., ч. XIX, с. 43; *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 100; *Артамонов М. И.* История хазар, с. 342; *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии, с. 169.

Семендер близ Тарки в районе г. Махачкалы. Однако важно, что, в отличие от Беленджера, исследователи называют в основном лишь два пункта локализации Семендера. Почти все древние авторы, как это выявил путем тщательного анализа письменных источников Б. Н. Заходер, указывают до Семендера четыре и восемь дней пути от Дербента[65]. В первом случае указываются и конкретные ориентиры (море и озеро), около которых находился Семендер. Этим объясняется большее число сторонников его локализации в четырех днях пути к северу от Дербента у г. Махачкала. Однако при подобном варианте его локализации остается неясным, почему в ряде источников говорится о восьми днях пути от Дербента до Семендера. Причины подобных противоречий источников раскрываются при анализе археологических материалов. Выше уже отмечалось, что в слоях хазарского времени на всех исследованных памятниках приморской полосы представлена сероглиняная керамика, резко отличающаяся от красноглиняной керамики предшествующих и последующих эпох. Появление и широкое распространение новой культуры на памятниках Приморского Дагестана до Дербента включительно можно объяснить лишь проникновением носителей этой культуры в указанные районы. Оно является следствием расширения первоначальных терско-сулакских пределов страны в южном направлении в результате военной экспансии, очевидно, самих хазар против Албании и Сасанидского Ирана. Эти памятники отражают направление первых военных ударов хазар, вышедших в VI—VIII вв. на широкую и тревожную международную арену. О распространении их влияния и к югу от Терско-Сулакского междуречья свидетельствует не только стратиграфия исследованных памятников, но и сведения многочисленных письменных источников, в которых недвусмысленно указано, что хазары завладели этими землями[66]. Сасанидские правители, чтобы положить конец бесконечным набегам их в пределы империи, вынуждены были отказаться от Приморского Дагестана в пользу хазар. Источники сообщают нам о переговорах, состоявшихся в Баршалии (Барсилии), обеспокоенного хазарскими вторжениями Хосрова Анушервана с каганом. В результате этих переговоров оба правителя вступили в родственные связи друг с другом и установили новую границу между двумя государствами по дербентской теснине[67]. Однако и Дербент не стал непреодолимой преградой для хазар. Они неоднократно захватывали его и держали здесь военные гарнизоны[68]. Из Дербента хазары довольно часто совершали грабительские походы в страны Закавказья[69]. Таким образом, первая внешнеполитическая акция хазар завершается в результате договора с Ираном приобретением обширной территории по предгорному Дагестану.

---

[65] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод..., с. 179.

[66] *Баладзори.* Книга завоевания стран, с. 7; Тарихи Дербенд-наме, с. 27; *Ибн-Хордадбэ.* Книга путей и царств, с. 15.

[67] Тарихи Дербенд-наме, с. 27; *Баладзори.* Книга завоевания стран, с. 8; *Кудама.* Книга о земельном налоге/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, вып. XXXII, 1903, с. 32.

[68] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 203.

[69] *Буниятов З. М.* О длительности пребывания хазар в Албании в VII—VIII вв.— Изв. АН АзССР, 1961, № 1; *Он же.* Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, с. 180.

С освоением вновь приобретенной территории и связано возникновение новой столицы Хазарии, которая должна была сформироваться, очевидно, к югу от древнего Беленджера. Возникает вопрос, какими соображениями могло быть обусловлено перемещение столицы и какой новый пункт для этого мог быть облюбован? Вторая столица хазар сложилась на базе уже существовавшего Семендера. И наиболее вероятным пунктом его местонахождения является район г. Махачкалы, где его не без основания и локализует большинство исследователей. Этот район выделяется явными стратегическими преимуществами по сравнению с местом расположения Беленджера. У г. Махачкала горные хребты близко подходят к берегу моря, образуя узкий коридор, удобный для закрытия прохода, что и было осуществлено, судя по письменным источникам, Ануширваном. Вместе с тем новая столица располагала здесь и выходом в море, обеспечивавшим большие возможности для торговли и сбора морской пошлины, являвшейся одной из доходных статей кагана[70]. И, наконец, на новом месте хазарская столица была ближе к странам Закавказья, куда была направлена основная их экспансия в VII—VIII вв. Из письменных источников известно, что Семендер был «сборным местом»[71] войск хазар, стягивавшихся сюда для грабительских походов в страны Закавказья. Эти существенные стратегические преимущества нового района не могли не быть учтены хазарами при решении вопроса о месте новой столицы каганата. В настоящее время накоплен значительный материал, подтверждающий возможность бытования здесь хазарского Семендера.

Еще путешественники, проезжавшие в XVII—XVIII вв. по Приморскому Дагестану, обратили внимание на остатки стен в районе Тарков (у г. Махачкала), протянувшихся от гор к морю[72]. А. С. Башкиров, исследовавший эти стены, пишет, что «между городом Махачкала и аулом Тарки обнаружен ряд монументальных памятников, среди которых едва заметные фрагменты древних оборонительных стен, идущих от гор к морю (как в Дербенте). Площадь между ними почти сплошь представляет культурный слой. Фрагменты северной стены почти не нащупываются, видно ее ложе, оставленное после расхищения камня, вывезенного на постройку гор. Петровска (Махачкалы). Грамотные люди из Тарков, указывая на эти фрагменты, говорят, что это остатки древнего Семендера»[73]. В 1935 г. остатки стен в районе г. Махачкала осмотрел А. А. Иессен. Он отмечает также и множество курганов, расположенных между их остатками[74]. Еще совсем недавно их видел В. И. Марковин[75]. О направлении стен, полностью уничтоженных к на-

---

[70] *Ал-Истахри.* Из книги путей и царств/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, вып. XXIX, 1901, с. 43.

[71] Ибн-Хаукаль. Из Книги путей и стран/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, вып. XXXVIII, 1908, с. 15.

[72] *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889, вып. 1, с. 404.

[73] *Башкиров А. С.* Изучение памятников старины, с. 239.

[74] *Иессен А. А.* Археологические работы на новостройках.— ИГАИМК, 1935, вып. 110, с. 33.

[75] *Марковин В. И.* Дорогами и тропами Дагестана. М., 1974, с. 38.

стоящему времени, сообщают и другие исследователи[76]. Сам факт существования этих стен и их направление от гор к морю на расстоянии 2 км друг от друга свидетельствует о том, что здесь в древности находился огромный по размерам город, закрывавший собою, подобно Дербенту, приморский проход.

Археологические исследования Тарков дали возможность выяснить расположение жилых кварталов городища, его размеры и характер представленной на нем культуры. Удалось установить, что культурные отложения городища простираются по северным склонам горы Тарки-тау. Перекрытые современными постройками Тарков, они протянулись на 900—1000 м в длину и не менее 700 м вниз по склону горы. В срезах многочисленных строительных площадок и особенно вдоль подъездных путей к ним обнажены напластования в 2—4 м толщины, свидетельствующие о существовании здесь поселений с рубежа нашей эры до позднего средневековья[77]. В огромной массе разнообразного керамического материала, представленного на городище, четко выделяется и сероглиняная керамика, характерная для памятников Терско-Сулакского междуречья. Встречается она в албано-сасанидских слоях или в слоях, перекрывающих их. Интересно также, что на восточной окраине Тарков в процессе строительных работ на протяжении 40 м обнажены остатки внешней стороны древней стены до 1 м высоты и около 4 м ширины. Она тянется в сторону моря по гребню разлома горы Тарки-тау и возведена из крупных и средних размеров необработанного камня. В востоку от нее, по другую сторону разлома, культурные отложения городища не прослеживаются. По-видимому, это остатки одной из оборонительных стен древнего городища, которые могли быть творением иранских правителей, в частности Анушырвана. Название города «Самандар» означает на персидском языке крайняя (или наружная) дверь[78]. Стены Семендера были крайними по отношению к основным Дербентским, с которыми они имели не случайное сходство в планировке и направлении. Следует отметить, что к северу от г. Махачкала приморская полоса резко расширяется и дальше нет удобных для закрытия прохода пунктов.

Могильник с остатками древних захоронений находится частично в 100 м к северу от Таркинской средней школы. Исследованные здесь погребения представлены коллективными и одиночными захоронениями в каменных склепах и ящиках. Богатый погребальный инвентарь примечателен разнообразными украшениями и оружием. Найдена здесь и золоченная арабская монета VIII в. Могильник датируется VIII—IX вв. и по времени связывается с хазарским периодом существования Семендера.

В результате предпринятых здесь археологических исследований мы имеем возможность представить общую топографию Таркинского городища. Огражденное подобно Дербенту с двух сторон оборонительными стенами, оно занимало обращенные в сторону моря склоны горы Тарки-

---

[76] *Малачиханов Б.* К вопросу о хазарском Семендере..., с. 175; *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, с. 36.
[77] *Магомедов М. Г.* Древние политические центры Хазарии, с. 72.
[78] *Лавров Л. И.* Тарки до XVIII в., с. 14.

тау. На западной окраине городища простирались могильники с различными типами погребальных сооружений. У основания горы, между стенами, располагался огромный курганный могильник. На низменной части, протянувшейся на 3—4 км от основания склонов Тарки-тау до берега моря, культурные отложения не прослежены. Приморская равнина являлась сельскохозяйственной территорией Семендера, на которой располагались знаменитые виноградники [79].

При локализации Семендера в Таках и в 50 км к северу от Беленджера на месте Верхнечирюртовского городища объясняются и причины незначительных расхождений в координатах между ними: у Бируни они составляют 73°, 44°50 и 72°30, 44°55, у Хамдула Казвини — 85°20, 46°30 и у Абдул Фида — 75°20, 46°30 и 78°0, 44°50 [80].

Таким образом, Таркинское городище, оседлавшее своими оборонительными стенами стратегически важный проход в районе Махачкалы, расположенное в четырех днях пути (в 120 км) от Дербента, у берега моря и неподалеку от оз. Ак-Гель, наиболее соответствует сведениям письменных источников о местоположении Семендера.

Следует также остановиться на новом варианте локализации Семендера, предложенном В. Г. Котовичем [81]. В результате своих поисков он пришел к выводу, что Семендер находился на месте громадного якобы по своим размерам Махачкалинского городища, расположенного на северо-восточной части возвышенности Анджи-Арка и ее склонах (северо-западная, наиболее возвышенная часть Махачкалы). Он полагал, что на вершине возвышенности Анджи-Арка могла находиться упомянутая в «Дербент-наме» крепость Анджи, в которой видит цитадель городища, а ниже нее — жилые кварталы [82]. Несмотря на само название исследования — «Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера», именно археологические материалы, подтверждающие предлагаемую автором локализацию хазарской столицы, в работе отсутствуют. На всем протяжении интенсивно застраиваемой возвышенности Анджи-Арка культурные отложения древнего городища нигде не прослежены. Нет их по склонам многочисленных террас, сооруженных по всем склонам возвышенности. Однако совершенно очевидно, что если на возвышенности существовало древнее городище, следы его не могли полностью исчезнуть. Ведь не исчезли они на Таркинском, Верхнечирюртовском и других городищах, полностью перекрытых современными населенными пунктами. Поэтому возможность расположения древнего Семендера на этой возвышенности, не подкрепленная археологическими материалами, отпадает полностью.

Шаткостью выдвинутой гипотезы можно объяснить и то, что жилые кварталы Махачкалинского городища, по мнению В. Г. Котовича, были якобы приурочены к двум участкам: к возвышенности Анджи-Арка на северо-востоке и к склонам горы Тарки-тау. Для подобного раздвое-

---

[79] *Ал-Мукаддаси.* Лучшее из делений для познания стран/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК. Тифлис, вып. XXXVIII, 1908, с. 5.
[80] *Дорн Б.* Каспий, с. 86.
[81] *Котович В. Г.* Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера, с. 237.
[82] Там же, с. 241.

ния Семендера на две части, удаленные друг от друга более чем на 5 км, нет никаких оснований. Остатки Семендера не имеют никакого отношения к сомнительному Махачкалинскому городищу и полностью сосредоточены на склонах горы Тарки-тау, где среди выразительных культурных отложений представлена и сероглиняная керамика хазарского времени.

Не решают проблемы и попытки В. Г. Котовича втиснуть Махачкалинское городище между известными оборонительными стенами, произвольно начертив их не прямо, а несколько наискось к берегу моря[83]. Возвышенность Анджи-Арка вообще оказывается за чертой оборонительных стен, протянувшихся от горы Тарки-тау к морю. Как отмечают исследователи, расстояние между южной стеной, протянувшейся от сел. Тарки, и северной, идущей от сел. Кяхулай, составляло около 2 км[84]. Расстояние от отрезка оборонительной стены, выявленной на восточной окраине Тарков и протянувшейся, очевидно, наиболее кратчайшим путем к берегу моря, до возвышенности Анджи-Арка составляет не менее 4 км. Поэтому не только восточная оконечность, но и вся возвышенность Анджи-Арка оказывается за пределами оборонительных стен Семендера. Таким образом, и оборонительные стены никакого отношения к так называемому Махачкалинскому городищу не имеют. Однако мы не исключаем возможности бытования на вершине Анджи-Арка небольшой, очевидно сторожевой, крепости, известной по «Дербенд-наме» под названием Анджи[85]. К сожалению, следы крепости не сохранились, время ее существования неизвестно, и поэтому она не может служить достоверным археологическим источником для отождествления с Семендером. Тем более, что, по свидетельству той же «Дербенд-наме», оборонительные стены Таркинского городища к морю тянулись вблизи этой крепости[86]. Она, очевидно, выполняла сторожевые функции, поскольку отсутствие питьевой воды на возвышенности исключало возможность пребывания здесь больших гарнизонов.

Таким образом, не Махачкалинское, существование которого сомнительно, а Таркинское городище и связанные с ним археологические памятники наиболее достоверно подтверждают различные сведения письменных источников о Семендере.

С выяснением местонахождения Семендера можно разобраться и в причинах появления у хазар еще одной летней резиденции, под названием Варачан. Под этим названием, по всей вероятности, подразумевается Урцекское городище. Оно также выделяется по сравнению с другими памятниками Приморского Дагестана стратегическим положением, обширными размерами и монументальностью оборонительных, бытовых и культовых сооружений. Сложная топография городища наряду со значительной протяженностью и массивностью его крепостных и особенно заградительных — «длинных» стен, доходивших до морского побережья, свидетельствует о важном значении городища в раннесредневековую эпоху как крупного экономического и политического

[83] Там же, с. 237, рис. 38.
[84] *Малачиханов Б.* К вопросу о хазарском Семендере..., с. 177.
[85] Тарихи Дербенд-наме, с. 77.
[86] Там же, с. 77.

центра. Остатки городища наиболее точно соответствуют сведениям письменных источников о местоположении столицы царства гуннов, известной под названием Варачан[87]. Наличие в заключительных слоях Урцекского городища значительной прослойки сероглиняной керамики, характерной для памятников Терско-Сулакского междуречья, может являться вещественным подтверждением культурного, а затем и политического влияния хазар на гуннов. Гуннский князь, по сообщению источников, был вассалом хазарского кагана и находился с ним в родстве, поскольку «принужден был дать ему дочь свою в супружество»[88]. Поэтому Варачан, расположенный в живописной Урцекской долине, к югу от Семендера, и выступает в источниках не только как столица гуннов, но и как летняя резиденция хазарских каганов[89].

С выяснением местоположений древних центров Хазарии и царства гуннов проясняются и контуры территории последнего. Границы страны доходили на юге до дербентских укреплений, а на севере, очевидно, до стен Семендера. В центре страны, протянувшейся по предгорьям Дагестана, и сложилась столица царства Варачан. С объединением гуннов в составе Хазарского каганата среди красноглиняной керамики здесь распространяется и культура сероглиняной керамики, связанная своим происхождением с Терско-Сулакским центром Хазарии.

И, наконец, при отождествлении Таркинского городища с Семендером мы уже отмечали, что в источниках он одновременно располагается и в восьми днях пути от Дербента. Объяснить эти противоречия источников только их неточностью или небрежностью переписчиков, очевидно, нельзя уже потому, что подобная «погрешность» характерна почти для всех письменных источников, касающихся именно Семендера[90]. Разновременность и независимость этих источников друг от друга ставит под сомнение возможность случайной ошибки, переходившей из одного древнего труда в другой. Не исключено, что за этим кажущимся противоречием кроется не ошибка переписчиков, а конкретный факт, имеющий под собой реальную основу. И разобраться в причинах этих противоречий также позволяют археологические материалы.

При локализации Беленджера мы уже имели возможность убедиться в том, что разногласия письменных источников не являются свидетельством их противоречивости. Конкретность и высокая точность арабской географической науки общеизвестны. Поэтому нет оснований для сомнения в объективности источников и в отношении Семендера. И если они в своих сообщениях располагают Семендер на разных расстояниях от Дербента (то к югу, то к северу от Беленджера), то не вправе ли мы сделать предположение, что существовало два Семендера? Возможно, правы и те исследователи, которые помещают хазарскую столицу на Тереке в восьми днях пути от Дербента. Перенесение хазарской столицы из Беленджера в район Махачкалы было обусловлено, как отмечено выше, рядом благоприятных факторов.

---

[87] *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов..., с. 192.
[88] История агван Моисея Каганкатваци..., с. 199.
[89] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 83.
[90] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод..., с. 175.

На новом месте хазары могли не опасаться за судьбу своей столицы, поскольку дряхлеющий Сасанидский Иран не представлял для них в VII в. особой опасности. Наоборот, сасанидские правители предпринимали отчаянные и не всегда успешные попытки с целью предотвращения бесконечных хазарских набегов к югу от дербентских укреплений. Однако вскоре политическая ситуация изменилась коренным образом. Вместо развалившегося сасанидского государства хазарам пришлось столкнуться с новой и грозной силой в лице арабов. Первая же волна арабских нашествий на Хазарию в 653 г. докатилась до стен Беленджера. И хотя это столкновение закончилось в пользу хазар, они испытали на себе потенциальную силу и агрессивность нового врага. Это столкновение и последующие за ним новые удары арабов, очевидно, и внесли существенные коррективы в стратегические цели хазар, обусловившие новую расстановку военно-политических центров страны и направление их внешнеполитической ориентации. Если после победы над Салманом Ибн Рабиа хазары еще неоднократно вторгались в Закавказье и хозяйничали там, то обстановка резко изменилась после походов Джарраха и особенно Мервана. К этому времени арабы не только укрепились в Дербенте, но и предприняли ряд успешных походов в глубь Хазарии, неоднократно захватывая при этом Семендер и Беленджер.

В связи с этим возникает вопрос, могла ли оставаться резиденция каганов на переднем крае хазарских владений, в непосредственной близости от Дербента. Очевидно, в сложившихся обстоятельствах они должны были переместить ставку кагана на новое, безопасное место. Вернуть ее и в старый Беленджер, как и Семендер, неоднократно разрушавшийся арабами, они не могли. Не могли они в это время перенести ее и далеко в Итиль (в устье Волги). Культура, связанная с хазарами, появляется там только во второй половине VIII в.[91] Как отмечает М. И. Артамонов, никакого хазарского города на Волге не было раньше VIII в., а Итиль как город складывается в середине IX в.[92]

Возможным местом расположения новой резиденции каганата остаются северные районы собственно Хазарии. Вероятнее всего, она могла находиться на Тереке, где ее и локализует часть исследователей. С новым Семендером идентифицируют Шелковское городище, не случайно расположенное на левом защищенном берегу Терека. Городище, как отмечалось, обширно и укреплено мощной системой оборонительных сооружений, возведенных из чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей. Керамика с городища, приемы сооружения его оборонительных стен и размеры кирпичей находят прямые аналогии на памятниках Терско-Сулакского междуречья. Шелковское городище выделяется среди них остатками более массивных оборонительных сооружений и слабой выраженностью культурных отложений. Эти особенности, очевидно, и должны быть присущи новой недолговечной резиденции хазарских каганов. Не случайно также, что и новая столица хазар, сооруженная по всем правилам раннесредневекового фортификационного ис-

---

[91] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 142.
[92] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 235; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 47.

кусства, с затратой огромных сил и средств, возводилась теми же конструктивными приемами, которые зафиксированы на заключительном этапе бытования крепостных сооружений Верхнечирюртовского городища (Беленджера). В начале IX в. жизнь на Щелковском городище, как и на других памятниках Приморского Дагестана, прекращается. Не сумев закрепиться на Тереке, хазары под натиском арабов вынуждены были перенести резиденцию кагана на Волгу — сначала в Аль-Бейда[93], а затем в Итиль. С этого времени в Юго-Восточную Европу перемещается и основная масса хазар.

Приведенные археологические данные в сочетании с той политической ситуацией, которая сложилась в Хазарии с началом арабо-хазарских войн, не исключает, таким образом, возможности существования у хазар второй столицы под названием Семендер. Возникновение нового Семендера и объясняет причину двух различных расстояний до них, отразившихся почти во всех источниках. Более того, с началом арабских завоеваний новая столица хазар оказывается не к югу, а уже к северу от Беленджера[94]. Возникновение нового Семендера связано, таким образом, с арабо-хазарскими войнами, что и нашло объективное отражение в источниках.

При тщательном анализе источников можно заметить, что эти города явно отличаются друг от друга. Например, аль-Истахри недвусмысленно заявляет, что у хазар есть еще город по имени Семендер[95]. Более конкретно это сообщение нашло отражение в «Дербенд-наме», где сказано, что некоторые восточные географы отличают Семендер от г. Семенд[96]. Известный востоковед А. Қазембек, анализируя «Дербенд-наме», а также приходит к выводу о существовании двух пунктов под названием Семендер[97]. Название старого города было механически перенесено на вновь возникший в связи с перемещением части обитателей из одного пункта в другой. Сохранение за новой столицей хазар старого названия «Семендер» могло быть обусловлено и причинами другого порядка. Хазарский каганат, с которым считался весь окружающий мир и который соперничал с Византией и Арабским халифатом, вынужден был менять столицу в результате военного поражения. Дать другое имя уже известной всюду столице означало бы признать этот факт перед окружающим миром и нанести тем самым еще больший ущерб своему престижу. Не исключено, однако, что новая столица могла иметь название Семенд, превратившееся в силу традиций в Семендер, которое и получило широкое распространение в восточной географической науке.

Таким образом, лишь комплексное исследование археологических материалов и сведений письменных источников с учетом политической обстановки, сложившейся в Хазарии с началом арабских завоеваний, дают возможность наиболее объективно разобраться в проблеме местоположения и перемещения ранних политических центров каганата.

---

[93] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 234.
[94] Тарих ал-Қамиль, Ибн ал-Асира, с. 24; *Артамонов М. И.* История хазар, с. 219.
[95] *Ал-Истахри.* Из книги путей и царств, с. 47.
[96] Тарихи Дербенд-наме, с. 47.
[97] *Kazem-Beg M. A.* Derbend-Nameh, of the History of Derbend.— In: Memoires l'Academie imp. des Sciences de St. Petersbourg, 1851, t. VI, p. 435.

Глава вторая

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ, ИХ ИНВЕНТАРЬ И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Несмотря на огромное количество бытовых памятников и могильников, выявленных на обширной территории Хазарского каганата, а также настойчивые усилия археологов по их исследованию, до сих пор «не обнаружены не только могилы хазарских каганов, но, вообще, неизвестны собственно хазарские погребения»[1]. Лишь погребения родственных им этнически и по культуре народов, входивших в состав каганата, выявлены и исследованы с достаточной полнотой[2]. Поиски собственно хазарских погребений на просторах Юго-Восточной Европы были малоуспешными, возможно, потому, что хазары могли затеряться среди пестрого состава народов, передвинувшихся в эти края под натиском арабов. Следует ожидать, что наиболее плодотворными поиски хазарских погребений будут в древней Берсилии — прародине хазар. И наиболее перспективными памятниками в этом отношении представляются обширные Верхнечирюртовские могильники 1—4 (рис. 11) — некрополи древней столицы Хазарского каганата — г. Беленджера[3]. К его остаткам примыкает несколько одновременных грунтовых и курганных могильников, на которых исследованы различные типы погребальных сооружений, свидетельствующие об этнической и социальной пестроте обитателей столицы (рис. 12). Соотношение различных типов погребений на могильниках видно из табл. 3.

Разумеется, все исследованные типы погребений не могут являться показателем точного их процентного соотношения по причине неравномерности раскопок самих могильников. Различия в характере устройства погребений и представленного в них инвентаря обнаруживаются не только на каждом могильнике, но и в представленных на них типах погребений. Так, все исследованные катакомбы на могильнике 1 были устроены в твердом суглинке на глубине 0,7—1,3 м от поверхности[4]. Погребальные камеры их сооружены в продольной стенке дромоса и имели овальные, округлые или подчетырехугольные в плане очертания. Зафиксировано несколько случаев, когда погребальные камеры сооружались в обеих поперечных стенках дромосов. Иногда в одной из длинных стенок дромоса устраивался подбой[5]. Входы в камеры прикрыва-

---

[1] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 412.

[2] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 71; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106, с. 13; *Минаева Т. М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 113.

[3] Порядковые номера и описание могильников см. в Приложении 2.

[4] *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение).— МАД. Махачкала, т. II, 1961, с. 248.

[5] Там же, с. 248.

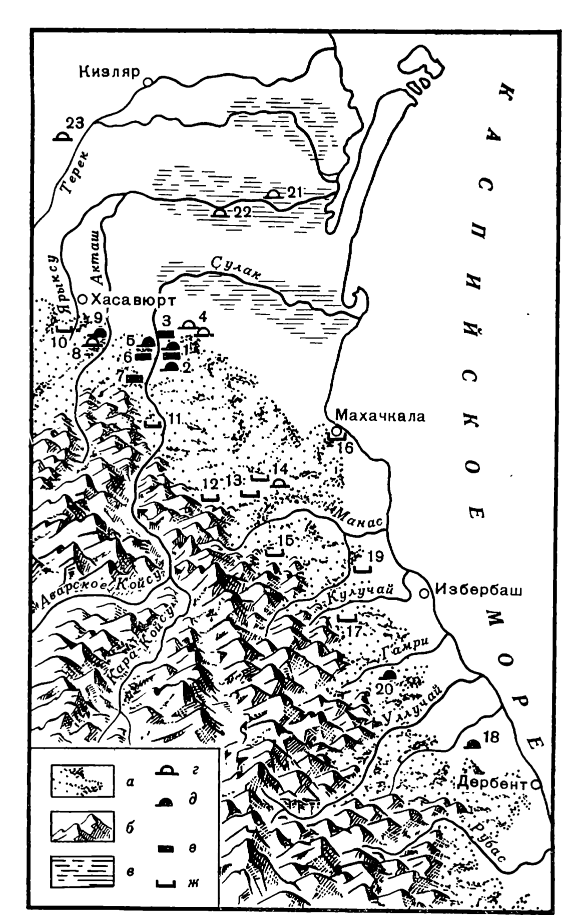

Рис. 11. Могильники Прикаспийского Дагестана VI—IX вв.

а — предгорья;
б — горы;
в — болота;
г — курганы;
д — катакомбный могильник;
е — грунтовые погребения;
з — склепы;
1—4 — Верхнечирюртовские;
5, 6 — Бавтугайские;
7 — Миатлинский;
8, 9 — Андрейаульские;
10 — Новокулинский;
11 — Узунталинский;
12 — Верхнекаранайский;
13 — Агачкалинский;
14 — Большой Буйнакский;
15 — Гапшиминский;
16 — Таркинский;
17 — Дегва;
18 — Джемикентский;
19 — Урцекский;
20 — Таргунский;
21 — Бораульский;
22 — Новонадеждинский;
23 — Шелковский

лись плитами или стеной из валунов. Валунами забутованы и дромосы камер. Ориентация камер и дромосов различна. В катакомбах находились от одного до семи погребенных, лежавших в вытянутом положении на спине, преимущественно головой на северо-восток или северо-запад.

Грунтовые могилы здесь устроены на глубине 0,75—0,9 м от поверхности, имеют прямоугольные очертания и подобно катакомбам сооружены без определенной ориентации.

И, наконец, погребения в подбоях совершались вдоль длинной стенки прямоугольных ям.

Погребальный инвентарь всех трех типов могильных сооружений в основном одинаков, но отличается между собой по количеству и богатству. На основании всего комплекса выявленных здесь материалов могильник датируется V—VII вв. и связывается с местным населением Дагестана [6].

Основным типом погребальных сооружений на могильнике 2 явля-

---

[6] Там же, с. 250.

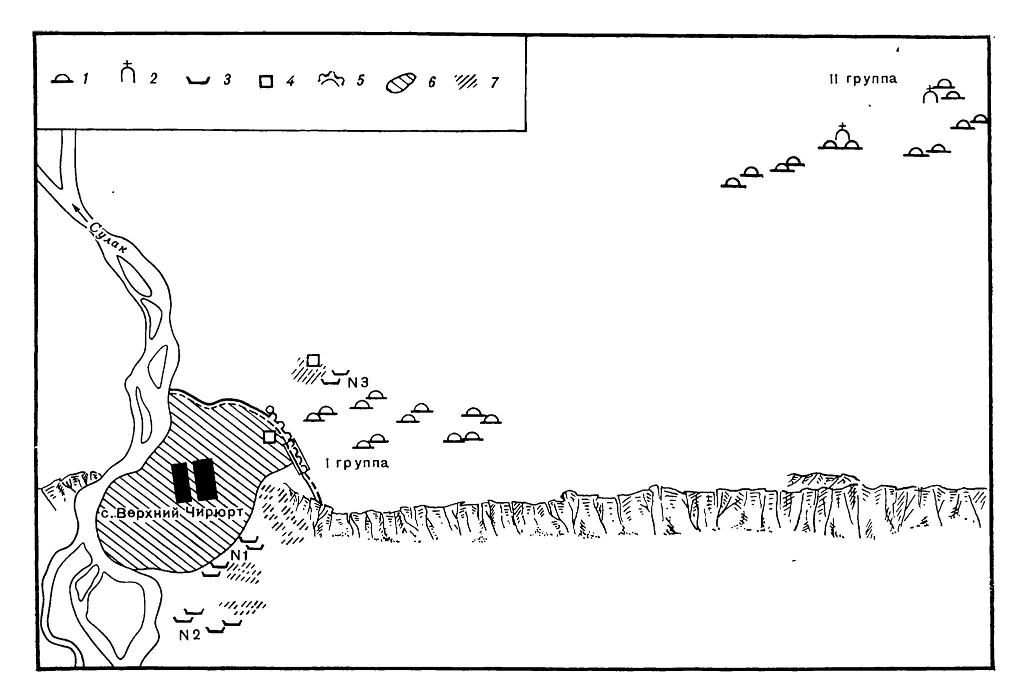

Рис. 12. План Верхнечирюртовского городища и могильников

1 — курганы; *2* — церковь; *3* — грунтовые могильники; *4* — раскоп; *5* — оборонительные сооружения; *6* — территория городища; *7* — скопления культурных отложений

ются катакомбы, среди которых встречаются и подбойные захоронения. Смешанное расположение различных типов погребальных сооружений на этих могильниках может свидетельствовать об их генетической взаимосвязи.

Сохранившийся костяк в одном из погребений могильника 3 лежал в подбое, устроенном в продольной стенке ямы, и был прикрыт тремя плитами. Ориентация погребенных также неустойчива. Беден и погребальный инвентарь.

На фоне рассмотренных выше грунтовых могильников резко выделяется Верхнечирюртовский курганный могильник. Он примечателен

Таблица 3. Типы погребальных сооружений

Могильник	Катакомбы	Грунтовые погребения	Подбойные погребения	Каменные склепы	Всего
1	70	30	3	—	103
2	30	—	12	—	42
3	—	3	1	—	4
4 (курган)	54	—	—	2	56
Итого:	154	33	16	2	205

обширными размерами и сложностью устройства крупных погребальных камер, в которых выявлен многочисленный богатый погребальный инвентарь. Могильник примечателен строгой выдержанностью основных приемов устройства погребальных сооружений и их одинаковой ориентацией, что возможно было, очевидно, в достаточно развитом обществе со сложившимися едиными канонами погребального ритуала.

Дромосы катакомб, как правило, имели форму трапеции и были ориентированы расширяющейся стороной строго на север. Длина их варьирует от 2 до 7 м, ширина — 0,8—2 м, глубина — 1—5 м. В большинстве своем они имели горизонтальное дно, лишь в 14 случаях оно наклонено в сторону камеры и всего в двух случаях были ступеньки. Наиболее часто дромосы были наполнены землей, реже — забутованы камнем (шесть случаев) или сырцовым кирпичом (семь случаев) (рис. 13).

Погребальные камеры (катакомбы) сооружены в северной стенке дромоса и ориентированы с запада на восток. Они овальные или подчетырехугольные в плане, достигают от 1,5 до 4 м длины и 1,2—2,5 м ширины. Высота большинства сводчатых и в шести случаях двускатных потолков достигает от 0,8 до 2 м. Размеры камер пропорциональны курганным насыпям. Под крупными курганами сооружены соответственно более обширные камеры, в которых обнаружен и относительно богатый погребальный инвентарь. В параметрах погребальных сооружений, очевидно, отразились социальные различия между погребенными. В большинстве своем входы в камеры были заложены каменной стеной на глиняном растворе. В 12 камерах они были закрыты вертикально установленными массивными плитами (рис. 14) и в 10 камерах заложены стеной из сырцовых кирпичей размерами 40×10×10 см (рис. 15). В отдельных случаях наблюдалось их сочетание.

Различия прослеживаются и в способах оформления погребальных камер. В 27 камерах полы были покрыты тонким слоем угля, поверх которого сделан камышовый настил. Камыш был использован и для сооружения гробов. Остатки гробов из камышовых жгутов выявлены в 22 катакомбах (рис. 16). Остатки камыша из остальных камер также могли быть остатками гробов.

В 11 камерах полы была вымощены тонкими плотно пригнанными друг к другу известняковыми плитами, покрытыми слоем угля или камыша, а в отдельных случаях тем и другим. Различия в характере оформления погребальных камер наряду с конструктивными их особенностями являются отражением не только социальных, но, возможно, и половозрастных различий погребенных. Существенные различия прослеживаются и в характере погребального инвентаря, представленного в большинстве своем остатками вооружения, снаряжения коня и предметами украшения.

Двумя подкурганными гробницами (склепами) на Верхнечирюртовском могильнике представлен ранее не встречавшийся здесь тип погребальных сооружений (рис. 17). Гробницы были сооружены на древней поверхности из необработанного плитняка. Погребальный инвентарь в них не сохранился. В одной гробнице был обнаружен череп погребенного с башнеобразной деформацией.

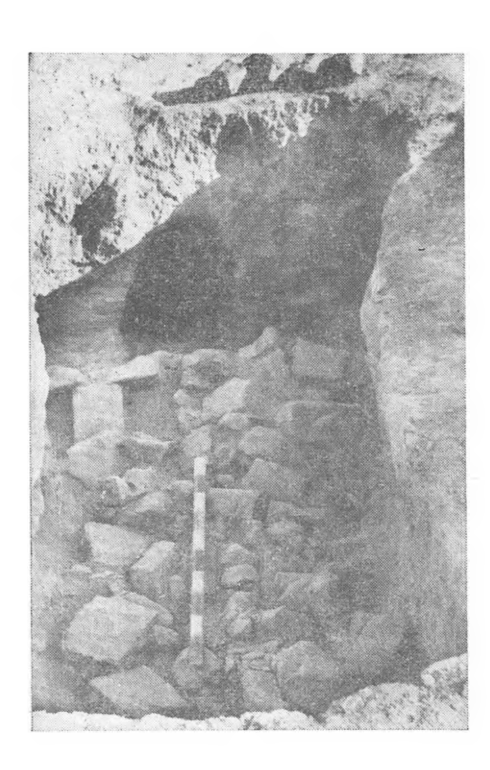

Рис. 13. Забутовка дромоса сырцовым кирпичом

Рис. 14. Закладка входа в погребальную камеру

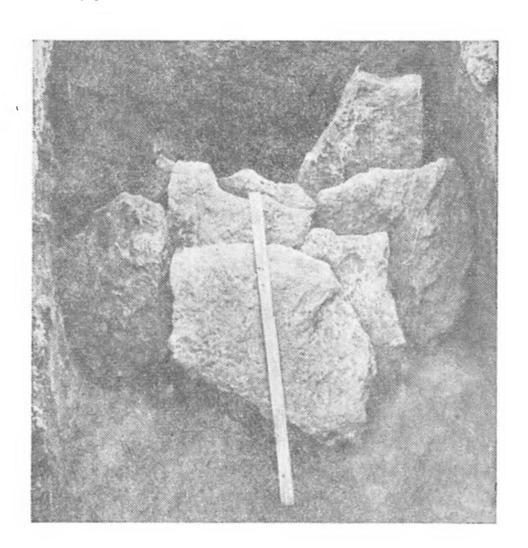

Рис. 15. Закладка входа в погребальную камеру сырцовым кирпичом

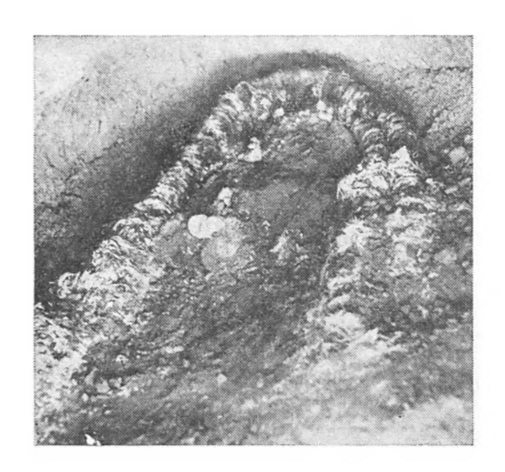

Рис. 16. Остатки камышового гроба в погребальной камере

Рис. 17. Остатки подкурганной гробницы

Таким образом, этническая и социальная неоднородность обитателей древней хазарской столицы находит конкретное отражение в наличии вокруг нее одновременных, но совершенно различных по характеру устройства погребений могильников. Эти различия особенно контрастны в характере представленного в них инвентаря.

Из 205 исследованных погребений на всех могильниках городища наиболее распространенными являются катакомбные захоронения, подкурганные и бескурганные, которые составляют более 75% всех исследованных здесь погребальных сооружений. Далее следуют грунтовые ямы — 16% и могилы с подбоями — 8%. Наконец, единичными сооружениями представлены на курганном могильнике захоронения в каменных гробницах или склепах. Если контрастные различия в характере инвентаря могут являться показателем социальных различий между погребенными, то сами могильные сооружения, особенности их конструкции и ритуал захоронений являются, по всей вероятности, отражением этнических и половозрастных различий. Они, как наиболее важные этнические показатели, отличающиеся устойчивостью и большой консервативностью, и дают возможность попытаться выделить основные этнические группы, представленные на этих могильниках. Для выделения этих групп наибольший интерес представляет Верхнечирюртовский курганный могильник. Классификация и анализ по типам богатых коллекций этого могильника и наиболее ярких материалов с остальных могильников позволяют в первую очередь установить относительно точные хронологические их рамки. С учетом специфики погребального инвентаря и ритуала захоронений эти коллекции дают возможность попытаться разобраться в этническом составе населения Беленджера. Как уже отмечалось, наиболее выразительно в погребениях курганного могильника представлены остатки вооружения и снаряжения коня.

Вооружение и сбруя. Наиболее распространенным оружием, судя по находкам в погребениях курганного могильника, были лук и стрелы. В курганах 5 и 10 сохранились обломки широких костяных срединных накладок лука. В разрезе они выпукло-вогнутые или плоско-выпуклые. Концы внутренних сторон накладок покрыты пересекающейся штриховкой — нарезкой для склейки с деревянной основой лука. Покрыты нарезкой с внешней выпуклой стороны для сухожильной обмотки и отдельные обломки. О конструкции лука можно судить по формам срединных накладок из кургана 5 (рис. 18). Ширина их превышает 3 см, свидетельствуя об их принадлежности массивному луку, отличавшемуся по размерам от луков так называемого гуннского типа. По конструкции и размерам он аналогичен авиловскому луку, найденному в Нижнем Поволжье и достигавшему 165 см длины[7]. О значительных размерах верхнечирюртовского лука свидетельствуют и выявленные вместе с ними крупные железные двух- и трехлопастные наконечники стрел.

Многочисленные аналогии верхнечирюртовским лукам со срединными накладками и с ромбической нарезкой из пересекающихся линий встречаются в памятниках салтово-маяцкой культуры. Известны они из Саркела — Белой Вежи[8], на Дмитровском могильнике и на Правобережном Цимлянском городище[9]. Целая серия аналогичных накладок выявлена в печенежских могилах IX—X вв.[10] Возникновение и распространение тяжелых луков исследователи связывают с появлением более совершенного защитного вооружения, в частности панцирей[11]. Луки с большим числом накладок появились в Сибири, а также Средней Азии и в разных вариантах сохранились до средневековья[12]. Территория распространения этих луков и характер погребальных сооружений, в которых они найдены, позволяют связать их появление в Юго-Восточной Европе с кочевым миром. Луки только со средними большими накладками (такими, как в Верхнем Чирюрте) появились у тюркских народов Сибири и в могилах катандинского типа (конец VII—VIII в.)[13]. Их относят к лукам так называемого тюркского типа, которые достигают в распущенном состоянии длины 1,5 м[14]. По данным А. А. Гавриловой,

---

[7] *Синицын И. В.* Археологические памятники в низовьях реки Иловли.— Учен. зап. СГУ, 1954, т. 39, вып. историч., с. 230.

[8] *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа.— МИА, 1958, № 62, рис. 62.

[9] *Плетнева С. А.* Указ. соч., с. 159, рис. 43(20); *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв.— САИ, М., 1966, Е1—36, с. 7; *Милованов Е., Иерусалимская А.* Лук из Мощевой Балки.— Сообщения ГЭ, 1976, XI, с. 40.

[10] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62, с. 159; *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 119 (табл. 2, 3, 5).

[11] *Бернштам А. Н.* Чуйская долина (Труды Семиреченской археологической экспедиции).— МИА, 1950, № 14, с. 67.

[12] *Литвинский Б. А.* Сложносоставной лук в древней Средней Азии.— СА, 1965, № 4, с. 68.

[13] *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965, с. 31, 87; *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, рис. 112.

[14] *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 21.

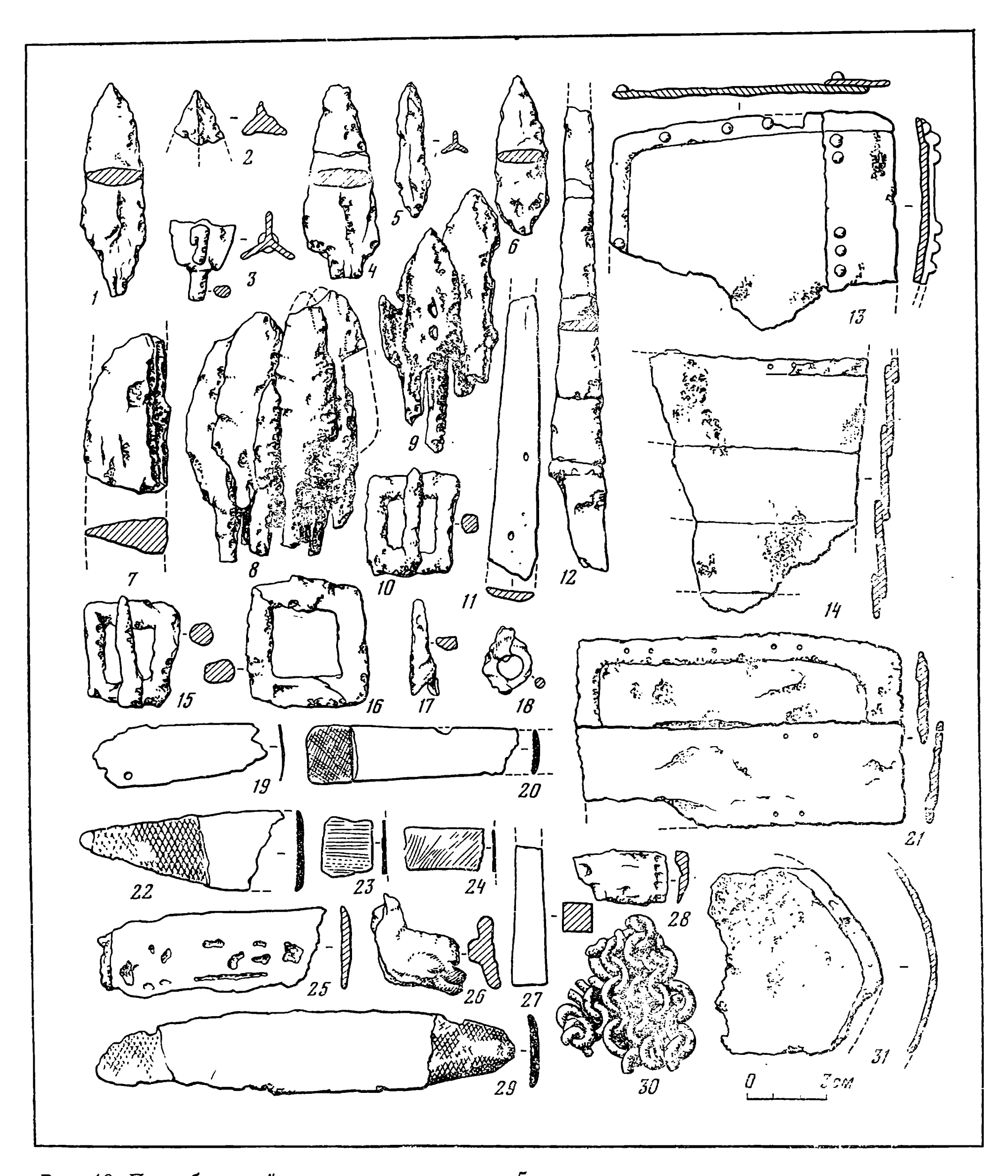

Рис. 18. Погребальный инвентарь из кургана 5

1—6, 8, 9 — стрелы; *7* — обломок сабли; *11, 19, 20, 22—25, 29* — костяные накладки лука; *13, 14, 21, 30, 31* — части доспехов; *27* — каменное точило; *10, 15, 16* — железные пряжки; *12* — нож; *17, 18, 26, 28* — обломки железных предметов

луки тюркских народов Сибири имеют разновидности, а их варианты с более мелкими накладками бытовали и позднее [15].

В VII—XI вв. луки центральноазиатского, или тюркского, типа распространяются в Евразии [16]. Имея широкие аналогии в материалах салтово-маяцких памятников и кочевнических погребений Восточной Европы, верхнечирюртовские луки также, несомненно, ведут свое происхождение из Центральной Азии. Они могли появиться здесь после VI в. и, вероятнее всего, принесены самими тюрками.

В раннесредневековых памятниках Дагестана I—IV вв. повсеместно распространены мелкие стрелы сарматского типа с трехлопастными наконечниками, лопасти которых срезаны обычно под прямым углом. С V в. наблюдается некоторое увеличение размеров наконечников стрел, длина которых достигает 3 см. Подобные наконечники широко представлены на могильнике Урцекского городища, в Большом Буйнакском кургане. В раннесредневековую эпоху стрелы с такими наконечниками распространяются и в горах Дагестана [17]. Наиболее яркий образец новой стрелы с костяной свистулькой известен из гуннской катакомбы IV—V вв. у Джемикента [18]. С этого времени, судя по имеющимся материалам, начинается вытеснение широко распространившихся в Дагестане мелких стрел сарматского типа. Подобная картина наблюдается повсеместно в Юго-Восточной Европе и Средней Азии [19]. С проникновением гуннов в Приморский Дагестан здесь не только появляются новые стрелы, но и происходят значительные изменения раннесредневекового вооружения вообще. Наряду с трехлопастными железными здесь распространяются и новые, неизвестные ранее своеобразные костяные стрелы. Все известные 10 экз. этих стрел обнаружены на Урцекском могильнике и городище, сопоставляемом со столицей «царства гуннов» г. Варачан. Они достигают 3—6 см длины и имеют трехгранные в сечении наконечники с плоскими черешками, покрытые поперечными разными линиями. В Сибири подобные стрелы встречаются начиная с памятников раннего железа [20]. О костяных стрелах у гуннов сообщает Аммиан Марцеллин: «Гунны — конный народ, приросли к коням, воюют только на конях. Из оружия наиболее употребительны: меч, лук со стрелами, снабженными костяными наконечниками, и арканы» [21]. Костяные наконечники стрел у гуннов не только получают широкое распространение, но и выделяются разнообразием форм [22]. С гуннского вре-

---

[15] *Гаврилова А. А.* Указ. соч., с. 31, 57 (табл. XXXI, *8, 12*).

[16] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 160; *Кызласов Л. Р.* Указ. соч., с. 21.

[17] *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 165.

[18] *Круглов А. П.* Археологические работы на Северном Кавказе.— КСИИМК, 1940, вып. 5, с. 67.

[19] *Литвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел.— СА, 1965, № 2, с. 82.

[20] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 228 (табл. XXVI); *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 139.

[21] См.: *Артамонов М. И.* История Хазар, с. 45.

[22] *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1961, с. 26; *Киселев С. В.* Указ. соч., с. 433; *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 26, с. 310; *Он же.* Кенкольский могильник. Л., 1940, с. 30.

мени костяные черешковые наконечники широко распространяются и в Юго-Восточной Европе[23], где они доживают до средневековья[24].

Железные верхнечирюртовские наконечники резко отличаются от рассмотренных выше крупными размерами и удлиненными пропорциями. 11 подобных наконечников найдено в Верхнечирюртовском грунтовом могильнике 1, длина их составляет 6—9 см[25].

В значительно большем количестве представлены они на курганном могильнике. Их разделение на группы и типы дается в соответствии с классификацией, разработанной А. Ф. Медведевым[26].

Наконечники стрел найдены в 13 подкурганных погребениях в количестве от 1 до 14 экз. В курганах (5, 23, 29) они обнаружены в виде спрессовавшихся кучек. Все наконечники железные, черешковые, крупных размеров. По форме они делятся на две группы: трехлопастные и плоские (рис. 19). В каждой группе выделяются отдельные типы. Трехлопастные наконечники стрел представлены двумя типами.

1. Трехлопастные узкие килевидные. Длина их 7—8 см, длина острия — 4—6 см, ширина лопастей — 1,5 см. Насад круглый в сечении.

2. Килевидные широкие трехлопастные, с отверстиями в лопастях. Длина их — 9—10 см, длина острия — 5—6 см. Для наконечников характерен большой размах лопастей, достигающих 2,5—3,5 см. По форме наконечники подразделяются на два варианта: остролистные с покатыми плечиками и широкие с вертикальными гранями, лопасти которых срезаны под прямым или небольшим углом к черешку. Наконечники подобных ранее неизвестных в Дагестане типов выявлены здесь лишь в подкурганных захоронениях Верхнечирюртовского могильника. Единичные экземпляры аналогичных наконечников известны и на Северном Кавказе[27]. Наиболее ранние образцы этих стрел встречаются на памятниках тюркского времени Тувы, Алтая, Средней Азии и на Дунае, где их связывают с аварами[28]. В указанных районах они имели круглые отверстия на лопастях; иногда сопровождались костяными свистульками. В степях Юго-Восточной Европы подобные стрелы распространяются в VIII—IX вв.[29] В Верхний Чирюрт они также занесены кочевниками,

---

[23] *Степанов П. Д.* Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964, вып. II, с. 139; *Мажитов Н. А.* К изучению археологии Башкирии в I тыс. н. э.— Там же, с. 109.

[24] *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78, с. 208; *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60, с. 496; *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958 (табл. XIII).

[25] *Путинцева Н. Д.* Указ. соч., с. 252.

[26] *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 119, табл. 2, 3, 5.

[27] *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг.— ИАК, 1914, вып. 56, табл. III, *9*.

[28] *Кызласов Л. Р.* Указ. соч., с. 21 (табл. 1); *Гаврилова А. А.* Указ. соч., табл. XVII, XIX, XXII; *Кибиров А. К.* Работа Тянь-Шаньского археологического отряда.— КСИЭ, 1957, вып. 26, с. 81; *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.).— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968 (табл. 1, рис. 18—22); *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— Тр. ТКАЭЭ, 1966, т. 2, табл. III, VII; *Salamon A., Erdelui I.* Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környl. Akademiai Kiado. Budapest, 1941, tabl. 7, *27*; 10, *1, 4, 6*.

[29] *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 59—60.

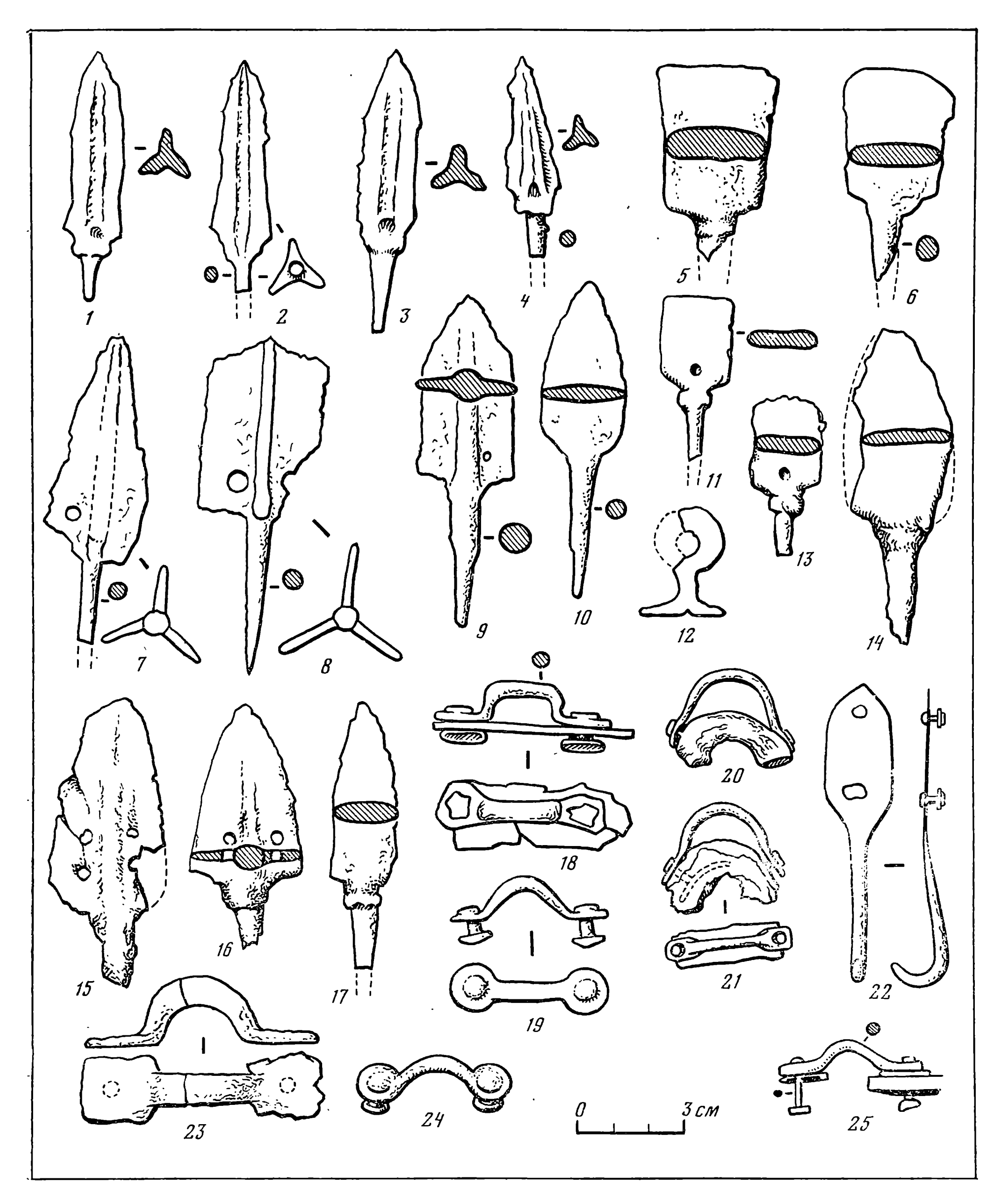

Рис. 19. Остатки вооружения и детали колчанов

1—11, 13—17 — наконечники стрел; *12, 18—25* — детали колчанов. Место нахождения: *4, 6, 9, 10, 17, 19, 21, 22, 25* — курган 29; *8* — Курган 17; *12* — курган 80; *13* — курган 50; *18* — курган 20; *20* — курган 23; *23* — курган 49

скорее всего в VII—VIII вв., поскольку стрелы подобных типов не характерны ни для Дагестана, ни для Кавказа в целом.

Плоские черешковые наконечники стрел встречались в погребениях совместно с трехлопастными и составляли более половины всего количества стрел. По форме они подразделяются на следующие группы:

1. Остролистные. Длина их — 7—9 см, длина пера — 5—6 см, ширина — 2—3 см. Имеются экземпляры с небольшим ободком у основания пера. Наконечники этой группы были распространены в степях Юго-Восточной Европы в VIII — первой половине IX в.[30], а также на памятниках Южной Сибири[31].

2. Килевидные с отверстиями на перьях. Длина их — 7—9 см, длина пера — 6—5 см, ширина — 2,5—3 см. Плоские килевидные наконечники также имели распространение в VIII—IX вв. в европейской части СССР[32]. Сосуществуют они с трехлопастными и на памятниках салтово-маяцкой культуры[33]. Интересно, что в Юго-Восточной Европе среди многочисленных наконечников этого типа не найдено ни одного плоского экземпляра с отверстиями на перьях. В этом плане Верхнечирюртовский могильник выступает своеобразным островком, где представлен этот оригиналный тип стрелы. На отдельных экземплярах наконечников стрел здесь наблюдается не по два, а по четыре отверстия.

3. Срезни в виде широких лопаточек. Длина их — 4—6 см, длина пера — 3—4,5 см, ширина пера — 2—3,5 см. Стрелы этого типа были распространены в Юго-Восточной Европе в VIII—IX вв.[34] Более ранние экземпляры известны в Южной Сибири и у авар на Дунае[35]. Судя по спекшимся остаткам наконечников, количество которых в отдельных кусках достигало 10, они лежали в колчанах, от которых сохранились лишь крюки и скобы для подвешивания.

Серебряные и железные петли от колчанов с двумя заклепками на концах выявлены в курганах 49 (I группа) и 2, 23, 29, 80 (II группа). В некоторых случаях они обнаружены совместно с крючками. Встречались петли по две в камере, а в кургане 29 их выявлено четыре. На заклепках петлей можно было проследить остатки истлевшего дерева и кожи. Железные петли от колчанов с двумя заклепками встречаются в погребениях VIII—IX вв. в Юго-Восточной Европе, а также в памятниках Южной Сибири[36]. В отдельных катакомбах Верхнечирюртовского могильника обнаружены и небольшие обломки древков стрел[37]. На конце они имеют глубокий арочный вырез для тетивы.

Обломки втульчатых наконечников копий выявлены в курганах 49 (I группа), 20, 29, 35, 66а, 80 (II группа) (рис. 20, 21). От одного сохра-

---

[30] Там же, с. 75.
[31] *Гаврилова А. А.* Указ. соч., с. 83; *Кызласов Л. Р.* Этапы средневековой истории Тувы.— Вестн. МГУ, 1964, № 4. Сер. ист., с. 68 (табл. 1).
[32] *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 64.
[33] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 161.
[34] *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 71.
[35] *Гаврилова А. А.* Указ. соч., с. 88 (табл. XX, *12*); *Киселев С. В.* Указ. соч., с. 521; *Salmon A., Erdelui I.* Op. cit., tabl. 7, 16, 17, 25, 28.
[36] *Медведев А. Ф.* Указ. соч., с. 20; *Гаврилова А. А.* Указ. соч., с. 30.
[37] *Магомедов М. Г.* Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника.— СА, 1975, № 1, с. 276 (рис. 1, 5).

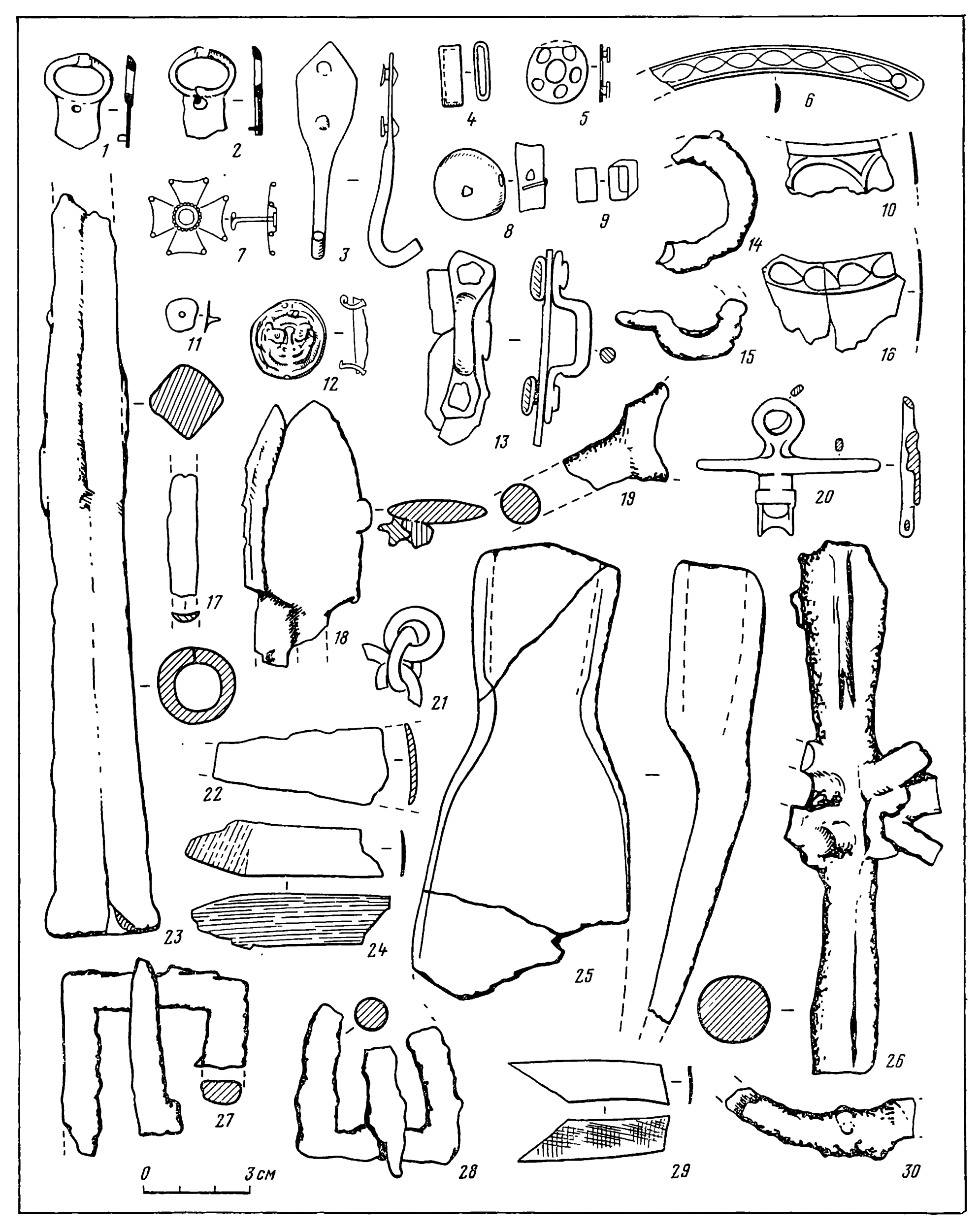

Рис. 20. Погребальный инвентарь из кургана 20

3, 13 — детали колчана; *6, 10, 16* — накладки седла; *8* — золотое навершие ножа; *14, 15, 19, 30* — обломки удил; *18* — стрелы; *22, 24, 29* — накладки лука; *21* —обрывок кольчуги; *23* —копье; *25* —мотыга; *26* — псалий удил и другие предметы

1—3, 5, 13 — серебро; *6, 10, 16, 22, 24, 29* — кость; *7—9, 12* — золото; *20* — бронза; *14, 15, 17—19, 21, 23, 25—28, 30* — железо

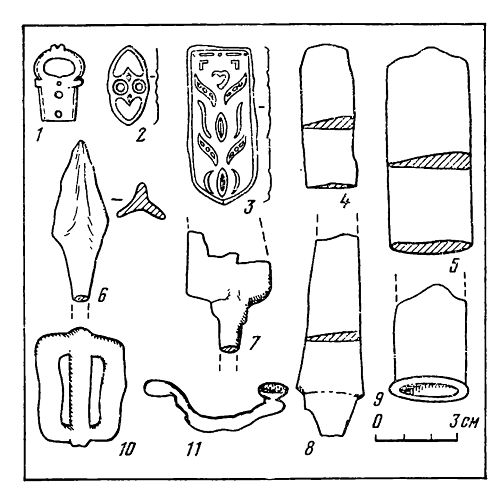

Рис. 21. Погребальный инвентарь из кургана 66а

1, 10 — пряжки;
2 — накладка на ремень;
3 — наконечник ремня;
4, 8 — ножи;
5 — обломок сабли;
6, 7 — стрелы;
9 — втулка копья;
11 — деталь колчана;
1—3 — золото;
4—11 — железо

нилась часть квадратного в разрезе штыковидного пера, плавно переходящего во втулку, от другого — основание пера, имевшего, очевидно, листовидную форму. От остальных сохранились лишь обломки втулок, достигающих не менее 10 см длины. Копья со штыковидным пером имеют близкие аналогии в раннесредневековых памятниках Дагестана (Большой Буйнакский курган и склеп около сел. Верхний Каранай[38]). Известны копья с подобными наконечниками на салтово-маяцких памятниках, где они представлены в богатых погребениях[39]. Самые ранние прототипы штыковидных копий происходят с Кавказа[40], что может свидетельствовать о местном их происхождении. Они были наиболее удобным оружием для боя с противником, защищенным доспехами. Сосуществуют с ними копья второго типа — с листовидным пером. Двумя разновидностями представлены копья и на грунтовом могильнике 1, где наряду с конусовидными, представлены и черешковые наконечники. Листовидные наконечники имели в Дагестане широкое распространение в албано-сарматское и раннесредневековое время. Они найдены как в приморских районах[41], так и в городах Дагестана[42]. Конусовидные на-

---

[38] В 1968 г. недалеко от сел. Верхний Каранай Буйнакского района Дагестанской АССР был случайно обнаружен и раскопан богатый склеп раннесредневекового времени. Среди многочисленного погребального инвентаря из скепа обнаружены и девять копий. Погребальный материал из скепа хранится в фондах ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР.

[39] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 160 (рис. 43, *3*).

[40] *Пикуль М. И.* Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 163, с. 34; *Марковин В. И.* Скифские курганы у с. Гойти (Чечено-Ингушетия).— СА, 1965. № 2, (рис. 6, *2*); *Ивановский А. А.* По Закавказью.— МАК. М., 1911, вып. VI, табл. 8.

[41] *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.— МИА, 1951, № 23, с. 259; Аналогичный наконечник случайно обнаружен в кургане у сел. Тамаза-тюбе Бабаюртовского района. Хранится в фондах ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР.

[42] *Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д.* Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана.— МАД. Махачкала, 1961, т. II, с. 274, рис. 6; *Атаев Д. М.* Указ. соч., с. 171; *Смирнов К. Ф.* Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана.— КСИИМК, 1951, вып. 38, с. 113.

конечники из грунтового могильника сделаны в упрощенной технике: они выкованы из свернутого листа железа.

Сабли занимают особое место среди многочисленных предметов вооружения с Верхнечирюртовского курганного могильника. В 12 погребениях выявлены небольшие обломки однолезвийных клинков, достигающие в среднем 3 см ширины (рис. 22). О форме клинков можно судить только по остаткам из кургана 17 слабоизогнутой сабли с двулезвийным концом. Изгиб сабли заметен на сохранившейся концевой части длиной 18 см. Ее отклонение от прямого продолжения клинка составляет 1,5 см. Наиболее наглядно изогнутая форма верхнечирюртовских сабель видна на выявленной в том же погребении седельной накладке с изображениями сцен охоты (рис. 23). Всадник с развевающимися косами вооружен коротким кривым кинжалом (ножом) и длинной, равномерно изогнутой саблей [43], что не оставляет сомнения в распространении этого нового вида оружия среди верхнечирюртовцев. На основании комплекса материалов, выявленных в погребении, в том числе и византийской монеты 582—602 гг., оно датируется VII — началом VIII в. Появление изогнутой сабли на остальной территории Приморского Дагестана в это время археологически не засвидетельствовано. Так, на некрополе Урцекского городища, заключительные слои которого датируются VII—VIII вв., зафиксирован обломок острия двулезвийного меча. По форме он может рассматриваться как продолжение традиций производства длинных мечей так называемых сарматских типов. Прямые двулезвийные мечи известны и на других памятниках предгорных и горных районов Дагестана [44]. По формам клинков они напоминают сасанидские мечи, известные из Закавказья [45]. В Бежтинском могильнике, датируемом VI—X вв., выявлено 34 клинка: 9 двулезвийных и 25 однолезвийных. Лишь пять из них имеют столь незаметный изгиб полосы [46], что не идут ни в какое сравнение с верхнечирюртовскими. Следовательно, сабли из Верхнечирюртовского могильника — это новый тип, неизвестный не только в синхронных памятниках Дагестана, но и в более позднем и богатом Бежтинском могильнике. Интересно, что в инвентаре Верхнечирюртовского могильника не найдено пока ни одного фрагмента двулезвийного меча. Известным образцом нового оружия является перещепинская сабля, которая, однако, имеет лишь легкую кривизну. Подобные сабли происходят из Салтова, Кобанского, Борисовского и других могильников [47], а в VIII—IX вв. — и из других пунктов Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа [48]. Исследователи связывают появление нового оружия в Восточной Европе с кочевым миром. Как и на Верхнечирюртовском могильнике, оно обнаружено боль-

---

[43] *Магомедов М. Г.* Указ. соч., с. 277 (рис. 1).

[44] *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки..., с. 259.

[45] *Тирацян Г. А.* Уточнение некоторых деталей сасанидского вооружения по данным армянского историка IV в. н. э. Фавства Бузанда.— В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. В честь академика И. А. Орбели. М.; Л., 1960, с. 476.

[46] *Атаев Д. М.* Указ. соч., с. 166.

[47] *Корзухина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в.— СА, 1950, XIII, с. 75.

[48] *Саханев В. В.* Указ. соч., с. 143; *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.— СА, 1955, XXIII, с. 131.

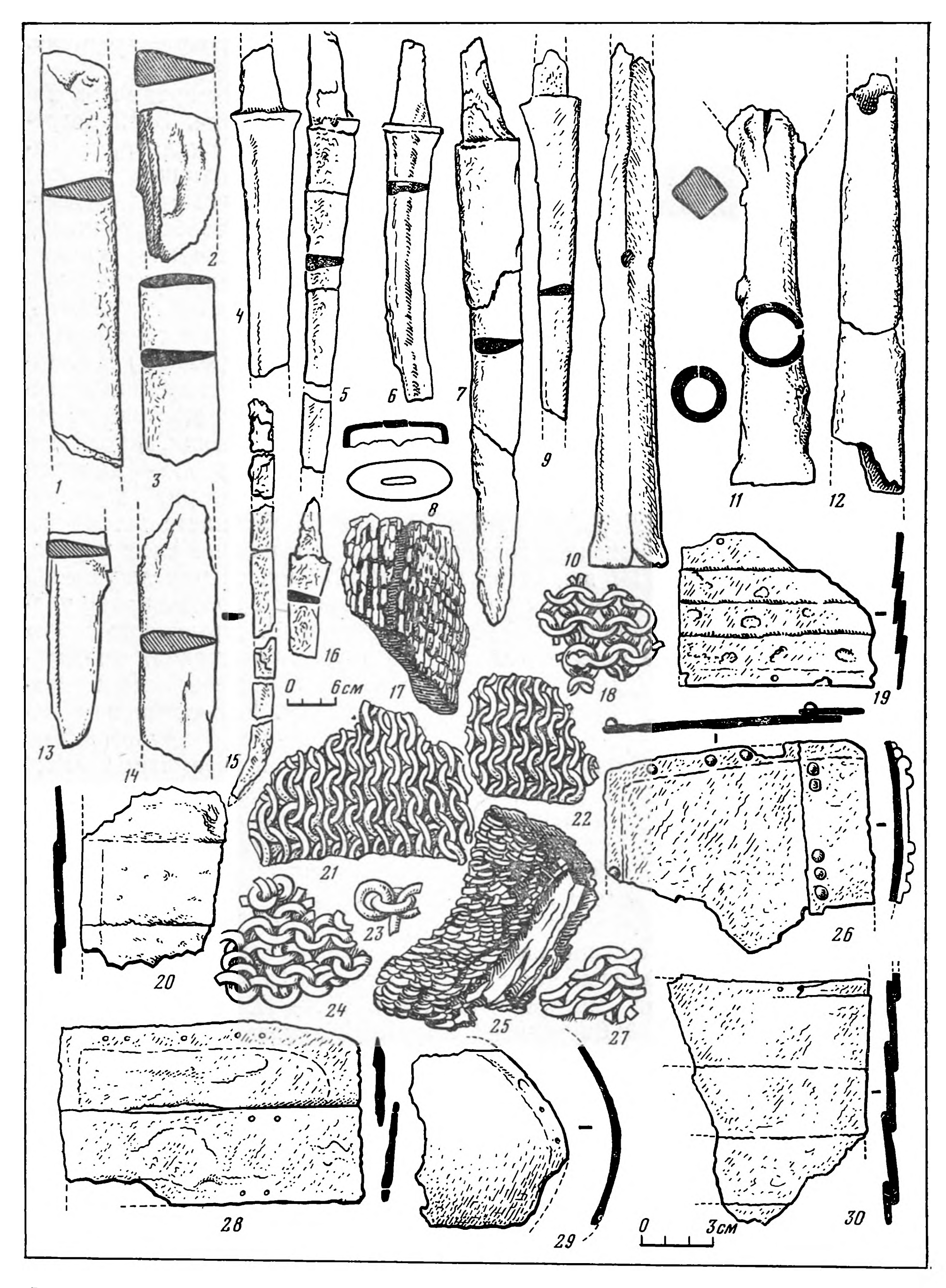

Рис. 22. Остатки вооружения

1—3, 13—15 — сабли; *4—9* — ножи; *10—12* — копья; *17—30* — кольчатый и пластинчатый доспехи; место нахождения: *4* — курган 35; *5, 6* — курган 20; *12* — курган 17; *14, 17, 21* — курган 29; *18* — курган 49; *20, 22, 24—26* — курган 5; *23* — курган 37; *27* — курган 26

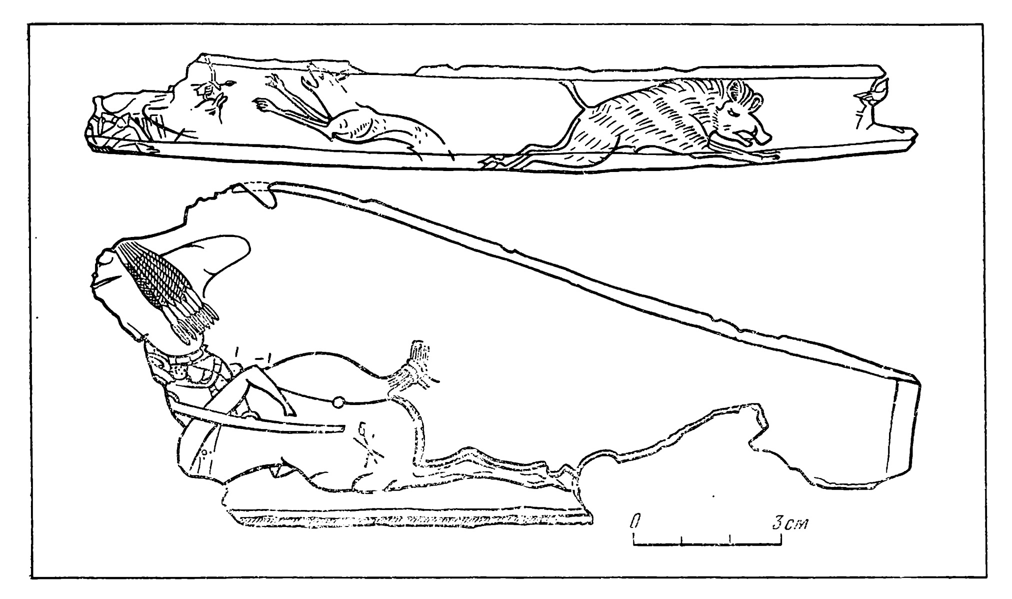

Рис. 23. Костяные накладки с изображением сцен охоты из кургана 17

шей частью в погребениях богатых воинов[49]. Внезапное и массовое появление нового оружия в катакомбах Верхнечирюртовского курганного могильника, являющихся чуждой для народов Дагестана формой погребального сооружения, также указывает на их привнесенный характер. Ряд исследователей связывает появление сабли на Кавказе с аланами[50]. Подобное предположение могло бы быть оправдано особенно потому, что аланы выступают носителями распространенного в Верхнем Чирюрте катакомбного обряда погребения, да и сам могильник исследователями связывается с ними[51]. Однако сабли VII в. в Алании еще не найдены, поэтому появление их в Дагестане вряд ли может быть связано с аланами. Не могли аланские сабли в таком количестве быть представлены на периферийном могильнике, каким считается Верхнечирюртовский[52], в то время как в многочисленных катакомбах, исследованных в центре Алании, они не обнаружены. Подобные несоответствия наблюдаются и в отношении других видов оружия, представленного на Верхнечирюртовском могильнике. На не характерные для аланских памятников особенности материальной культуры этого памятника указывал и сам В. А. Кузнецов[53]. Народы Кавказа восприняли новое оружие от кочевников, проникших в VII в. в прикаспийские степи. Занести сюда саблю они должны были, разумеется, с той территории, где пред-

[49] *Корзухина Г. Ф.* Указ. соч., с. 75; *Кузнецов В. А.* Указ. соч., с. 36; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 157.
[50] *Мерперт Н. Я.* Указ. соч., с. 165; *Кузнецов В. А.* Указ. соч., с. 36.
[51] *Кузнецов В. А.* Указ. соч., с. 17.
[52] Там же, с. 35.
[53] Там же, с. 33.

ставлены наиболее ранние образцы этого оружия. На рубеже VII—VIII вв. изогнутые сабли встречаются в погребениях авар на Дунае[54]. С кочевниками связываются и сабли с памятников Сибири[55]. Слабо изогнутые сабли изображены в живописи Афрасиаба конца VII в., где ими вооружены тюркские и дальневосточные воины[56]. Вхождение Верхнечирюртовского городища в область наиболее раннего распространения древней сабли хорошо согласуется с нашим сопоставлением его с ранним политическим центром Хазарского каганата — Беленджером. Вероятно, самый богатый могильник этой столицы, связанный с кочевым миром, принадлежал самим хазарам.

Однолезвийные ножи выявлены в 12 погребениях курганного могильника. Судя по наиболее сохранившимся экземплярам, они достигали в длину не менее 20 см, а некоторые — и 25 см. Иногда их спинка изогнута. Помимо бытового, ножи, очевидно, имели и боевое назначение в качестве оружия ближнего боя, для чего их концы затачивали с двух сторон. Целая серия ножей в обломках выявлена и на могильниках к югу от городища[57]. Длина их составляет 13—21 см. На некоторых из них сохранились следы костяных накладок рукоятей. Ножи обычно входят в набор вооружения на тюркских статуях Сибири и в живописи Афрасиаба наряду с саблей. Поэтому не случайно, что в десяти курганах Верхнего Чирюрта ножи были найдены вместе с остатками сабель. То же сочетание видно и на упоминавшейся костяной накладке с изображением всадника из кургана 17. С. А. Плетнева справедливо отмечает, что длинные салтовские ножи, нередко принимавшиеся исследователями за кинжалы, вполне годились и в качестве оружия[58].

Защитное вооружение также представлено в верхнечирюртовских курганах. Остатки железных кольчуг найдены в курганах 37 и 49 (I группа) и 5, 20, 29 и 35 (II группа). Изготовлены они из проволочных колец диаметром 14—16 мм. Остатки пластинчатых панцирей обнаружены в курганах 5, 14, 14а, 29, 35 (II группа). При этом в курганах 5, 29, 35 (II группа) сохранились и кольчуги, и панцири. Они выявлены здесь в виде скипевшихся крупных кусков, разбросанных в беспорядке у выхода из камер. Особенно много панцирных пластинок сохранилось в камере кургана 29, где обнаружено 550 их обломков, имеющих самые различные формы и профили. Основную массу составляют прямоугольные пластины, по краям которых видны сквозные отверстия со следами заклепок и припаев. Реже встречаются пластины овальных форм с вогнутыми профилями. Размеры пластин самые разнообразные. Длина их колеблется от 4 до 12 см, ширина — от 2 до 8 см. Форму кольчуг восстановить невозможно, однако, судя по количеству их обрывков, они могли

---

[54] *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы, II.— СА, 1971, № 3, с. 128, рис. 14, *4, 5*.

[55] *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния северного Алтая.— Тр. ГИМ, 1941, вып. XIV, с. 119; *Она же.* Каменные изваяния южной Сибири и Монголии.— МИА, 1952, № 24, с. 72; *Киселев С. В.* Указ. соч., с. 521; *Гаврилова А. А.* Указ. соч., с. 29.

[56] *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, рис. 17, 18, табл. XXXIV—XXXVI.

[57] *Путинцева Н. Д.* Указ. соч., с. 252.

[58] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 160.

принадлежать остаткам кольчуг, а не кольчужным поясам или нагрудникам.

Характер и общее количество защитного вооружения, выявленного здесь, также выделяет Верхнечирюртовский могильник среди синхронных памятников Северного Кавказа. Как дорогое оружие, которое производилось в ремесленных центрах с развитой производственной базой, кольчуги и панцири встречаются редко, главным образом в богатых погребальных комплексах. Наиболее ранние их остатки известны в Дагестане из Карабудахкентского могильника 3 II—III вв.[59] Широкое распространение защитное вооружение получает в Дагестане в раннесредневековую эпоху. Обрывки кольчуги выявлены в одном из помещений цитадели Урцекского городища. Фрагменты скипевшейся кольчуги из плетеных колец найдены в погребении воина у сел. Уллу-ая. Известны они и из Бежтинского, Ботлихского, Верхнекаранайского могильников и из других пунктов Дагестана. Широкое распространение кольчуги в Дагестане объясняется тем, что здесь, по сведениям арабских источников, было целое царство «Зерекеран» (персидское слово, означающее «кольчужные мастера») [60], продукция которых распространялась по всему Кавказу. Исследователи сопоставляют это царство с современным сел. Кубачи — родиной первоклассных оружейников и мастеров ювелирного дела [61]. Не исключено, что часть Верхнечирюртовских кольчуг была изготовлена местными оружейниками по заказам хазарской военной знати.

Особенно наглядно богатство защитного вооружения, выявленного в погребениях Верхнечирюртовского могильника, видно на фоне других памятников Северного Кавказа. Например, в синхронных аланских памятниках найдены лишь небольшие кольчужные нагрудники. Такие нагрудники продолжали помещать в погребения воинов Алании и на протяжении IX—X вв.[62], в то время как кольчуга была распространена на обширных просторах Юго-восточной Европы [63].

Большое число обнаруженных в катакомбах пластинок и остатков кольчуг свидетельствует в пользу того, что туда, как правило, клали и кольчуги, и панцири. Поскольку остатки скелетов найдены в одиночных погребениях, а глубокие подкурганные катакомбы были столь тщательно заложены камнем и сырцовым кирпичом, что исключали возможность вторичных захоронений, можно думать, что в них сохранились остатки кольчуг и панцирей не только самих воинов, но и их коней. Такое предположение подтверждается обилием целых и обломанных пластинок из кургана 29, где их выявлено 550 экз. общим весом 9 кг. Интересно, что в Так-и-Бустане (Иран) царь Хосров II Парвиз изображен в кольчуге, а его конь — в пластинчатом панцире. Изображения всадников и коней с пластинчатыми панцирями известны в Монголии, на Сулеке и в дру-

---

[59] *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент.— МАД. Махачкала, 1961, т. II, с. 210.

[60] *Масуди.* Книга сообщений и знаний/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 52.

[61] История Дагестана. Махачкала, 1967, т. 1, с. 126.

[62] *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 98.

[63] *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие.— САИ, 1971, вып. С1—36 с. 11.

гих местах[64]. Распространение в Европе пластинчатого панциря[65] также связано, по мнению исследователей, с кочевым миром[66].

Снаряжение коня. В дромосах верхнечирюртовских катакомб нередко встречались кости погребенных коней (копыта, остатки черепов). А в кургане 37 (I группа) и 69 (II группа) обнаружены остатки двух конских захоронений. Не удивительно поэтому, что в курганах довольно часто встречалось и снаряжение коня. Остатки седла, позволяющие воссоздать его конструкцию, обнаружены лишь в кургане 17. От него уцелели деревянная седельная полка, незначительные фрагменты кожи и костяные накладки, украшенные различными рисунками.

Хуже сохранившиеся остатки седел зафиксированы в ряде других погребений могильника. Так, в курганах 49 (I группа), 29, 35, 66а (II группа) прослежены скопления деревянной трухи, которые могли являться остатками седел. На это указывают сохранившиеся в них подпружные пряжки. В кургане 6 (II группа) остатки луки седла отпечатались на наносном слое глины. Фрагменты костяных накладок седла найдены в кургане 20 (II группа). Они орнаментированы рядами резных, слегка сплюснутых кружочков, заключенных между окантовкой и украшенных штриховкой подобно накладкам из кургана 17. Наконец, обломки седла найдены в кочевническом погребении у станции Манас[67].

Форма полки, сохранившейся в кургане 17, позволяет сопоставить ее с полками хорошо изученных в Сибири седел, которые в обстоятельной классификации С. И. Вайнштейна и А. А. Гавриловой отнесены к древнетюркским образцам[68]. Как справедливо отмечает С. А. Плетнева, седла со стременами появились в европейских степях во второй половине VI в. Они, как и сабли и тяжелые луки, принесены кочевниками из далеких восточных «империй»[69]. На восточное происхождение верхнечирюртовского седла указывают остатки его костяных накладок из кургана 17. В сцене охоты, выгравированной на накладках, воплотилось изобразительное искусство кочевников, уходящее своими корнями к древнему героическому эпосу[70].

Подпружные пряжки выявлены в 11 погребениях. Все они массивные, железные, имеют подчетырехугольную форму и встречались обычно по две в погребении, свидетельствуя о применении двух подпруг, необходимых для езды по горам[71]. Связь представленного здесь конского снаряжения с кочевым миром находит отражение и в его мелких деталях. Пряжка и блок для чумбура, найденные в Манасе, а также подпружные

---

[64] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 210.

[65] *Медведев А. Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси.— СА, 1959, № 2, с. 119; *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследование в Центральной Туве.— Тр. ТКАЭЭ, 1960, т. 1, рис. 77.

[66] *Paulsen P.* Alamanische Adelsgräber von Niederstotzingen. Stutgart, 1967, Tabl. 59—65.

[67] Выявлено при строительных работах в 15 км к югу от г. Махачкалы. Находки хранятся в музее Дагестанского госуниверситета.

[68] *Вайнштейн С. И.* Указ. соч., т. 2, с. 326—329, табл. X, XI; *Он же.* Историческая этнография тувинцев. М., 1972, с. 136; *Кибиров А. К. Работа* Тянь-Шаньского археологического отряда.— КСИЭ, 1957, вып. 26, с. 86; *Гаврилова А. А.* Указ. соч., с. 85

[69] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 166.

[70] *Магомедов М. Г.* Указ. соч., с. 280.

[71] *Гаврилова А. А.* Указ. соч., с. 34.

пряжки из верхнечирюртовских катакомб имеют близкие аналогии в памятниках Алтая и Тувы[72]. На обоснованность этих далеких аналогий указывают также две костяные застежки от пут и треног из кургана 37 (I группа) и блок для чумбура из кургана 6 (II группа). За пределами Алтая и Тувы подобные блоки и застежки встречаются довольно редко. А там они известны еще с пазырыкского времени[73].

Единственное стремя найдено на грунтовом могильнике к югу от городища[74]. Оно восьмеркообразное, с широкой и слегка вогнутой подножкой. Восьмеркообразные стремена считаются наиболее ранним типом, пережившим все остальные их разновидности. Они известны на памятниках салтово-маяцкой культуры[75]. В Дагестане стремена найдены в Агачкалинском и Узунталинском могильниках VII—XI вв.[76] Аналогичные стремена были распространены от Южной Сибири до среднего Дуная[77].

Уздечные ремни (в небольших обрывках) найдены в курганах 37, 49 (I группа) и 5, 6, 20, 29 (II группа). Ширина их — 1—2 см. Они обычно сложены вдвое и скреплены бляшками. Наиболее полное представление о них можно составить по остаткам сбруи из кургана 6. Здесь обнаружены сложенные вдвое фрагменты прямых ремней, пронизанные через каждые 3 см бронзовыми заклепками. Всего в камере обнаружено 296 подобных заклепок, с которых сорваны бляшки, и только две штампованные золотые полусферические бляшки, с внутренней стороны которых имелись бронзовые подкладки с заклепками. Вместе с ними найдено восемь полых бронзовых шаровидных бубенчиков, снабженных петлями для подвешивания к ремням уздечки. Бубенчики подобной формы нередки в раннесредневековых погребениях кочевников Тюркского каганата[78]. Удила представлены маловыразительными железными обломками из курганов 37 (I группа) и 5, 20 (II группа). От них сохранились фрагменты колец и стержней грызл, которые относятся к типу однокольчатых удил, состоявших из двух звеньев.

Псалий найден лишь в кургане 20. Он имеет округлый стержень с несколько утолщенными концами. В двудырчатой средней части стержня сохранились обломки колец. Не претерпев существенных изменений, кольчатые удила и двудырчатые псалии бытовали в евразийских степях вплоть до X в.

Украшения одежды. В подкурганных захоронениях верхнечирюртовских могильников выявлены и различные украшения, среди которых наибольшую группу составляют поясные наборы: пряжки, накладки, наконечники (рис. 24).

---

72 Там же, с. 34—35, табл. VIII—XXIII; *Кызласов Л. Р.* История Тувы..., с. 20, табл. I, *9*.

73 *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960, табл. 73; *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия..., с. 293.

74 *Путинцева Н. Д.* Указ. соч., с. 253.

75 *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 167.

76 *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг.— КСИИМК, 1952, вып. 45, с. 93.

77 *Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).— СА, 1973, № 4, с. 87.

78 *Кызласов Л. Р.* История Тувы..., с. 20, табл. I, *2*.

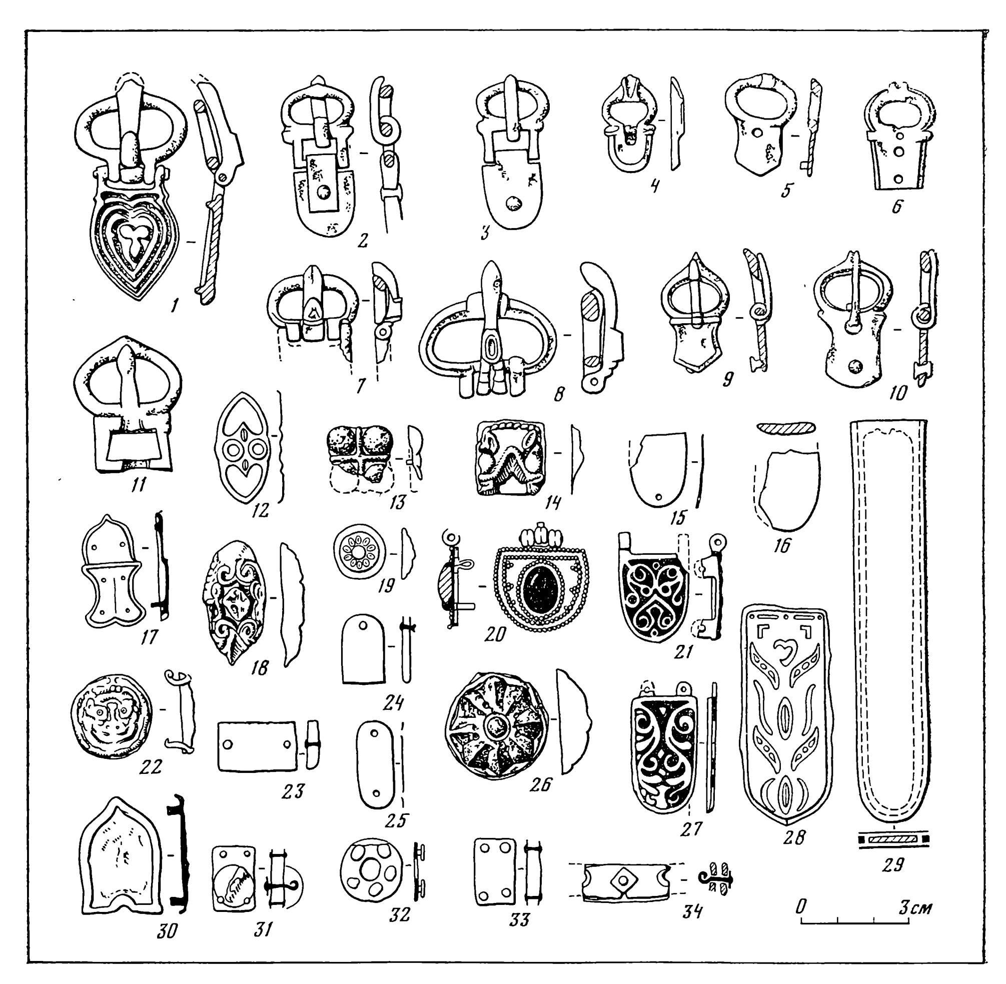

Рис. 24. Детали одежды и украшения

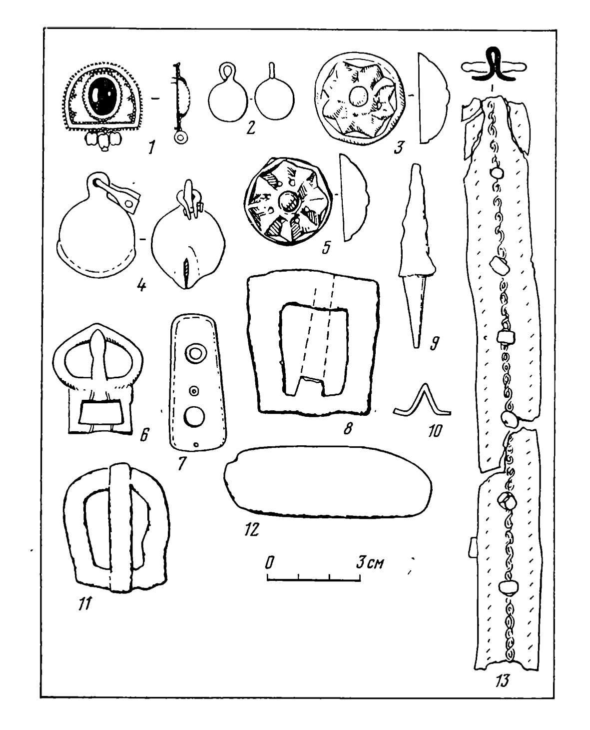
1—11 — пряжки; *12—14, 17—19, 23—25, 30—34* — накладки на ремни; *15, 16, 19—21, 27—29* — наконечники ремней. Место нахождения: *1* — курган 14; *2, 9, 10* — курган 29; *3* — курган 23; *4, 19, 23* — курган 49; *5, 22, 32* — курган 20; *6, 12, 28* — курган 66а; *7, 15, 21* — курган 82; *14, 18* — курган 26; *20, 25* — курган 6; *29* — курган 37

Пряжки различаются по форме и назначению. О больших четырехугольных железных пряжках от конского снаряжения уже говорилось. Пряжки из цветных металлов (бронзы, серебра и золота) выявлены в курганах 37, 49 (I группа) и 6, 20, 23, 29, 66а, 74, 80 (II группа). В кургане 20 было две пряжки, в 29 — три. Обращает на себя внимание сравнительно большое количество пряжек, чуждых северокавказским, крымским и степным памятникам VI — начала VIII в.[79] Это восьмеркооб-

[79] *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, рис. 5—7; *Деопик В. Б.* Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв.— МИА, 1963, № 114, рис. 1.

Рис. 25. Погребальный инвентарь из кургана 6

1 — наконечник ремня;
2 — пуговка;
3, 5 — бляшки;
4 — бубенчик;
6, 8, 11 — пряжки;
7 — блок уздечного чумбура;
13 — остатки конской сбруи
1—3, 5 — золото;
4, 6, 10 — бронза;
7 — кость;
8, 9, 11, 12 — железо;
13 — кожа с бронзовыми петельками

разные цельнолитые пряжки, у которых ремень крепился за специальную рамчатую скобу, или пряжки с плоской задней пластиной (прикрепляющейся к ремню с помощью штифтиков) и заостренным спереди кольцом. Они появились в тюркской культуре Сибири и оттуда распространились в Среднюю Азию и Приуралье во второй половине VII—VIII в.[80] Только позднее, в период салтовской культуры второй половины VIII—IX вв., они широко распространились в Юго-Восточной Европе[81]. Их раннее появление в курганах Верхнего Чирюрта — еще одно свидетельство близких связей оставившего их населения с тюркским миром. Полученную дату подтверждают находки в курганах 14, 74, 80 (II группа) трех пряжек византийских типов, которые появились на Северном Кавказе в VII в. и не выходят за рамки VIII в.[82]

Небольшую, но яркую группу образуют накладки и наконечники ремней, то гладкие (как длинный наконечник из кургана 37), то штампованные (как наконечник из кургана 66а со стручковидными изображениями искаженного растительного орнамента), то прорезные (их узор в огрубленном варианте мы находим в Неволинском могильнике в Приуралье)[83]. Золотые украшения с зернью служили накладками ремней.

---

[80] *Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII—VIII вв.— СА, 1965, № 4, рис. 3.
[81] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, рис. 45.
[82] *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии..., с. 119, рис. 7; *Деопик В. Б.* Указ. соч., с. 127.
[83] *Ковалевская В. Б., Краснов Ю. А.* Рец. на кн.: *Erdelui I., Ortozi I., Gehihg W.* Das Gräberfeld von Hevolihg. Budapest, 1969, 9. o.— СА, 1973, N 2.

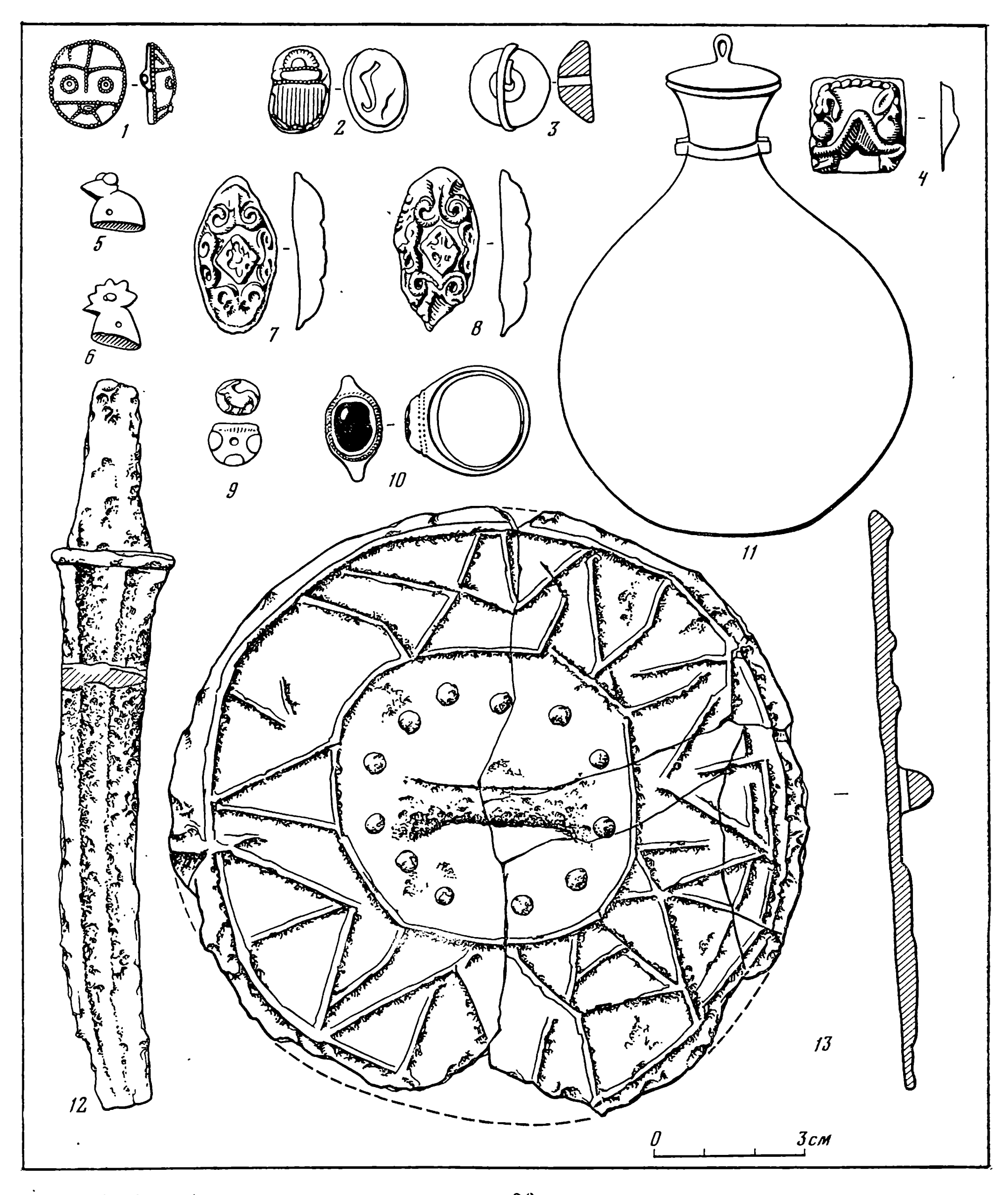

Рис. 26. Погребальный инвентарь из кургана 26

1 —бляшка-маска; *2* — скарабей; *3* — бляшка; *4, 7, 8* — накладки на ремни; *5, 6* — пронизки; *9* — гемма; *10* — перстень; *11* — флакон для благовоний; *12* — нож; *13* — зеркало.
1, 7, 8, 10 — золото; *2, 5, 6* — фаянс; *3* — сердолик; *4, 13* — серебро; *9* — хрусталь; *11* — стекло; *12* — железо

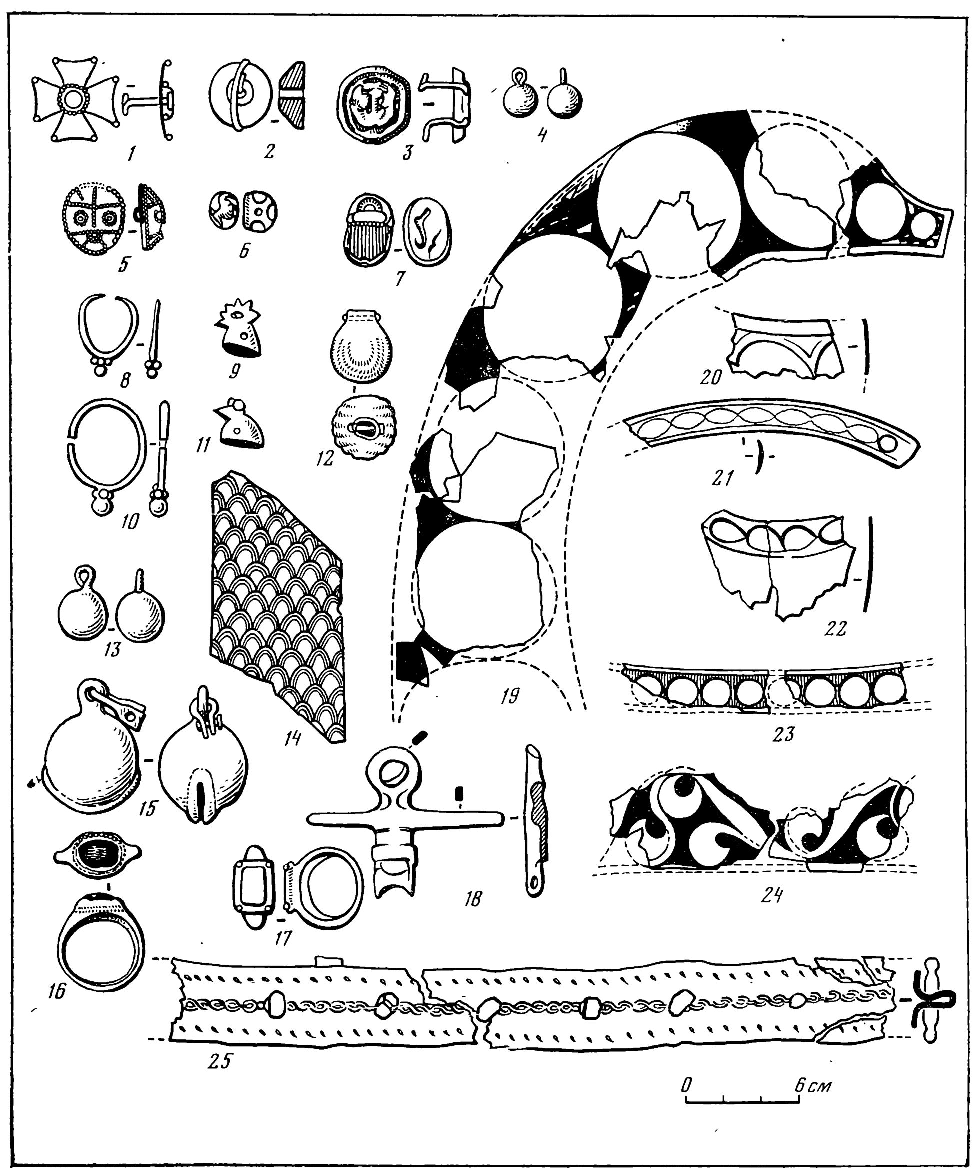

Рис. 27. Украшения

1 — крест; *2, 4, 5, 12, 13* — пуговки; *6* — гемма; *7* — скарабей; *8, 10* — серьги; *9, 11* — пронизки; *15* — бубенчик; *16, 17* — перстни; *14, 19—24* — украшения седла; *25* — остатки сбруи

Примечательны среди них массивная накладка с овальной янтарной вставкой и с обломком шарнирной подвески из кургана 6 (II группа) (рис. 25, *1*), а также бляшка-маска из кургана 26 (рис. 26, *1*). Украшенный зернью крест из кургана 20 имеет в центре подвижной стержень, и, вероятно, был прикреплен к дереву (седлу?).

Золотые украшения, покрытые зернью, также нередки в кочевнических погребениях Средней Азии[84] и Восточной Европы[85]. Их находят в катакомбах Северного Кавказа[86], в аварских погребениях Венгрии[87] и в Болгарии[88].

Бляшки в виде лепестковых розеток или четырех полушарий встречаются в кочевнических погребениях от Алтая до Венгрии[89]. Две овальные штампованные накладки из кургана 26 (II группа) и одна проще украшенная из кургана 66а входят в группу близких украшений из Камунты в Северной Осетии и Вознесенки в порожистой части Днепра. Зооморфный мотив пяти четырехугольных бляшек из кургана 26 редок в Верхнем Чирюрте, но позднее в Дагестане появились разнообразные украшения в зооморфном стиле (Бежта и др.).

Остается упомянуть перстни из курганов 25 и 26, серьги из курганов 37 и 14а (II группа), шаровидные пуговки из курганов 6, 14а и 23 (II группа) — все из золота (рис. 27). В кургане 26 были еще обломки массивного серебряного зеркала с узором из радиальных линий и концентрических кругов, небольшой сосуд из зеленоватого стекла с серебряной крышкой и кольцом-держателем на горлышке. В той же, по-видимому женской, могиле были фаянсовый скарабей, сердоликовая бусина с серебряной ленточкой, синие пастовые подвески в виде мыши и петуха, хрустальная бусина с вырезанным изображением петуха (?). Обрывок золотой фольги из кургана 49 (I группа) покрыт штампованным чешуйчатым орнаментом и имеет точные аналогии в кочевнических погребениях. Обычай покрывать оружие и седла чешуйчатой имитацией перьев характерен для кочевнической культуры VI—VIII вв. и также восходит к восточным традициям[90].

При раскопках найдены золотые монеты[91] (рис. 28). В Кургане 14 была монета VII в., вероятно солид Ираклия (613—616 гг.); в кургане 16 — подражание солиду Ираклия (613—616 гг.); в кургане 17 — солид Маврикия Тиберия (582—602 гг.); в кургане 20 — солид Ираклия и его сына Ираклия Константина (613—641 гг.); в кургане 61 — солид Маврикия Тиберия (582—602 гг.). Золотые подражания византийским монетам 613—641 гг. были и в двух погребениях грунтового могильника 1. Монеты формально ограничивают нижнюю дату могильников началом VII в. Все они имели припаи или отверстия для подвешивания, следовательно, могли использоваться задолго до того, как попали в землю.

Весь инвентарь из курганного могильника также не выходит за рамки VII—VIII вв. А такие находки, как изогнутые сабли, луки только со

---

[84] *Бернштам А. Н.* Находки у оз. Боровое в Казахстане.— В кн.: Вопросы антропологии и этнографии, 1951, т. 13, с. 216.

[85] *Бобринский А. А.* Перещепинский клад.— МАР, Пг., 1914, вып. 34, с. 112.

[86] МАК, М., 1900, вып. VIII, табл. CXXIV, CXXV (Чми и Комунта).

[87] *Salamon A., Erdelui I.* Op. cit., tabl. XXVI.

[88] *Ваклинов С.* Формирование на старо-българската култура VI—XI век. София, 1977, с. 16, рис. 6—8.

[89] *Гаврилова А. А.* Указ. соч., табл. XIX, *1, 2*; XXIV, *5*; *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии..., рис. 57, *3*.

[90] *Бернштам А. Н.* Находки у оз. Боровое..., с. 216.

[91] Монеты были определены В. В. Кропоткиным, за что приношу ему свою глубокую благодарность.

срединными накладками, пряжки тюркско-сибирских типов, орнамент из петлевидных завитков на прорезных украшениях ремней и накладке седла, овальные штампованные бляшки, позволяют отнести курганный могильник Верхнего Чирюрта к тому же времени, что и алтайские погребения Катандинской группы, Неволинский могильник, Вознесенское погребение и живопись дворца на Афрасиабе, т. е. ко второй половине VII в. и к VIII в. Это устанавливает синхронность всех трех могильников, окружающих Верхнечирюртовское городище.

Погребальный инвентарь из верхнечирюртовских могильников наглядно отражает социальное расслоение обитателей Беленджера. На грунтовом могильнике 1 выявлены в большинстве своем недорогие украшения и иногда предметы вооружения (рис. 29). На могильниках 2 и 3 обнаружены только единичные украшения, чаще из железа, и совсем не было оружия. Из 42 погребений, исследованных на могильнике 2, инвентарь был лишь в шести погребениях. Вероятно, эти могильники принадлежали соответственно средним и беднейшим слоям городского населения. Курганный могильник содержал такие же катакомбы, как большинство грунтовых, но более обширные и тщательно устроенные. Наличие разнообразных, в том числе золотых, украшений, а также оружия и доспехов свидетельствует, что это было кладбище военной знати, родовой аристократии и постоянной дружины.

Наиболее сложным остается до сего времени вопрос об этнической принадлежности погребенных на этих могильниках. Н. Д. Путинцева подчеркивала самобытный характер представленной на могильнике 1 культуры, уходящей своими корнями в местные традиции. Другие исследователи связывают тот же могильник с савирскими племенами, засвидетельствованными в Дагестане сообщениями письменных источников (И. П. Костюченко, Т. С. Кондукторова, В. Г. Котович). Некоторые археологи связывают погребения в ямах из грунтовых могильников с болгарами (Г. С. Федоров, В. Б. Ковалевская). Вполне возможно, что савиры и болгары могли остаться в Приморском Дагестане после ухода основной части их племен. Это тем более вероятно, что хазары были тесно связаны с болгарами. Беленджер, как уже отмечалось, был древней столицей страны Барсилии. А барсилы, по мнению исследователей, являются подразделением болгар [92]. Интересно, что Барсолу в источниках называют братом Хазара [93]. И, видимо, поэтому жена хазарского кагана Хатун бралась из племени барсилов [94]. Савиры и болгары, засвидетельствованные источниками в приморской Хазарии, составляли, очевидно, значительный процент в этнически пестром составе населения Беленджера. С ними, по всей вероятности, связаны не только погребения в ямах, но и основная масса катакомбных погребений на могильниках 1—3. Однако для их выделения из общей массы погребенных потребуются дальнейшие целенаправленные исследования.

---

[92] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 184.

[93] *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда бен Омара ибн Даста. СПб., 1869, с. 93.

[94] *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому.— ЖМНП, 1883, март, с. 49.

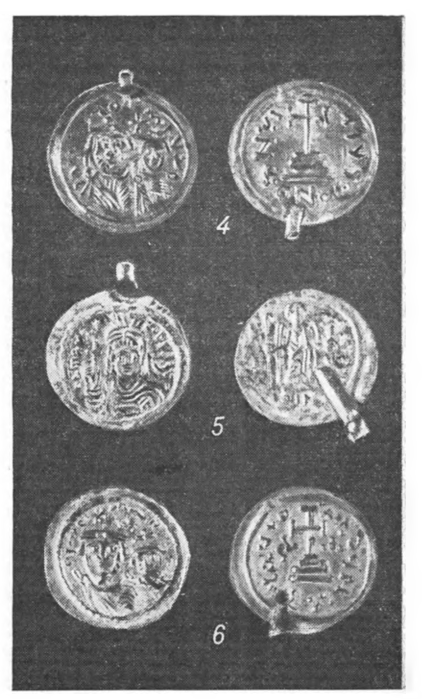

Рис. 28. Золотые монеты из курганов Верхнечирюртовского могильника (1—6)

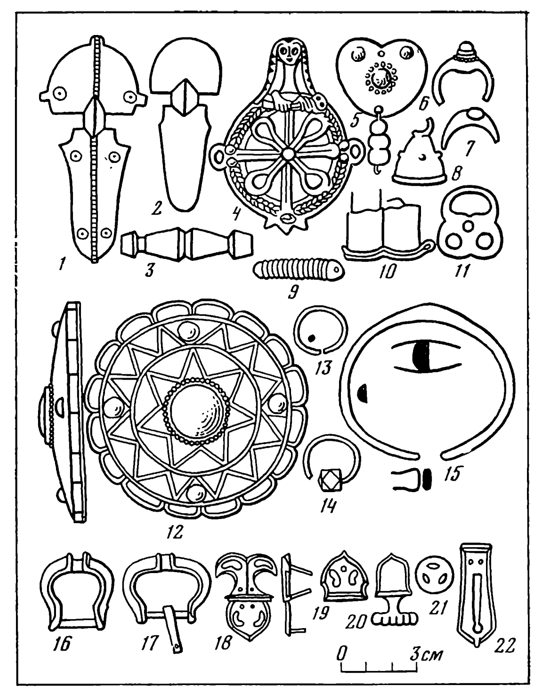
Ряд исследователей связывает катакомбы грунтового могильника I с аланами (В. А. Кузнецов, В. Б. Ковалевская, Г. С. Федоров, Т. С. Кондукторова). Не отрицая в целом того, что катакомбы — наиболее характерный обряд для аланских племен, генетически восходящий к сарматским погребальным традициям, мы тем не менее исключаем возможность связи верхнечирюртовских катакомб с аланами на следующих основаниях. Катакомбы грунтовых могильников — упрощенные варианты погребений курганного могильника. Их объединяют общие конструкции с характерной забутовкой дромосов камнем. Примечательно и тесное переплетение конструкций подкурганных катакомб с подбойными и ямными погребениями, что также не характерно для аланских могильников. И, наконец, погребальный инвентарь и особенно поясные украшения (пряжки, накладки, наконечники) из этих погребений повторяют аналогичные украшения курганного могильника[95]. Объединяет их и общий антропологический тип погребенных. Генетическая связь катакомб всех могильников городища очевидна. Различия между ними лишь социальные. Наиболее выразительно этнические различия между аланами и верхнечирюртовцами иллюстрирует яркий погребальный материал Верхнечирюртовских подкурганных катакомб. Для погребальных обрядов северокавказских алан необычно помещение в могилы слабо

[95] *Путинцева Н. Д.* Указ. соч., с. 257, рис. 7, 9.

Рис. 29. Погребальный инвентарь из Верхнечирюртовского грунтового могильника 1

1, 2, 12 — фибулы;
3 — застежка;
4, 5, 8 — подвески;
6, 7 — перстни;
9 — накладка;
10 — игольник;
11, 16, 17 — пряжки;
13—14 — серьги;
15 — браслет;
18—22 — детали пояса.

Все — бронза (*5* — с одинарной и двойной позолоченой бусиной; *12* — с голубовато-зеленоватым стеклом; центральная вставка — красноватая)

изогнутых сабель, кольчуг и панцирей. Аланскому набору украшений VII—VIII вв. чужд ряд форм пряжек, связанных с кочевниками Сибири. Здесь не лишне напомнить и о рисунке всадника с развевающимися косами из кургана 17 — особенность, зафиксированная только у тюрок и у авар Среднего Подунавья.

Не в Алании, а среди народов Азии и степей Поволжья представлен и верхнечирюртовский антропологический тип с характерной примесью монголоидных признаков и кольцевой деформацией черепов [96].

Несмотря на кажущуюся общность форм катакомб верхнечирюртовских и аланских погребений, они отличаются в деталях устройства. Катакомбы алан ориентированы различно, в Верхнем Чирюрте дромосы в основном вытянуты с севера на юг, а погребальные камеры — с запада на восток. Необычна для алан забутовка дромосов булыжником, необработанным камнем или сырцовым кирпичом. Основная масса аланских катакомб — это семейные склепы, под курганами Верхнего Чирюрта — одиночные захоронения при гораздо более крупных размерах камер. Встречающиеся иногда погребальные камеры с двухскатным потолком напоминают кочевнические кибитки [97]. Чуждо аланам применение камышового настила и гробов из жгутов камыша, характерное для катакомб Верхнего Чирюрта.

[96] *Кондукторова Т. С.* Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирюртовского могильника в Дагестане.— Вопросы антропологии, 1967, вып. 25, с. 128; *Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975, с. 71.

[97] *Нечаева Л. Г.* О жилище кочевников Юго-Восточной Европы в железном веке.— В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 19.

Если считать катакомбы Верхнего Чирюрта аланскими, чем объяснить такое заметное тяготение в деталях их устройства и в инвентаре к культуре восточных кочевников?

Таким образом, не только самые разнообразные категории вооружения и украшений, но и конструкции погребальных сооружений, а также существенные элементы ритуала захоронений на верхнечирюртовских могильниках имеют столь ярко выраженное локальное своеобразие, что они не могут быть сопоставимы с известными аланскими катакомбами. Объяснить эти явные различия, очевидно, нельзя, и рассматривая верхнечирюртовские памятники как дальнюю периферию по отношению к Алании[98]. Отождествлению верхнечирюртовских катакомб с аланскими противоречат не только прослеженные своеобразия погребальных сооружений, но и политическая история Северного Кавказа в раннесредневековую эпоху. Известно, что в конце IV в. гунны сломили сопротивление алан, занимавших своими кочевьями прикаспийские степи до Дона; многих они перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе. После гуннского нашествия аланы не только перестали играть руководящую роль среди кочевых племен в степях Северного Кавказа, но и оказались оттесненными в горы[99]. Территория расселения алан постепенно уменьшалась, и, наконец, под давлением черных булгар они потеряли район Кисловодска и оказались загнанными в ущелья — основную их территорию[100]. Несмотря на эти очевидные исторические факты, в археологическом плане так называемые аланские катакомбы широко представлены в V—IX вв. на огромных просторах Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы. В этом плане аланы как бы заслонили собой кочевые народы, оседавшие на просторах Северного Кавказа, поскольку повсеместно здесь широко представлены катакомбные погребальные сооружения[101]. Этими очевидными несоответствиями можно объяснить и то, что ряд исследователей выступает в последнее время против теории доминирующей роли ираноязычных алан в IV—XIII вв. на Центральном Кавказе. Они склонны рассматривать алан верховьев Кубани и Карачая как тюрок, поскольку топонимика, связанная здесь с катакомбной археологической культурой, является тюркской[102]. О том, что носителями собственно салтовской культуры могли быть в хазарское время уже не иранцы, а тюрки по языку, указывал и М. И. Артамонов[103].

Объяснить причины широкого распространения тюркской топонимики по всему Северному Кавказу тюркизацией самих алан, очевидно, нельзя уже потому, что их потомки — осетины — являются ираноязычными по сей день. Решение этого и многих других вопросов, связанных с катакомбными погребальными сооружениями, следует, по нашему мнению, начинать с выяснения, являются ли аланы единственными носите-

---

[98] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа, с. 35.

[99] *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937, с. 45; *Он же.* История хазар, с. 108.

[100] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа, с. 30.

[101] *Кузнецов В. А.* Аланы и тюрки в верховьях Кубани.— В кн.: Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974, вып. 1, с. 76.

[102] *Хаджилаев Х. И.* К топонимике Карачая.— Тр. КЧНИИ, 1970, вып. VI. Сер. ист., с. 373.

[103] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 313.

лями этого обряда погребения на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе. Культура верхнечирюртовского типа представлена на многочисленных памятниках Приморского Дагестана. Бытование здесь собственно хазарских племен с их многочисленными поселениями и городами, а также возникновение каганата засвидетельствовано, как известно, в многочисленных письменных источниках[104] и находит яркое подтверждение в археологических материалах. Возможно, что катакомба не была для пришлых кочевников новым, неизвестным ранее погребальным сооружением. С ней они могли столкнуться в условиях Средней Азии, где катакомбы были широко распространены не только среди оседлого, но и кочевого населения[105]. Погребальный обряд, как отмечает Б. А. Литвинский, не имеет в Средней Азии того самодовлеющего значения, которое ему часто придается[106]. Там же известна характерная для Верхнего Чирюрта забутовка дромосов камнями[107], гробы-футляры из камыша или веток[108], закладка погребальных камер сырцовыми кирпичами[109].

Если в условиях Средней Азии кочевники, в том числе и хазары, могли перенять новый для них катакомбный обряд захоронений, то в степях Прикаспия он окончательно у них утвердился. Этому, очевидно, способствовало не только широкое распространение катакомбного обряда на Северном Кавказе, но и то, что эта новая форма погребений утвердилась у гунно-савирских племен, оказавшихся в Приморском Дагестане раньше хазар[110]. Подсыпка угля в некоторых катакомбах могла быть заимствована у алан. Однако не исключено, что это остатки древних традиций трупосожжения, как и забутовка дромосов камнями и кирпичами, которая, возможно, является пережитком насыпей курганов из камней, практиковавшихся у сибирских тюрок. Переплетение кочевнических и местных традиций в конструкциях погребальных сооружений, особенно в погребальном инвентаре, наблюдается и на грунтовых могилах Верхнего Чирюрта. По-видимому, здесь жили не только пришлые хазарские, но и остатки гунно-булгарских племен, а также, вероятно, осколки аланского населения. Однако и в новых условиях в погребальном ритуале хазар сохраняются пережитки древних традиций. Не случайно кочевнические элементы больше всего сохранились в ма-

---

[104] Там же, с. 116; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 186.
[105] *Сорокин С. С.* Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятник местной культуры.— СА, 1956, вып. 26, с. 99; *Неразик Е. Е.* О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приуралья в IV—VIII вв.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 201.
[106] *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, с. 77.
[107] Там же, с. 70.
[108] *Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг.— МХЭ, М., 1963, вып. 6, с. 52; *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 26, с. 193.
[109] *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы..., с. 91.
[110] *Круглов А. П.* Указ. соч., с. 67; *Котович В. Г.* Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана.— В кн.: Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докл. Махачкала, 1975, с. 97—100.

териалах богатого курганного могильника, прочно связывая его с пришлой хазарской знатью.

Следует, наконец, отметить и новые, ранее неизвестные здесь подкурганные склепы, исследованные на восточной окраине Верхнечирюртовского курганного могильника. Они возведены из необработанного плитняка на древней поверхности и имели прямоугольные формы; у одного из них округленные углы. Инвентаря в склепах не обнаружено. Эти новые для могильника погребальные сооружения интересны тем, что получают в предгорном Дагестане довольно широкое распространение в VII—XI вв.

В 1938 г. М. И. Артамоновым были исследованы три каменных склепа на могильнике (13) у сел. Каранай Буйнакского района. Склепы служили для коллективных захоронений. В одном из них были погребены и две лошади. Из погребального инвентаря склепов характерны фрагменты красноглиняных и сероглиняных сосудов, железные наконечники копий, бронзовые пряжки и др.[111]

Еще один случайно выявленный склеп был исследован на Верхнекаранайском могильнике в 1968 г.[112] Богатый инвентарь склепа состоит из различных украшений и вооружения. Одних железных наконечников копий было здесь найдено 10.

Значительное место среди погребений некрополя Урцекского городища (Варачана) также занимают склепы. Они служили для захоронения привилегированных слоев населения города и сопровождались грунтовыми погребениями и погребениями коней[113]. Погребальный инвентарь склепов представлен разнообразными украшениями, вооружением и керамикой.

Аналогичные склеповые захоронения исследованы на Узунталинском могильнике в 10 км к югу от сел. Старый Чиркей Буйнакского района. Здесь также склепы сопровождаются грунтовыми погребениями. На основании многочисленного и разнообразного погребального инвентаря склепы датируются IX—XI вв.[114]

Значительный интерес представляют склепы Агачкалинского могильника в Буйнакском районе, исследованные К. Ф. Смирновым. Здесь раскопаны три склепа с коллективными захоронениями и 13 грунтовых могил, где выявлены тысячи предметов богатого погребального инвентаря. Перед склепами также прослежены захоронения коней. Датируется могильник IX—XI вв.[115]

Аналогичные по конструкциям склепы исследованы и на некрополе Таркинского городища (Семендера)[116]. Они также примечательны бо-

---

[111] *Артамонов М. И.* Отчет о работе Северо-Кавказской экспедиции в Дагестане в 1937—1938 гг.— Архив ЛОИИМК, оп. 1, д. 41, с. 18—20.

[112] Погребальный инвентарь из склепа хранится в фондах ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР.

[113] *Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Отчеты о работе Приморской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1963—1964 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 3317, с. 191.

[114] *Путинцева Н. Д.* Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 113а, с. 178.

[115] *Смирнов К. Ф.* Агачкалинский могильник..., с. 113.

[116] *Магомедов М. Г.* Древние политические центры Хазарии.— СА, 1975, № 3, с. 72.

гатством погребального инвентаря. Оружие из склепов представлено наконечниками копий, черешковыми трехлопастными наконечниками стрел и слабоизогнутой саблей верхнечирюртовского типа. Найдена здесь и арабская золоченая монета, датируемая VIII в. Склепы с аналогичной конструкцией и культурой известны в целом ряде других пунктов предгорного Дагестана[117]. Сложным остается вопрос об их происхождении. Несомненно, что склеповые сооружения в Дагестане имеют глубокие, восходящие к эпохе бронзы традиции. Однако в раннесредневековую эпоху основным типом погребальных сооружений народов Дагестана были грунтовые могилы и каменные ящики, в то время как в предгорьях распространяются и склеповые захоронения[118], причем здесь склеповые сооружения появляются в албано-сарматское время и связываются с погребениями наиболее зажиточной части населения. Широкое распространение склеповых сооружений в VII—XI вв. по предгорному Дагестану и их хронологическая и территориальная взаимосвязь с памятниками оседавших здесь кочевников далеко не случайна. Эта связь прослеживается, как в особенностях конструкции склепов, так и в характере погребального инвентаря. О смешанном характере культуры свидетельствует инвентарь из склепов Большого Буйнакского кургана, где представлены и деформированные черепа. Аналогичные деформированные черепа, очевидно связанные с традициями кочевников, выявлены в склепах Дегва[119] и Верхнего Чирюрта.

Слабоизогнутые сабли из Агачкалы и Тарков имеют прямые аналогии в материалах Верхнечирюртовского курганного могильника. К ним тяготеют и некоторые образцы керамики, а также многочисленные образцы украшений: подвесок, пряжек из склепов (Тарки, Узунтала, Агачкала, Урцеков). С традициями кочевников, очевидно, связаны и конские захоронения, прослеженные как в самих склепах, так и около них (Агачкала, Верхний Каранай, Урцеки). О проникновении погребальных традиций кочевников в предгорья Дагестана особенно наглядно свидетельствуют катакомбные захоронения Акушинского могильника[120]. Рядом с этими чуждыми для местных народов погребениями находится и Гапшиминский склеповый могильник. Среди инвентаря из склепов выделяются типичные для тюркской культуры пряжки с заостренным спереди кольцом[121], которые имеют близкие аналогии в Верхнем Чирюрте.

Таким образом, погребальный инвентарь склеповых сооружений предгорного Дагестана свидетельствует о переплетении в них традиций местной и кочевнической культур, что может являться следствием инфильтрации отдельных групп кочевников в глубь предгорий и смешения их с местным населением. Являясь местными по характеру строительства, склеповые сооружения воплотили в себе и некоторые элементы катакомбных сооружений Приморского Дагестана. Они, как и грунто-

---

[117] См. Приложение 2.

[118] *Атаев Д. М.* Указ. соч., с. 23, 46.

[119] *Миклашевская Н. Н.* Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана.— МАД. Махачкала, 1959, т. I, с. 188.

[120] *Марковин В. И., Твердохлебов А. М.* Акушинский могильник.— КСИИМК, 1955, вып. 60, с. 150.

[121] *Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д.* Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана.— МАД. Махачкала, 1961, т. II, с. 271, рис. 6.

вые катакомбы, нередко служили семейными усыпальницами, сопровождавшимися грунтовыми погребениями зависимой части населения, а также конскими захоронениями. Входное отверстие в одной из поперечных стен склепов напоминает дромосы катакомб, служивших для повторных захоронений. Схожие по своим конструкциям с катакомбами, склепы, очевидно, и получают широкое распространение в новых природно-географических условиях, исключающих возможность сооружения катакомб. О попытках воплотить в них элементы катакомбных сооружений могут свидетельствовать исследования подобных сооружений на Северном Кавказе, где встречаются не только различные типы самих катакомб и склепов, но и их гибриды (полукатакомбы — полусклепы)[122].

Все сказанное позволяет заключить, что исследованные в предгорном Дагестане склеповые сооружения связаны с привилегированной частью смешанного местного и оседавшего здесь кочевого населения, что и является причиной синкретизма представленной в них культуры и самих погребальных конструкций. Население, оставившее нам урцекские, таркинские, узун-талинские и другие склеповые сооружения, подобно населению, оставившему агачкалинские склеповые сооружения, входило, как справедливо отмечал К. Ф. Смирнов, в хазарское объединение Дагестана[123], частично продвинувшееся в предгорья, очевидно, под натиском арабов. Поэтому склепы и получают широкое распространение здесь в VII—XI вв. С падением Хазарского каганата перестают существовать и связанные с ним памятники культуры, в том числе и склеповые сооружения, которые не встречаются в Дагестане после XI в. Остатки хазар растворились в массе автохтонного населения, оставив память о себе в многочисленных памятниках материальной и духовной культуры и успев навязать тюркский язык населению предгорного Дагестана.

---

[122] *Нечаева Л. Г.* О генетической связи аланской и осетинской культуры позднего средневековья.— МАДИСО. Орджоникидзе, 1975, т. III, с. 35, 38.
[123] *Смирнов К. Ф.* Агачкалинский могильник..., с. 113.

Глава третья

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА ХАЗАРИИ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

О специфике экономики кочевников, проникших в V—VI вв. в прикаспийские степи, можно составить представление по сообщению сирийского автора VI в. Захария Ритора. Перечислив 13 народов (угров, савир, болгар, кутригур, авар, хазар и др.), живущих за воротами Дербента в «пределах гуннских», он указывает, что они «... живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием»[1]. Однако важно, что, подчеркивая кочевнический быт этих народов, Захарий Ритор отмечает и наличие у них поселений и городов[2]. Несомненно, в данном случае речь идет о поселениях местных земледельцев, которыми овладели пришлые кочевники. Процессу их оседания в немалой степени способствовали не только местная оседло-земледельческая среда, но и резкое уменьшение возможностей легкого обогащения грабежом в странах Закавказья после укрепления Дербентского прохода Сасанидским Ираном[3]. Эти факторы и определили направление дальнейшего развития хозяйства беднейших слоев кочевников, которые приспосабливаются к новым для них и наиболее рациональным в условиях Приморского Дагестана формам хозяйствования. Наметившиеся изменения специфики быта кочевников также отразились в источниках. Закавказские миссионеры, как отмечают источники, способствовали развитию у них навыков сельскохозяйственного производства. Они «насадили растения и посеяли различные семена». Эти новые и непривычные для них формы ведения хозяйства производили большое впечатление на «властителей этих народов; они удивлялись и обрадовались мужам, почитали их, и каждый звал их в свою страну, к своему народу и просил, чтобы они были ему (народу) учителями»[4].

Завладев Приморским Дагестаном, объединенные в составе Хазарии кочевники оказались наследниками не только богатых земледельческих районов, но и сложившихся здесь с глубокой древности оседло-земледельческих традиций[5]. Базируясь на этих традициях и смешиваясь с местным населением в городах и многочисленных поселениях Приморского Дагестана, кочевники участвовали в интенсивном процессе формирования оседлого населения Хазарии. О земледельческой основе экономики городов не только в древности, но и в хазарскую эпоху свидетельствует сложная их структура, особенно же остатки целой системы

---

1 *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941, с. 82.
2 Там же.
3 *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 96.
4 *Пигулевская Н. В.* Указ. соч., с. 86.
5 *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977, с. 58, 63.

«длинных» стен, ограждавших сельскохозяйственные округи городов. На десятки километров протянулись «длинные» стены Урцекского городища, закрывавшие доступ в долину с земледельческими террасами и другими угодьями.

Функции «длинных» стен выполняли и стены Верхнечирюртовского, Таркинского, Сигитминского и других городищ. Защищая городища, они в то же время закрывали проходы в окружающие их долины, которые являлись сельскохозяйственной округой. Практика строительства «длинных» стен была широко распространена в раннесредневековую эпоху, когда они возводились как барьеры оседло-земледельческих народов от набегов кочевников. Грандиозная система «длинных» стен на Кавказе связана с Сасанидским Ираном[6] и Византией[7]. «Длинными» стенами ограждались города и целые оазисы Средней Азии. Возведенные в свое время против кочевников в качестве укрепленной границы[8], эти стены не потеряли своего назначения и при хазарах. Недавние кочевники (хазары, гунны, булгары) в процессе своей трансформации в оседлых земледельцев воспринимали соответственно и традиции местных народов по укреплению своих владений системой «длинных» стен, предназначавшихся также для активной обороны против начавшихся арабских завоеваний.

Во всех случаях «длинные» стены не только являются важными элементами в структуре городов, но и свидетельствуют о значительной роли земледелия в их экономике. Двойственный характер экономики присущ для средневековых городов Кавказа и Древнего Востока. Составной частью городов Грузии являлась «убани» — сельскохозяйственная округа[9]. Центрами развитого земледелия и садоводства были города Армении в античную и последующие эпохи[10]. Велика была роль сельского хозяйства в городах Ирана и Византии[11]. Как отмечает Н. В. Пигулевская, «горожанам выделялась окружавшая их земля, чтобы населению было чем кормиться. Эта земля составляла с городом единый округ»[12]. Одной из главных отраслей экономики было сельское хозяйство и в средневековых городах Средней Азии[13].

---

[6] *Пахомов Е. А.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье.— Проблемы ГАИМК, 1933, № 9/10, с. 39; *Артамонов М. И.* Древний Дербент.— СА, 1946, VIII, с. 121.

[7] *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63, с. 115; *Тиханова М. А.* Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма.— МИА, 1953, № 34, с. 324; *Ваймарн Е. В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена.— В кн.: История и археология средневекового Крыма. М., 1958, с. 48.

[8] *Магомедов М. Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1970, с. 9.

[9] *Апакидзе А. М.* Результаты археологического изучения античных городов Грузии.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 151.

[10] *Болтунова А. И.* Античные города Грузии и Армении.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 163; *Аратюнян В. М.* Градостроительная культура средневековой Армении.— Историко-филологический журнал, Ереван, 1963, № 2, с. 100.

[11] *Каждан А. П.* Византийские города в VII—XI вв.— СА, 1954, XXI, с. 187.

[12] *Пигулевская Н. В.* К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье.— Советское востоковедение, 1955, № 6, с. 72.

[13] *Якубовский А. Ю.* Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии.— Тр. ТФАН, 1951, т. XXIX, с. 13; *Лавров В. А.* Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, с. 60; *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 351.

Наиболее наглядное представление о характере земледелия в прикаспийской Хазарии дают результаты почвенных и палеоэтноботанических исследований памятников Терско-Сулакского междуречья.

Палеогеографические исследования проводились около Андрейаульского городища и поселений Тенг-кала, Бораул и Германчик. Результаты этих исследований (механические и химические составы почв) подтвердили наличие вокруг них следов древнего земледелия[14] (результаты анализа почв см. Приложения 3 и 4). Исследованиями установлено, что земледелие в древней Хазарии было орошаемым и играло существенную роль в экономике. Оно было приурочено в основном к предгорным районам и долинам рек. Население занималось главным образом выращиванием винограда и садоводством, но немаловажную роль играл и высев зерновых культур. У древних поселений, расположенных на приморской равнине, почвенные анализы показали совершенно иную картину. Они находились в зоне распространения современных луговых, лугово-болотных и светло-каштановых почв, местами переходящих в солонцеватые и сильно засоленные. Здесь нет погребенного агрикультурного горизонта. Эти районы служили преимущественно для интенсивного выпаса скота.

О многочисленных садах и особенно виноградниках в прикаспийской Хазарии сообщают и письменные источники. В пространстве между Семендером и Баб ал-Абвабом (Дербентом), как отмечает Аль-Истахри, «находятся многочисленные сады, принадлежащие Семендеру, и говорят, что они содержат в себе приблизительно около 4 тыс. (по другим данным 40 тыс.) виноградных лоз... И главную часть плодов в этих садах составляет виноград»[15]. Сообщения письменных источников находят подтверждение в палеоэтноботанических исследованиях, проведенных на Верхнечирюртовском городище. В результате отмывки сырцовых кирпичей с оборонительных стен городища обнаружены обугленные зерна и фрагменты зерен и колосков голозерного ячменя, мягкой и карликовой пшеницы, косточки нескольких сортов винограда и вишни, а также обильные сорняки, сопровождавшие посевы и поселения.

Вот полный список определенных остатков растений в результате палеоэтноботанических исследований на Верхнечирюртовском городище в 1974 г. (определения Л. В. Прищепенко)[16]: отпечатки на сырцовых кирпичах: пшеница мягкая, пшеница карликовая, ячмень голозерный, ячмень пленчатый, виноград; отмывка из сырцовых кирпичей: пшеница мягкая, пшеница карликовая, пшеница однозернянка (?), ячмень голозерный, ячмень пленчатый, виноград дикий, виноград культурный, вишня, горец малый, клевер шуршащий, клевер ползучий, люцерна хмелевидная, люцерна посевная, щетинник зеленый, щавель воробьиный, ща-

---

[14] Автор выражает глубокую благодарность заведующей лабораторией палеоботаники Института археологии АН СССР Г. Н. Лисицыной и лаборантке В. П. Костюченко за их ценную помощь в палеогеографических исследованиях в древней Хазарии.

[15] *Ал-Истахри.* Книга путей и царств/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1901, вып. XXIX, с. 4.

[16] Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность Л. В. Прищепенко за кропотливый труд по палеоэтноботаническим исследованиям материалов с Верхнечирюртовского городища.

вель конский; траншея 1, находки семян: воробейник полевой, семейство бурачковых; траншея 2, находки семян: воробейник полевой, горец отклоненный, мыльнянка лекарственная, семейство сложноцветных.

Этот перечень культур восполняется и сообщениями письменных источников о земледельцах, в которых отмечается, что «... летом они выходят на пашни для посевов, сбирают хлеба» [17]. Хазары выращивали просо и рис. Аль-Мукаддаси пишет, что «хлеб у хазар пшеничный, а приправой служит рыба» [18].

Свидетельством интенсивного характера земледелия в древней Хазарии, где на обширных плантациях возделывались самые разнообразные сорта винограда, являются и остатки древних ирригационных каналов, сохранившихся в Терско-Сулакском междуречье. На остатки каналов в Приморском Дагестане обратили внимание еще в конце XIX в. Так, Н. А. Нарышкин в своем отчете обществу любителей кавказской археологии писал, «... что область между Тереком и Сулаком, прилегающая к Каспийскому морю, в отдаленную эпоху представляла собою страну, значительно населенную и обработанную, что доказывают следы орошаемых ее водопроводных каналов».

Сохранившиеся остатки каналов протянулись на десятки километров в обе стороны от р. Акташ. Специальные исследования каналов были начаты в 1978 г.[19] Предварительно на основании выявленной при их расчистке керамики установлено, что они могли быть сооружены в VII—VIII вв. и связаны по времени с древней Хазарией. В этой связи отметим, что до и после Хазарского каганата в Дагестане не было экономических и политических условий для строительства столь грандиозных сооружений. О том, что в Хазарии существовало орошаемое земледелие, писал каган Иосиф, который отмечает, что «... страна наша плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из рек» [20].

В Приморском Дагестане объединенные в составе Хазарского каганата народы не только овладели издревле сложившимися здесь разнообразными навыками земледельческого производства, но и способствовали широкому распространению этих традиций, особенно навыков возделывания винограда. В этом плане интересные результаты исследований новочеркасских специалистов о происхождении донских сортов винограда. Итогом этих исследований является вывод, что виноградарство на Волге и Дону начинается с хазар. Сорта винограда и приемы их выращивания, а также виноградарский и винодельческий инвентарь старинных русских виноградарских центров, как отмечает исследователь А. И. Потапенко, связаны с Дагестаном [21]. Хазары принесли навыки

---

[17] *Ал-Истахри.* Указ. соч., с. 45.

[18] *Ал-Мукаддаси.* Лучшее из делений для познания стран/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 3, 45.

[19] Палеогеографические исследования остатков каналов производились под руководством зав. лабораторией палеоботаники Института археологии АН СССР Г. Н. Лисицыной.

[20] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, с. 87, 102.

[21] *Потапенко А. И.* Старожил земли русской (очерки о русском винограде). Ростов, 1976, с. 51.

возделывания винограда из Дагестана не только на Волгу и Дон, но и гораздо дальше — на территорию Восточной Европы [22].

О земледельческой специфике экономики Хазарии свидетельствуют, наконец, и орудия труда.

Из орудий для сбора урожая представляет интерес обломок железного серпа, найденный в слоях Бавтугайского городища [23]. Он примечателен большой изогнутостью лезвия и укороченной рукоятью. Подобные серпы, использовавшиеся для уборки хлебов и заготовки сена, получают широкое распространение на памятниках Северного Кавказа [24] и салтово-маяцкой культуры [25].

На всех без исключения памятниках древней Хазарии в большом количестве найдены обломки жерновов, являющиеся наиболее массовым земледельческим инвентарем. По форме они подразделяются на две группы. К первой относятся зернотерки вытянуто-овальной или ладьевидной формы, которые сосуществуют здесь с круглыми жерновами. Распространение этих архаических по формам зернотерок на памятниках древней Хазарии объясняется, очевидно, легкостью из изготовления. Подобные зернотерки предназначались для изготовления различных круп и еще недавно бытовали у местных народов.

Вторую группу составляют круглые жернова, изготовленные из ракушечника и состоящие из двух дисков. Диаметры их достигают 35—60 см, толщина — 3—6 см. У краев верхних дисков имеются сквозные отверстия или выемки для деревянной ручки. Подобные жернова служившие для помола зерна, широко распространены на оседло-земледельческих памятниках Северного Кавказа [26].

О больших запасах зерна у обитателей древних хазарских городов свидетельствуют остатки многочисленных хозяйственных ям, сооружавшихся внутри жилищ и нередко вокруг них.

Можно думать, что и различные типы плугов, получившие распространение в волго-донской Хазарии [27], ведут свое происхождение из Дагестана, где традиции пахотного земледелия восходят к эпохе бронзы [28].

Наряду с земледелием в экономике Хазарского каганата важное место принадлежало и скотоводству. Многочисленные костные остатки с исследованных памятников иллюстрируют оседлый быт и в этой области хозяйства. Наиболее наглядно это видно из материалов Андрейаульского городища.

В течение 1967—1968 и 1975—1976 гг. на городище было собрано 15 803 определимых фрагмента костей (74% всех найденных). При подсчете весь материал соответственно условиям залегания был расчленен на три стратиграфические группы. Результаты определения представлены в табл. 4 (в %) [29].

---

[22] Там же, с. 62.

[23] *Пикуль М. И.* Отчет о работе III Бавтугайского отряда ДАЭ за 1958 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 81, с. 89, табл. 24, *11*.

[24] *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 59.

[25] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 147.

[26] *Кузнецов В. А.* Указ. соч., с. 60.

[27] *Плетнева С. А.* Указ. соч., с. 144.

[28] История Дагестана, М., 1967, т. 1, с. 32.

[29] Анализ костных остатков из раскопок Андрейаульского городища произвел зав. ка-

Таблица 4. Видовой состав домашних животных Андрейаульского городища, %

Вид	Слой			Вид	Слой		
	VI—VIII вв.	IV—VI вв.	II—IV вв.		VI—VIII вв.	IV—VI вв.	II—IV вв.
Лошадь	10,5	14,1	13	Не определенный мелкий рогатый скот	11,8	15,3	6,4
Крупный рогатый скот	34	32,6	40	Свинья	14,3	11,6	14
Коза	18,1	17,3	17	Осел	0,3	0,3	0,6
Овца	4,5	3,7	3,3	Дикие животные	6,5	5,1	5,7

Из приведенных данных видно, что на протяжении всех трех периодов существования Андрейаульского городища (с II по VIII в.) у его обитателей имелись все виды домашних животных. Характерно явное преобладание крупного рогатого скота, с преимущественным разведением коров. В то же время значительное место в стаде продолжает занимать мелкий рогатый скот, особенно овца — животное, характерное для кочевого хозяйства. Однако наличие коров, свиней и коз, свидетельствует о прочной оседлости основной массы обитателей городища. Заметный удельный вес в составе стада занимает и лошадь. О ее значении не столько в хозяйстве, сколько в походной жизни, особенно в период арабо-хазарских войн, свидетельствуют многочисленные находки конского снаряжения, а также захоронения коней в верхнечирюртовских могильниках. Культ коня как священного животного для кочевников находит отражение в различных приемах его изображения[30].

Об абсолютном преобладании крупного рогатого скота в составе стада свидетельствует и костный материал из раскопок Верхнечирюртовского, Бавтугайского городищ[31] и с других памятников Терско-Сулакского междуречья[32]. В нем представлены кости и таких животных, как верблюды, ослы, буйволы, которых использовали в хозяйстве в качестве тягловой силы.

Таким образом, многочисленные остатки костных материалов отражают коренные изменения в направлении оседлого быта населения в древней Хазарии. Эти сдвиги могут быть свидетельством и о качественных изменениях кочевнической системы хозяйства у оседавшей части населения в сторону традиционного для Кавказа отгонного скотоводства. Доминирующая роль Хазарского каганата в обширных приморских и предгорных районах Предкавказья обеспечивала прекрасные возможности для занятий наиболее рациональной — отгонной системой ското-

федрой нормальной анатомии и гистологии ДСХИ кандидат биологических наук К. Н. Золотов, за что выражаю ему глубокую благодарность.

[30] *Магомедов М. Г.* Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 2, с. 207.

[31] *Путинцева Н. Д.* Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 113а, с. 191.

[32] *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 149.

водства. Зимой скот содержался на обширных пастбищах прикаспийской низменности, которые являются исторически сложившимися зимними пастбищами и в современных условиях, а летом стада отгонялись на альпийские пастбища Кавказских гор, владетели которых находились в разной форме зависимости от хазар. Не исключалась и возможность хозяйственного сотрудничества между ними.

На всех археологически исследованных памятниках Приморского Дагестана в большом количестве встречаются кости осетровых рыб, свидетельствующие о важном значении рыболовства в экономике их обитателей. Концентрация хазарских городов и поселений по побережью моря и особенно вдоль рек Сулака и Терека, богатых рыбой ценных пород (лосось, осетр, севрюга, шамая, жерех и др.), также показатель существенного значения этой отрасли в хозяйстве страны. Это подтверждают и находки в культурных отложениях городищ каменных и глиняных (обожженных) грузил пирамидальной, конической и других форм, использовавшихся при ловле рыбы сетями. Можно полагать, что в Хазарии существовали и специальные рыболовецкие поселки. Об этом сообщают письменные источники.

Например, Моисей Каганкатваци пишет, что «...хазары требовали пошлины с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса»[33]. О важном промысловом значении рыболовства в экономике страны свидетельствует и то, что рыбий клей экспортировался из Хазарии в другие страны.

Более 5% костных остатков с Андрейаульского городища принадлежит диким животным (олень, кабан, тур, волк, заяц, сайгак, джейран), что отражает заметную роль охоты в хозяйстве хазар. Кости диких животных и птицы в подобных пропорциях встречены и на других памятниках. Среди них изредка встречаются и кости собак (Тенг-кала, Андрейаул, Верхний Чирюрт), которые, очевидно, участвовали в охоте. Наиболее часто встречаются в отложениях городища кабаньи клыки, использовавшиеся в качестве амулетов и лощил. Охота на диких животных не только имела промысловое значение, но и служила излюбленным досугом привилегированной части населения. Об этом можно судить по остаткам костяных накладок седла из катакомбы 17, на которых с большим реализмом изображена сцена охоты на вепря[34]. Однако охота в отличие от земледелия и скотоводства являлась лишь подспорьем в хозяйстве наиболее бедной части населения и приятным занятием для знати.

---

[33] История агван Моисея Каганкатваци/Пер. К. Патканьян. СПб., 1861, с. 129.

[34] *Магомедов М. Г.* Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника.— СА, 1975, № 1, с. 279.

РЕМЕСЛО

Мир и стабильность, установившиеся в Приморском Дагестане с образованием Хазарского каганата, способствовали развитию всех отраслей его экономики. Особый подъем происходил в ремесленном производстве, где четко прослеживается отраслевая специализация. К сожалению, за исключением остатков гончарных производств, мы не имеем ни одной археологически исследованной кузнечной или ремесленной мастерской, характеризующей уровень развития ремесла. В то же время раскопками выявлено большое количество предметов материальной культуры, являющихся продуктом местного ремесленного производства.

Развитию и специализации ремесленных отраслей экономики в Хазарии во многом способствовали древние, восходящие к эпохе бронзы ремесленные традиции народов Дагестана, опирающиеся на местные рудные базы[35]. Остатки железоплавильного производства впервые здесь зафиксированы на Нижнесигитминском поселении[36] начала I тысячелетия до н. э., расположенном в зоне крупного месторождения сидеритовых железных руд (присулакское месторождение). Дальнейшее развитие металлургии в середине I тысячелетия до н. э. отражают находки железных шлаков, бракованных изделий, а также фрагментов от сыродутных горнов и сопел на Аркасском поселении[37]. В раннесредневековую эпоху выплавка железа и производство изделий из него получили свое дальнейшее развитие.

О существовании в Хазарии сложившихся городских центров металлургии и металлообработки свидетельствуют остатки следов плавки железа. Шлаки, представляющие собой отходы производства железа, обнаружены на Верхнечирюртовском, Андрейаульском и Урцекском городищах. На Аркасском городище раскопаны и остатки четырех сыродутных горнов. Наличие шлаков на городищах является признаком местной выработки металла[38], выплавку которого осуществляли так называемым сыродутным методом, являвшимся единственным способом получения черного металла до появления чугунолитейной техники[39].

О разнообразных технических приемах производства кузнечных изделий в древней Хазарии свидетельствуют многочисленные предметы вооружения — различные типы наконечников стрел, граненые наконечники копий, слабоизогнутые однолезвийные сабли. О великолепном искусстве кузнецов свидетельствуют разнообразные по технике изготовления остатки кольчуг и доспехов, в том числе и конских, выявленных на Верхнечирюртовском могильнике. Изготовление кольчуг — сложный и трудоемкий процесс, он состоит из ряда операций, требующих высокой ква-

---

[35] *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 221—226.

[36] *Бредэ К. А.* Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 35, с. 19.

[37] *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 89.

[38] *Ионе Г. И.* Верхнечегемские памятники VI—XIV вв.— Учен. зап. КБНИИ, 1963, т. XIX, с. 206.

[39] *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.— МИА, 1953, № 32, с. 32.

лификации[40]. По сообщениям письменных источников, здесь уже с VI—VII вв. существовали широко известные центры металлообработки, специализировавшиеся на производстве оружия. В частности, Аль-Масуди пишет, что «...владение Зарикаран (Кубачи) означает «мастера кольчуг», потому что большинство из них делают кольчуги, стремена, уздечки, мечи и другие виды оружия из железа»[41]. Эти сообщения указывают не только на высокий уровень развития ремесленного производства, но и на отраслевую его специализацию при высокой квалификации мастеров. Вместе с тем они означают отделение ремесла от земледелия, когда ремесленники начинают работать на заказ и рынок.

Большим достижением хазарских ремесленников было и то, что они наладили производство стали. Слабоизогнутые однолезвийные сабли из стали, выявленные на Верхнечирюртовском могильнике VII—VIII вв., являются наиболее ранними образцами нового оружия на Кавказе и в Юго-Восточной Европе. Их производство было возможно в сложившихся металлургических центрах при высокой специализации кузнечного производства. Распространение сабли на Северном Кавказе, где она встречается с VIII—IX вв.[42], по всей вероятности, связано с хазарскими металлургическими центрами, с последующим возникновением здесь собственных очагов по производству этого оружия.

Большое число сложных по характеру производства железных изделий, изготовление которых требовало высокого профессионального мастерства ремесленников, свидетельствует об узкой специализации различных отраслей кузнечного производства, сложившейся в городских центрах древней Хазарии.

Многочисленные ювелирные изделия из цветных металлов (бронзы, серебра, золота), найденные в погребениях верхнечирюртовских могильников: браслеты, перстни, наконечники ремней, пряжки, зеркала, бляшки и многое другое, выполнены с применением самых разных технических приемов и примечательны разнообразием форм и богатством орнаментальных мотивов. Они свидетельствуют о глубоких традициях и высоком уровне развития ювелирного дела, которое выступает узко специальной отраслью ремесленного производства. Для изготовления высокохудожественных инкрустированных наконечников ремней, подвесок, бляшек и других изделий требовалось применение таких приемов, как литье, ковка, чеканка, зернение, инкрустация.

О разнообразии технических приемов в ювелирном производстве свидетельствуют многочисленные изделия с некрополя Урцекского городища. Примечательно, что наряду с высокохудожественными украшениями на этом памятнике найдены литейные формы, тигельки, а также изделия литейного производства, свидетельствующие о глубоких традициях металлообрабатывающего производства[43]. Местные мастера не только

---

40 *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.; Л., 1948, с. 231.
41 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда в X—XI вв. М., 1963, с. 203.
42 *Кузнецов В. А.* Указ. соч., с. 92—93.
43 *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970; *Он же.* К характеристике металлобрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени. УЗ ИИЯЛ, 1969, т. 19. Сер. обществ. наук, кн. 2, с. 189.

владели сложным искусством ювелирного производства, но и, творчески переосмысливая различные орнаментальные мотивы и композиции, создавали изделия, отвечавшие традиционным вкусам своих заказчиков.

Шедеврами прикладного искусства местных ремесленников являются костяные обкладки седла из кургана 17 с выгравированными на них сценами охоты. Поскольку это уникальное произведение раннесредневекового искусства, остановимся на них более подробно.

В кургане относительно хорошо сохранились остатки двух накладок с выгравированными на них сценами охоты. Они выполнены ножом или резцом по гладкой поверхности кости. Для большей выразительности контуры рисунков, по-видимому, были заполнены красками, от которых сохранились слабо заметные остатки черного цвета.

На одной из накладок (рис. 23) со слабым изгибом, толщиной около 2 мм сохранилась часть изображения всадника. Судя по приподнятому правому локтю, он стреляет из лука. С головы его ниспадают до пояса семь кос, туго перевязанных у концов. Всадник вооружен коротким кривым кинжалом со скошенной рукоятью с брусковым навершием и длинной слабоизогнутой саблей, прикрепленной к поясу при помощи портупеи. Рядом подвешен изогнутый футляр для лука — горит. Над горитом нечеткие следы, возможно, колчана со стрелами. Неясно видны передняя и задняя лука седла и четко различимы подпружные и подхвостные ремни. Две железные пряжки, найденные в самой катакомбе, могут косвенно свидетельствовать об использовании седла с двумя подпругами.

Мастерство древнего художника особо ярко выражается в изображении лошади. Она выполнена в летящем галопе, с большим реализмом подчеркнуты мельчайшие детали напряженных мышц левой ноги, вытянутой параллельно правой. Хвост связан в узел. Четко изображенный тамговидный знак на крупе лошади (стрелы на фоне двух пересекающихся линий) является, очевидно, указателем родо-племенной принадлежности ее хозяина.

Вторая накладка (рис. 23), несколько меньших размеров, имеет ленточную форму со слабым изгибом. Плохо сохранившиеся ее концы также исключают возможность полного воссоздания изображенного на ней сложного сюжета. Центральное место в нем занимают фигуры вепря и гепарда (или волка?), устремившихся в противоположные стороны. Вепрь изображен в стремительном беге в правую сторону. Его щетина обозначена короткими резными линиями. Ощетинившаяся грива и приподнятый хвост подчеркивают ярость животного. Параллельно и близко расположенные друг к другу передние и задние ноги его выходят за пределы окантовки накладки, тем не менее мастер дал их полные очертания. Вепрь устремился на охотника, от изображения которого сохранились лишь кисть руки, часть лука, острие стрелы и ухо лошади. В противоположную от вепря сторону устремился гепард (или волк?) с раскрытой пастью. Маленькая голова, длинные ноги и, главное, большие невтяжные когти свидетельствуют о том, что это именно гепард. Изображенная в броске лишь передняя часть гепарда передана столь реально, что позволяет представить весь его облик.

На левой стороне накладки сохранилась часть талии охотника, затянутая ремнем, колчан и левая рука, вытянутая вперед с зажатым

сложным луком. Стрела с массивным наконечником, направленная в гепарда, и несколько наклонившаяся вперед талия всадника как бы подсказывают, что туго натянутая тетива должна решить исход этого поединка. От изображения лошади сохранилась лишь лобная часть головы, уши лошади навострены; мастер подчеркнул напряженность момента. Среди непонятных линий, сохранившихся на накладке перед всадником, можно различить лишь свободно брошенную на шею лошади уздечку. Обращает на себя внимание несоразмерность руки по сравнению с уцелевшей фигурой всадника: всадник сделан в более мелком масштабе. Прослеживаются контуры его протянутой вперед руки, длинная одежда и согнутая в колене выдвинутая вперед нога. Рука с луком, вероятно, принадлежит второму, более крупному всаднику. Плохая сохранность не позволяет решить, связано ли это с переделкой рисунка или были изображены взрослый воин с мальчиком.

Описанные накладки с Верхнечирюртовского могильника являются уникальными произведениями раннесредневекового искусства, аналогии которым можно найти лишь в деталях. По стилю выполнения и сюжету они выступают как бы промежуточным звеном между искусством кочевников Азии и Сасанидского Ирана. С последними их объединяет общность древних мотивов сцен охоты, запечатленных на серебряных блюдах, в большом количестве происходящих из Дагестана[44].

Однако в стиле изображения между ними имеются и существенные различия. Созерцательно застывшие и более стилизованные изображения, особенно характерные для конца сасанидской эпохи[45], выполнены на металле. Верхнечирюртовские рисунки выгравированы на кости, чего мы не знаем в сасанидском искусстве, и отличаются от последних подчеркнутым динамизмом движений. В этом плане наиболее близкими аналогиями им являются роговые седельные накладки из Кудыргинского могильника[46] и рисунки на тепсейских планках[47]. Однако и эти памятники изобразительного искусства, уходящие своими корнями к героическому эпосу ранних кочевников[48], выглядят по сравнению с верхнечирюртовскими упрощенно-схематичными, выполненными с применением несколько условных приемов.

Верхнечирюртовские накладки отражают более высокую ступень изобразительного искусства, основа которой восходит к традициям ранних кочевников, но претерпела влияние стереотипных канонов сасанидского искусства. Этот явный синкретизм проявляется не только в композициях, в стиле исполнения, но и в конкретных деталях, запечатленных на них. Например, хвост лошади по сасанидскому обычаю завязан сложным узлом[49], неизвестным на кочевнических изображениях Сибири

---

[44] *Орбели И. А.* Избранные труды. Ереван, 1963, с. 283; *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.; Л., 1935, с. 16.
[45] *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972, с. 317.
[46] *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как памятник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965, с. 35, табл. XVI.
[47] *Грязнов М. П.* Миниатюры Таштыкской культуры.— АСГЭ, 1971, вып. 13, с. 94.
[48] *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири.— АСГЭ, 1961, вып. 3, с. 21; *Он же.* Миниатюры Таштыкской культуры, с. 104.
[49] *Орбели И. А., Тревер К. В.* Указ. соч., см. иллюстрации.

и среднего Дуная. Напряженные мышцы задней ноги лошади и кабана переданы, согласно сасанидской манере, поперечными дужками. Но на иранских блюдах их концы направлены вперед, а на верхнечирюртовской накладке — назад. Кабан близок также сасанидским образцам (шерсть передана рядами штрихов, щетина на хребте — вертикальными штрихами). Но и здесь трактовка мотива иная: на иранских блюдах щетина на хребте наклонена вперед, на костяной пластинке — назад. Эти на первый взгляд незначительные отступления от сасанидской традиции сделаны художником сознательно, чтобы подчеркнуть стремительность движения вперед. С той же целью изображение лошади более вытянуто по горизонтали, чем на сасанидских чашах и рельефах. Художники Ирана и местные мастера ставили перед собой разные задачи. Сасанидские охотничьи сцены не были жанровыми картинками. Они предназначались прославлять величие и мощь царской власти. В самых напряженных схватках их герой как бы плавает в воздухе, часто даже его лицо обращено к зрителю. Художники подчеркивали силу царя и побеждаемых им зверей. Иное дело в искусстве кочевников. Здесь прославляется не божественность царской власти, а удаль богатырей, полнота жизни и борьбы. Основное в публикуемых изображениях — не отдельные художественные приемы искусства Ирана, а отражение быта местных кочевников. С ним связано оружие всадника, особенно неизвестная в Иране, Средней Азии и Китае изогнутая сабля, а также прическа из свисающих на плечи кос[50]. Крепление сабли, налучья и колчана к поясу при помощи портупеи является приемом, характерным для снаряжения воинов всей Азии[51].

Эти особенности, воплощенные на верхнечирюртовских накладках, на которых как бы переплелось искусство двух миров, обусловлены конкретными историческими причинами. Накладки вполне могли быть творением местного ремесленника, хорошо знакомого с навыками сасанидского изобразительного искусства и работавшего на хазарскую знать, удовлетворяя ее вкусы и запросы. Судя по найденной вместе с ними византийской монете, которая датируется 582—602 гг., VII — начало VIII в. можно считать временем создания этих накладок. Это период тесных хазаро-сасанидских и хазаро-албанских контактов, когда интересы разных государств неоднократно переплетались на территории Приморского Дагестана.

Возникает вопрос: не является ли изображение верхнечирюртовского всадника именно с косами уточнением этнического лица (заказчика)? Обычай заплетать волосы в косы отмечает Каганкатваци у хазар вообще, не уточняя при этом конкретных косоносцев[52]. В одном месте называет Джебгу-кагана, наместника царя севера, предводителя звероподобного народа косоносцев, в другом он пишет о бритоголовых и косоносцах, подвластных царю севера, и, наконец, описывая штурм хаза-

---

[50] *Шишкин В. А.* Архитектурная декорация дворца в Варахше.— ТОВЭ, 1947, IV; *Гаврилова А. А.* Указ. соч., с. 35; *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса..., с. 104.

[51] *Распопова В. И.* Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв.— КСИА, 1970, № 122, с. 86—90.

[52] История агван Моисея Каганкатваци, с. 110.

рами Дербента, он пишет, что они устремились в бой в образе женщин с распущенными волосами[53].

Наряду с тюрками (Кудыргэ, Семиречье, живопись Афрасиаба и Монголии и др.) носили косы и авары[54]. Авары-косоносцы, проникшие из далеких восточных империй в северокавказские степи[55], не все, повидимому, ушли затем на Дунай, где также известны их изображения с косами[56]. Возможно, часть авар осталась в составе Хазарского каганата. С их пребыванием в Дагестане исследователи связывают и происхождение имен раннефеодальных правителей Серира, таких, как Авар, Баяр[57].

Таким образом, верхнечирюртовские накладки являются не только яркими произведениями изобразительного искусства, но и ценными источниками для понимания этнокультурных процессов, происходивших в прикаспийской Хазарии в VII—VIII вв.

Расцвету всех отраслей ремесленного производства страны во многом способствовали и многочисленные военные походы хазар в богатые страны Закавказья, откуда в Хазарию поступали награбленные богатства, скот и пленные ремесленники[58]. Много ремесленников поселялось в Хазарии и добровольно «вследствии справедливости и безопасности, пребывавших в Хазарском государстве»[59]. Кроме того, хазары отправляли в Закавказье и специальных «смотрителей за всякого рода ремесленниками, имеющими познания в золотопромывании, добывании серебра, железа и выделке меди»[60]. Наличие в Хазарии местных центров с глубокими традициями ремесленного производства и приток новых ремесленников из стран Закавказья способствовали высокому уровню развития экономики страны и специализации всех отраслей хозяйства.

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Для памятников Приморского Дагестана характерна поразительная насыщенность их средневековых слоев обломками посуды. Она отличается выразительностью форм, богатством орнаментации и высоким качеством изготовления. О совершенной технологии гончарного производства свидетельствуют остатки гончарных обжигательных печей с отдельных памятников. Две гончарные печи были исследованы на Верхнечирюртовском городище[61]. Они состоят из двух соединенных между собой пятью и восьмью жаропроводящими каналами камер: нижней — топочной, верхней — обжигательной. Высота печей —1,15 м, диаметр

---

53 Там же, с. 104—105.

54 *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, с. 81.

55 *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 103.

56 *Laszlo Gyula.* «Kettos honfoglalas». Budapest, 1978.

57 *Минорский В. Ф.* Указ. соч., с. 132; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 123.

58 *Крымский А. Е.* Страницы из истории Северного Кавказского Азербайджана (классическая Албания).— В кн.: С. Ф. Ольденбургу. Л., 1934, с. 300.

59 *Ал-Масуди.* Книга сообщений и знаний/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 46.

60 История агван Моисея Каганкатваци, с. 129—130.

61 *Бредэ К. А.* Указ. отчет за 1956 г., с. 107—119.

обжигательной камеры — 1,2 м. Важно отметить, что печи на Верхнечирюртовском городище обнаружены случайно и количество их не ограничилось двумя. Исследователи отмечают, что здесь был расположен целый комплекс печей, раскопки которых не производились[62].

На юго-восточной окраине Андрейаульского городища был исследован целый комплекс из 10 обжигательных печей, размещенных тремя группами по три-четыре печи в каждой[63]. Общее число печей, существовавших на городище, включая и не вскрытые, достигало не менее 20. По устройству они аналогичны верхнечирюртовским и относятся к типу печей сложных конструкций.

Остатки гончарной печи выявлены и на Агачкалинском поселении. По своим конструктивным особенностям она также близка верхнечирюртовским и андрейаульским печам.

О существовании сложившихся гончарных производств и в других городских центрах Хазарии свидетельствует массовый характер представленной на них керамики. А в раннесредневековых отложениях Урцекского и Таркинского городищ обнаружены и керамические шлаки, являющиеся отходами керамического производства.

Наличие гончарных печей, образующих целые производственные комплексы на Андрейаульском, Верхнечирюртовском городищах и, несомненно, в других городских центрах страны, отражает значительное развитие этой отрасли ремесленного производства. Групповое расположение верхнечирюртовских и андрейаульских печей — показатель существования объединений нескольких мастеров с четким разделением труда и с различной степенью их квалификации[64]. Сосуды с разнообразными гончарными клеймами на днищах (изображения круга, креста, перекрестья, четырехугольника, круга с крестом и т. д.), а также с многочисленными знаками-метками на ручках (косые черточки, кресты, перекрестья, трезубцы, стрелы и т. д.), представляющими собой метки (клейма) мастеров[65], составляют значительный процент в общей массе керамики. В многообразии этих клейм выделяются основные формы, которые повторяются в усложненных вариантах. Такое усложнение клейм путем добавления к основному рисунку дополнительных отметок, черточек и т. д. свидетельствует не только об узкой специализации, но и о переходе гончарного производства по наследству[66].

Таким образом, города древней Хазарии выступают центрами и развитого гончарного производства, в которых на гончарном круге изготовляли качественно более совершенную посуду, что закономерно вело к стандартизации основных форм керамики по всей территории страны. Гончарное производство выступает самостоятельной отраслью ремесленного производства, массовая продукция которого могла быть реализована только через рынок.

---

[62] *Путинцева Н. Д.* Указ. соч., с. 209.
[63] *Маммаев М.* Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане (гончарные печи Андрейаульского городища).— УЗ ИИЯЛ, 1970, т. XX, с. 333.
[64] Там же, с. 344.
[65] *Маммаев М.* Некоторые вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 172—173.
[66] Там же, с. 173.

Являясь продукцией массового производства, керамика с городских центров Хазарии представляет значительный интерес для понимания сложных этнокультурных процессов. Поэтому мы остановимся на типологическом анализе керамики хазарского времени, чтобы попытаться выяснить происхождение и причины модификации и пути распространения представленной здесь культуры.

Как уже отмечалось, наиболее значительные керамические материалы были выявлены в процессе раскопок Верхнечирюртовского городища (Беленджер). Однако проследить истоки распространившейся здесь в хазарскую эпоху культуры было невозможно, поскольку на городище не представлены отложения предшествующих эпох. В этом плане наиболее интересным памятником является Андрейаульское городище, на котором прекрасно сохранились непотревоженные, достигающие почти 4 м толщины культурные отложения, в том числе и хазарского времени. Большие и разнообразные керамические материалы с городища дают возможность проследить развитие культуры сероглиняной керамики на протяжении более 700 лет и создать керамическую шкалу, привязанную к стратиграфии его культурных отложений. Напластования городища позволяют не только выяснить истоки сероглиняной керамики, но и вычленить кочевнические элементы в керамическом производстве заключительных слоев городища. Для этого по мере возможности будут привлечены и керамические материалы из слоев хазарского времени других памятников (Бавтугайское, Сигитминское, Некрасовское городища, Тенг-кала и др.), раскопки которых в большинстве своем носили разведочный характер. Однако они дали возможность выявить тождественную стратиграфию культурных отложений большинства памятников Терско-Сулакского междуречья, свидетельствующих о единых процессах исторического развития населения этого района на протяжении II—IX вв. Напластования их, состоявшие из суглинистых и золистых отложений в 2—3 м толщиной, подразделяются на три последовательных периода, расчлененных между собой интенсивно прокаленными пластами отложений со следами пожаров и разрушений. Хронологически они охватывают: первый период — II—IV вв., второй — IV—VII вв. и третий (хазарский) — VII — начало IX в. Для каждого периода характерны свои ведущие керамические формы. Мы остановимся лишь на анализе керамических материалов заключительного, хазарского периода этих памятников.

По своему назначению вся изученная керамика делится на три основные группы: столовую, кухонную и тарную. Каждая из этих групп в свою очередь подразделяется на типы и виды.

Столовая керамика. Эта группа сосудов представлена на памятниках Приморского Дагестана огромным количеством обломков и реже целыми формами парадной посуды, отличающейся тщательностью выделки. Они изготовлены на гончарном круге из тонко отмученного теста с примесями толченого кварца, песка, шамота и ракушек. Черепок в изломе имеет серый цвет различных оттенков. Поверхность посуды тщательно заглажена или залощена и нередко украшена вертикальными, горизонтальными или пересекающимися полосками, а также валиками различных форм (рис. 30).

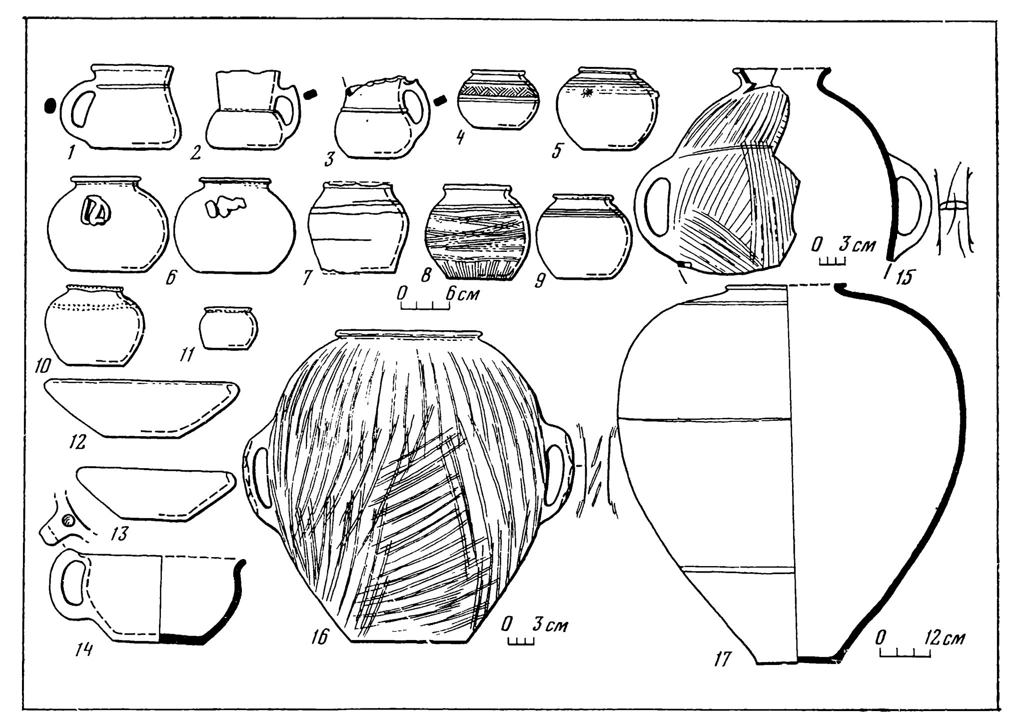

Рис. 30. Различные типы керамики с памятников Терско-Сулакского междуречья

1—3 — кружки; *4—11, 14* — горшки; *12, 13* — миски; *15, 16* — пифосы; *17* — хум

По назначению столовая посуда подразделяется на несколько групп (миски, кружки, кувшины, горшки), а по форме тулова и венчика — на типы и виды.

Миски. По форме тулова подразделяются на несколько типов. Однако в культурных отложениях хазарского времени распространены довольно стандартные по формам миски двух основных типов: округлобокие с вогнутым краем и рифленые с отогнутой закраиной.

Округлобокие миски составляют наиболее многочисленную группу. Они имеют широкое устье, плавно переходящее от бортика к узкому донцу. По степени вогнутости закраины миски подразделяются на три вида.

Вид А. Миски с вогнутой закраиной и уплощенным изнутри бортиком. Наибольшее расширение тулова [67] приходится на среднюю часть

[67] Классификации керамики Андрейаульского городища см.: *Гмыря Л. Б.* Глиняные котлы Андрейаульского городища I тыс. н. э.— СА, 1979, № 3, с. 269; *Она же.* Кухонные горшки Андрейаульского городища.— СА, 1980, № 1, с. 306; *Она же.* Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия).— В кн.: Средневековые древности Евразийских степей. М., 1980, с. 105; Для обозначения основных промеров мисок вводятся следующие индексы: диаметр венчика — d_1, диаметр устья — d_2, диаметр наибольшего расширения тулова — d_3, диаметр донца — d_4, высота миски — H, высота наибольшего расширения тулова — h_1.

бортика или на линию перехода бортика к донцу. Степень профилировки венчика выражена отношением диаметра наибольшего расширения к диаметру устья, равным 1,02—1,04. Диаметры устья мисок самые разнообразные (12—38 см). Миски этого вида обычно заглажены с обеих сторон. Изредка встречаются экземпляры, закраины которых украшены рельефным налепом.

Вид Б. Край миски загнут внутрь в виде валика. Соотношение диаметра наибольшего расширения тулова и диаметра устья составляет 1,02—1,10. Диаметры устья мисок — 16—36 см. Среди них встречаются экземпляры, орнаментированные изнутри лощеными полосками.

Вид В. с отогнутым краем, со слегка или хорошо обозначенной шейкой и плечиками. Диаметр наибольшего расширения тулова или совпадает с диаметром устья или немного превышает его ($d_3 : d_2 = 1,0—1,04$). Диаметры устья мисок — 13—32 см. Среди них встречаются экземпляры, украшенные по бортику тамговидными знаками.

Тип 2. Рифленые миски, бортики которых украшены глубокими горизонтальными желобками (обычно по три). По форме закраин разделяются на два вида.

Вид А. Миски с отогнутой закраиной в виде горизонтальной площадки и резким переходом от бортика к придонной части. Бортик слегка наклонен внутрь или вертикальный. Диаметр наибольшего расширения или немного больше диаметра устья, или равен ему ($d_3 : d_2 = 1,0—$ $—1,02$). Миски средних и крупных размеров ($d_1 = 22—36$ см).

Вид Б. Миски с отогнутой закраиной и плавным переходом от бортика к донцу, что придает им округлую, чашеобразную форму. Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю линию рифления. Диаметры венчиков их равны 14—32 см. Среди мисок этой группы выделяется экземпляр с ленточной ручкой, прикрепленной к закраине и к тулову на линии перехода к придонной части. Ручка украшена круглой вмятиной у оснований.

Кружки. Небольшие сосуды ($H = 10—12$ см)[68] — кувшинчики с ручками. По форме тулова подразделяются на три типа.

Тип 1. Кружка приплюснутой формы ($d_3 : H = 1,15$) со средней высоты ($h_2 : H = 0,28$) и ширины горлом ($d_2 : d_3 = 0,7$). Диаметр горловины в три раза превышает ее высоту. Переход от горловины к тулову плавный, линия наибольшего расширения тулова низкая ($h_1 : H = 0,22$), донце широкое, его диаметр составляет $^4/_5$ диаметра наибольшего расширения тулова ($d_4 : d_3 = 0,78$). Горловина кружки слегка расширяется к венчику ($d_2 : d_1 = 0,9$). Овальная в плане ручка прикреплена одним концом к основанию горловины, другим — к нижней части тулова на линии наибольшего его расширения. Горловина кружки подчеркнута горизонтальным желобком.

Тип 2. Кружка округлой формы ($d_3 : H = 1$) с очень высоким горлом, превышающим половину высоты сосуда ($h_2 : H = 0,54$). Горловина средней ширины ($d_2 : d_3 = 0,7$). Переход от горловины к тулову рез-

---

[68] Для обозначения основных промеров кружек и кувшинов вводятся следующие индексы: диаметр венчика — d_1, диаметр горловины — d_2, диаметр наибольшего расширения тулова — d_3, диаметр донца — d_4, высота сосуда — H, высота наибольшего расширения тулова — h_1, высота горла — h_2.

кий, но без хорошо выраженных плечиков. Тулово приземистое, линия наибольшего его расширения очень низкая ($h_1:H=0,2$). Донце кружек второго типа плоское, широкое ($d_4:d_3=0,76$). Диаметр горловины сосуда превышает ее высоту ($d_2:h_2=1,3$). Овальная в сечении ручка прикреплена к средней части горловины и к нижней части тулова. Ручка зооморфная, с поперечным выступом, имитирующим ушки животного. Как и у предыдущего сосуда, по основанию горловины нанесена желобчатая горизонтальная линия.

Тип 3. Кружка стройной формы ($d_3:H=0,8$) с высоким горлом. Горло широкое ($d_2:d_3=0,8$), его диаметр превышет высоту ($d_2:h_2=1,3$). Тулово широко раздутое со средней линией наибольшего расширения ($h_1:H=0,31$), донце широкое, превышающее половину диаметра наибольшего расширения тулова ($d_2:d_1=0,9$). Прямоугольная в сечении зооморфная ручка (поперечный налеп — «ушки») прикреплена к средней части горловины и тулова. Обломки кружек составляют незначительный процент в общей массе керамики, а целые их формы найдены лишь в погребениях верхнечирюртовских могильников. На бытовых памятниках они появляются в слоях хазарского времени и не получают широкого распространения. В пределах Дагестана кружки описанных форм известны из погребений Большого Буйнакского кургана и из агачкалинских склепов. Кружки наиболее близких им форм, с приземистыми туловами, известны из памятников салтово-маяцкой культуры[69], которые могут свидетельствовать о генетической их связи.

Кувшины. Тип 1. Вытянутой формы серолощеные кувшины ($d_3:H=0,53-0,7$) с высоким ($h_2:H=0,4-0,5$) узким ($d_2:d_3=0,4-0,47$) горлом. Горло непропорционально вытянуто ($d_2:h_1=0,50-0,8$) и резко расширяется к венчику ($d_2:d_1=0,58-0,7$), оформленному в виде слива. Переход от верхней части тулова к нижней — плавный, без хорошо выраженных плечиков. Тулово приземистое, линия наибольшего расширения низкая ($h_1:H=0,2-0,27$), донце плоское, очень широкое ($d_4:d_3=0,6-0,7$). Сосуды этого типа снабжены круглой в сечении ручкой, крепившейся верхним концом к средней части горловины, а нижним — к верхней части тулова. Кувшины украшены горизонтальными желобками, по расположению которых разделены нами на три вида.

Вид А. Тулово кувшинов украшено тремя группами горизонтальных желобков. Каждая группа составлена двумя параллельными желобками. Первая группа расположена в верхней части тулова, по основанию горловины. Вторая — на уровне $^1/_2-^2/_3$ высоты сосуда, третья — ниже линии наибольшего расширения. Отдельные экземпляры украшены и тремя рядами зигзагообразных линий (штамп), расположенных между желобками.

Вид Б. Сосуды этого вида орнаментированы двумя группами зигзагообразных и волнистых линий (штамп), нанесенных по основанию горловины и по линии наибольшего расширения тулова.

Вид В. Эти кувшины отличаются от вышеописанных тем, что украшались рифлением по основанию горловины (один из сосудов украшен также семечкообразными выемками между линиями рифления), тулово же не орнаментировалось.

[69] *Плетнева С. А.* Указ. соч., с. 116, рис. 29, *1—3*.

Тип 2. Горшкообразные сосуды стройной формы ($d_3:H=0{,}8$—$0{,}9$), с низким ($h_2:H=0{,}23$—$0{,}3$) неширокими ($d_2:d_3=0{,}5$—$0{,}6$) горлом, слегка расширяющимся к венчику ($d_2:d_1=0{,}7$—$0{,}9$). Переход от горловины к тулову резкий, плечики хорошо выражены. Тулово кувшинов приземистое, с низкой линией наибольшего расширения ($h_1:H=0{,}2$—$0{,}3$). Донце плоское, очень широкое ($d_4:d_3=0{,}6$—$0{,}74$). Диаметр горловины кувшинок немного превышает ее высоту ($d_2:h_2=1{,}3$—$2{,}3$). Горловина некоторых сосудов имеет сливной носик. Кувшины снабжены ленточными или овальными в сечении ручками, крепившимися одним концом у основания горловины, а другим в средней части тулова. Встречены два сосуда, у которых ручки крепятся иначе. Верхний конец массивной, круглой в сечении ручки одного из них прикреплен к венчику, у другого ручка помещена непосредственно на тулове. Поверхность горшкообразных кувшинов лощилась иногда вертикальными полосками, тулово украшалось группами горизонтальных желобков (один из сосудов орнаментирован также косыми насечками и елочным орнаментом, расположенным между желобками; по основанию горловины другого сосуда проведена небрежная резная волнистая линия, а тулово украшено вертикальными и пересекающимися лощеными полосками).

Тип 3. Кувшины этого типа вытянутой формы ($d_3:H=0{,}7$—$0{,}74$), со средней высоты ($h_2:H=0{,}3$—$0{,}37$) узким горлом ($d_2:d_3=0{,}5$—$0{,}53$). Горловина кувшинов слегка расширяется к венчику со сливным носиком или вертикальная ($d_2:d_1=0{,}7$—1). Переход от горловины к тулову резкий, тулово раздутое, с хорошо выраженными плечиками, с низкой линией наибольшего расширения ($h_1:H=0{,}26$—$0{,}29$). Донце плоское, широкое ($d_4:d_3=0{,}58$—$0{,}6$). Круглая или овальная в сечении ручка прикреплялась верхним концом к середине горловины, нижним — к верхней части тулова. Поверхность кувшинов этого типа лощилась иногда вертикальными полосками, а тулово украшалось группами горизонтальных желобков.

Тип 4. Сосуды этого типа представлены в 1 экз. Это стройный, слегка вытянутой формы кувшин ($d_3:H=0{,}7$) с высоким ($h_2:H$) неширокими горлом ($d_2:d_3=0{,}58$), слегка расширяющимся к венчику ($d_2:d_1=0{,}8$). Диаметр горловины кувшина почти приближается к высоте ее ($d_2:h_2=0{,}8$). Переход от горловины к тулову резкий, тулово с хорошо выраженными плечиками и средней линией наибольшего расширения ($h_1:H=0{,}32$). Донце сосуда плоское, широкое ($d_4:d_3=0{,}66$).

Тип 5. Кувшины данного типа представлены в 2 экз. Судя по целому сосуду, это были вытянутой формы кувшины ($d_3:H=0{,}7$) с низким ($h_2:H=0{,}2$) и узким ($d_2:d_3=0{,}27$) горлом. Диаметр горла чуть меньше высоты его ($d_2:h_2=0{,}89$). Горловина сосуда резко расширяется к венчику ($d_2:d_1=0{,}6$), загнутому наружу в виде валика. Имеется также слив. Сосуды без плечиков, с плавным переходом от горла к тулову. Последнее широко раздуто, с низкой линией наибольшего расширения ($h_1:H=0{,}3$). Донце плоское, широкое ($d_4:d_3=0{,}56$). Кувшины снабжены ручкой (круглой и ленточной), крепившейся одним концом к основанию горловины, а другим — к верхней части тулова. Поверхность сосудов лощилась, а также украшалась орнаментом. Целый сосуд орнаментирован четырьмя группами горизонтальных желобков,

расположенных по основанию горловины и в верхней части тулова. Между двумя параллельными желобками нанесены косые линии, выполненные точечной техникой. Второй сосуд украшен пышно. Горловина рифленая, по основанию ее нанесен штампом орнамент в виде двух параллельных зигзагообразных линий и вдавленных треугольников с тремя круглыми выпуклинами внутри них. Ниже штампа — две группы горизонтальных рифленых линий, нанесенных по основанию горловины и в верхней части тулова. Тулово сосуда украшено вертикальными линиями. Ручка ленточная, с тремя косыми продольными насечками и тремя семечкообразными вмятинами у верхнего основания.

Тип 6. Безручные кувшины — кубышки округлой формы ($d_3:H=0{,}97—1{,}1$) со средневысоким ($h_2:H=0{,}3—0{,}35$) нешироким ($d_2:d_3=0{,}48—0{,}6$) горлом, слегка расширяющимся к венчику ($d_2:d_1=0{,}8—0{,}9$). Диаметр горловины превышает ее высоту ($d_2:h_2=1{,}5—1{,}6$). Тулово раздутое. Донце безручных кувшинов плоское и широкое ($d_4:d_3=0{,}55—0{,}6$). У одного из сосудов горловина узкая ($d_2:d_3=0{,}44$), тулово приземистое ($h_1:H=0{,}25$). Поверхность кувшинов шестого типа лощилась иногда вертикальными полосками. Тулово украшалось рядами горизонтальных желобков. У одного сосуда между двумя параллельными желобками нанесены штампом косые линии, выполненные пунсонным орнаментом. Другой сосуд украшен семечкообразными выемками между желобками и зигзагообразной линией, выполненной пунсонным орнаментом и гребенчатым штампом. Тулово всех кувшинов-кубышек украшено тремя одиночными круглыми плоскими налепами (у одного сосуда три таких налепа составляют одну группу).

Все рассмотренные типы свидетельствуют о разнообразии кувшинов и кубышек по сравнению с остальными типами столовой керамики. Однако, отличаясь друг от друга множеством деталей и орнаментацией, они схожи между собой общностью форм (рис. 31).

Кухонная керамика. Обломки кухонных горшков составляют около 30% всей керамики на памятниках древней Хазарии. Значительно реже встречаются целые сосуды, которые наряду с крупными обломками венчиков все же позволяют воссоздать наиболее распространенные типы горшков. Самая разнообразная кухонная керамика (котлы и горшки) встречается в отложениях памятников начиная с первых веков нашей эры[70]. В слоях же хазарского времени наблюдается характерная картина уменьшения их разновидностей и стандартизации наиболее распространенных форм горшков, различающихся лишь по форме венчика и оформлению внешней поверхности (рис. 32). В большинстве своем они изготовлены на гончарном круге из грубого сероглиняного теста с большими примесями толченых ракушек, песка и шамота. Они имеют обычно шаровидную или яйцевидную форму, а внешняя поверхность их заглажена и украшена рифлением по верхней части и реже по всему тулову. Встречаются экземпляры, украшенные косой насечкой по венчику или же непосредственно по тулову под венчиком. В хазарское время получили распространение два типа горшков: с загнутым наружу (каплевидным) венчиком и с желобком для крышки.

[70] *Гмыря Л. Б.* Глиняные котлы Андрейаульского городища..., с. 269.

Тип 1. Невысокие горшки яйцевидной или шаровидной формы[71] ($d_3 : H = 1{,}0—1{,}2$) диаметр наибольшего расширения тулова равен или слегка превышает высоту сосуда. Линия наибольшего расширения тулова высокая и очень высокая ($h_1 : H = 0{,}49—0{,}61$). Донце плоское, широкое ($d_4 : d_3 = 0{,}6—0{,}7$), превышающее по размерам диаметр отверстия горшка (шейки). Венчик слегка отогнут и загнут в виде валика. Горшки этого типа без шейки, в ряде случаев она лишь намечена. Валикообразный венчик лежит непосредственно на тулове или слегка приподнят над ним. Диаметр отверстия горшка неширокий и слегка превышает половину диаметра наибольшего расширения тулова ($d_2 : d_3 = 0{,}53—0{,}6$). Поверхность горшков заглажена часто очень небрежно. Тулово украшено горизонтальными желобками. У одного из сосудов тулово украшено круглыми вдавлинами, составляющими две параллельные горизонтальные линии, а венчик — косыми насечками. Тулово другого сосуда орнаментировано беспорядочными резными линиями (рифлением).

Столовые горшки первого типа по форме идентичны кухонным. Это невысокие шаровидные сосуды с отогнутым и загнутым в виде валика венчиком. Они отличаются от кухонных тем, что их поверхность тщательно лощилась и более пышно орнаментировалась. Один из сосудов орнаментирован двумя рядами горизонтальных желобков, между которыми помещены заштрихованные треугольники с различным направлением линий штриховки. Верхняя часть тулова другого горшка покрыта резными горизонтальными линиями. На тулове помещены также три сосцевидных налепа со срезанными вершинами.

Тип. 2. Горшки этого типа также шаровидной или яйцевидной формы, имеют желобки для крышек на внутренней стороне венчиков, образованные сильным их отгибом наружу. Они обычно крупных размеров ($d_1 = 18—32$ см) и изготовлены на гончарном круге. Внешняя поверхность горшков хорошо заглажена, а отдельные из них украшены по краю венчика пальцевидными вмятинами или косой насечкой. Тулово некоторых горшков покрыто мелким рифлением. Все вышеописанные типы горшков с большим числом их разновидностей встречаются на памятниках Терско-Сулакского междуречья начиная с II—III вв. н. э.

Тарная керамика. К тарной керамике относятся многочисленные обломки толстостенных сероглиняных сосудов. По своим размерам и формам выделяются два типа: хумы и кувшины-пифосы (рис. 30, *15—17*).

Хумы. Для хумов характерна значительная емкость, предназначенная для хранения жидкостей и припасов. Достигающие 15—20 мм толщины черепки их изготовлены из хорошо отмученной глины, содержащей примеси песка и толченых ракушек. С Верхнечирюртовского городища происходит один целый хум, воссоздающий форму этой группы тарной керамики. Он имеет яйцевидное тулово, короткую горловину с утолщенным и отогнутым плоским венчиком. Высота хума достигает

[71] Для обозначения основных промеров горшков вводятся следующие индексы: диаметр венчика — d_1, диаметр отверстия — d_2, диаметр наибольшего расширения тулова — d_3, диаметр дна — d_4, высота сосуда — H, высота наибольшего расширения тулова — h_1, высота венчика — h_2.

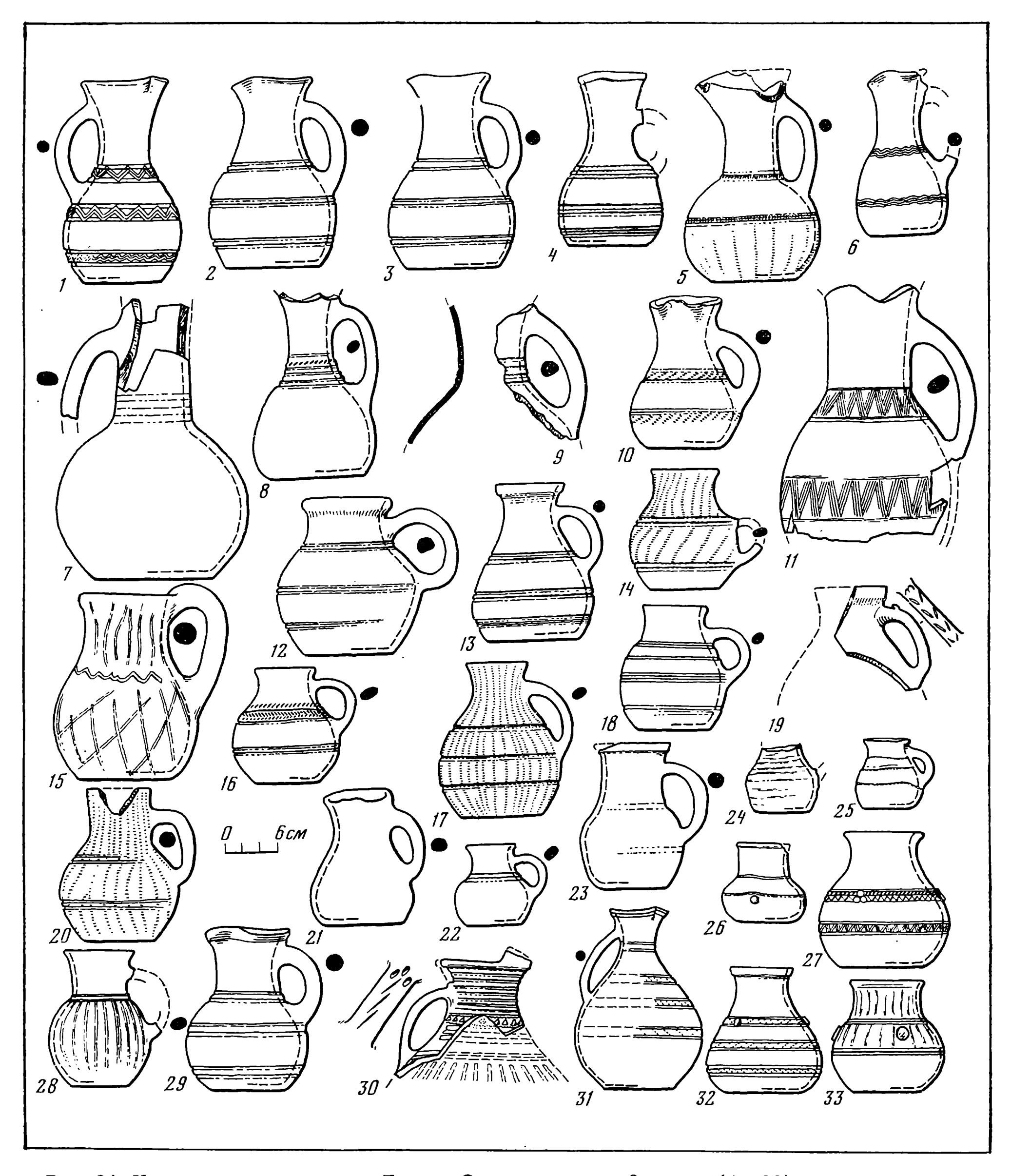

Рис. 31. Кувшины с памятников Терско-Сулакского междуречья (1—33)

90 см, диаметры: горловины — 0,28 см, тулова — 85 см, дна — 24 см. Заглаженная поверхность его украшена тремя врезными горизонтальными линиями. Аналогичный хум высотой до 1 м хранится в историко-археологическом музее Дагестанского государственного университета. Он также имеет яйцевидную форму, заглаженную поверхность и украшен резными горизонтальными линиями. Хум был случайно найден у

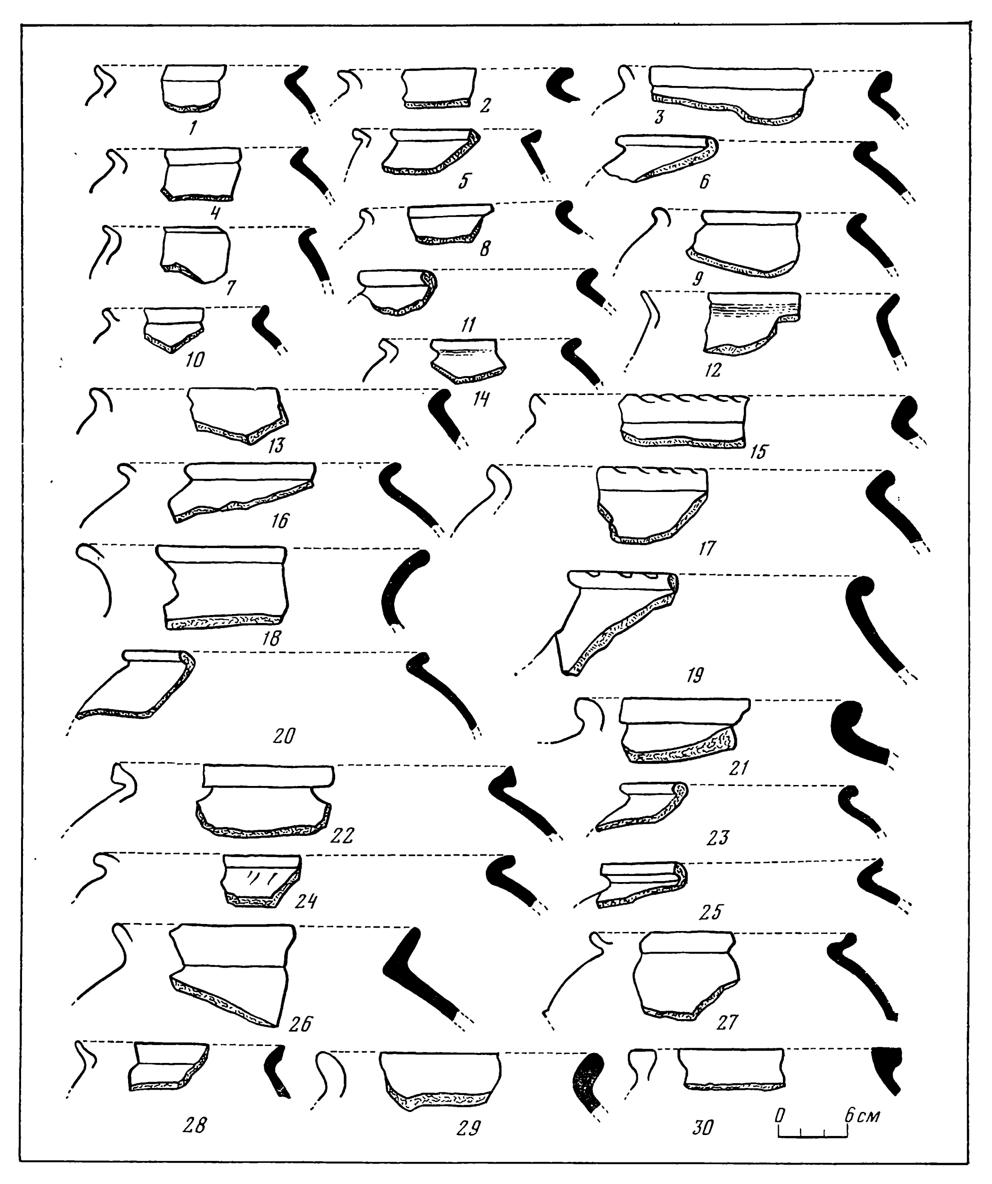

Рис. 32. Фрагменты кухонных горшков с Андрейаульского городища (1—30)

сел. Стальское Кизилюртовского района, неподалеку от Верхнечирюртовского городища.

Многочисленные обломки хумов яйцевидной формы выявлены в отложениях верхних слоев Бавтугайского городища. Они достигают 0,8—1,0 м высоты, имеют заглаженную поверхность и также украшены горизонтальными или волнистыми резными линиями. На некоторых из

них сохранились клейма мастеров в форме трезубца[72]. Характерно, что обломки хумов представлены здесь в основной своей массе лишь в слоях хазарского времени. Наибольшая их концентрация наблюдается в отложениях Верхнечирюртовского и Бавтугайского городищ. В значительно меньшей степени они встречаются на других памятниках. Подобная диспропорция распространения этой группы тарной посуды обусловлена рядом причин. Они в немалой степени связаны с особенностями места расположения памятников. На Верхнечирюртовском и Бавтугайском городищах материковые отложения, состоящие из наносных пластов гальки, исключают возможность сооружения хозяйственных ям. Поэтому для хранения продуктов здесь широко использовались массивные хумы. И наоборот, на памятниках, расположенных в зоне глинистых материковых отложений, удобных для сооружения разнообразных по формам и размерам хозяйственных ям, вполне обходились без хумов. Этим можно объяснить, что на наиболее исследованном Андрейаульском городище обломки массивных хумов в общей массе керамики составляют не более 1%. Следует также учесть,что производство хумов было сложным и трудоемким процессом, требовавшим большого опыта и мастерства гончара. Для формовки хумов из нескольких составных частей и регулирования процесса их обжига требовались не только высокая специализация гончарного производства, но и огромные обжигательные печи[73]. Поэтому их изготавливали, по мнению исследователей, на заказ[74]. Концентрация обломков хумов на Верхнечирюртовском и расположенном рядом Бавтугайском городищах является свидетельством местного их производства высококвалифицированными гончарами по заказу населения древнего Беленджера.

Пифосы. Это наиболее распространенный тип тарной посуды на всех памятниках древней Хазарии. По форме они подразделяются на два типа.

К I типу относятся двухручные пифосы яйцевидной формы с загнутыми наружу или посаженными непосредственно на тулова венчиками. Внешняя их поверхность тщательно заглажена или украшена врезными горизонтальными линиями и лощеными полосками. К наиболее расширяющейся части тулова прикреплены довольно массивные ленточной формы ручки. Разновидностью таких сосудов являются пифосы с цилиндрической горловиной, тщательно украшенные врезными линиями и лощеными полосками. Наиболее характерным образцом тарной посуды этого типа является пифос, найденный на Верхнечирюртовском городище[75]. Он достигает высоты 0,5 м, имеет тулово яйцевидной формы и высокую цилиндрическую горловину. Попарно расположенными врезными линиями тулово пифоса разделено на пять горизонтальных поясов, украшенных вертикальным полосчатым лощением. Несколько

---

[72] *Пикуль М. И.* Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 81, с. 52—53.
[73] *Якобсон А. Л.* Средневековые пифосы Северного Причерноморья.— СА, 1966, № 2, с. 202
[74] Там же.
[75] *Путинцева Н. Д.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1957 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 65, с. 5, табл. XI, *1*.

выделяются на их фоне плечики или второй пояс пифоса, украшенный сетчатым лощением. Примечателен пифос и тем, что, помимо двух овальных ручек на тулове, он имеет и третью ручку, прикрепленную к горловине и верхней части тулова. Многочисленные обломки упрощенных вариантов двухручных пифосов с покатыми плечиками, украшенных полосчатым лощением, представлены и на других памятниках Терско-Сулакского междуречья. Среди них выделяются обломки тщательно изготовленных толстостенных пифосов, ярко украшенных наподобие верхнечирюртовского трехручного пифоса лощением из пересекающихся полос. Высокие цилиндрические горловины со сливом и массивные боковые ручки пифосов могут являться свидетельством специфического их назначения. Пифосы подобных форм до сих пор используются в горах Дагестана в качестве маслобоек.

Ко II типу относятся одноручные кувшины-пифосы крупных размеров. Они имеют несколько вытянутые формы и низкие горловины со сливом. Основание горловины их плавно переходит к широко раздутому толову с низкой линией наибольшего расширения. Ленточные или круглые ручки кувшинов прикреплены одним концом к основанию венчиков, другим — к верхней части тулова. Поверхность кувшинов залощена и орнаментирована врезными параллельными горизонтальными желобками, расположенными по основанию горловины и по верхней части тулова. Между желобками нанесены косые линии, выполненные точечной техникой. Один целый кувшин-пифос выявлен на Верхнечирюртовском городище. Его высота 41 см, диаметры: горловины — 10 см, тулова — 31 см, дна — 18 см. Второй аналогичный сосуд случайно найден строителями у сел. Манас, в 15 км к югу от Махачкалы. По своей форме кувшины-пифосы являются упрощенным вариантом кувшинов I типа (вид А).

Из всего многообразия керамических комплексов, выявленных в слоях хазарского времени на памятниках Терско-Сулакского междуречья, мы рассмотрели только основные типы керамики, представленные целыми сосудами, происходящими в основном с бытовых памятников. Помимо этого, здесь представлены многочисленные обломки и изредка целые сосуды специальных типов. К ним относятся обломки полусферических светильников, найденные как в погребальных сооружениях, так и в слоях городищ и относящиеся к салтовскому типу[76]. В отдельных случаях встречались обломки керамики с дырочками, предназначенной для изготовления сыра. К изделиям специального назначения относятся сосуды с трубчатыми сливными носиками, обломки миниатюрных солонок и др. Все они представлены единичными экземплярами, не позволяющими воссоздать целые формы, и поэтому не включены в общую классификацию керамики.

Подводя итоги анализа исследованных типов керамики, следует в первую очередь отметить, что сероглиняная керамика характерна в основной своей массе лишь для памятников Терско-Сулакского междуречья Дагестана. Здесь она представлена с рубежа нашей эры до начала IX в. н. э. На синхронных памятниках остальной территории Да-

---

[76] *Плетнев С. А.* Указ. соч., с. 122, рис. 30, *1*.

гестана распространена главным образом красноглиняная и белоангобированная керамика. На памятниках к югу от Терско-Сулакского междуречья сероглиняная керамика также представлена в слоях хазарского времени. Таким образом, Терско-Сулакское междуречье, или древняя Берсилия, выступает локальным очагом этой своеобразной культуры, уходящей своими корнями к керамическим традициям местных племен начала I тысячелетия н. э.

Территория распространения этой культуры, а также хронологический диапазон исследованных памятников свидетельствуют о несомненной ее связи и с оседавшими в Приморском Дагестане кочевниками. Поэтому изучение керамики серого обжига, а также путей и причин ее распространения за пределами Терско-Сулакского района представляет значительный интерес для понимания сложных этнокультурных процессов хазарского времени. Уже первые исследователи памятников на Сулаке указывали на местное происхождение керамического производства [77]. Другие были склонны связывать эту культуру с аланами [78]. Существуют и иные предположения о происхождении рассматриваемой культуры. Одни сопоставляют ее с царством Серир, другие — пришлыми гунно-савирскими племенами [79]. На более сложные процессы формирования культуры указывали В. Г. Котович и Н. Б. Шейхов. Они отмечают близость верхнечирюртовской культуры к синхронным культурам Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы, связывая эту близость с влиянием «алано-хазарской» или «аланской» культуры на племена Северного Дагестана, находившиеся в составе Хазарского каганата [80]. Следует отметить и новую точку зрения, согласно которой культура верхнечирюртовского типа якобы сформировалась не в Дагестане, а за его пределами. Автор подобного мнения — А. В. Гадло, исследовав стратиграфию городища Хазар-кала, отмечает, что культура заключительного периода не только Хазар-калы, но и аналогичных ей памятников Терско-Сулакского междуречья появляется в Северном Дагестане в готовой форме извне [81].

Подобные, порой взаимоисключающие, предположения исследователей о происхождении культуры этих памятников были следствием недостаточной их изученности. Типологический анализ накопленных

---

[77] *Пикуль М. И.* Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 19, с. 38; *Канивец В. И.* Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г.— УЗ ИИЯЛ, 1957, т. III, с. 163; *Путинцева Н. Д.* Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья, с. 133.

[78] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106, с. 34; *Федоров Г. С.* Погребальные сооружения и обряды погребений верхнечирюртовских могильников и их этническая интерпретация.— ДГУ. Махачкала, 1974, вып. 5, с. 224; *Ковалевская В. Б.* Древние булгары на Северном Кавказе.— В кн.: Пятые Крупновские чтения: Тезисы докл. Махачкала, 1975, с. 78.

[79] *Бредэ К. А.* Отчет об археологических разведках на берегах Сулака в 1958 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 82, с. 9—17; *Костюченко И. П.* Предварительное сообщение о раскопках раннесредневекового Верхнечирюртовского могильника. Материалы отчетной сессии ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР за 1956 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 63, с. 72.

[80] *Котович В. Г., Шейхов Н. Б.* Археологическое изучение Дагестана за 40 лет.— УЗ ИИЯЛ, 1960, т. VIII, с. 358.

[81] *Гадло А. В.* Указ. соч., с. 152; *Он же.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979, с. 203.

керамических материалов дает возможность внести ясность в эту проблему.

При описании столовой керамики выше отмечалось, что в отложениях хазарского времени широкое распространение получают миски двух типов. Для них характерны однообразие формы и простота изготовления, и представлены они в огромных количествах на всех без исключения памятниках Терско-Сулакского междуречья. Однако в гораздо большем числе вариантов они встречаются на Андрейаульском, Некрасовском и других городищах начиная с первых веков нашей эры. При этом в предшествующих хазарскому периоду слоях их формы не только разнообразнее, но и гораздо изящнее. Из всего этого многообразия в хазарский период сохранились лишь некоторые стандартизированные типы мисок, что было следствием массового характера их производства. О местном происхождении мисок описанных типов свидетельствует множество их обломков на памятниках Северо-Восточного Дагестана, где обильно представлены и их прототипы. За пределами Дагестана аналогии им можно найти главным образом на памятниках Северо-Восточного Кавказа[82], где они встречаются в гораздо меньшей степени, чем в Дагестане. Кувшины вышеперечисленных типов также широко представлены на памятниках Терско-Сулакского междуречья. Наиболее яркие и богато орнаментированные их образцы (тип I, вид Б, В) выявлены на Верхнечирюртовском городище.

Различные варианты кувшинов, в том числе более пышных образцов, представлены огромным количеством фрагментов в нижних слоях исследованных городищ. Кувшины из слоев хазарского времени, несомненно, связаны происхождением с их ранними прототипами. Поэтому не случайно, что ближайшие аналогии им также в большинстве своем известны из памятников Дагестана (из Большого Буйнакского кургана, Паласа-Сырта, Урцеков). Следует также отметить, что своими формами они отличаются от более вытянутых по пропорциям кувшинов с аланских памятников. В то же время они имеют больше общего с салтово-маяцкими кувшинами[83] и особенно с кувшинами с болгарских памятников, таких как Бальше-Тарханский и Нови-Пазар[84], что может являться следствием культурных и этнических связей населения этих районов.

Наиболее ярко генетическую связь керамики хазарского времени с керамикой предшествующего периода отражают кухонные горшки, которые составляют более 30% всей посуды с памятников древней Хазарии. Они в большом числе разновидностей встречаются на памятниках Терско-Сулакского междуречья начиная с II—III вв.

Подобная же картина наблюдается при сопоставлении двухручных пифосов, кружек и другой специальной керамики, которые также имеют прототипы в предшествующих хазарскому времени слоях.

---

[82] *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— Тр. ЧИНИИ, 1963, т. IV, с. 59, 197.

[83] *Плетнева С. А.* Указ. соч., с. 115; *Она же.* Средневековая керамика Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 29, рис. 22.

[84] *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964, с. 164; табл. I—VI; *Станчев (Ваклинов) С.* Некрополь до Нови Пазар. София, 1958, с. 46.

И наконец, местные корни имеют большие хумы с более сложной технологией производства. Они получают широкое распространение в хазарское время на Верхнечирюртовском, Бавтугайском и других городищах. В это же время хумы широко представлены на Урцекском городище (древнем Варачане), где они сосредоточены на цитадели и также встречаются вкопанными в пол полуподвальных помещений по 10—15 штук. Отличает их от верхнечирюртовских тесто и способ обработки внешней поверхности. В большинстве своем они красноглиняные, покрыты штриховкой или красным ангобом [85]. Однако формы хумов, их размеры, конфигурация венчиков свидетельствуют об общих технологических приемах их производства, имеющих в Дагестане глубокие традиции. В условиях Терско-Сулакского междуречья устоявшиеся традиции производства сероглиняной керамики с залощенной и заглаженной поверхностью не претерпели изменения при изготовлении хумов — наиболее сложного вида керамики. Обломки хумов встречаются начиная с VIII в. и на аланских городищах [86]. В то же время они полностью отсутствуют на памятниках салтово-маяцкой культуры. В качестве тарной посуды здесь широко использовались различные типы амфор, изготовлявшихся в крымско-приазовских производственных центрах [87].

В процессе арабо-хазарских войн в VIII в. сложившиеся ремесленные центры в прикаспийской Хазарии были разрушены. Здесь складываются новые направления торгово-экономических связей. Особенно возрастает роль причерноморских производственных центров, откуда на обширный хазарский рынок стали поступать амфоры с самыми разнообразными товарами. Они и заменили традиционные на Кавказе хумы, предназначавшиеся в основном для изготовления и хранения вина. Поэтому не случайно, что и в Приморском Дагестане обломки хумов распространены преимущественно на памятниках, расположенных в зоне со следами древнего виноградарства.

Таким образом, все рассмотренные типы керамики хазарского времени имеют на памятниках Терско-Сулакского междуречья не только обширные аналогии, но и многочисленные прототипы. Они свидетельствуют о единых путях формирования культуры сероглиняной керамики на территории Северо-Восточного Дагестана, которые восходят к древним традициям гончарного производства местных народов [88]. Говоря о местном производстве основных форм и типов керамики Терско-Сулакского междуречья, следует отметить, что сложение этих форм и приемов орнаментации проходило под заметным воздействием керамических традиций Кавказской Албании. Сильное влияние этих традиций прослеживается при рассмотрении мисок, горшков и особенно кувшинов. В большинстве своем кувшины однотипны — имеют расширяющее-

---

[85] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени, с. 6.
[86] *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв., с. 126.
[87] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 129.
[88] *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 128; *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане, с. 105; История Дагестана. Махачкала, 1967, т. 1, с. 69.

ся кверху горло, округлое, раздутое тулово и одну ручку. Все они богато орнаментированы. Кувшины подобной формы, богато орнаментированные валиками, насечкой, врезными линиями и т. д., получили широкое распространение в Кавказской Албании уже во второй половине I тысячелетия до н. э.[89] Резной орнамент был широко распространен на металлических изделиях Кавказа уже с конца II — начала I тысячелетия до н. э.[90] Влияние культурных традиций Кавказской Албании на Приморский Дагестан обусловлено тесными историческими связями между ними. Наличие этих связей подтверждается и письменными источниками. Анализируя эти источники, некоторые исследователи не без основания приходят к выводу, что территория современного Дагестана входила в состав Кавказской Албании[91]. Подобные выводы находят в последние годы все больше археологических подтверждений. Ярким примером этого являются многочисленные остатки албанского письма, выявленные на территории Дагестана[92].

Овладев Приморским Дагестаном, Хазария оказалась наследницей культурных достижений местных народов, тесно связанных с этнокультурным миром Кавказской Албании. Она восприняла соответственно и керамические традиции местных народов. Поэтому не удивительно, что основные типы и формы сосудов, представленных в нижних слоях II—III вв., без существенных изменений доживают здесь до VIII— начала IX в. Вместе с тем и здесь влияние кочевнических традиций проявляется довольно четко. Она находит отражение главным образом в способах орнаментации сосудов. Широкое распространение в слоях хазарского времени получает керамика, украшенная вертикальными, горизонтальными и пересекающимися полосами, а также глубокими резными линиями. Кувшины довольно часто украшались рифлением по основанию горловины, а горшки — по верхней части тулова. Особенно выразительно кочевнические традиции прослеживаются на способах оформления ручек (рис. 33). В слоях предхазарского времени в IV— VI вв. были широко распространены зооморфные ручки с налепами в виде «ушек» и «глазков». В отдельных случаях встречаются обломки с изображением коня с четко выделенной гривой, подчеркнутой мелкой косой насечкой. В слоях хазарского времени массовое распространение получают ленточные ручки с косыми насечками и в редких случаях круглой вмятиной или налепом у основания. Рассмотренные типы ручек

---

89 *Рзаев Н. И.* Художественная керамика Кавказской Албании. Баку, 1964, с. 128, 139, рис. 8—10, 18, 75; *Исми-заде О. Ш.* Ялойлутепинская культура. Баку, 1956, табл. XXXII; *Казиев С. М.* Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1960, табл. IV, VII, IX, XXI, XXIX.

90 *Крупнов Е. И.* Новый памятник древних культур Дагестана.— МИА, 1951, № 23, с. 223; *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки.— Там же, с. 264.

91 *Юшков С. В.* К вопросу о границах древней Албании.— В кн.: Исторические записки. М., 1937, т. 1, с. 139—146.

92 *Асланбеков X.* Самая древняя надпись Дагестана.— Дагестанская правда, 1970, 3 дек.; *Он же.* Древняя надпись Дагестана.— Советский Дагестан, 1971, № 3, с. 70—72; *Гукасян В. Л.* О новонайденном списке албанского алфавита.— СТ, 1971, № 2, с. 130; *Давудов О. М.* Раскопки на Верхнелабкомахинском городище.— АО 1972 г. М., 1973, с. 167.

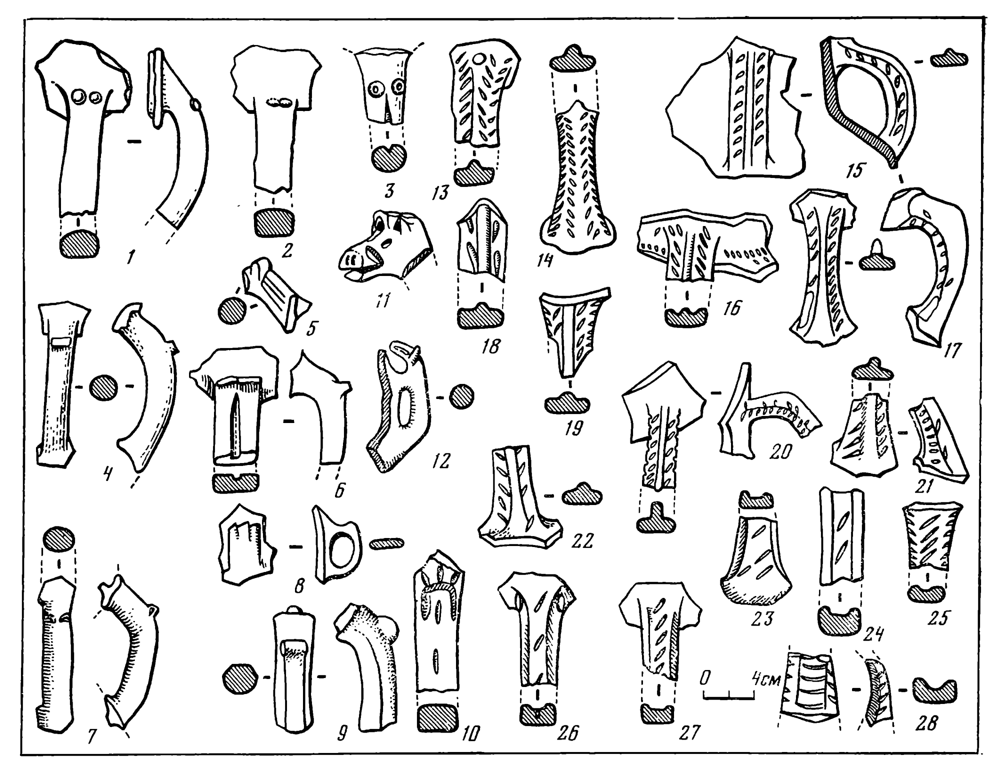

Рис. 33. Некоторые образцы ручек с Андрейаульского городища (1—28)

наглядно иллюстрируют эволюцию приемов изображения коня[93], культ которого был широко распространен среди кочевников[94]. На ранних этапах изображение его зооморфное или достаточно реалистичное, грива подчеркнута косой насечкой. В хазарское время в связи со стандартизацией и массовым характером производства керамики сохранилось лишь схематическое изображение гривы при помощи косых насечек.

Таким образом, как и в других отраслях материальной культуры, в керамическом производстве Хазарии наблюдаются элементы синкретизма культур, когда местные традиции восполняются традициями кочевников. Поэтому не случайно, что генетическая связь между культурами с памятников Терско-Сулакского междуречья и салтово-маяцкой прослеживается не только в формах и технологии производства сосудов, но и в способах украшения их внешней поверхности[95].

Получившее в хазарское время широкое распространение украшение керамики лощением позволяет называть раннесредневековую культуру Дагестана не только «культурой городов», но и культурой «серой и серолощеной керамики».

[93] *Атаев Д. М., Магомедов М. Г.* Андрейаульское городище.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 133.
[94] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 176.
[95] Там же, с. 103, рис. 25, 28, 30, 31.

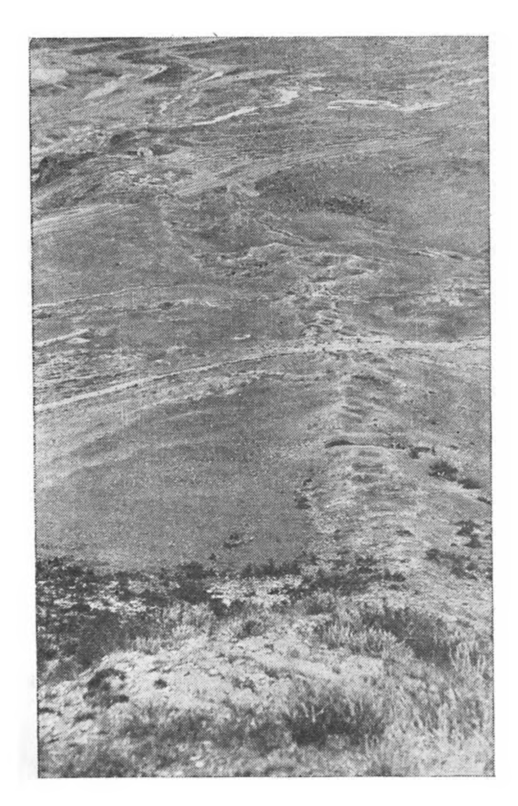

Рис. 34. Остатки оборонительных сооружений Верхнечирюртовского городища

Особого размаха в древней Хазарии получило строительство крепостей, а также культовых и бытовых сооружений. Уровень крепостного строительства в стране наиболее наглядно воссоздают остатки оборонительных сооружений Верхнечирюртовского городища. Они протянулись почти на 800 м от вершины хребта до обрывистого берега Сулака, дугой прикрывая подступы к городищу и в долину в целом с незащищенной приморской стороны (рис. 34). Сохранившиеся в виде оплывших валов шириной до 30 м и высотой около 4 м остатки стен тянутся от вершины хребта вниз по скальному склону, достигающему крутизны 45°. Далее направление их определено глубоким оврагом, протянувшимся от хребта на север. Строители использовали овраг в качестве естественного рва и возвели стену вдоль его крутой левой стороны. От хребта до начала оврага на протяжении более 200 м перед стеной тянется оплывший ров.

Остатки стен были исследованы отдельными отрезками на протяжении около 100 м, что позволило выявить следы нескольких строительных этапов, отражающих различные строительные приемы [96].

На первом этапе оборонительные стены были возведены из необработанного камня (известняка) единой техникой панцирной кладки и строго выдержаны по толщине в пределах 4 м. Конструктивно они состоят из двух панцирей (внешнего и внутреннего) и заключенной между ними забутовки. Наиболее тщательно выложены панцири стен, толщина которых составляет 0,6—1,0 м. Они возведены на глиняном растворе из крупных блоков, достигающих нередко 0,5—0,7 м длины и 0,2—0,4 м толщины. Наружные стороны панцирей сооружены ровными горизонтальными рядами, внутренние же отличаются ломаными очертаниями, сливающимися с забутовкой. Забутовка состоит из мелкого камня и речного булыжника вперемешку с глиной и землей, а на отдельных участках из рядов средних и мелких камней. В последнем случае трудно

[96] *Магомедов М. Г.* Отчеты о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1969—1973 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 217, 274, 288, 1747.

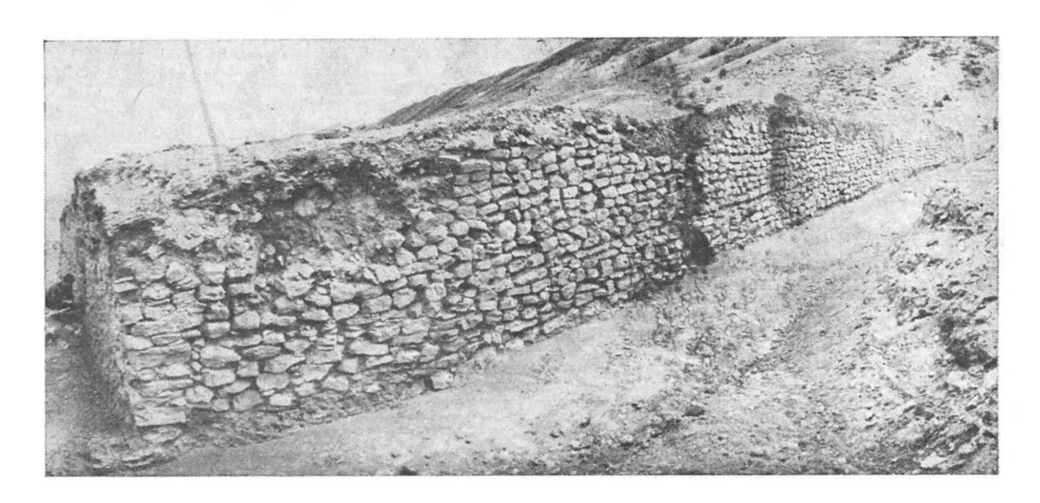

Рис. 35. Антисейсмические швы на внутреннем фасаде Верхнечирюртовской оборонительной стены

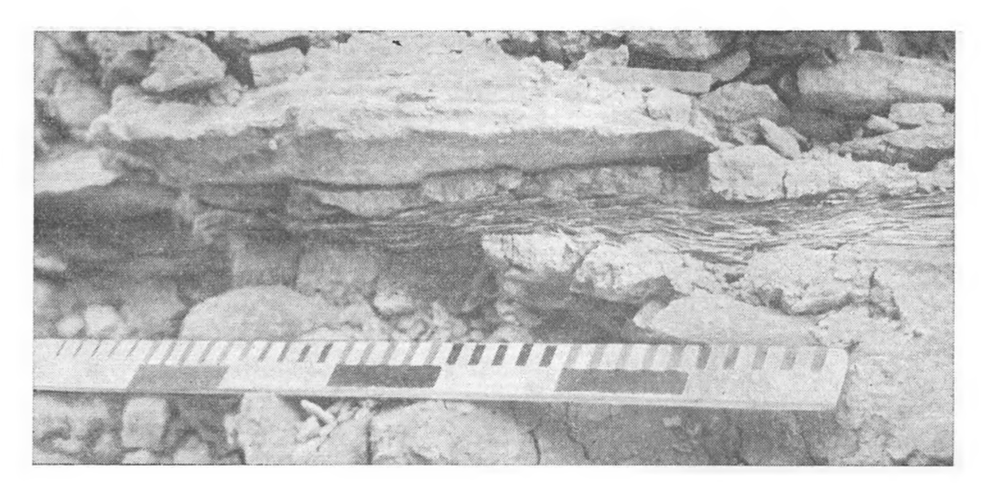

Рис. 36. Антисейсмический пояс в разрезе оборонительной стены Верхнечирюртовского городища

разграничить кладку панцирей от забутовки, поскольку они вместе производят впечатление единой стены на всю ее толщину. Устойчивость стен достигалась не только значительной их толщиной, но и специально предусмотренным их уклоном внутрь. На наиболее сохранившейся трехметровой высоте уклон внешней стены составляет 30 см, внутренней — 25 см.

Важными узлами в системе обороны служили конструктивно связанные со стенами оборонительные башни. На первом этапе стены были укреплены четырехугольными в плане башнями, также сооруженными

панцирной техникой кладки на расстоянии около 20 м одна от другой. Всего на удобном для осады городища направлении у основания хребта зафиксировано до 10 оплывших башенных выступов. Исследовано лишь четыре башни. Они достигают 10—12 м в длину и 3,5—5,5 м в ширину.

Необходимо особо отметить своеобразные камышовые слои, прослеженные в толщине стен (рис. 35). Они достигают 3—5 см толщины и тянутся двумя горизонтальными линиями на высоте 1 и 1,8 м от основания стен на всю толщину и длину. Прослежены пояса и в толще башен на тех же уровнях. Камышовые прокладки отражают не только конструктивную, но и хронологическую взаимосвязь четырехугольных башен с первоначальными крепостными сооружениями. О важной роли этих слоев в конструкции стен свидетельствует и то, что они есть также в толще забутовки между тщательно выложенными на растворе слоями из плоского плитняка (рис. 36). Судя по структуре и протяженности, эти прокладки носили антисейсмический характер, уменьшая вертикальные и горизонтальные нагрузки на эти массивные стены, возведенные в зоне повышенной сейсмической активности, каким является район Верхнего Чирюрта.

Таким образом, оборонительные сооружения Верхнечирюртовского городища уже на первом этапе своего бытования свидетельствуют о профессиональном таланте их создателей. Древние мастера не только умели возводить прочные крепостные сооружения по сложному и пересеченному рельефу с соблюдением передовых для своего времени строительных и фортификационных достижений, но и знали секреты антисейсмического строительства. Довольно простые на первый взгляд, но продуманные по своим конструкциям камышовые пояса, включенные в толщу стен через определенные интервалы, отражают высокий уровень развития инженерной мысли в раннесредневековую эпоху.

Второй этап крепостного строительства городища прослеживается на целом ряде отрезков стен со следами перестроек и достроек, связанных с их восстановлением и дополнительным укреплением. Первоначальные крепостные стены города, судя по высоте сохранившихся их остатков от 1 до 1,6 м, были не только разрушены, но и, возможно, специально разобраны по распоряжению завоевателей города. Усилия строителей на втором этапе были направлены на их быстрое восстановление. Различия в технике кладки между первоначальными стенами и последующими их достройками особенно отчетливо наблюдаются в характере строительства башен, которые в отличие от первоначальных надстроены из относительно мелкого камня, а на отдельных участках и без употребления глиняного раствора. В толще вновь восстановленных стен и башен отсутствуют антисейсмические пояса.

Таким образом, на втором этапе здесь не наблюдается существенных конструктивных изменений в технике строительства. Оборонительные сооружения были лишь восстановлены и укреплены новыми четырехугольными башнями на наиболее уязвимых участках обороны. От капитально сооруженных первоначальных стен второй период выделяется лишь несколько примитивной техникой строительства, которая могла быть связана с тревожной обстановкой раннесредневековой эпохи, когда разразившиеся арабо-хазарские войны и последовавшая затем серия

Рис. 37. Остатки башни на гребне хребта

арабских походов в Прикаспийский Дагестан вызывали необходимость поспешных восстановлений разрушенных оборонительных сооружений, что и отразилось на качестве строительных работ.

Третий, заключительный строительный период, в отличие от предыдущих, выделяется полной реконструкцией оборонительных сооружений городища на всем их протяжении и с применением совершенно новых строительных приемов. Эти новшества, направленные на резкое увеличение мощности оборонительных сооружений, прослеживаются почти на всех исследованных отрезках.

Существенные изменения приемов строительства наблюдаются уже в самом начале, на гребне хребта, возвышающегося над городищем. Остатки первоначальных стен здесь усилены пристройкой к ним массивной округлой башни диаметром около 10 м (рис. 37). Она возведена на скальной основе хребта, и для предотвращения возможного оползания с крутого склона под ее основанием выдолблены специальные ступени.

Соорудив башню на столь сложном участке, строители как бы устранили просчеты своих предшественников. Дело в том, что стена здесь начинается не на самой возвышенной части хребта, а несколько отступив от него. Овладев господствующей вершиной хребта, враг получал возможность контроля над действиями защитников города, дважды до этого подвергавшегося захвату и разрушению. Наряду с оборонительными задачами по фланкированию подступов к стене башня выполняла, очевидно, и сторожевые функции, поскольку с места ее расположения просматриваются дальние подступы к городищу.

На третьем строительном этапе оборонительные стены были резко утолщены путем пристройки к прежним остаткам дополнительных наружных панцирей толщиной 3—6 м, также без закладки фундаментов. Основания панцирей были сооружены из необработанного известняка на глиняном растворе на высоту 0,7—0,9 м. Выше этого уровня стены надстраивались из чередующихся слоев глинобита метровой толщины и кладки из сырцовых кирпичей размерами 40×20×10 см (рис. 38).

Значительно усилены были и оборонительные башни ниже хребта, которым также придана округлая форма. Они достигают 16 м в диаметре и выступают за линию стен на 5 м. Здесь применена комбинированная кладка чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей на каменном основании (рис. 39, *1*, *2*).

Въезд на городище не только был тщательно укреплен привратными башнями, но и претерпел неоднократные перестройки. На первом этапе его проем был равен четырехметровой толщине стен. На втором этапе, судя по горизонтальному шву, сохранившемуся на боковой стене, въезд был лишь восстановлен несколько небрежной кладкой. И, наконец, на третьем, заключительном этапе здесь к его боковым стенам были пристроены наружные панцири толщиной 5—6 м из глинобита и кирпичей на каменном основании (рис. 40). Въезд был специально приподнят на 20—30 см над древней поверхностью при помощи каменных подпорных стен. Незначительные остатки поперечной стены, протянувшейся по его середине, свидетельствуют о бытовании здесь двух ворот (внешних и внутренних), расположенных на расстоянии 5 м друг от друга (рис. 41). Над внешними воротами, установленными у наружного края проема, и внутренними сооружениями в средней его части, а также над оставшейся привратной площадкой было специальное деревянное перекрытие, перегоревшие остатки которого сохранились в виде золы и угля толщиной до 40 см. Интенсивное воздействие огня наблюдается и на боковых стенах въезда, прокаленных до образования красных оттенков. Перекрытие не только укрепляло ворота, но и служило плацдармом для обороны и маневрирования защитников города.

Резкое увеличение массивности оборонительных сооружений особенно у въезда, расположенного у основания хребта, обусловлено заметным снижением крутизны склонов и наличием здесь ровной поляны, удобной для штурма въезда. Поэтому стены к северу от въезда до древнего оврага были дополнительно укреплены тремя массивными выносными башнями, которые выступают за линию стен на 15—16 м. Основанием для них являлись громадные насыпи, которые были сверху надстроены

Рис. 38.

Рис. 38. Комбинированная кладка башни из слоев глинобита и сырцовых кирпичей

Рис. 39. Остатки округлых башен Верхнечирюртовского городища (1, 2)

Рис. 40. Остатки боковой стены въезда

Рис. 41. Въезд на Верхнечирюртовское городище

Рис. 39.

Рис. 40.

Рис. 41.

округлыми башнями [97]. Они были связаны с основной линией стен при помощи специальных каменных перемычек толщиной 4 м. Очевидно, в верхней части перемычек был оставлен специальный коридор для безопасного передвижения на башню.

---

[97] *Бредэ К. А.* Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на Нижнесигитминском поселении и городище.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 60.

В целом на каждом из трех строительных этапов верхнечирюртовских оборонительных сооружений использованы различные конструктивные и технические приемы строительства. Грандиозные масштабы этих сооружений являются выразительным показателем овеществленной мощи создавшего их общества и высокого профессионального мастерства строителей.

Как отмечают исследователи, крепостные сооружения Верхнечирюртовского городища имели продолжение на противоположном, левом берегу р. Сулак в форме таких же остатков [98]. По словам старожилов селения, эти остатки уничтожены в результате строительства Чирюртовской ГЭС. По конструктивным особенностям они, очевидно, мало отличались от правобережных сооружений и служили защитой не только правобережной части городища, но и крепости (цитадели), развалы которых помнят старожилы селения.

Крепостными сооружениями было укреплено и Бавтугайское городище, расположенное на левом берегу Сулака в 5 км к северу от Верхнечирюртовского. Его исследователи отмечают, что городище было защищено с открытого северного направления стеной и рвом, следы которого еще в 1954 г. были хорошо заметны [99]. К сожалению, археологически они остались неисследованными и полностью уничтожены в процессе сооружения ГЭС.

Оборонительные стены Сигитминского городища состоят из двух линий. Северная, протяженностью 550 м, берет начало над р. Сулак, тянется по краю северного оврага и доходит до неприступной части склона хребта, протянувшегося к востоку от городища. Стена не только защищала северные подступы к городищу, но и закрывала единственный проход в сторону Верхнечирюртовского городища со стороны гор.

Восточная оборонительная линия протянулась на 370 м к югу от гряды хребта до противоположного оврага. Она состоит из двух отрезков: северного длиной 284 м и южного длиной 86 м, сомкнутых круглой в плане башней (рис. 42).

От северной линии стен сохранился лишь нижний ряд кладки шириной 1,3 м, возведенной из необработанного камня на глиняном растворе с преимущественным размещением более крупного по краям [100].

Восточная линия оборонительных стен достигает 4 м толщины и состоит из двух панцирей с промежуточной забутовкой. Панцири толщиной 0,85—0,95 м четко отличаются от массы забутовки регулярными рядами кладки из необработанного камня. Промежуток между панцирями забутован окатанным речным булыжником на глиняном растворе. Общая высота сохранившейся части стен составляет 1,2—1,25 м или же семь рядов кладки. К. А. Бредэ, исследовавший остатки стен, обратил внимание на то, что верх вскрытого отрезка представляет горизонтальную плоскость. Подобная их сохранность при отсутствии на всю глубину рас-

---

[98] Там же, с. 19.

[99] *Котович В. Г.* Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1956 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 28, с. 71; *Пикуль М. И.* Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 62.

[100] *Бредэ К. А.* Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме, с. 9.

чищенного отрезка камней от развала свидетельствует о том, что верхняя часть стены, как и Верхнечирюртовских сооружений, была возведена не из камня, а из глины, которая растекалась по обе ее стороны. «Все говорило о том,— отмечает К. А. Бредэ,— что слой глины по обеим сторонам стены представляет наплыв сверху, являясь результатом разрушения верхней части стены» [101].

Своим южным концом стена примыкает к башне, с которой не связана кладкой, как и продолжающийся за башней второй отрезок аналогичной стены, а лишь примыкает к ней.

Башня диаметром 11 м имеет округлую форму. Панцирь ее толщиной 1,05—1,10 м возведен из продолговатых по форме камней, а забутовка содержит больше глины, чем камня. Отсутствие развала камней у остатков башни наряду с наличием наплывов плотной глины свидетельствует о том, что верхняя часть башен, подобно оборонительной стене, была глинобитной.

Сооружением башни на этом участке обеспечивалась возможность фланкирования подступов к стенам и к въезду, который, очевидно, находился рядом с ней. Здесь сохранился проход через овраг, используемый в качестве дороги по настоящий день.

На северо-западном углу городища выделяется выступ трехугольной формы, доступный лишь с территории городища. Выступ достигал площади 0,2 га и был изолирован от городища оборонительной стеной, аналогичной соседней — северной стене городища. Раскопки здесь не производились. Не исключено, что в пределах этой основательно укрепленной части городища погребены остатки дворцового сооружения.

С городищем связан и укрепленный пункт (6), расположенный на прибрежном выступе подтреугольной формы по ту сторону древнего оврага [102].

Территорию выступа с единственно незащищенной восточной стороны прикрывало оборонительное сооружение в виде башни четырехугольной формы, закрывавшей выступ почти на всю ширину (рис. 43). Длина ее по западной (внутренней) стороне — 22,65 м, по восточной (внешней) — 23,80 м, ширина по северному краю — 7,25 м и по южному — 6,65 м. Она и примыкающая к ней с юга стена толщиной 4 м, подобно стенам городища, возведены из необработанного камня обычной панцирной техникой кладки. Толщина панцирей составляет 0,90—0,95 м. Промежуток между ними внутри башни забутован камнем и глиной. Забутовка не прослежена лишь в южном конце башни, где сохранились остатки помещения размерами 5,3×5,27 м. Напротив проема, образующего вход в помещение, в 0,9 м от юго-западного угла башни выявлены остатки лестницы шириной 0,8 м, сооруженной, очевидно, для выхода защитников крепости на второй ярус. Характер расположения помещения (донжона) в башне, панцири которой являлись его стенами, свидетельствует, что оно являлось последним убежищем для защитников [103].

Вдоль всего крутого северного края выступа также была возведена стена толщиной 0,90—0,95 м и длиной в 90—91 м.

---

[101] Там же, с. 12—17.
[102] Там же, с. 30.
[103] *Бредэ К. А.* Отчет о дополнительных раскопках..., с. 34, 41.

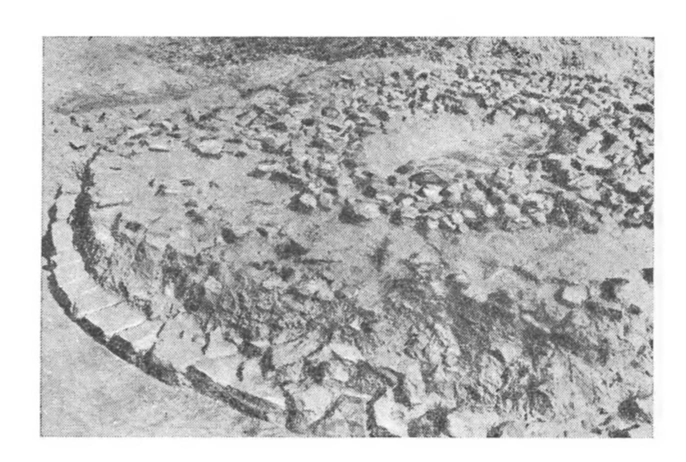

Рис. 42. Остатки округлой башни Сигитминского городища

Рис. 43. Остатки укреплений башни цитадели Сигитминского городища

Судя по внушительным остаткам оборонительных сооружений и естественно-защитным данным местности, это было укрепление, структурно связанное с городищем.

Подобно всем остальным городищам Сулакской долины, укреплено и городище Исти-Су, расположенное на противоположном прибрежном выступе, закрывая собой пространство между продолжением Сигитминского хребта и берегом реки. Оборонительные сооружения, сохранившиеся здесь в виде оплывшего вала и рва, протянулись между поперечными оврагами, закрывая единственный доступ к городищу и в долину со сто-

роны хребта. На отдельных участках вала обнажены остатки стен и массивных четырехугольных башен, сооруженных из слегка обработанного песчаника панцирной техникой.

Из памятников, исследованных в предгорной полосе Дагестана к югу от Терско-Сулакского междуречья, наиболее ярко уровень фортификационного строительства воссоздают крепостные сооружения Урцекского городища. Оборонительные стены его исследованы отдельными отрезками на протяжении 660 м[104]. Они возведены из необработанного известняка техникой панцирной кладки. Панцири сооружены из относительно крупного камня со следами легкой обработки и на отдельных участках без использования раствора. Забутовка состоит из мелкого бесформенного камня, щебня и суглинка. Толщина стен на исследованных отрезках достигает 2—4 м.

На городище вели два въезда, укрепленные привратными башнями четырехугольных форм. Левая привратная башня, расположенная у въезда с западной стороны городища, размерами 4,3×3,6 м была полой (рис. 44). Стены ее сооружены из крупных блоков со следами обработки и достигают 1,10—1,20 м толщины. Правая башня размерами 10,3××3,2 м возведена техникой панцирной кладки с включением более крупного камня в кладку панцирей и мелкого — в забутовку. Каменные ядра, обнаруженные при исследовании въезда, свидетельствуют об использовании осадной техники для штурма ворот (рис. 45).

Основательно была укреплена и цитадель, расположенная на наиболее возвышающейся части городища. Она имела прямоугольную форму, размеры 110×60 м и была защищена со всех сторон оборонительными стенами и четырехугольными башнями (рис. 46). Стены, состоящие из обычных трех элементов (двух панцирей и забутовки), достигают с напольной стороны 4 м толщины. С естественно защищенных восточной и северной сторон толщина их составляет 1—2 м. Восемь башен от 4,5 до 10,6 м длиной и от 1,4 до 3 м толщиной также сооружены панцирной техникой кладки и расположены вдоль доступных для осады западной и южной сторон. Наиболее тщательно укреплены башнями въезд и углы цитадели. Башни, как и стены, возведены без фундаментов, из необработанного известняка, с включением крупных слегка обработанных блоков в кладку панцирей (рис. 47). На северной стороне цитадели сохранилась жилая башня размерами 4,0×1,5 м. Стены ее, достигающие 1,5 м толщины, связаны кладкой, в отличие от остальных башен, с оборонительной стеной. Располагаясь на наиболее возвышенной части цитадели, башня имела, очевидно, и сторожевые функции.

Наконец, целой серией «длинных стен» была ограждена и вся Урцекская долина, окруженная с трех сторон отрогами хребтов. Первая линия стен протяженностью до 3 км и толщиной до 1,5 м закрывала подступы в долину с напольной — восточной — стороны. Вторая стена толщиной до 3 м и протяженностью более 4 км тянулась от вершины горы Шерябеш, возвышающейся над городищем с приморской стороны, до глубокого каньона р. Количай, закрывая доступ к городищу со стороны моря. Между этими линиями стен сохранились небольшие отрезки стен-пере-

---

[104] *Магомедов М. Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана.

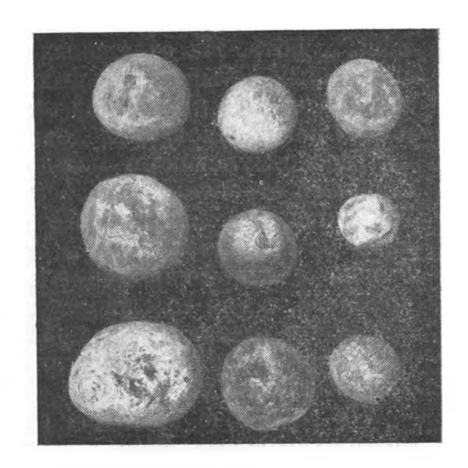

Рис. 44. Остатки привратной башни Урцекского городища

Рис. 45. Каменные ядра, найденные у въезда

Рис. 46. План цитадели Урцекского городища

мычек, которые являлись дополнительными преградами на доступных направлениях к городищу.

На вершине горы Шеря-беш сохранились каменные завалы небольшого сооружения, очевидно сторожевой крепости. С этого пункта просматриваются дальние подступы к городищу, особенно с приморской

Рис. 47. *Остатки башни цитадели Урцекского городища*

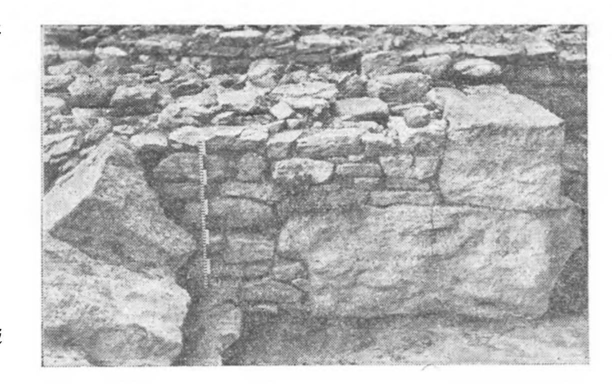

Рис. 48. *Остатки оборонительной стены Таркинского городища*

стороны. Обширность городища, а также монументальный характер исследованных на нем каменных построек бытового, культового и особенно оборонительного назначения свидетельствуют о былом великолепии города и о высоком уровне мастерства древних строителей.

Остатки массивных крепостных сооружений сохранились не только на отмеченных выше памятниках, но и вокруг почти всех хазарских городов в Приморском Дагестане. Однако их раскопки пока не производились (рис. 48).

По характеру крепостного строительства, в котором воплотились определенные традиции фортификационного искусства, все исследованные сооружения подразделяются на три основные группы.

Для первой группы памятников, протянувшихся от Сулака до Дербента на юге, характерны крепостные сооружения, возведенные из необработанного камня единой панцирной техникой кладки стен (Верхнечирюртовское I и II этапов, Сигитминское, Бавтугайское, Исти-Су, Таркинское, Урцекское и другие городища).

Панцирная техника строительства получает в IV—VII вв. широкое

распространение в крепостном строительстве Кавказа [105], стран Ближнего Востока [106] и Северного Причерноморья [107]. Резко возрастает массивность крепостных стен в Средней Азии [108]. Наиболее ярко новую технику строительства демонстрируют мощные крепостные сооружения Дербента [109]. Резкое увеличение толщины стен связано главным образом с применением стенобитной техники при осаде крепостей, которая получает широкое распространение в эпоху раннего средневековья [110]. Крепостные сооружения возводятся и с заметным уклоном стен с внешней стороны, предусмотренным для уменьшения мертвого пространства перед ними [111].

Оборонительные сооружения Урцекского городища, I и II этапов Верхнечирюртовского городища свидетельствуют и о возросшей роли оборонительных башен, которые становятся важными узлами в системе обороны. Перенесение центра обороны на башни вообще характерно для раннесредневековой фортификации [112] в отличие от предшествующего албано-сарматского периода. Однако башни Верхнечирюртовского и особенно Урцекского городищ не получают еще регулярного расположения по всей линии стен. Они имеют архаическую четырехугольную форму и возведены главным образом для укрепления углов, въездов, а также наиболее уязвимых участков оборонительной системы. Для уточнения характера и времени строительства крепостных сооружений Приморского Дагестана ценные данные сообщают письменные источники. Все выявленные здесь памятники крепостного строительства расположены, как отмечалось выше, в предгорных долинах, сливающихся с приморской полосой, или в наиболее узких участках прохода по берегу моря. Известно, что сасанидские правители, после того как территория Албании вошла в состав Сасанидской империи [113], предпринимают грандиозные усилия по укреплению северных границ империи от вторжений

---

105 *Аракелян Б. Н.* Гарни II. Результаты работ Гарнинской археологической экспедиции 1951—1955 гг. Ереван, 1957, с. 11; *Щеблыкин И. П.* Остатки крепостных стен Кабалы.— ДАН АзССР, 1945, т. 1, № 2, с. 90; *Исми-заде О. Ш.* Кабала — столица древней Кавказской Албании.— В кн.: Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962, с. 61; *Леквинадзе В. А.* О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Ноколакеви.— СА, 1959, № 3, с. 144; *Чалашвили Л. А.* Городище Урбниси. Тбилиси, 1964, с. 162 (резюме).

106 *Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б.* Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах.— КСИИМК, 1956, вып. 64, с. 77; *Ильин Г. Ф.* Древний индийский город Таксила. М., 1958, с. 68; *Гиршман Р.* Раскопки французской экспедиции города Шапура в Фарсе.— КСИИМК, 1947, вып. 15, с. 43.

107 *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63, с. 70; *Блаватский В. Д.* Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье.— Учен. зап. МГУ, 1950, вып. 143, с. 135; *Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг.— МИА, 1958, № 85, с. 162.

108 *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 249.

109 *Артамонов М. И.* Древний Дербент, с. 121.

110 *Артамонов М. И.* История хазар, с. 178.

111 *Воронина В. Л.* Из истории среднеазиатской фортификации.— СА, 1964, № 2, с. 45.

112 Там же, с. 47; *Марр Н. Я.* Ани. Книжная история и раскопки на месте городища. М.; Л., 1934, с. 49; *Абдуллаев Х. П.* Гильгильчайская оборонительная стена и крепость Чирах-кала.— СА, 1968, № 2, с. 201; *Исми-заде О. Ш.* Кабал — столица древней Кавказской Албании, с. 61.

113 История Азербайджана. Баку, 1958, т. 1, с. 96.

кочевников. Кубад I и особенно его сын Хосров Ануширван (531—579 гг.) строят многочисленные укрепления у выходов из горных ущелий Кавказа. Ибн аль-Факих называет даже 360 крепостей, якобы построенных Ануширваном в Предкавказье. Аль-Истахри пишет, что «Хосрои прилагали большую заботу к этой пограничной местности и не ослабляли наблюдения за ее положением вследствие великой опасности с этой стороны и сильной боязни ее»[114]. Поэтому Хосрои «поселяют в этом месте стражников из переселенцев». Причем вся эта местность, пишет Истахри, «была представлена в их исключительное пользование без всяких расходов для правительства». И все это было сделано «из сильного желания заселить этот край надежными людьми и тем самым защитить от различных враждебных племен и „кяфиров“»[115]. В. Бартольд отмечает по поводу строительства Ануширвана, что постройки предназначались для закрытия не только прохода по берегу моря, но и ущелья соседних гор, откуда могли окружить Дербент[116]. Наряду с многочисленными крепостными сооружениями Сасаниды строят в приморской полосе и такие города, как Семендер и Беленджер[117], являвшиеся важными узлами обороны в общей системе укреплений Приморского Дагестана.

В процессе строительства прикаспийской системы укреплений Сасанидам необходима была поддержка дагестанских раннефеодальных правителей. Подобное строительство вообще было невозможно без совпадения их взаимных интересов и тесного военного сотрудничества. А базой для подобного союза являлась общая опасность кочевнических вторжений в земледельческие пределы этих стран. Поэтому в своей политике по отношению к правителям Дагестана Сасаниды не останавливаются даже перед тем, что вводят их в систему персидской иерархии[118]. Местные правители, будучи заинтересованы в закрытии проходов в свои владения, включились в это грандиозное строительство[119] и несли основную тяжесть по охране проходов (или абвабов), которые соответственно получают названия по именам правителей или владений, куда эти проходы ведут. Как отмечает Ибн Хордадбех, абвабы — это выходы из ущелий, образуемые горами Кабк, защищенные укреплениями[120].

После сооружения знаменитых дербентских укреплений остальные крепостные сооружения в приморском проходе приходят в упадок. Переселенцы покидают города и замки, которые постепенно превращаются в развалины[121]. О дальнейшей судьбе этих памятников свидетельствует связанная с хазарами культура сероглиняной керамики, представленная в заключительных их слоях. Приморским Дагестаном вплоть до Дербента овладели хазары. Хазарский военачальник, обращаясь к албанскому

---

114 *Ал-Истахри.* Указ. соч., с. 13.
115 Там же, с. 15.
116 *Бартольд В.* Дербент. Из энциклопедии Ислама, т. 1.— РФ ИИЯЛ, д. 9 (Д)Б-26.
117 *Ибн-ал-Факих.* Книга о странах/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1902, вып. XXXI, с. 15.
118 *Артамонов М. И.* История хазар, с. 124.
119 *Масуди.* Маруджал-Дзахаб.— В кн.: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда в X—XI вв. М., 1963, с. 190.
120 *Ибн-Хордадбэ.* Книга путей и царств/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1903, вып. XXXII, с. 15.
121 *Ал-Баладзори.* Книга завоевания стран/Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 5—7.

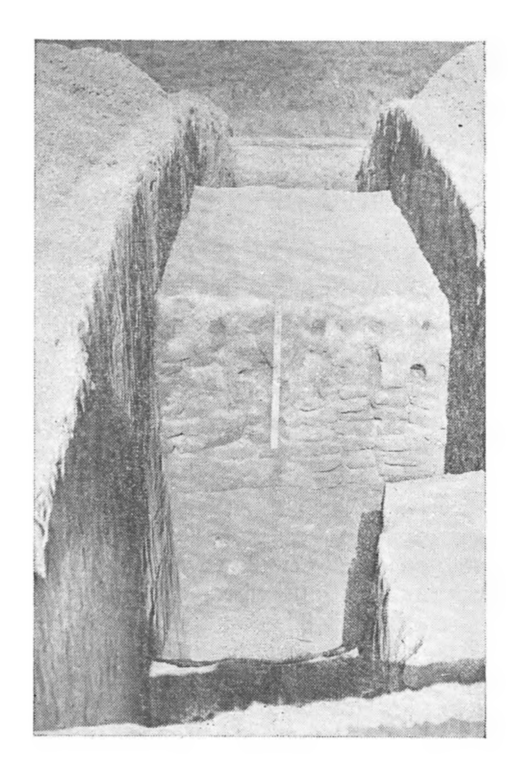

Рис. 49. Остатки оборонительной стены Некрасовского городища

католикосу Виро, заявил, что его отец получил Албанию, Чора и Лбинию в вечное владение[122].

Таким образом, многочисленные города и крепости, сооруженные в приморской полосе Дагестана усилиями местных народов с участием Сасанидского Ирана, стали достоянием тех, против кого они были в свое время направлены. Хазары, судя по письменным источникам и археологическим исследованиям крепостных сооружений Урцекского и особенно Верхнечирюртовского городища, не только восстанавливают систему крепостных сооружений в Приморском Дагестане, но и дополнительно укрепляют их после каждого разрушения в результате арабских походов все той же техникой панцирной кладки стен. Более того, здесь появляется ряд новых основательно укрепленных городов и крепостей, в которых воплотились качественно новые приемы крепостного строительства.

Вторая группа памятников крепостного строительства прослеживается по остаткам оборонительных сооружений Сигитминского, Некрасовского, Шелковского городищ, крепости Тенг-кала и особенно на III этапе крепостного строительства Верхнечирюртовского городища. Все эти памятники укреплены массивными стенами из перемежающихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей (рис. 49). Подобная техника кладки стен является чуждой для местных строительных традиций и прослеживается лишь на памятниках Терско-Сулакского междуречья (рис. 50, *1—3*). Памятники кирпично-сырцового строительства известны главным образом в Дербенте (нижние слои) и в Закавказье[123]. Однако наиболее многочисленные сооружения кирпично-сырцового строительства представлены в Средней Азии. Комбинированной кладкой из сырцового кирпича и толстых прослоек глинобита возведены стены Афрасиаба, Пенджикента, Варахши и целого ряда других памятников Средней Азии[124], причем размеры

---

[122] История агван Моисея Каганкатваци, с. 126; *Ал-Баладзори.* Указ. соч., с. 7; Тарихи Дербенд-наме/Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, с. 27; *Ибн-Хордадбэ.* Указ. соч., с. 15; *Буниятов З. М.* О длительности пребывания хазар в Албании в VII—VIII вв.— Изв. АН АзССР, 1961, № 1, с. 21.

[123] *Кудрявцев А. А.* Указ. соч., с. 82—85.

[124] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 18—20; *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. с. 249.

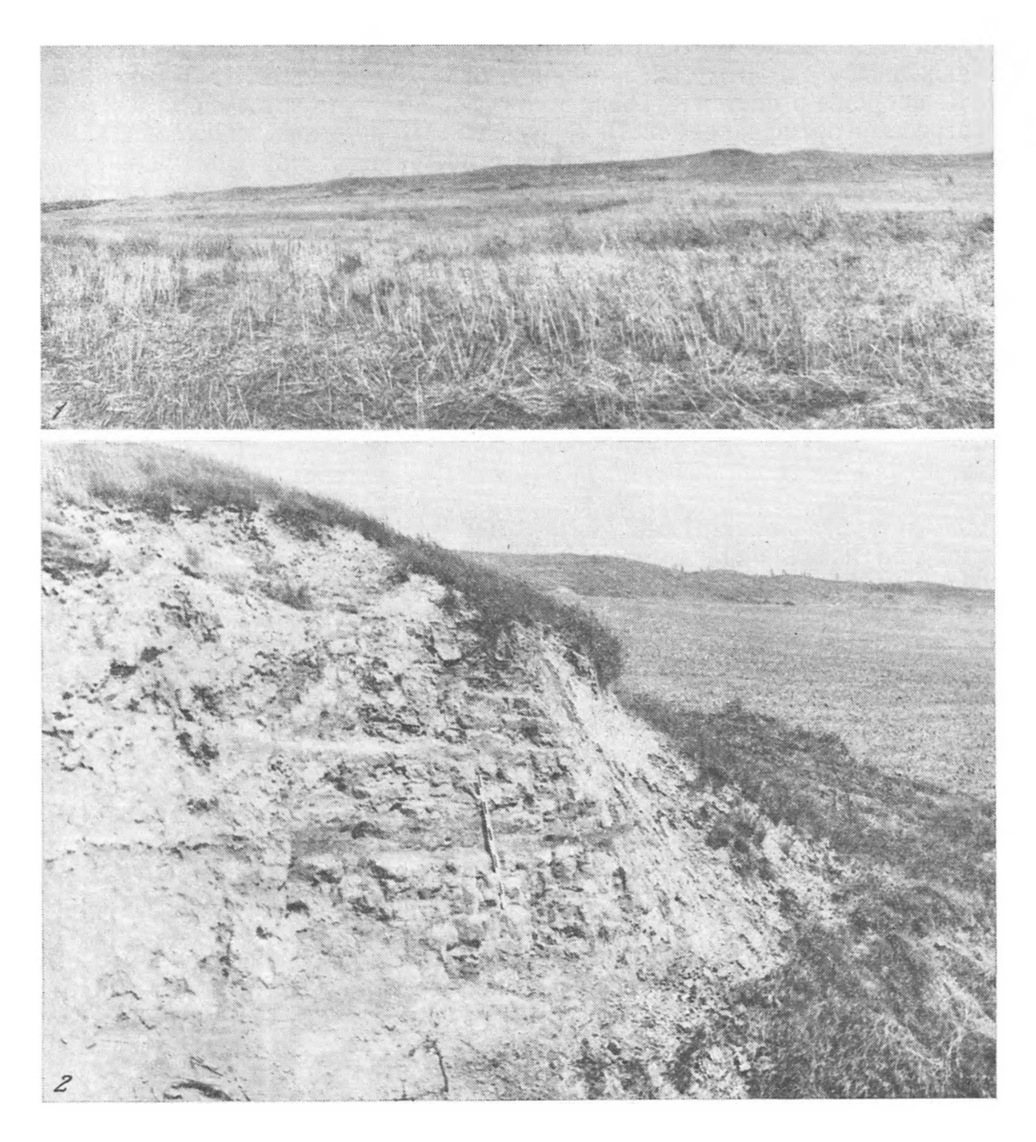

Рис. 50. Остатки оборонительных оружений Шелковского городища

1 — вид на городище; 2 — разрез вала

кирпичей этих памятников близки к модулю кирпичей крепостных сооружений Терско-Сулакского междуречья. Для них характерно и регулярное расположение башен на всем протяжении стен. Башни Сигитминского, Верхнечирюртовского и, по всей вероятности, Шелковского городищ не только достигали значительных размеров, но и имели уже округлую форму. По сравнению с предшествующей прямоугольной формой они менее уязвимы для стенобитных машин и расширяют угол об-

стрела стен. Располагаясь одна от другой на расстоянии 25 м (Верхнечирюртовские) и 40 м (Шелковские), башни превращаются в основные узлы обороны в системе укреплений и свидетельствуют о значительном прогрессе фортификационного искусства. Появление круглоплановых башен связывается исследователями с парфянской фортификацией, которая имела сильнейшее воздействие на фортификационную систему Сасанидского Ирана и Византии[125]. С этого времени они распространяются по Закавказью и на древнем Востоке[126]. По конструктивным особенностям и размерам башни крепостных сооружений Терско-Сулакского междуречья также тяготеют к фортификационным традициям Средней Азии[127]. Особенно выразительно их генетическая связь прослеживается по системе выносных башен, сохранившихся перед оборонительными стенами Верхнечирюртовского городища. Усиливая фланговый и обеспечивая тыльный обстрел вражеского авангарда, выносные башни выступают важным нововведением в фортификационном искусстве в VII—VIII вв. Башни, отделенные от крепостных стен, находят широкое применение в крепостном строительстве Средней Азии[128], особенно в фортификации Хорезма[129]. Они соединялись с основными стенами при помощи подъемных мостов[130]. Специальными перемычками соединены выносные башни и со стенами Верхнечирюртовского городища. В среднеазиатской архитектуре мы находим и аналоги антисейсмическим камышовым поясам верхнечирюртовских оборонительных сооружений. Они выполняли предохранительные функции от горизонтальных подземных толчков[131].

И, наконец, остатки жилых башен (донжонов), сохранившихся в крепостных стенах цитаделей Урцекского и Сигитминского городищ, также имеют аналогии в фортификации Средней Азии[132].

Следует отметить и особенности планировки некоторых памятников степной зоны Хазарии, которые имеют прямоугольную или округлую форму. Прямоугольная планировка у Некрасовского, отчасти Нурадиловского, Бараганчинского и Шелковского городищ. Правильная планировка памятников восходит к античным строительным традициям. Появление городов с правильной планировкой в Прикаспии также может быть связано с влиянием среднеазиатских традиций, где имеются многочисленные образцы прямоугольных городов начиная с парфянского времени. Однако не исключено и влияние градостроительного искусства

[125] *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация.— СА, 1963, № 2, с. 71.

[126] *Джиди Г.* Историко-археологический очерк крепости Гюлистан. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1962, с. 9; *Абдуллаев Х. П.* Указ. соч., с. 200; *Дьяконов М. М.* Очерки истории древнего Ирана. М., 1961, с. 241.

[127] *Кошеленко Г. А.* Указ. соч., с. 71; *Пугаченкова Г. А.* Парфянские крепости Южного Туркменистана.— ВДИ, 1952, № 2, с. 215; *Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б.* Указ. соч., с. 77.

[128] *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма.— Тр. ЮТАКЭ. М., 1958, VI, с. 48; *Пачос М. К.* К изучению стен городища Афрасиаб.— СА, 1967, № 1, с. 60.

[129] *Воронина В. Л.* Указ. соч., с. 49.

[130] *Толстов С. П.* Древний Хорезм, с. 169.

[131] *Бачинский Н. М.* Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.; Л., 1949, с. 32.

[132] *Воронина В. Л.* Указ. соч., с. 50—51; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Указ. соч., с. 21.

Византии, с которой Хазария была тесно связана договорными и династическими узами. Известно, что византийские специалисты оказывали хазарам содействие в крепостном строительстве. Участие Византии в постройке крепостей в Хазарии обеспечивало в конечном счете и безопасность самой империи[133]. Квадратная форма Шелковского городища напоминает римские военные лагери[134], трансформированные в условиях Хазарии византийскими специалистами. Традиции крепостного строительства и правильной планировки городов и крепостей, сложившиеся в Хазарии, продолжаются и за пределами Дагестана. Четырехугольную форму имеет Семикаракорское городище[135], Саркел[136], Маяцкое городище[137]. Однако во всех случаях они приспосабливаются к местному строительному материалу[138].

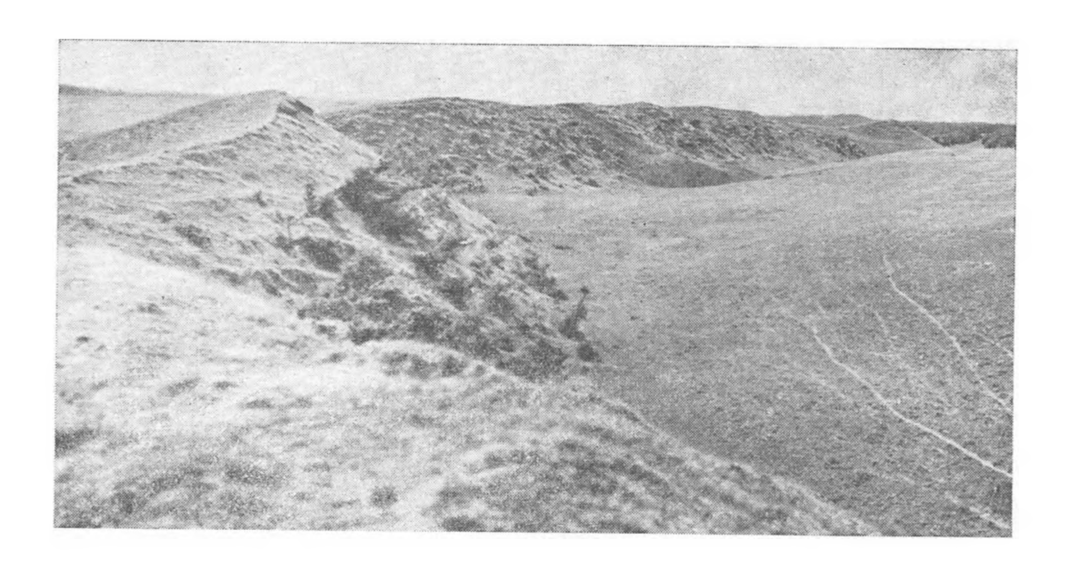
Памятниками кольцевой или овальной формы являются Новонадеждинское городище и крепости Герменчикская, Тенг-кала, Бораульская, Аркабаш, Андрейаульская. Все они имеют незначительные размеры и, судя по округлым формам и основательной укрепленности, напоминают феодальные замки, очевидно связанные с аристократическими семьями хазар. Построение лагеря по кругу — обычный способ защиты своего табора на случай внезапного нападения как у древних[139], так и у поздних кочевников[140].

Таким образом, не только в общих приемах, но и в отдельных деталях строительства фортификация древней Хазарии тяготеет к среднеазиатским традициям. Проводниками этих строительных традиций, были, очевидно, сами хазары, тесно связанные со среднеазиатским этнокультурным миром еще со времен Западнотюркского каганата. Однако местные строители, умело восприняв среднеазиатские достижения, приспосабливают крепостное строительство к местным условиям, что находит отражение в строительстве каменных оснований для сырцово-глинобитных стен, а также в удачном сочетании их с удобным для защиты рельефом.

На основе приведенных выше аналогий крепостные сооружения памятников второй группы датируются VII—VIII вв. Их разновидностью или трансформацией среднеазиатской глинобитной фортификации в местных условиях являются и оборонительные сооружения Андрейаульского городища, укрепленные системой глинобитных валов и рвов (рис. 51, 52). На отдельных участках в качестве их оснований использован речной булыжник. Один из трех въездов на городище был укреплен каменными четырехугольными башнями (рис. 53). Различные строительные приемы, применявшиеся в укреплениях городища,— показатель переплетения местных традиций каменного строительства с глинобитным. Оборонительными валами были также укреплены Новонадеждинское городище,

---

133 *Артамонов М. И.* История хазар, с. 201, 233, 298.
134 *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 1966, с. 169.
135 *Флеров В. С.* Работы на Семикаракорском городище.— АО 1974 г. М., 1975, с. 125.
136 *Артамонов М. И.* История хазар, с. 300.
137 *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 41.
138 *Артамонов М. И.* История хазар, с. 301; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 40.
139 *Аммиан Марцеллин.* История XXXI, 2, 18.
140 *Плетнева С. А.* О построении кочевнического лагеря — вежи.— СА, 1964, № 3, с. 133.

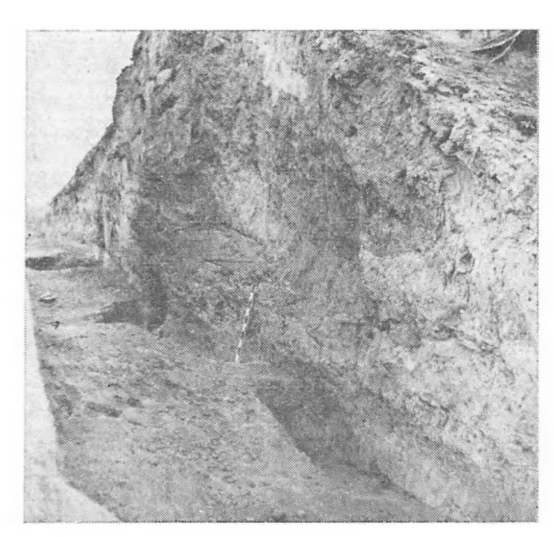

Рис. 51. Оборонительные валы и рвы Андрейаульского городища

Рис. 52. Разрез вала Андрейаульского городища

→

Рис. 53. Остатки башни у въезда на Андрейаульское городище

Герменчикская крепость и др. Однако поперечные разрезы валов здесь не производились, конструктивные их особенности не выяснены. Исключение составляют валы Новокулинского городища, укрепленные подобно Андрейаульскому системой валов и рвов [141].

Схожие по конструкциям оборонительные валы Новокулинского и Андрейаульского городищ, сооружение которых обусловлено особенностями рельефа местности, отражают локальные своеобразия этого вида раннесредневековой фортификации, которые за пределами Дагестана

[141] *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья, с. 144.

наблюдаются исключительно в степной зоне Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы [142].

Завершая характеристику всех групп крепостных сооружений древней Хазарии, следует отметить их многочисленность и грандиозность, свидетельствующие о высоком профессиональном мастерстве древних строителей и о значительном прогрессе раннесредневекового фортификационного искусства. Их строительство, очевидно, было возможно лишь при использовании подневольного труда значительных масс населения, пополнявшегося в результате беспрерывных войн раннесредневековой эпохи.

Хазарские строители не только умели возводить монументальные сооружения из необработанного и тесаного камня, сырцового кирпича и глинобита, но и знали секрет сейсмостойкого строительства. Наличие вокруг хазарских городов тщательно продуманной системы обороны со сложной планировкой и с различными техническими приемами строительства является свидетельством высокого уровня и широкого размаха строительства и говорит о специализации в этой отрасли ремесленного

производства. Возможно, что среди профессиональных строителей были и архитекторы, осуществлявшие руководство обширным фортификационным строительством в стране.

О мастерстве хазарских каменотесов свидетельствуют остатки церквей на Верхнечирюртовском городище. Алтарные постаменты и особенно фигурные кресты и стелы этих церквей, тщательно вырезанные из массивных песчаниковых монолитов, примечательны соразмерностью форм и выразительностью элементов их украшений. Для большей привлекательности мастера раскрасили их красной охрой.

---

[142] *Чеченов И. М.* Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965 г.— Учен. зап. КБНИИ, 1967, вып. XXV, с. 107; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 22.

Значительные достижения наблюдаются и в жилищном строительстве Хазарии.

Жилища и их внутренняя планировка — один из важнейших показателей культуры, а также ценнейший источник для изучения этнического состава населения древней Хазарии. Изучению жилищ кочевников и особенно памятников салтово-маяцкой культуры посвящен ряд трудов, в которых разработана стройная классификация их по типам[143]. Поскольку древности Приморского Дагестана по своей специфике во многом перекликаются с памятниками салтово-маяцкой культуры, мы вслед за выработанной для этих памятников классификацией подразделяем жилища Хазарии на юрты, полуземлянки и наземные жилища.

Этническая пестрота населения хазарских городов находит отражение в наличии на них остатков разнообразных по типам бытовых сооружений. Однако имеющиеся материалы не позволяют воссоздать полной картины их многообразия, поскольку во многих случаях сохранились лишь детали жилищ. Воссозданию их типов способствуют сведения письменных источников, в которых отмечаются наиболее характерные особенности этих сооружений у кочевников.

1. Археологические материалы показывают, что юрты и юртообразные сооружения были здесь наиболее распространенным типом жилья.

Косвенным подтверждением этого может служить специфика культурных напластований памятников Терско-Сулакского междуречья. Раскопки выявили здесь значительные, достигающие 2—4 м толщины культурные отложения, насыщенные золой и другими бытовыми остатками. При этом почти не обнаружено каменных или сырцово-глинобитных остатков жилья. Подобная специфика культурных напластований не оставляет сомнения, что наиболее распространенным типом жилья в городах были легкие наземные постройки, плетенные из дерева и покрытые войлоком или обмазанные глиной. Очертания и внутреннее их устройство проследить очень трудно. Об их бытовании на памятниках можно судить лишь по отдельным деталям. Например, при раскопках центральной части крепости Тенг-кала в толще рыхлой золистой супеси нередко прослеживались прослойки глинобита толщиной 10—25 см с включениями обожженных глиняных комов золы и древесных угольков. Диаметры этих прослоек составляют около 3 м. Подобные глинобитные прослойки, очевидно, являются остатками полов юртообразных жилищ. На это указывает и значительная концентрация над ними керамики. В средней части их обычно наблюдаются следы интенсивного воздействия огня, образовавшиеся на месте расположения очагов открытого типа.

Глинобитные полы овальных очертаний прослежены и на Верхнечирюртовском городище. Они также достигают до 3 м в диаметре, вокруг них расположены хозяйственные ямы.

Наиболее выразительные остатки глинобитных полов юртообразных жилищ прослежены на Андрейаульском городище. В средней их части

---

143 *Харузин Н. Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. СПб., 1896, с. 12; *Белецкий В. Д.* Жилища Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 51.

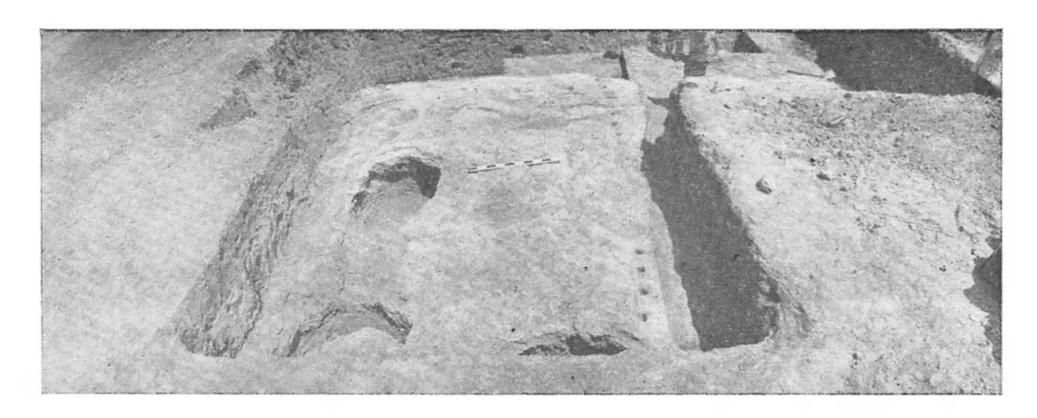

Рис. 54. Остатки юртообразного жилища с хозяйственными ямами (Андрейаульское городище)

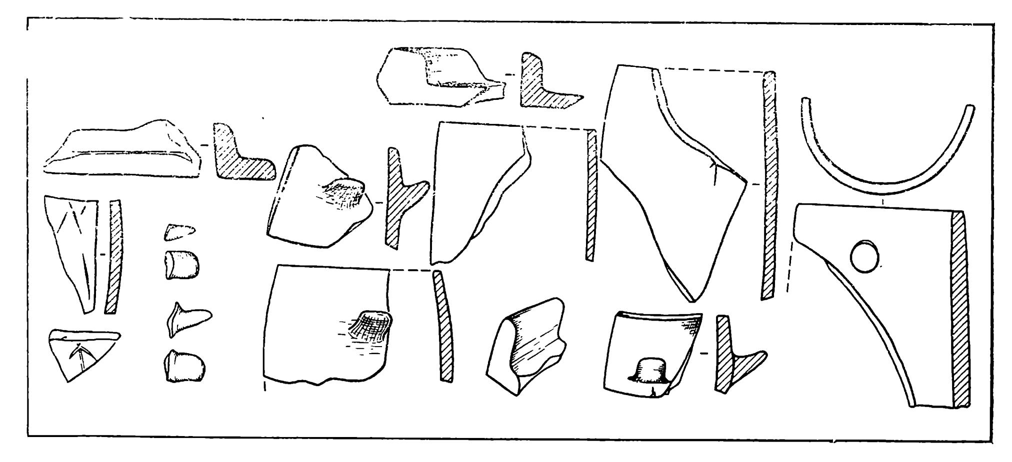

Рис. 55. Фрагменты желобчатой черепицы

сохранились следы слегка углубленных очагов открытых типов размерами 40×60 см. Полы жилищ обычно покрыты слоем золы и угольков от сгоревших деревянных каркасов юрт. На месте жилищ наблюдаются скопление керамики и вырытые по их краям хозяйственные ямы. По своим размерам они относятся к наиболее простому типу юрт, детально исследованному на памятниках салтово-маяцкой культуры[144]. Более крупные варианты этой категории юрт также исследованы на Андрейаульском городище, где удалось проследить утрамбованные глинобитные основания четырех жилищ. Судя по скоплениям обломков турлучной обмазки, юрты имели четырехугольную форму с округленными углами. Размеры их — 5×3,5 м. Очертания их прослеживаются и по периметру сохранившихся небольших ямок от кольев каркаса (рис. 54). Они до-

[144] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 52.

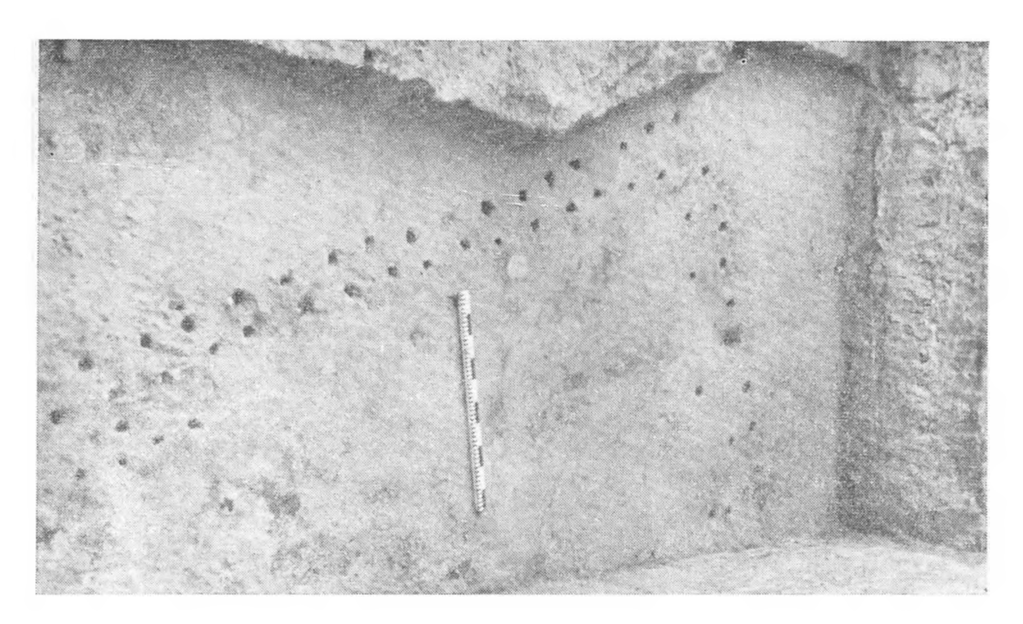

Рис. 56. Очертания жилища с двойным каркасом

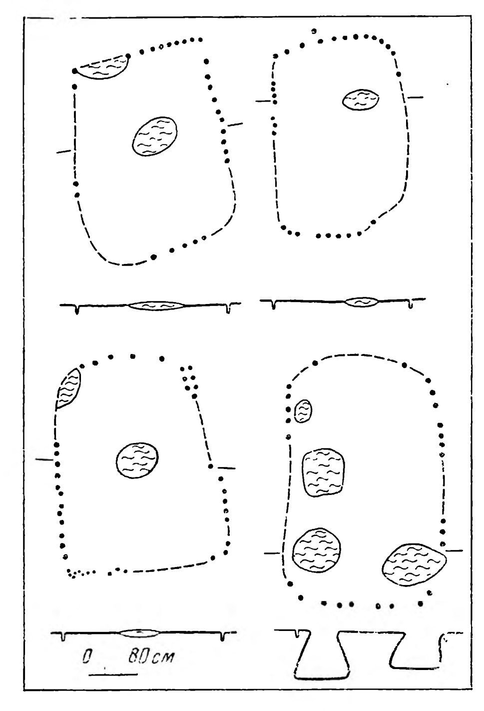

Рис. 57. Типы юртообразных жилищ Андрейаульского городища

стигают 3—5 см в диаметре и 7—15 см глубины. Можно думать, что это были жилища не шалашеобразные, а так называемые решетчатые и, судя по размерам, более благоустроенные. Примечательно, что юрты по своим формам напоминают кибитки. В центре их сохранились сильно прокаленные тарелкообразные углубления от очагов открытого типа. В одной из юрт имелись три хозяйственные ямы: у западной стенки и в углах с южной стороны жилища. Северная часть юрты шириной около 2 м была слегка приподнята над остальным уровнем путем утолщения глинобитного основания пола и служила, очевидно, лежанкой. Усложненные каркасные жилища сохранились и на цитадели городища. Остатки двух таких жилищ четко прослеживаются по периметру гнезд каркаса, укрепленных камнями, а также по скоплению обломков турлучной обмазки. Жилища достигают размеров 5×

×4 м и примечательны тем, что были накрыты желобчатой черепицей (рис. 55), остатки которой разбросаны по всей их площади. Жилища с черепичной крышей являются первой подобной находкой не только на городище, но и во всем Приморском Дагестане к северу от Дербента. Прямые многочисленные аналогии андрейаульской черепице с небольшим кончиком в средней узкой части имеются в Закавказье. Черепицу подобной формы считают грузинской по происхождению и относят к раннесредневековому времени [145]. Находки черепиц на Андрейаульском городище свидетельствуют не только о влиянии закавказских строительных традиций, но и о значительно возросшем уровне домостроения в Хазарии, обусловленном прочной оседлостью быта горожан.

Строительство легких плетеных турлучных жилищ усложненных конструкций прослеживается на городище в слоях, связанных с основателями Андрейаульского поселения II—III вв. Их очертания определяются по ямкам от кольев каркаса. Интересно, что некоторые из них имели двойные каркасы, от которых сохранилось по два ряда гнезд, расположенных на расстоянии 15—25 см друг от друга (рис. 56). В них наблюдалось значительное скопление прокаленных обломков турлучной обмазки и других бытовых остатков. Жилища имели четырехугольную с округлыми углами форму (рис. 57) и представляли собой плетеные каркасные сооружения, обмазанные глиной. Их утепляли при помощи наружных каркасов, также обмазанных глиной. В равнинной части Дагестана и Северного Кавказа этот непритязательный тип жилища был наиболее распространен у всех племен и народов [146]. Об упрощенных вариантах подобных жилищ у кочевников в Приморском Дагестане свидетельствуют сирийские источники, в которых указано, что кочевники «живут в палатках» [147]. Описание жилищ у хазар дает Ибн Хаукаль. Он пишет, что «жилища их были хижины, а постройки их плелись из дерева и замазывались сверху» [148]. О специфике жилищ Андрейаульского городища можно составить представление и по сообщению аль-Асира, в котором описывается подход Джарраха против хазар. Джаррах, по аль-Асиру, овладев несколькими поселениями в стране Беленджер, расположился у большого города Вабандар, в котором было около 40 тыс. «тюркских домов». Интересно, что Вабандар был первым крупным городом, встретившимся Джарраху по пути на север после Беленджера. Наиболее крупным памятником, расположенным в 20 км к северу от Верхнечирюртовского городища, является Адрейаульское городище, мимо которого, очевидно, не мог пройти Джаррах. На полуторакилометровом протяжении городища могло разместиться огромное количество «тюркских домов», представлявших собой небольшие по размерам турлучные сооружения и юрты. Поэтому нам представляется, что под названием Вабандар следует подразумевать остатки Андрейаульского городища [149].

---

[145] *Апакидзе А.* Города древней Грузии. Тбилиси, 1958, с. 79—83, рис. 24.

[146] *Нечаева Л. Г.* О жилище кочевников Юго-Восточной Европы в железном веке.— В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 7.

[147] *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории СССР, с. 165.

[148] *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 220.

[149] *Атаев Д. М., Магомедов М. Г.* Указ. соч., с. 138.

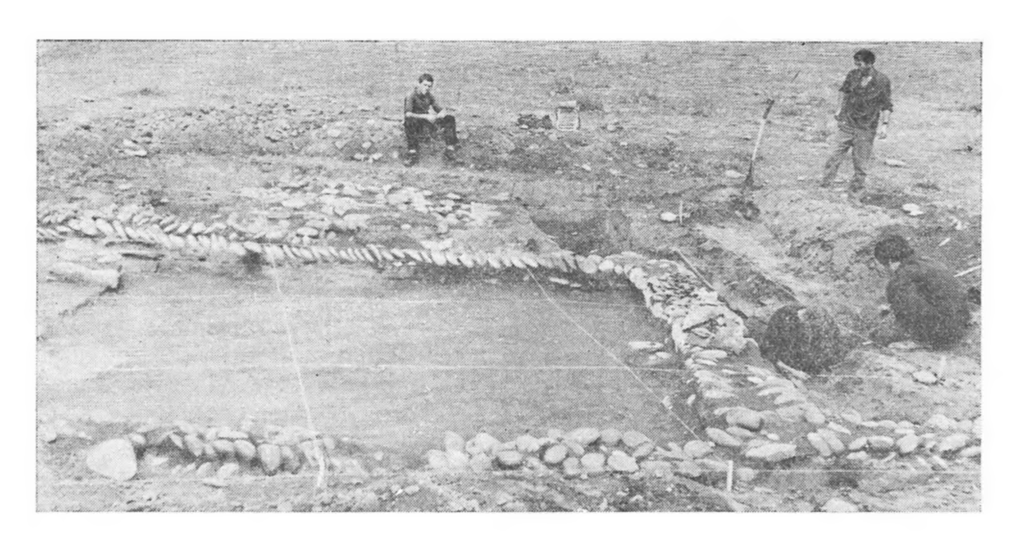

Рис. 58. Остатки юртообразных жилищ на каменном основании (Верхнечирюртовское жилище)

В некоторых случаях турлучные и юртообразные жилища были углублены в землю и представляли собой полуземлянки. Подобное жилище выявлено на поселении Чупалав-тюбе [150]. Углубленные в землю юртообразные жилища широко распространены на салтово-маяцких памятниках Волго-Донского бассейна, поскольку они более утеплены по сравнению с наземными жилищами [151].

2. Усложненным вариантом юртообразных жилищ являются остатки сооружений, исследованных на Верхнечирюртовском поселении к северу от городища. Здесь раскопаны основания трех жилищ, возведенные из речного булыжника путем кладки стен «елочкой» на глиняном растворе (рис. 58). Сохранившаяся высота стен—20—40 см. Толщина их— около 0,6 м. Все три помещения — смежные, имеют подчетырехугольные очертания, углы их округлены [152]. Вокруг и внутри этих помещений не сохранилось развалов верхних ярусов стен или следов растекшейся глины за исключением небольших кусков турлучной обмазки. Их и не могло быть, поскольку из речного булыжника даже на глиняном растворе невозможно соорудить прочные стены для жилищ. Поэтому очевидно, что сохранившиеся стены являются основаниями надстроенных сверху легких каркасных юртообразных сооружений, обмазанных глиной по бокам.

В первом жилище размерами 6×5 м, расположенном южнее других, сохранилась лежанка шириной около 2 м из речных валунов на глиняном растворе, пристроенная к южной стене помещения. На утрамбован-

---

[150] *Федоров Я. А.* Хазария и Дагестан.— КЭС. М., 1972, вып. 5, с. 39.
[151] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 53.
[152] *Магомедов М. Г.* Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1970 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 288, с. 44.

ном полу в центре помещения имелось прокаленное пятно от очага открытого типа со скоплением керамики, костей и золы. Такое же скопление сохранилось в юго-западном углу помещения, где оно было заключено между стеной помещения и небольшой пристройкой из речных булыжников. Очаг здесь, очевидно, представлял собой обогревательный камин.

Северная стена помещения являлась общей со вторым двухкамерным жилищем, пристроенным к нему сбоку. Площадь несколько вытянутой к северу восточной камеры составляет 6×3,75 м, западной — 5,5×4,5 м. Их разделяет стена с дверным проемом. Восточная камера выделяется обилием выявленной в ней керамики, в том числе остатками вкопанных в пол крупных сосудов вдоль южной и северной поперечных стен. Найдены здесь и обломки ручных жерновов. Следов очага в помещении не обнаружено, что наряду со вкопанными в землю сосудами для хранения продуктов и обломками жерновов может свидетельствовать о подсобном его назначении. Жилая камера с округленными углами примыкает к нему с запада.

В целом оба исследованных жилища отличаются от рассмотренных выше усложненной конструкцией, наличием каменных оснований и относительно большими размерами. В них заметно переплелись традиции местного каменного строительства и юртообразных жилищ. Подобные жилища, сооруженные на цоколях из булыжника, в том числе и разделенные перегородкой на две части и с очагами открытых типов, появляются на памятниках салтово-маяцкой культуры в VIII—IX вв. Они распространяются среди кочевников с переходом их к оседлости после привычной юрты. В основной массе подобные жилища принадлежали бедным жителям, не имевшим достаточного количества скота для изготовления войлока, покрывавшего каркас юрты [153]. О принадлежности верхнечирюртовских жилищ наиболее бедным слоям населения свидетельствует и их расположение на окраине Верхнечирюртовского городища, за чертой оборонительных стен.

3. Особый тип жилищ составляют бытовые сооружения из сырцового кирпича. Остатки такого жилища были частично раскопаны на Некрасовском городище, где выход подпочвенных вод исключает возможность детальных исследований. Жилище было возведено из кирпича длиной 0,4—0,45 м и толщиной 6—8 см на глиняном растворе. Судя по размерам заложенного здесь раскопа, внутренняя площадь жилища составляла более 4×4 м. Наряду с многочисленной керамикой и костями животных в нем выявлены остатки своеобразного очага, расположенного в северо-западном углу. От очага сохранилась часть глинобитной сильно прокаленной площадки с ограниченной по краю округлой валообразной полосой диаметром около 60 см. Рядом с очагом стояло корытообразное глинобитное сооружение размерами 60×45×26 см, наполненное золой без посторонних примесей [154].

Наличие на Некрасовском городище, помимо юртообразных сооружений, жилищ из сырцового кирпича свидетельствует о смешанном со-

[153] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 62—63.
[154] *Магомедов М. Г.* Отчет о работе Северного отряда ДАЭ в 1969 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 273, с. 16.

ставе его населения. Смешение различных строительных приемов вообще чрезвычайно характерно для поселений кочевников, где сосуществовали полуземлянки и юрты, глинобитные дома и юрты [155].

4. Все рассмотренные типы жилищ сосуществовали на памятниках предгорного Дагестана с сооружениями, возведенными из камня. Однокамерные и многокамерные жилища из камня исследованы на Сигитминском, Бавтугайском, Верхнечирюртовском и других городищах [156]. Они возводились из необработанного камня, иногда с включением булыжника в основание стен, и выделялись сложностью конструкций и планировки. Жилой комплекс, исследованный на Верхнечирюртовском городище, состоял из пяти помещений жилого и хозяйственного назначения. Многокамерные жилища из плитняка и уклад булыжника «елочкой» в нижних ярусах стен выявлены на Сигитминском городище, Миатлинском поселении и др. А на Урцекском городище многокамерные комплексы нередко имели два этажа — с верхними жилыми и нижними подсобными помещениями. Печи в помещениях обычно сложены из камня, имеют прямоугольную форму и расположены, как правило, в одном из углов (рис. 59). Восходящие к эпохе бронзы и сохраняющиеся поныне [157] традиции каменного домостроения несомненно связаны с местным оседло-земледельческим населением. Однако интересно отметить, что в некоторых жилищах на Сигитминском и Бавтугайском городищах сохранились очаги простейших конструкций. Они представляют собой тарелкообразные сооружения открытого типа, иногда обмазанные глиной. Диаметры их составляют 0,4—1,0 м, глубина 5—15 см. В отдельных случаях подобные очаги бывают обложены валунами [158]. Наличие в каменных жилищах открытых тарелкообразных очагов, характерных для юртообразных жилищ кочевников, также является свидетельством перехода отдельных групп кочевников к традициям местного домостроения или смешанного состава обитателей городищ. Подобная возможность особенно подтверждается исследованиями на цитадели Урцекского городища (гуннского Варачана). Вся площадь цитадели здесь застроена каменными жилыми и хозяйственными комплексами, в которых несомненно проживала привилегированная часть гуннского общества. И поэтому не случайно, что в жилых помещениях на цитадели наряду с каменными печами встречаются очаги открытого типа, связанные с традициями кочевого быта.

Таким образом, и в остатках такого важного элемента материальной культуры, как жилища, наряду с чисто кочевническими и местными традициями домостроения наблюдаются тенденции к их смешению и становлению наиболее рационального в условиях Приморского Дагестана типа жилищно-бытовых сооружений.

5. Неотъемлемым элементом исследованных нами юртообразных жилищ являются глубокие и емкие хозяйственные ямы, которые устраивались, как правило, рядом с жилищами. На исследованных памятниках

---

[155] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 63.
[156] *Путинцева Н. Д.* Указ. соч., с. 33.
[157] *Никольская З. А.* Из истории аварского жилища.— СЭ, 1947, № 2, с. 157.
[158] *Пикуль М. И.* Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г., с. 75—76.

Рис. 59. Жилое помещение на цитадели Урцекского городища

(Верхнечирюртовском и особенно Андрейаульском городищах) они не только многочисленны, но и разнообразны по формам (конусовидные, колоколовидные и очковидные (рис. 60).

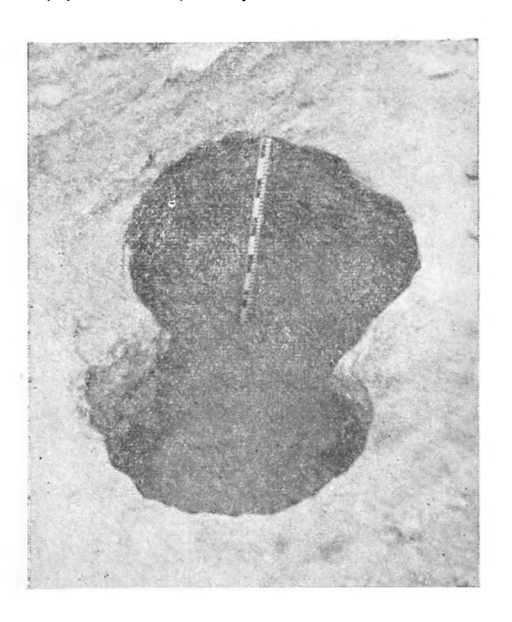

Рис. 60. Остатки хозяйственной ямы (Верхнечирюртовское городище)

Наиболее распространенным типом являются конусовидные ямы, которые вырыты обычно в плотных слоях материковой глины. Дно и стенки их тщательно выровнены, размеры в среднем следующие: диаметр устья — 0,6—1,0 м, диаметр дна — 1,2—1,8 м, глубина — 1,0—1,5 м. На Андрейаульском городище обнаружены отдельные ямы глубиной около 2,5 м и диаметром по основанию до 2 м, с тщательно заглаженными стенками. В отдельных случаях стенки бывают специально обожжены[159]. Ямы заполнены прослойками золы, углей, глины, попавшими в них с прекращением жизни на этих памятниках. Стратиграфия наполнений некоторых небрежно устроенных ям с четко выраженными последовательно нараставшими линзами золы и других бытовых остатков свидетельствует об их использовании в качестве помоек. Основная же масса ям представляла собой

[159] *Путинцева Н. Д.* Указ. соч., с. 39.

своего рода «холодильники», предназначенные для хранения продуктов. Это подтверждают находки обуглившихся зерен и даже остатков муки на дне отдельных ям [160].

У юртообразного жилища на Андрейаульском городище были вырыты сразу три ямы. Одна из них, судя по характеру наполнения, являлась помойной. Наличие еще двух ям у помещения может свидетельствовать о различиях хранившихся в них продуктов. В одной из них, по всей вероятности, хранилось зерно, а в другой — мясные и молочные продукты. О тщательности устройства этих ям-хранилищ свидетельствует своеобразная их конструкция. Устья ям, выходящие на уровень рыхлых культурных отложений, укреплены глинобитом, исключавшим возможность обвалов и осыпей. С этой целью над ямами, очевидно, сооружались и специальные навесы.

Колоколовидные ямы являются разновидностью конусовидных и отличаются от них значительно расширенными основаниями. Подобная конструкция является следствием специального увеличения площади ямы для хранения продуктов в наиболее прохладной донной ее части.

Очковидные или восьмеркообразные в плане ямы, как и колоколовидные, составляют незначительный процент в общей их массе и представляют собой более сложные конструкции конусовидных ям. В боковой стенке донной их части пробит вход во вторую, более глубокую яму, которая является подбоем по отношению к верхней. Они имеют в плане восьмеркообразную форму и выступают двойными, расположенными на разных уровнях погребами.

Следует отметить особую концентрацию хозяйственных ям у оборонительных стен Верхнечирюртовского городища. Здесь в 15—20 м от его стен тянется целая полоса конусовидных и нередко восьмеркообразных в плане хозяйственных ям, вырытых столь компактно, что исключается возможность бытования между ними иных сооружений. Остатки последних обнаружены к западу от полосы хозяйственных ям [161]. Подобная концентрация их вдоль стен, возможно, связана с задачами обороны городища. Сосредоточенные у оборонительного рубежа, они выступают своеобразными складскими помещениями, в которых хранились продукты, необходимые для защитников поселения. Самые разнообразные по типам и приемам устройств хозяйственные ямы, в том числе и тщательно устроенные складские помещения у оборонительных сооружений, представлены и на многочисленных памятниках салтово-маяцкой культуры [162]. Они, как и в Приморском Дагестане, связаны со спецификой быта оседавших на земле кочевников.

Отсутствие материалов не позволяет нам воссоздать внутреннюю планировку хазарских городов и поселений в Дагестане. Судя по исследованиям на Верхнечирюртовском и Андрейаульском городищах, можно предположить, что она была бессистемной. И это характерно для поселений оседавших кочевников [163].

---

[160] Там же.

[161] *Магомедов М. Г.* Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1973 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 346, с. 8.

[162] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 65—66.

[163] Там же, с. 69.

Глава четвертая

РЕЛИГИЯ

Вопрос о религиозных воззрениях народов Хазарского каганата слабо освещен в литературе. Немногочисленные отрывочные сведения источников по этому вопросу являются причиной отдельных тенденциозных суждений о характере иудейства в Хазарии.

Археологические исследования в Приморском Дагестане дали ценные материалы, проливающие свет на специфику религиозных представлений народов Хазарского каганата, которые дополняются сведениями письменных источников.

О религии основной массы населения Хазарии сообщает Ибн Хаукаль. Он пишет, что «...царь и приближенные его — иудеи, а большая часть обычаев их — обычаи язычников» [1]. О том, что «все остальные хазары исповедуют веру, схожую с верой тюрок», сообщает Ибн Руста, Гардизи, Димашки и др. [2] О характере языческих религий ценные сведения сообщает Моисей Каганкатваци, который дает наиболее полное описание религии гуннов (Варачана). Гунны, как отмечает Моисей Каганкатваци, обожествляли все творения природы, которые в глазах их казались удивительными. Они приносили жертву солнцу, луне, огню, воде, поклонялись богам путей [3]. Особым почитанием у них пользовался бог неба и света Тенгрихан. Ему приносили в жертву коней, кровью которых «поливали вокруг священных деревьев, а голову и кожу вешали на сучья» [4]. По имени этот бог соответствует владыке неба Тенгри, известному всем кочевникам Азии [5]. Символическое изображение культа единого божества Тенгри — солнечные амулеты носили гунны Варачана [6], и были они распространены по всему Хазарскому каганату [7].

Кроме священных деревьев и рощ, у гуннов были капища и идолы, а также служители культа: жрецы, колдуны, чародеи и знахари [8]. Они устраивали «дикие пляски и битвы на мечах в нагом состоянии», и все это сопровождалось «звоном и грохотом барабанов» [9].

Религия гуннов в характерных формах жертвоприношений и идоло-

---

1 *Ибн-Хаукаль.* Книга путей и стран/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 108.
2 *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 146—147.
3 История агван Моисея Каганкатваци/Пер. К. Патканьян. СПб., 1861, с. 193—194.
4 Там же, с. 200—202.
5 *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 187.
6 История агван Моисея Каганкатваци, с. 205.
7 *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1976, с. 34.
8 История агван Моисея Каганкатваци, с. 200—206.
9 Там же, с. 193.

поклонства была распространена и среди хазар [10]. О жертвоприношениях и особенно о культе огня у хазар имеются многочисленные сведения [11]. Не только в древности, но еще и в IX—X вв. значительная часть хазар исповедовала старую языческую религию [12].

Следы языческих культов и обрядов находят яркое отражение в археологических материалах из Приморского Дагестана. Широко распространившимся культом солнца и огня среди кочевников можно объяснить специфику культурных отложений (рис. 61) и особенно зольников, сохранившихся на памятниках. На Урцекском городище (Варачане), жилищно-бытовые сооружения которого возведены исключительно из камня, сохранились массивные зольники, которые расположены в черте города. Подобная специфика памятников может являться свидетельством почитания огня их обитателями (рис. 62). Очаг для кочевников был священным местом, поэтому выкид из него собирали в особые для каждого жилища кучи [13].

С языческими культами связаны кабаньи клыки, онгоны, а также зубы собаки и волка, в том числе и просверленные, встречающиеся в культурных отложениях памятников, особенно Андрейаульского городища. Подобные амулеты-обереги широко распространены на салтово-маяцких памятниках [14]. Среди них есть аналогии и амулетам в виде птиц, мышек, масок [15], найденных в погребениях верхнечирюртовских могильников. Языческий характер погребального ритуала довольно наглядно отражают и сами погребальные сооружения кочевников древней Хазарии. В основной своей массе они представлены языческими по происхождению сооружениями (катакомбы, подбои, склепы). Интересно отметить, что исследования Верхнечирюртовского курганного могильника дают возможность выяснить и происхождение наиболее распространенного здесь катакомбного погребального сооружения. В некоторых из курганов (20, 61, 66[а]) сохранились своеобразные детали устройства сводчато-двускатных потолков катакомб. В поперечных стенках этих катакомб уцелели вырезанные в толще материка дугообразные выступы, имитирующие дуги кибиток, на которые опираются их потолки. Эти детали внутреннего интерьера катакомб проливают свет на их происхождение. Погребенные здесь помещены в своеобразные кибитки, которые заменили им традиционные земные жилища, какими для кочевников служили кибитки. Кочевники верили в загробную жизнь. Поэтому они клали в могилу вещи покойника, принадлежавшие ему при жизни. А наиболее богатых покойников сопровождают в загробную жизнь и кони, захоронения которых производились в дромосах или непосредственно перед погребальной камерой.

Отголосками культа солнца и огня в погребальном обряде у тюркоязычных народов может являться угольная подсыпка, прослеженная во многих катакомбах верхнечирюртовских могильников. С языческим

[10] *Ибн-Хаукаль*. Указ. соч., с. 108.
[11] *Заходер Б. Н.* Указ. соч., с. 146—150.
[12] Там же, с. 165; *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 411.
[13] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 68.
[14] Там же, с. 172.
[15] Там же, с. 172, рис. 47.

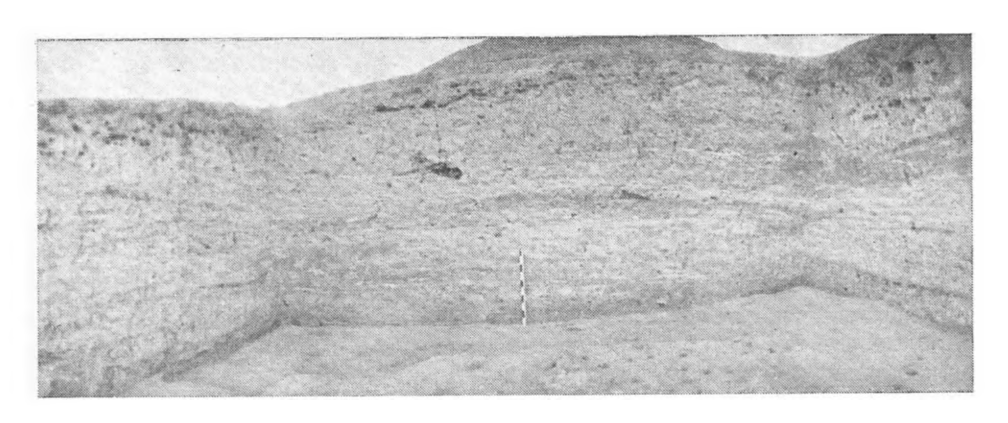

Рис. 61. Культурные отложения Андрейаульского городища

Рис. 62. Стратиграфия культурных отложений Андрейаульского городища

1 — гумус; *2* — золистая супесь; *3* — суглинок; *4* — обожженная прослойка глины; *5* — зольные прослойки; *6* — угольные прослойки; *7* — прослойки глины; *8* — материк; *9* — прослойка глины

культом солнца связаны и бронзовая фигурка всадника, найденная на Урцекском городище, а также солнечный амулет из Верхнечирюртовского грунтового могильника [16].

[16] *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник (Предварительное сообщение).— МАД. Махачкала, 1961, т. II, с. 259, рис. 9, *1*.

Таким образом, языческие верования населения древней Хазарии, засвидетельствованные в письменных источниках, находят подтверждение в самых разнообразных археологических материалах исследованных здесь памятников. Причем пережиточно сохранившиеся их остатки до сих пор имеют место в этнографической действительности народов Дагестана [17].

Однако большие достижения в социально-экономическом развитии древней Хазарии, прослеживаемые на обширных археологических материалах, неизбежно повлекли за собой и изменения в духовной жизни общества. Многочисленные языческие культы, существовавшие среди кочевников, уже не соответствовали качественным изменениям социально-экономической структуры каганата. В Хазарии началась борьба мировых религий (христианства, ислама и иудаизма), стремившихся подчинить хазар своим политическим интересам [18]. Проникновению монотеистических религий в Хазарию способствовали не только успехи внутреннего развития, но и широкие политические и торгово-экономические связи с внешним миром, а также известная веротерпимость в каганате, где сосуществовали различные идеологии и культы. Наиболее постоянным было проникновение христианства, распространявшегося здесь из Закавказья и Византии. О значительных успехах закавказских миссионеров в зарождавшейся Хазарии свидетельствуют остатки двух церквей, выявленных на некрополе Верхнечирюртовского городища [19].

Церковь 1 расположена в центре наиболее многочисленной группы курганов на восточной стороне могильника. Остатки церкви представляли собой курганообразное возвышение размерами 25×20 м и высотой 1,2 м, под которым скопились завалы ее разрушенных стен. Их расчистка позволила выявить основания стен, возведенных из камня (ракушечника) мелкого и среднего размера на глиняном растворе. Стены церкви сохранились на высоту от 0,2 до 1 м. Они возведены без фундамента, непосредственно по древней поверхности. Наружные очертания церкви имеют прямоугольную форму (15×7,5 м). Ломаные внутренние контуры ее воссоздают в плане форму двойного креста (рис. 63). Подобная планировка достигнута путем утолщения стен на отдельных участках. Например, восточная часть продольных и небольшие отрезки поперечных стен у входа в церковь утолщены до 2 м, в виде пилястров, а на других отрезках они составляют лишь 0,8 м толщины. Ориентирована церковь по длине с запада на восток, с некоторым отклонением к северо-востоку.

В церковь вели два входа шириной 1,2 м, проемы которых сохранились с южной и западной сторон. Пол церкви глинобитный, плотно утрамбованный. В средней его части на светло-сером фоне выделялось обширное пятно (диаметром около 1,5 м) бледно-красного цвета.

Помимо оригинальной формы, церковь примечательна и интересными находками, которые в большинстве своем были сделаны в восточной

---

[17] *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961, с. 322.
[18] *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 262.
[19] *Магомедов М. Г.* Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта.— СА, 1979, № 3, с. 186.

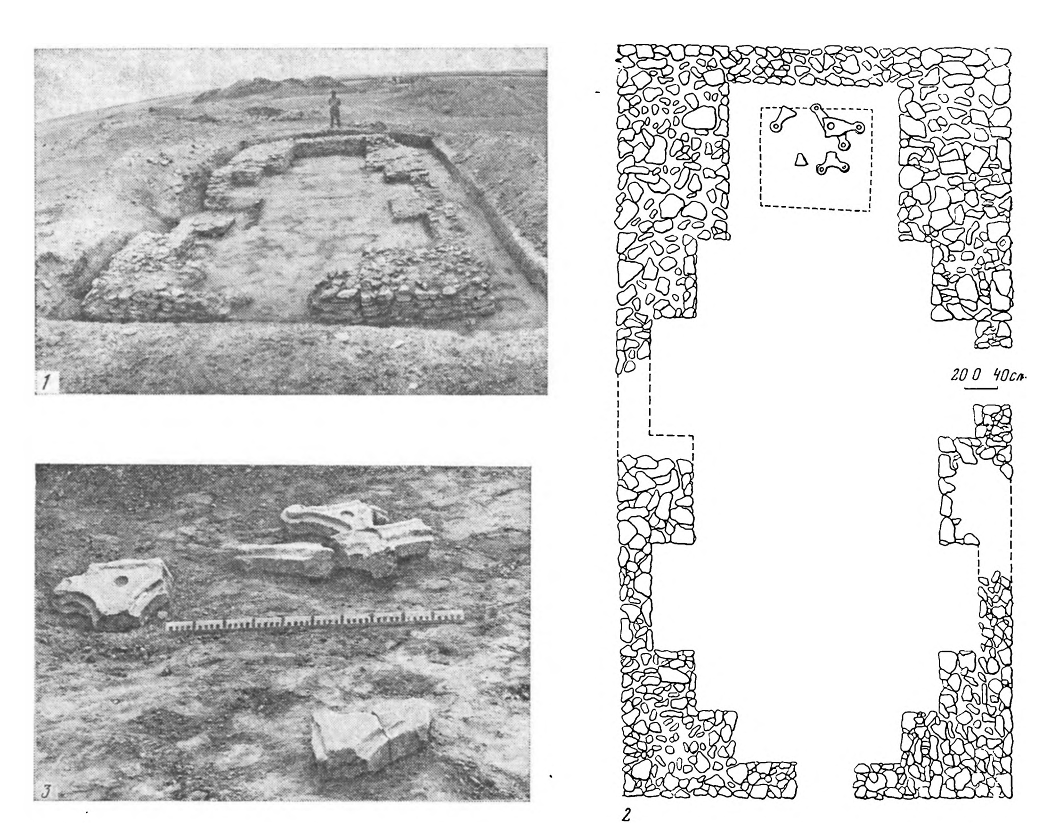

Рис. 63. Остатки церкви 1

1 — остатки церкви; *2* — план церкви; *3* — обломки креста

ее стороне, между двумя наиболее массивными отрезками стен, на площади около 3×3 м, которая представляла собой алтарную часть. Она выделялась на фоне остальной площади церкви вымосткой пола сырцовыми кирпичами. Несмотря на основательную деформацию, удалось проследить форму и размеры кирпичей, выделявшихся различными оттенками. Наиболее часто среди них встречались экземпляры размерами 40×20×10 см. Реже были использованы кирпичи квадратной формы размерами 30×30×10 см. В центре пола алтаря выделялся квадрат размерами 1,4×1,4 м, который был вымощен тремя крупными блоками из песчаника. Размеры их составляли (1,0×0,33×0,23; 0,8×0,37×0,2; 0,4×0,33×0,2 м. Блоки были уложены вровень с уровнем пола в 1,5 м от восточной стены церкви. На месте недостающего четвертого блока были сырцовые кирпичи. Блоки использованы, видимо, в качестве основания алтарного постамента, однако остатки самого постамента не сохранились.

Вокруг предполагаемого основания постамента вдоль стен восточной части церкви сохранились небольшие ямы диаметром и глубиной около 20 см, которые выделялись рыхлым наполнением на утрамбован-

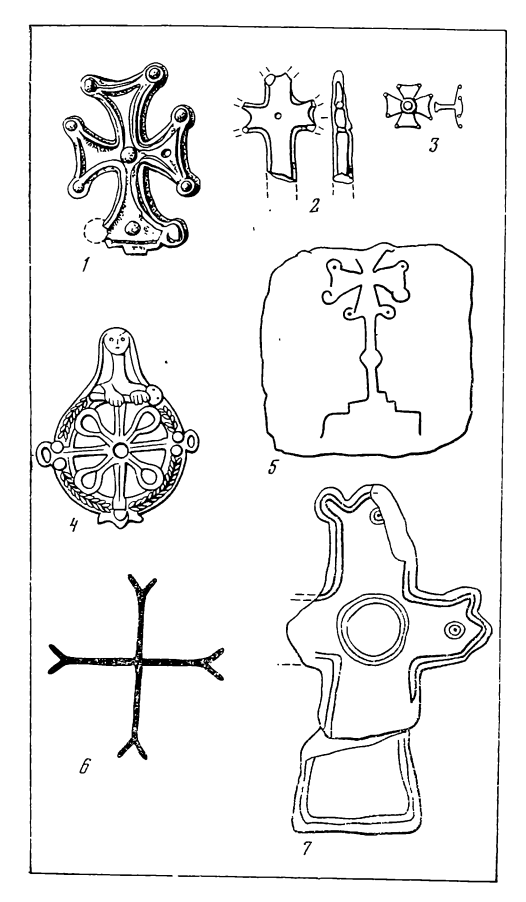

Рис. 64. Христьянские древности Хазарии

1 —крест из церкви 1; *2* — керамический крест; *3* — золотой крест из погребения; *4* — бронзовый медальон с изображением богородицы; *5—7* — кресты из горного Дагестана

ном полу. Они были расположены на расстоянии 1 м друг от друга и в 10 см от стен церкви. Четыре углубления прослежены вдоль восточной стены и по три — по бокам. Эти ямы — гнезда столбов (деревянных колонн), вероятно от алтарной преграды.

Наиболее интересными находками, выявленными на полу алтаря, являются разбросанные обломки трех различных крестов, вырезанных из песчаника. Из них полностью восстанавливается крест, вырезанный из цельного монолита светлого песчаника. Он достигает 1 м высоты и 0,8 м ширины при толщине 12 см и имеет так называемую мальтийскую форму (рис. 64, *1*). С лицевой стороны крест был украшен рельефной лентой, обрамляющей его ветви. На концах ветвей имеются закругления с вырезанными в них кругами, такие же круги вырезаны в центре и во всех расширяющихся частях ветвей. Наиболее крупным из них является центральный круг, диаметр которого составляет 10 см. Внутри этих кругов прослеживаются остатки следов алебастра. Видимо, крест был инкрустирован стеклами или бляшками из драгоценных металлов и камней. Форма кресла тщательно проработана, поверхность хорошо сглажена, резьба выполнена аккуратно и, что интересно, вся поверхность его рельефного обрамления с внутренней стороны была покрыта красной охрой. Крест с помощью специального выступа был укреплен на постаменте у восточной стены церкви.

Обломки креста несут на себе следы сколов, свидетельствующих о том, что он был лишен вставок и разбит, очевидно, противниками христианской религии.

У входа в церковь были найдены фрагменты другого креста. От него сохранились лишь два обломка, которые в отличие от первого толще и не покрыты охрой. Еще один обломок креста был обнаружен за пределами церкви, с восточной ее стороны. Он отличается от предыдущих не только размерами, но и характером структуры песчаника. Обломки

эти могут свидетельствовать о том, что кресты и соответственно церковь, в которой они были установлены, подвергались разрушениям не менее трех раз. И каждый раз церковь, очевидно, восстанавливали и здесь устанавливались новые кресты, которые хотя и повторяли формы предыдущих, но отличались друг от друга структурой, характером украшений и размерами. Обломки же разбитых крестов, вероятно, сохранялись в церкви после ее восстановления как святые реликвии.

Наряду с обломками крестов на глинобитном полу церкви была найдена небольшая серебряная пряжка рамчатой формы. Она лежала с остатками кольчуги у входа в 1,5 м от южной стенки церкви. От кольчуги осталось небольшое пятно ржавой массы, среди которой сохранились отдельные железные кольца диаметром 16—18 мм.

В церкви обнаружена целая серия serолощеной и несколько фрагментов красноглиняной керамики. Орнаментирована керамика врезными горизонтальными или волнистыми линиями.

При исследовании основания алтарного постамента под ним прослежено несколько обломков костей мелких животных и птиц, которые, возможно, являются остатками совершенных здесь жертвоприношений или тризны.

Следует также отметить, что в заполнении церкви не обнаружено следов обвалившегося или обгоревшего перекрытия. Не наблюдалось здесь и развалов верхних ярусов стен церкви. Можно допустить, что они разобраны еще в древности, а возможно, верхние части стен были построены из сырцового кирпича или глинобита, оплывших с течением времени. Подобная возможность подтверждается тем, что заполнение церкви состояло из плотно слежавшейся однородной массы суглинка толщиной почти в 1 м, которая могла быть размытыми верхними ярусами стен церкви. В этой связи следует отметить широкое применение сырцового кирпича и глинобита строителями Хазарии. На каменном основании возведены оборонительные стены из сырцового кирпича и глинобита Верхнечирюртовского и Сигитминского городищ. Сырцовые кирпичи широко использовались в жилищном строительстве и в погребальных конструкциях расположенного рядом могильника. И, наконец, строительство церквей в Хазарии из сырцового кирпича засвидетельствовано в древних письменных источниках [20].

Завершая характеристику остатков церкви, следует прежде всего отметить оригинальность ее планировки, в которой воплотились определенные каноны церковно-архитектурного строительства эпохи раннего средневековья. На синхронность церкви и расположенного рядом курганного могильника, соответственно и Верхнечирюртовского городища, указывает ряд деталей, особенно же общая для этих памятников сероглиняная керамика. Кирпичи, аналогичные тем, которыми вымощен пол церкви, широко использованы в строительстве оборонительных стен городища. Сырцовыми кирпичами этих размеров довольно часто были замурованы входы в погребальные камеры расположенного рядом могильника. Пряжка и обрывки кольчуги, выявленные в церкви, имеют многочисленные аналогии в погребальных материалах подкурганных

---

[20] *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории СССР. М.; Л., 1941, с. 86.

захоронений. Церковь связана с могильником не только по времени, но и территориально. Располагаясь в центре курганной группы в пределах одного обширного курганного поля, церковь несомненно связана с большесемейными или родовыми группами оставившего их населения. Справедливость подобного предположения подкрепляется и тем, что остатки другой церкви также выявлены в центре расположенной рядом курганной группы.

Церковь 2 была расположена в 700 м к востоку от церкви 1, в центре небольшой группы курганов (около 15 насыпей), на самой дальней окраине могильника. Остатки церкви имели оплывшие прямоугольные очертания размерами 20×15 м и высотой около 1,5 м. Расчистка церкви позволила проследить интересные детали ее устройства. Она возведена из мелкого, а чаще из очень мелкого необработанного известняка на глиняном растворе. Основания ее стен, сохранившихся на высоту 0,9 м, также возведены на древней поверхности без фундамента. Камни относительно крупных размеров включены в нижние ярусы и в края стен, толщина которых со всех сторон выдержана в пределах 0,8 м. Внутренние размеры церкви, строго вытянутой с запада на восток, составляют 13,2×6,3 м (рис. 65). Западная и южная ее стены разрываются двумя дверными проемами шириной 0,8 м. По бокам у основания проемов сохранились небольшие четырехугольные ниши, служившие, очевидно, для укрепления дверей. Пол церкви глинобитный, плотно утрамбованный. В средней части и здесь контрастно выделялось прокаленное до красного цвета пятно диаметром около 2 м. Об интенсивности разводившихся здесь костров свидетельствует ошлакованная керамика, выявленная в толще прокаленного слоя. Очевидно, костры разводили после разрушения церквей, используя для этого деревянное перекрытие. Лишь этим можно объяснить, что в обеих церквах не зафиксировано следов возможных пожаров.

Наиболее интересные находки и здесь были сосредоточены на восточной, алтарной стороне церкви. На глинобитном полу в 1 м от восточной стены были уложены две крупные обработанные плиты из песчаника, образующие основание постамента размерами 1,3×1,25 м и высотой 0,3 м. На плитах был установлен массивный четырехугольный постамент, вырезанный из монолита песчаника. Он достигал 0,8 м ширины и 0,45 м высоты. Сверху постамент венчал четырехугольный выступ с вырезанным в нем сквозным отверстием четырехугольной формы размерами 0,4×0,3 м, в котором устанавливался крест. Постамент имел строгие формы и тщательно проработанную сглаженную поверхность.

Вокруг постамента и непосредственно над ним были найдены обломки креста, аналогичные тем, которые представлены в церкви 1. Сразу под гумусным слоем перед постаментом обнаружены обломки обработанной плиты из песчаника, оказавшиеся фрагментами стелы. В гнезде постамента сохранились растрескавшиеся остатки вертикально установленного основания стелы шириной 40 см и толщиной 5 см. С тыльной стороны оно было укреплено плитой толщиной в 20 см. Судя по сохранившимся остаткам, высота стелы достигала не менее 2,3 м при толщине 5 см. Начиная с середины она постепенно суживалась кверху до 20 см. На тщательно обработанной лицевой ее поверхности с косо сре-

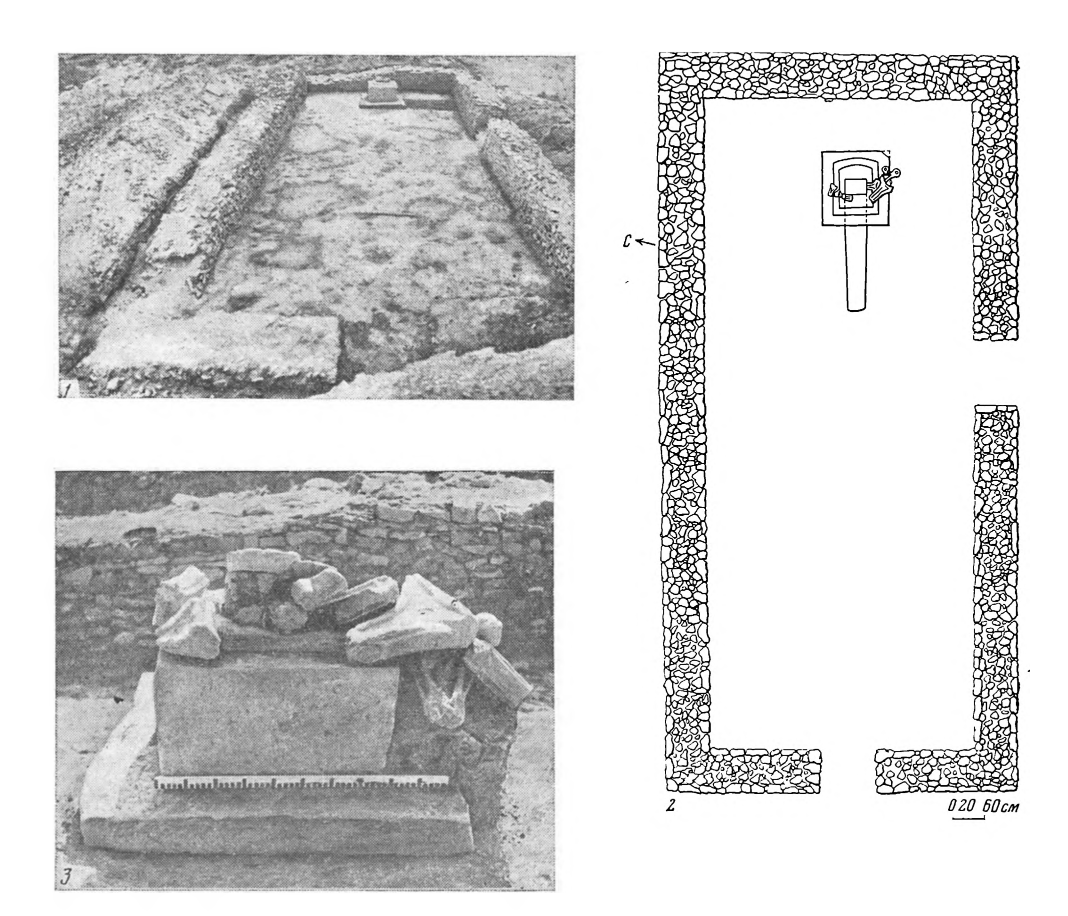

Рис. 65. Остатки церкви 2

1 — вид на церковь; *2* — план церкви; *3* — остатки алтарного постамента и креста

занными боковыми гранями было вырезано изображение креста характерной и для других крестов формы. С учетом длины развалившегося основания, изображение креста было вырезано в круге диаметром в 20 см в средней части стелы, обращенной в сторону зала.

Обломки крестов, собранные в церкви, аналогичны по форме и технике изготовления кресту из церкви 1. Полностью крест восстановить невозможно. Судя по толщине обломков, по диаметрам концевых их округлений, а также ширине рельефных обрамлений, выточенных по краям обломков, они принадлежат не одному, а двум крестам. От одного из них сохранились лишь три обломка, которые наряду с более мелкими фрагментами второго креста свидетельствуют, что они также умышленно разбиты на куски. Таким образом, судя по сохранившимся обломкам крестов, и вторая церковь подвергалась разрушениям, видимо, не менее трех раз. Перед последним разрушением в ней стояла стела с изображением креста, основание которой и сохранилось в гнезде постамента.

Формы крестов, как и стелы, тщательно проработаны, поверхность их сглажена. Однако в отличие от креста из церкви 1 на них не сохранилось следов окраски.

Помимо этих оригинальных находок, на полу церкви выявлена характерная сероглиняная керамика, орнаментированная врезными линиями и рифлением. Из отдельных находок примечателен обломок небольшой каменной фигуры стилизованного животного. Он найден у основания постамента. Рядом с ним обнаружен небольшой обломок стекла древнего облика.

В заполнении этой церкви также не прослежено следов перекрытия. Не сохранились здесь и завалы стен. Судя же по размерам стелы, установленной на постаменте, высота церкви должна была составлять не менее 3 м. Если учесть, что она была возведена из очень мелкого камня, почти щебня, то трудно допустить, что стены ее могли быть разрушены для выборки камня. Из подобного строительного материала не могли быть возведены и более высокие стены, которые, видимо не случайно со всех сторон церкви сохранились равномерно на высоту 0,9 м. Все эти детали свидетельствуют о том, что и эта церковь, возможно, была надстроена из сырцового кирпича или глинобита. Плотно слежавшиеся слои суглинка толщиной до 1 м, выявленные в заполнении церкви, и могли являться размытыми остатками сырцовых стен. Однако можно допустить и то, что здесь была сооружена открытая церковь в виде небольшой каменной ограды вокруг святого креста. Строительство подобных церквей практиковалось в раннесредневековую эпоху, как сообщают письменные источники [21].

Располагаясь в центре изолированной группы курганов, церковь несомненно связана с родовой или большесемейной группой погребенных в этих курганах.

Эти церкви — самые древние сооружения подобного рода на Северном Кавказе. Для них характерны небольшие размеры и прямоугольные формы, вытянутые с запада на восток. Оригинально оформление внутреннего интерьера церкви 1, которая воссоздает в плане форму двойного креста. Своеобразна и конфигурация стоявших на постаментах и тщательно оформленных крестов, ответвления которых вырезаны в виде завитков. В устройстве их несомненно отразились определенные каноны раннесредневекового христианского зодчества.

На синхронность исследуемых здесь церквей указывают единая сероглиняная керамика и одинаковая форма крестов. Об этом свидетельствует и троекратность разрушений, которым они были подвержены. Следует отметить, что и остатки оборонительных сооружений на Верхнечирюртовском городище несут следы не менее трех разрушений и последующих восстановлений и перестроек. Аналогичная картина неоднократных разрушений и пожарищ прослеживается и в стратиграфии культурных отложений Верхнечирюртовского и других городищ, которые отражают общие судьбы памятников древней Хазарии.

---

[21] История агван Моисея Каганкатваци, с. 90.

Далеко зашедший процесс христианизации в Хазарии находит отражение не только в остатках церквей, но и в многочисленных предметах декоративно-прикладного искусства. Ярким подтверждением распространения здесь вместе с христианством культа богородицы является оригинальная бронзовая подвеска (медальон) с изображением женщины с младенцем на руках[22], выявленная в одной из катакомб Верхнечирюртовского могильника. Точная копия подвески найдена в районе Кисловодска[23]. Христианские сюжеты и символы находят воплощение в самых различных предметах погребального инвентаря. Оригинальным среди них является золотой крест, изготовленный с большим мастерством с применением техники зерни. Аналогичной формы крест был вырезан также на восточной стенке катакомбы 61 Верхнечирюртовского могильника (рис. 66). Из могильника происходят и керамические кресты с частично отбитыми верхними и боковыми ветвями[24]. Характерно, что во всех случаях кресты имеют одинаковую форму. Этой же формы кресты изображены на золотых монетах, найденных среди погребального инвентаря верхнечирюртовских могильников.

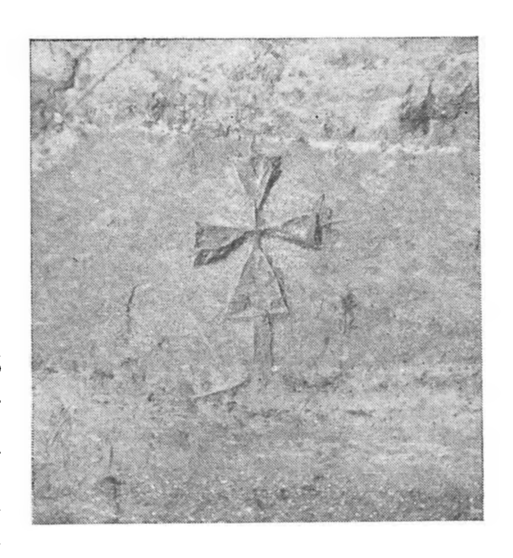

Рис. 66. Крест, вырезанный на стенке катакомбы

Таким образом, проникновение христианства в Приморский Дагестан в эпоху раннего средневековья прослеживается на самых различных предметах материальной культуры.

Выяснению путей и времени его распространения в Хазарии во многом способствуют сообщения древних письменных источников. Не меньшее значение имеют и архитектурные особенности, а также формы церквей и представленных здесь крестов.

Из сообщений Моисея Каганкатваци, Моисея Хоренского и других древних авторов известно, что уже первые волны кочевников, просочившиеся в Приморский Дагестан в конце IV и в начале V в., не только встретили здесь ожесточенное сопротивление местных земледельческих народов, но и оказались перед лицом упорных попыток подчинения их интересам закавказских и византийских правителей. Наиболее испытанным средством подчинения их своим интересам выступает христианская религия, которая уже в 303 г. становится государственной религией Ар-

---

[22] *Маммаев М. М.* О христианских символах и сюжетах в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана.— В кн.: Дагестанское искусствознание. Махачкала, 1976, с. 97.

[23] Приношу глубокую благодарность Руничу А. П. за предоставленную возможность ознакомиться с подвеской, найденной на могильнике «Рим гора» II в 1977 г.

[24] *Маммаев М. М.* Указ. соч., с. 103, рис. 2.

мении. С IV в. христианство господствовало и в Албании. Албанская церковь находилась в зависимости от армянской, и поэтому в Партаве, резиденции албанских царей, была основана кафедра армянского католикоса. Активным центром распространения христианской идеологии в Приморском Дагестане выступал г. Чора (Дербент), в котором до середины VI в. существовал патриарший престол [25]. Патриарший дворец продолжал существовать в Дербенте и при арабах [26], хотя престол и был перенесен в Партав. Вплоть до начала VI в. армянская церковь находилась под непосредственным влиянием византийской. При правителе Вараз-Григоре (590—639 гг.) окончательно оформилась и албанская монофизитская церковь.

Таким образом, не столько византийская, сколько армянские и албанские монофизитские церкви являлись основными очагами распространения христианства среди народов Приморского Дагестана. Наиболее ранние сведения о попытках распространения христианства среди кочевников содержатся в «Истории Армян» Фавстоса Бузанда. По его сообщениям, относящимся к концу IV в., молодой армянский епископ Григорис «представился маскутскому царю, повелителю многочисленных войск гуннов, встал перед ним и стал проповедовать христианство... Сперва они послушались, приняли и подчинились» [27]. Однако вскоре они отказались от христианства, «поймали дикого коня, привязали юного Григориса к хвосту его и пустили по полю Ватнеан, вдоль берега моря» [28].

Место этих трагических событий локализуется в письменных источниках недалеко от Дербента [29]. Народное предание также связывает эту местность с именем святого Григориса [30]. Здесь была сооружена и специальная часовня для богомольцев [31].

Несмотря на неудачу первых попыток христианизации кочевников, деятельность армянских и албанских миссионеров в Приморском Дагестане активизируется, поскольку не только продолжаются, но и усиливаются разорительные походы новых волн кочевников, особенно хазар, в Закавказье в VI—VII вв.

Судя по источникам, оседанию кочевников в Приморском Дагестане способствовали и миссионеры, которые настойчиво продолжали свою деятельность среди них. Епископ Кардост и возглавляемое им посольство из семи священников пробыли в «земле гуннов» 14 лет и провели здесь целый ряд мероприятий и даже «выпустили» в 544 г. писание на гуннском языке [32].

---

25 История агван Моисея Каганкатваци, с. 90.
26 Там же, с. 281.
27 *Бузанд Фавстос.* История Армении/Пер. М. А. Геворгяна.— В кн.: Памятники древнеармянской литературы. Ереван, 1953, I, с. 13—14.
28 Там же, с. 14.
29 *Моисей Хоренский.* История Армении/Пер. Н. О. Эмина. М., 1893, с. 145; История Агван Моисея Каганкатваци, с. 90.
30 *Шихсаидов А.* О проникновении христианства и ислама в Дагестан.— УЗ ИИЯЛ, 1957, т. III, с. 57.
31 *Комаров А. В.* Пещеры и древние могилы в Дагестане.— В кн.: V археологический съезд в Тифлисе. М., 1882. т. 1. Труды предварительных комитетов, с. 439.
32 *Пигулевская Н.* Указ. соч., с. 108.

Сменивший Кардоста армянский еписком Макар занялся здесь и церковным строительством. При постройке храма он применил неизвестный до того времени гуннам способ кладки из кирпичей. Такие факты производили впечатление на «властителей этих народов; они удивились и обрадовались мужам, почтили их и каждый звал их в свою страну, к своему народу и просил, чтобы они были ему (народу) учителями» [33].

Яркое описание миссионерской деятельности албанских епископов среди гуннов и хазар дает и Моисей Каганкатваци. В своей истории агван он прямо пишет, что епископ «Исраиль многие страны хазаров и гуннов обратил в христианство» [34]. При этом он сообщает интересные детали миссионерской деятельности Исраиля в столице гуннов г. Варачане. Подобные сообщения можно встретить и в истории Моисея Хоренского [35]. Разнообразие этих источников и детальность описываемых в них событий не оставляют сомнений в их достоверности.

Более того, при внимательном изучении этих источников в них обнаруживаются интересные подробности, которые можно проследить в деталях верхнечирюртовских церквей. Например, описывая миссионерскую деятельность албанского епископа среди гуннов, Моисей Каганкатваци пишет, что «Исраиль приказал срубить священный дуб, и сделать из него кругловатый крест... и выкрасить его сверху до низу краской» [36]. Интересно, что выкрашенные красной охрой кресты с округленными ветвями стояли и в церквах на хазарском кладбище. Крест Исраиль «поставил при дворе церковном на востоке для обетов и молитв» [37]. У восточной стены невысокой ограды стоял крест и в церкви 2. Совпадение подобных деталей верхнечирюртовских церквей с описаниями Моисея Каганкатваци далеко не случайно, поскольку тяготение к культуре и соответственно христианским традициям Албании — явление, характерное для хазарской культуры [38]. Поэтому и генетические связи верхнечирюртовских церквей можно проследить в остатках христианского зодчества Закавказья, где представлены известные в христианском мире нормы церковного строительства [39]. Наиболее ранним центром зарождения различных форм церковно-архитектурного строительства выступает Армения, на строительные традиции которой наложили отпечаток сирийские истоки христианства [40]. Сирия, Каппадокия и Армения оказывали в церковном строительстве влияние и на Византию [41]. Лишь со второй половины VI в. докатываются в Восточную Армению волны греко-византийского влияния [42]. Однако и в дальнейшем армяно-албан-

---

[33] Там же, с. 86.

[34] История агван Моисея Каганкатваци, с. 238.

[35] *Моисей Хоренский*. Указ. соч., с. 145.

[36] История агван Моисея Каганкатваци, с. 204.

[37] Там же.

[38] *Магомедов М. Г.* Происхождение раннесредневековой культуры Терско-Сулакского междуречья.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг. Махачкала, 1978, с. 9.

[39] *Беридзе В. В.* Грузинская архитектура «раннехристианского» времени (IV—VII вв.). Тбилиси, 1974, с. 8.

[40] *Токарский Н. М.* Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, с. 49.

[41] *Марр Н. Я.* Ереруйская базилика (армянский храм V—VI вв. в окрестностях Ани). Ереван, 1968, с. 37; Декоративное искусство средневековой Армении. Л., 1971, с. 12.

[42] *Марр Н. Я.* Указ. соч., с. 30.

ские и грузинские церкви развивались независимо от константинопольского искусства, более того, они рождены диаметрально противоположным подходом[43]. Очевидно, поэтому и христианские древности Хазарии органически связаны с албано-армянскими, откуда с духовным содержанием проникли и нормы христианского зодчества.

Для верхнечирюртовских церквей характерны, как уже отмечалось, открытые алтарные пространства, небольшие размеры и прямоугольная форма. Церкви подобной формы широко представлены в древнехристианском периоде в Закавказье и на Ближнем Востоке[44]. В церквах подобных типов нередко встречаются и прямоугольные алтарные помещения[45], аналогичные верхнечирюртовским. Интересно, что наряду с однонефными храмами в древнюю эпоху развития армянской и грузинской архитектуры существовали церкви простого крестового типа[46]. Крестовую форму в плане имеет и верхнечирюртовская церковь 1. А ее удлиненная, внутри крестообразная, снаружи прямоугольная форма также находит ближайшие аналогии в архитектурных памятниках Армении и Грузии. Конструктивно близки ей Ереруйская и Текорская базилики, построенные в V или начале VI в.[47] Много общего с ними и у базилики V в. Циранавор в Аштараке, которая наряду с Ереруйской и Текорской является типом, отошедшим от сирийских образцов[48]. Аналогична верхнечирюртовским и древняя церковь на вершине Армазской горы[49].

Таким образом, ближайшие аналогии свидетельствуют, что в христианских древностях Албании и Армении представлены прототипы верхнечирюртовских церквей, являющихся по форме и конструкции упрощенными вариантами армянских и албанских церквей. Поэтому вполне закономерно, что в них воплотились сложившиеся каноны церковного строительства Закавказья. Как и в армянских церквах, по всему периметру восточной части или алтарной абсиды Верхнечирюртовской церкви 1 сохранились следы от деревянных столбов, выполнявших, очевидно, функцию колонн алтарной преграды, предназначенной для закрытия алтаря от взоров молящихся. В христианских храмах Закавказья алтарные преграды также не всегда устанавливались по прямой линии. Они, независимо от планировки церкви, часто имеют аналогично верхнечирюртовской очертания буквы П (могут быть простые барьеры, ряд колонн, барьер, на котором водружены столбики или колонны). Применение ряда колонн в качестве основного элемента алтарного ограждения имеет место в ряде памятников христианского зодчества Закавказья V и VI вв.[50] В двухметровой толще стен

---

[43] *Чубинишвили Г. Н.* Цроми. М., 1969, с. 97.
[44] *Шмерлинг Р. О.* Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962, с. 22.
[45] *Чубинишвили Г. Н.* Указ. соч., с. 51; *Беридзе В. В.* Указ. соч., с. 9.
[46] *Чубинишвили Г. Н.* Разыскания. Тбилиси, 1967, с. 68, 168; *Беридзе В. В.* Указ. соч., с. 9—15.
[47] *Марр Н. Я.* Указ. соч., с. 28.
[48] *Яралов Ю. С.* Аштарак. М., 1947, с. 8—11.
[49] *Меликсет-Беков.* Армазни. Историко-археологический очерк.— В кн.: Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1938, вып. II, с. 79.
[50] *Шмерлинг Р. О.* Указ. соч., с. 43.

в восточной алтарной части церкви 1, вероятно, были сооружены ниши, как и в армянских церквах VII в., где они глубоко врезаются в толщу кладки между абсидой и пределами[51]. Объединяет храмы и характер перекрытия. Церковь 1, как и ранние закавказские[52], имела, очевидно, деревянное перекрытие. В Армении переход к каменному перекрытию вместо деревянного завершается лишь к VII в.[53] Несколько выделяется в этом плане верхнечирюртовская церковь 2, которая вообще, вероятно, не имела перекрытия.

Сооружение открытых церквей практиковалось в раннехристианский период и в Закавказье[54]. О подобных открытых двориках с крестами для молитв, сооруженных для гуннов, сообщает, как указывалось, Моисей Каганкатваци[55]. Однако и эти конструктивные своеобразия открытых церквей находят в раннехристианских памятниках Закавказья не только аналогии, но и объяснения. Как письменные источники, так и древнейшие уцелевшие постройки свидетельствуют о том, что первоначально молящиеся оставались вне церкви. Приобщение степняка-кочевника к новому, мало знакомому богу в непривычных для него крытых помещениях было, очевидно, трудным делом. В церковь входил лишь священник. Поэтому первые церкви были очень малы[56]. Поскольку же в Хазарии к христианству приобщились племена с кочевыми традициями, жившие в кибитках и юртах, то загнать их в непривычные крытые церкви, очевидно, было не так-то легко. Поэтому для крещения недавних кочевников специально сооружались открытые церкви. Остатками одной из них, возможно, и является церковь 2.

В христианских древностях Албании и особенно Армении представлены также прототипы верхнечирюртовских крестов с характерными конфигурациями завитков с кругами, предназначенными для инкрустаций. Они здесь наиболее разнообразны и, модифицируясь, бытуют на всем протяжении раннесредневековой эпохи. Кресты как символы «древа жизни», вырастающие из зерна или круга, бывают настолько покрыты орнаментом, что кажется, будто на них наложено кружево[57]. Совпадение характерных особенностей конфигурации верхнечирюртовских крестов как символов веры с закавказскими, возможно, отражает совпадение оттенков религиозного направления, в данном случае связанного с монофизитством.

Интересно, наконец, что на постаменте в церкви 2 на третьем заключительном этапе его функционирования вместо креста была установлена стела с характерным изображением креста. Стелы как христианские памятники культово-мемориального характера, устанавливавшиеся на платформе под открытым небом, также широко известны в Закавказье раннехристианского времени[58]. Причем в VI—VII вв.

[51] *Токарский Н. М.* Указ. соч., с. 118.
[52] *Марр Н. Я.* Указ. соч., с. 22; *Токарский Н. М.* Указ. соч., с. 52.
[53] *Марр Н. Я.* Указ. соч., с. 22.
[54] *Беридзе В. В.* Указ. соч., с. 8; *Токарский Н. М.* Указ. соч., с. 111.
[55] История агван Моисея Каганкатваци, с. 204.
[56] *Беридзе В. В.* Указ. соч., с. 8.
[57] Декоративное искусство средневековой Армении. Л., 1971, с. 35, рис. 36, 62—73.
[58] *Аладашвили Н. А.* Монументальная скульптура Грузии. М., 1977, с. 5; *Чубинишвили Н. Д.* Хандиси. Тбилиси, 1972, с. 8; *Токарский Н. М.* Указ. соч., табл. 84.

стелы нередко устанавливались рядом с церквами[59]. Установка креста или стел, увенчанных крестом, связывается с принятием христианства, закрпляемым актом крещения[60]. Очевидно, и верхнечирюртовская стела, установленная в церкви, выступала одновременно символом крещения той части населения, погребения которой находились на восточной окраине курганного могильника.

Таким образом, не только свидетельства письменных источников, но и специфические особенности верхнечирюртовских церквей, многочисленные аналогии которым имеются в раннехристианском зодчестве Закавказья, позволяют датировать их VI—VII вв. На эти же хронологические рамки функционирования церквей указывают, как уже отмечалось, керамические материалы и отдельные находки, выявленные в них. Они служат достаточно яркими свидетельствами активной деятельности закавказских миссионеров по христианизации населения Хазарского каганата. Однако новая религия не вытесняет традиционные для кочевников культы. Наоборот, судя по распространившемуся на могильнике языческому погребальному обряду, который не претерпевает в свете новой религии никаких изменений, христианство здесь приспосабливается к традиционным обрядам хазар. Подобная терпимость к язычеству характерна для ранних этапов распространения христианства. И, разумеется, особую терпимость христианство проявляло в отношении хазар, от грабительских походов которых страдало все христианское население Закавказья. Несмотря на большие успехи христианских миссионеров, чья деятельность находит конкретное воплощение в остатках верхнечирюртовских церквей, христианство не стало государственной религией каганата[61].

Христианство в Хазарии тем не менее не исчезло без следа. Часть населения, приобщившаяся к новой религии, продолжала ее исповедовать. В письменных источниках нередки сообщения о хазарах-христианах (Истахрий, Ибн Хаукаль и др.). Аль Мукаддаси прямо отмечает, что большая часть жителей Семендера — христиане[62]. Семена христианства, оказавшиеся в хазарской почве, в результате настойчивой деятельности закавказских, особенно армянских, миссионеров пустили здесь глубокие корни. Христианство не только прижилось среди части населения в прикаспийской Хазарии, но и проникло отсюда в горные районы Дагестана.

Судьбы народов Дагестана до возникновения Хазарского каганата были неразрывно связаны с Закавказьем. Дагестан, как свидетельствуют археологические исследования, был тесно связан с Кавказской Албанией[63]. С образованием Хазарского каганата традиционные связи между народами Дагестана и Закавказья не прекращаются. Посредником в этих связях выступала теперь Хазария, которая хотя сущест-

---

[59] *Чубинишвили Н. Д.* Хандиси, с. 8.
[60] Там же, с. 10.
[61] *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 262.
[62] *Ал-Мукаддаси.* Лучшее из делений для познания стран/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 5.
[63] *Магомедов М. Г.* Происхождение раннесредневековой культуры Терско-Сулакского междуречья, с. 7.

венно и трансформировала былые взаимоотношения, но тем не менее не стала глухой стеной между этими народами. Наоборот, завладев северными провинциями Кавказской Албании; Хазария оказалась наследницей древних традиций местных народов и продолжала поддерживать былые связи между объединенными в составе каганата областями. Особенно наглядно это проявляется в наличии многочисленных следов христианства в горах Дагестана. Они прослеживаются здесь по остаткам христианских памятников, на топонимических и лингвистических материалах[64].

Распространение новой религии в горах Дагестана, особенно в царстве Серир, документируют находки на этой территории христианских крестов и могильников[65]. Как отмечают исследователи, здесь существовали также древние христианские храмы; один из них под названием Датуни сохранился до наших дней[66]. Все эти памятники, разбросанные в высокогорных районах, особенно кресты с древнегрузинскими надписями, отражают не только былые позиции, но и относительно длительное существование христианства, которое насаждалось здесь до XIV в.[67]

До сего времени остается малоизученным вопрос о времени и путях проникновения новой религии в горы Дагестана. При решении этих вопросов исследователи исходили в основном из анализа древнегрузинских надписей, сохранившихся на крестах и других памятниках горного Дагестана. Эти надписи наряду со сведениями, сохранившимися в грузинских летописях, и определили односторонний подход к проблеме, при котором исключались другие, негрузинские пути проникновения христианства в северо-западные районы Дагестана[68]. Односторонняя ориентация исследователей на грузинские памятники способствовала соответственно и определению не совсем четких хронологических рамок распространения христианства в горах[69]. О раннем проникновении христианства в горы Дагестана сообщают письменные источники. Например, Масуди писал, что царь Серира христианин[70], а по сообщениям Ибн Руста, обитатели замка — все христиане[71]. Наиболее яркими следами деятельности албанских миссионеров в горах Дагестана являются находки здесь обломков плит с буквами албанского алфавита[72]. Уточнению времени проникновения христианства в горы способствуют археологические материалы. Наиболее выразительны в этом плане

---

64 *Шихсаидов А.* Указ. соч., с. 64; *Дибиров П. М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966, с. 31; рис. 51, 52; *Атаев Д. М.* Каменные кресты из окрестностей Хунзаха.— МАД. Махачкала, 1959, т. I, с. 182.

65 *Атаев Д. М.* Христианские древности Аварии.— УЗ ИИЯЛ, 1958, т. IV, с. 163.

66 Там же, с. 175.

67 *Атаев Д. М.* Каменные кресты из окрестностей Хунзаха, с. 183; *Он же.* Христианские древности Аварии, с. 181.

68 *Атаев Д. М.* Христианские древности Аварии, с. 178—179.

69 *Шихсаидов А.* Указ. соч., с. 65; *Атаев Д. М.* Христианские древности Аварии, с. 178.

70 *Масуди.* Луга золота и рудники драгоценных камней/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 52.

71 *Ибн-Русте.* Книга драгоценных камней/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1903, вып. XXXII, с. 47.

72 *Давудов О. М.* Итоги первого года раскопок на Верхнелабкомахинском городище.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг.: Тезисы докл. Махачкала, 1973, с. 9.

христианские могильники VIII—X вв. (близ селений Уарада, Тидиб, Хунзах, Галла, Тинди, Кванада, Ругуджа) [73].

Не отрицая существенного вклада Грузии в процесс христианизации Дагестана в раннесредневековую эпоху, отметим, однако, что новые археологические материалы, выявленные в последние годы, позволяют внести некоторые коррективы в существующие мнения о путях распространения здесь новой религии. Остатки церковного строительства, сохранившиеся в древней Хазарии, — яркий показатель распространения христианства в Приморском Дагестане. Но в горы Дагестана идеи новой религии могли проникнуть не только со стороны Грузии. Заснеженные и трудно преодолимые перевалы Кавказского хребта препятствовали свободному передвижению миссионеров. От перевалов же до царства Серир их ожидал тяжелый путь, на всем протяжении населенный народами, исповедовавшими языческие культы. Это было существенной преградой для проникновения христианства из Грузии. И, наконец, сама Грузия до XII—XIII вв. не располагала политическими предпосылками для активной внешней политики. Эти обстоятельства позволяют предположить, что проникновение новой религии в горы на ранних этапах происходило по проторенным внутридагестанским коммуникациям через Албанию и Хазарию, а на последующем этапе активизация христианства в Дагестане связана с Грузией, о чем свидетельствуют кресты с древнегрузинскими надписями, датируемыми XII—XIV вв. [74]. К этому времени относится и христианский могильник в окрестностях сел. Кудали Гунибского района, где захоронения произведены с нательными крестами [75]. Наиболее выразительно достижения христианства в горах Дагестана отражает известная Датунская церковь, сооружение которой связывается с деятельностью грузинских миссионеров [76]. Успехи Грузии по утверждению христианства в Дагестане можно объяснить тем, что здесь до появления грузинских миссионеров уже существовали очаги новой религии.

Весь комплекс рассмотренных материалов позволяет, таким образом, наметить два четких этапа проникновения христианства в горы Дагестана. На первом — раннем этапе христианство в горы просачивалось через Хазарию, в результате чего в VII—IX вв. здесь формируются первые очаги новой религии, связанной с Албанией и Арменией.

На втором этапе новая волна, способствовавшая более широкому распространению христианства в Дагестане в XI—XIV вв., связана с активной деятельностью грузинской церкви. Эта деятельность особенно возросла при царице Тамаре, в правление которой предпринимались неоднократные и небезуспешные попытки христианизировать многие северокавказские народы [77]. Однако в отличие от Армении и Грузии христианство в Дагестане не успело укрепить свои позиции. Тяжелый

---

[73] *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 199.
[74] *Атаев Д. М.* Христианские древности Аварии, с. 179.
[75] *Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Кудалинская крепость.— Советский Дагестан, 1971, № 6, с. 74—75.
[76] *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969, с. 203.
[77] Там же, с. 203; *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 18.

удар новой религии здесь нанес Тимур, после которого во все уголки страны начинается активное проникновение ислама[78].

Таким образом, остатки христианских древностей Хазарии, сохранившиеся в Приморском Дагестане, воссоздают картину широкого проникновения новой религии в языческую среду кочевников по мере их оседания на землю. Христианство пустило здесь прочные корни и распространилось не только среди народов, объединенных в составе каганата, но и в горных районах Дагестана. Успехи христиан были столь значительны, что Хазария получила единую церковную организацию, распространившуюся на всю страну[79]. Из семи епархий, объединенных в единую митрополию в Хазарии, три находились, по мнению некоторых исследователей, в Приморском Дагестане (Гуннская, Хвалинская, Ретегская)[80]. Тяжелый удар по церковной организации хазар в Приморском Дагестане нанесли арабы. Однако они не смогли сокрушить новую религию, которая уже успела распространиться среди значительной части населения каганата.

Несмотря на большие успехи христианских миссионеров в Приморском Дагестане, христианство не стало государственной религией Хазарии. Официальное принятие христианства противоречило политическим интересам хазар, поскольку это означало подчинение Византии[81].

Наряду с христианством в Хазарии получила распространение и иудейская религия. По сообщению Масуди, она сделалась главенствующей здесь со времени Харун ар-Рашида (786—809 гг.)[82]. О позднем принятии иудейской религии хазарским каганом и его приближенными сообщает ряд источников[83]. По версии кагана Иосифа, первого хазарского князя, принявшего иудейство, звали Буланом[84]. Чтобы добыть необходимые для постройки храма средства, Булан, по сообщению Иосифа, предпринял набег на Закавказье. С этой целью он опустошил Ардебиль в центре Азербайджана и захватил большую добычу, в том числе предметы иудейского культа[85]. Однако, по мнению исследователей, эта ранняя попытка ввести иудейскую религию в первоначальное ядро Хазарии окончилась неудачей[86]. Археологические исследования в Приморском Дагестане не подтверждают возможности распространения иудейства в древней Хазарии. В материалах исследований бытовых памятников, особенно погребальных сооружений, не найдено ни одного предмета иудейского культа. В этой связи интересно отметить, что некоторые селения в Дагестане в местных хрониках и в народе называют джугутскими (еврейскими) — Зубутль, Мекеги, Аракани, Муни и другие, а в ряде селений горной части Дагестана существуют так называемые еврейские кварталы, хотя жители этих селений и кварта-

---

78 *Атаев Д. М.* Каменные кресты из окрестностей Хунзаха, с. 181.
79 *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 258.
80 *Кулаковский Ю.* К истории готской епархии в Крыму в VIII в.— ЖМНП, 1898; *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 258—259.
81 *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 262.
82 *Масуди.* Указ. соч., с. 44.
83 *Заходер Б. Н.* Указ. соч., с. 150—153; *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 266—276.
84 *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, с. 75—77.
85 Там же, с. 92—94.
86 *Заходер Б. Н.* Указ. соч., с. 154; *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 276.

лов не имеют этнических или культурных связей с еврейско-татским населением Кавказа. Между тем отразившиеся в местных хрониках и упорно сохраняющиеся в народе традиции называть их евреями должны иметь под собой реальные причины. Они, возможно, связаны с принятием хазарами иудейской религии. Как известно, хазарский каган и его приближенные, чтобы положить конец религиозным притязаниям Византии и Арабского халифата, приняли в начале IX в. иудейскую религию [87]. Хотя новую веру исповедовали сам каган и незначительная часть его приближенных, самого факта принятия ими иудейской религии было, очевидно, достаточно, чтобы окружающий мир стал называть хазарское население еврейским. В конце X в. под ударами славян и гузов хазарское государство перестало существовать, а его население растворилось в окружающей среде кочевников [88]. Оставшиеся хазары покинули разоренную страну и переселились частично в Грузию и Хорезм [89]. Многие из них возвратились и на древнюю свою родину — в Дагестан. Еще в XII в. о дербентских хазарах сообщают грузинские летописи [90]. А в XIII в. Плано Карпини упоминает хазар на Северном Кавказе [91], придерживающихся иудейства. Возможно, что с возвращением хазар в Дагестан и связано возникновение упомянутых селений, жителей которых стали называть евреями.

Не прослежено в древней Хазарии и следов мусульманства. Первые попытки навязать мусульманство хазарам связаны с походом Мервана в 737 г. [92] Но после его ухода хазарский каган и его приближенные отказались от религии своих врагов [93]. Распространение мусульманства в Хазарии связано с массовой миграцией мусульман из Средней Азии [94] и мирными отношениями между хазарами и арабами в конце VIII в. [95] С IX в. мусульманское население обосновывается и в Семендере. Как сообщает Ибн Хаукаль, Семендер до разрушения его русами в 965 г. «населяли мусульмане и другие, и в городе у них были мечети, у христиан храмы, а у иудеев синагоги» [96]. Об этом же пишет и аль-Истахри: «в Семендере множество мусульман, и у них в этом городе мечети». Однако «царь Семендера иудейского вероисповедования и находится в родстве с царем хазар» [97], хотя большинство населения составляют мусульмане и христиане. Эти источники могут свидетельствовать о том, что четыре религии вели между собой неустанную борьбу за приоритет в Хазарии в IX—X вв. Однако не одна из них не стала преобладающей в стране и тем более фактором социального объединения народов Хазарского каганата.

[87] *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 281.
[88] Там же, с. 445.
[89] Там же, с. 431—432.
[90] *Пахомов Е. А.* О Дербентском княжестве XII—XIII вв.— Изв. АзГНИИ, 1930, т. 1, вып. 2, с. 8—9.
[91] *Плано Карпини.* История монголов. М., 1957, с. 50.
[92] *Дорн.* Известия о хазарах восточного историка Табари/Пер. П. Тяжелова.— ЖМНП, 1844, № 7/8, с. 87—88.
[93] *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 226.
[94] *Заходер Б. Н.* Указ. соч., с. 154—155.
[95] *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 241.
[96] *Ибн-Хаукаль.* Указ. соч., с. 114.
[97] *Ал-Истахри.* Книга путей стран/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1901, вып. XXIX, с. 47.

Глава пятая

ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ В VII—VIII вв.

Обширные и самые разнообразные по характеру археологические памятники, исследованные в Приморском Дагестане, позволяют воссоздать историю Хазарии в совершенно ином свете.

Становлению Хазарского каганата предшествовали длительные и сложные процессы вызревания хазар в недрах пестрого конгломерата племен, обрушившихся на Европу в конце IV в. В Юго-Восточную Европу и в прикаспийские степи сначала вторгаются гуннские племена. Вслед за ними в разное время в степи Северного Дагестана проникают все новые и новые волны кочевников (савир, булгар, авар и др.). Грозная опасность, нависшая над земледельческими народами Кавказа и Переднего Востока со стороны кочевников, потребовала огромных усилий по укреплению и защите этих территорий. Правители Ирана, чтобы обезопасить свои закавказские владения, предпринимают в Прикаспийском проходе грандиозные по масштабам строительные работы. Здесь между горами и морем воздвигаются целые системы «длинных» стен. Наиболее внушительным из них является знаменитый Дербентский оборонительный комплекс, равного которому нет даже в самом Иране[1]. Целой системой укреплений покрываются и предгорья Дагестана к северу от Дербента[2]. Грандиозная оборонительная система Сасанидского Ирана и народов Дагестана по побережью Каспийского моря, служившая своего рода плотиной для удержания кочевнических волн с севера, ослабляла их натиск на юг и соответственно уменьшала возможности для грабежей и легкого обогащения. Пришельцы первоначально истребляли часть обитателей завоеванных территорий, но по мере своего закрепления здесь постепенно смешивались с покоренным населением, что и обусловило неизбежные изменения в их хозяйственной деятельности. Оседанию кочевников в немалой степени способствовали уменьшение возможности грабежей, благоприятные природно-географические условия Приморского Дагестана и особенно его оседло-земледельческая среда. Эти факторы и определили направление дальнейшего развития экономического уклада кочевников, которые приспосабливались к новым, наиболее рацио-

---

[1] *Пахомов Е. А.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье.— Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 9/10, с. 39; *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959, с. 122, 274; *Артамонов М. И.* Древний Дербент.— СА, 1946, VIII; с. 137; *Он же.* История хазар. Л., 1962, с. 121; *Кудрявцев А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 10.

[2] *Магомедов М. Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1970.

нальным в местных условиях оседлым формам хозяйствования. Наметившиеся изменения в их быте уже в VI в. отразились в сирийской хронике, содержащей перечень кочевых народов, живших за воротами Дербента. У некоторых из этих народов источники отмечают наличие даже городов[3]. Речь, по всей вероятности, идет о городах местных народов, которыми овладели пришельцы.

Наметившиеся изменения экономического уклада кочевников послужили одним из факторов объединения их в обширные военно-политические союзы, созданные в степях Предкавказья в VI в. савирами и гуннами[4].

В пестром конгломерате народов, вторгшихся в пределы Северного Кавказа, постоянно восполнявшемся новыми приливами кочевников, вчерашние победители исчезали или выступали под новым именем. В этой смеси народов и вызревало племя будущих хазар, достоверные сведения о которых появляются в арабских источниках в начале VI в. в период царствования персидского шаха Кавада I. Сначала хазары входили в савирское военно-политическое объединение, сложившееся на степных просторах Северного Кавказа. Затем, когда значительная часть савир переселилась в Закавказье, а оставшаяся была разбита аварами, господствующее положение в Северном Дагестане перешло к хазарам[5]. Они и оказались той силой, вокруг которой начался новый процесс консолидации этнически и социально пестрых кочевых племен и местных народов.

Сохранилась любопытная легенда об образовании Хазарского каганата. В одном из отрывков «Истории», написанной сирийским автором Иоанном Эфесским во второй половине VI в. и сохранившейся благодаря позднейшим пересказам Михаила Сирийского и Бар-Гарбая, отмечается, что в царствование византийского императора Маврикия из внутренней Скифии вышли три брата со своими родами. Один из них, Булгар, прошел к границам Римской империи, два других заняли страну алан, называемую Берсилия. «Когда над той страной стал господствовать чужой народ, они были названы хазарами по имени того старшего брата, которого имя было Хазарик». Это был сильный и широко распространенный народ[6].

Об этническом родстве савиро-булгар и хазар свидетельствуют и ответы хазарского кагана Иосифа на письмо Хасдая Ибн Шафрута, придворного кордовского халифа, в котором он просит царя ответить на ряд вопросов о происхождении хазар, о размерах его государства, о политическом и экономическом устройстве страны и др. В своем ответе Иосиф, в частности, пишет, что народ его происходит из рода Тогармы, сына Иофета (в древнееврейской литературе Тогармой именовали все тюркские народы). У Тогармы, согласно сведениям Иосифа, было 10 сыновей: Агийор (Авийор или Угор), Тир-с (Турис), Авар (Аваз), Угин (Угуз), Биз-л, Т-р-на, Хазар, Знур, (Янур), Б-л-г-р, Са-

[3] *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941, с. 82.
[4] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 78, 183.
[5] Там же, с. 128.
[6] Там же.

вир[7]. Все эти племена, вероятно, были тюркоязычны. Арабские авторы аль-Истахри и Ибн Хаукаль писали, что язык болгар подобен языку хазар. Исследователи относят язык болгар к группе западных тюркских языков, следовательно, и хазарский язык является западнотюркским[8].

В легенде Михаила Сирийского особого внимания заслуживает локализация хазар в стране Берсилии. Связь хазар со страной Берсилией подтверждается и сведениями византийских хроник Феофана Исповедника и Никифора. Феофан отмечал: «Хазары — великий народ, вышедший из Берсилии»[9]. К северу от Дербента располагают Берсилию армянские и арабские источники[10]. По мнению Б. Н. Захoдера, располагать «страну хазар к северу от Баб ал-Абваба» стало традицией в историографической литературе[11].

Хазары были тесно связаны с берсилами не только тем, что поселились в стране, носившей их имя, но этнической и политической общностью. Поэтому они и выступают совместно в походах в Закавказье. Моисей Хоренский отмечает, что «хазары и басилы», соединившись, прошли через ворота Чора (Дербента) и подвергли Армению грабежу и разорению»[12]. Как указывают И. Маркварт, М. И. Артамонов, В. Ф. Минорский и другие авторы, территория Берсилии простиралась на юге до Дербента, и на севере — до равнин при Сулаке и Тереке[13]. Берсилия ведет свое происхождение от подразделений болгар-берсилов, оказавшихся в Приморском Дагестане до прихода хазар, возможно уже с первой гуннской волной. Они издавна находились в ближайшем родстве с хазарами, Берсолу в источниках называют даже братом Хазара, и поэтому жену хазарского кагана брали из племен берсилов[14]. Территория родственных хазарам берсилов и стала колыбелью зарождавшегося каганата.

Окончательное политическое формирование Хазарии как самостоятельного государства связано с распадом Тюркского каганата. Во второй половине VI в. Тюркский каганат включил в орбиту своих действий всех родственных тюркоязычных кочевников, в том числе и хазар, и этим способствовал их консолидации. Хазары слились с тюрками в одно военно-политическое объединение и приняли активное участие в грабительских походах в Закавказье.

---

[7] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932, с. 72.
[8] *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1976, с. 15.
[9] Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта/Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, 1884, с. 263.
[10] *Моисей Хоренский.* История Армении/Пер. Н. О. Эмина. М., 1893, с. 134; История агван Моисея Каганкатваци/Пер. К. Патканьян. СПб., 1861, с. 80; *Ал-Баладзори.* Книга завоевания стран/Пер. П. К. Жузе.— В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927, с. 8.
[11] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 121.
[12] *Моисей Хоренский.* Указ. соч., с. 134.
[13] *Marquart J.* Osteuropäische und Ostasiatische Streifzuge. Leipzig, 1903, S. 16; *Артамонов М. И.* История хазар, с. 128; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X и XI вв. М., 1963, с. 110.
[14] *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Абу-Али-Ахмеда бен Омара ибн Даста. СПб., 1869, с. 93.

Распад Тюркского каганата положил начало самостоятельному существованию Хазарского каната. После длительной гражданской войны в Западнотюркском каганате между конфедерациями Дулу и Нушиби последние были низвергнуты. Остатки некогда могущественного тюркского рода Ашина из племенного объединения Нушиби бежали на запад и укрылись у оставшихся верными Нушиби хазар, основав там новую правящую династию[15]. Хазары считали себя прямыми наследниками и продолжателями политики Тюркского каганата в Западном Прикаспии. Вместе с династией из рода Ашина Хазария унаследовала государственные традиции и международный авторитет тюркской державы и стремилась к возрождению ее былого могущества.

Политика Хазарии на раннем этапе ее существования ничем не отличалась от политики Тюркского каганата. Первым делом хазарского каганата было покорение кочевого населения Северо-Западного Прикаспия. В выборе направления экспансии сыграли династические интересы. Прежде всего хазары нанесли удар по болгарам, которые были союзниками мятежного рода Дулу, врагов Нушиби[16].

Разгром болгар и покорение населения Северо-Западного Прикаспия казались хазарам настолько важными, что Иосиф считал этот политический акт началом образования Хазарского каганата. Безопасность и порядок, установившиеся в Прикаспии с гоподством хазар, дали мощный толчок не только процессу оседания кочевников, но и развитию производительных сил страны, где причудливо переплетались социально-экономические уклады и культуры двух миров.

Археологические исследования впервые дали возможность наполнить конкретным содержанием отрывочные сведения восточной географической литературы о Берсилии, выступающей древним центром Хазарского каганата. Исследования показали исключительно густое заселение Приморского Дагестана, где в настоящее время известно более 60 самых разнообразных по характеру археологических памятников, связанных с хазарами хронологически и по культуре. Все они (поселения, городища, крепости) подразделяются на три основные группы: 1) расположенные в предгорьях, 2) на границе переходной зоны от степей к предгорьям и 3) степные. Природно-географические условия находят отражение в планировке памятников, в характере крепостных сооружений и в структуре культурных отложений. Наибольшая концентрация памятников наблюдается в предгорьях и в переходной зоне от степей к предгорьям, где все их разновидности сосредоточены по долинам рек Сулака, Акташа, Ярыксу, Аксая и др. Наиболее многочисленную группу здесь составляют большие и малые поселения, в том числе хуторского типа, являющиеся в основном своеобразными спутниками расположенных рядом городищ. Последних также много, а некоторые из них примечательны своими обширными размерами и наличием вокруг остатков мощных крепостных сооружений. Особую группу составляют небольшие крепости в речных долинах и на господ-

---

[15] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 170.
[16] Там же, с. 171.

ствующих вершинах хребтов (Сигитминская, Андрейаульская, Туе-гирган, Хадумская и др.).

Памятники степной зоны Терско-Сулакского междуречья, расположенные по берегам рек и древних оросительных каналов, также подразделяются на открытие поселения, в том числе хуторского типа, крупные городища и крепости небольших размеров. Они примечательны прямоугольной планировкой городищ, округлой формой крепостей и в большинстве своем укреплены сырцово-глинобитными крепостными сооружениями или валами и рвами.

Несмотря на существенные различия в специфике памятников, все они объединены общей культурой сероглиняной керамики, свидетельствующей о единых путях исторического развития населения Терско-Сулакского междуречья в раннесредневековую эпоху. Важно отметить, что на некоторых городищах (Андрейаульском, Хазар-кала, Некрасовском и др.) эта локальная культура выразительно представлена в самых ранних слоях, относящихся к II—IV вв. В хазарское время она не только получает дальнейшее развитие, но и широко распространяется за пределами Терско-Сулакского междуречья. К югу от р. Сулак новая культура распространяется на памятниках приморской полосы до Дербента включительно, перекрывая отложения албано-сасанидской эпохи с характерной культурой красноглиняной и белоангобированной керамики. С VIII в. культура сероглиняной керамики широко распространяется на обширных просторах Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы[17].

Из всего многообразия бытовых памятников Прикаспия особо выделяются городища, которые по размерам и структуре подразделяются на две группы. Наиболее многочисленную группу составляют 22 городища, или 70% из их общего числа, площадь которых достигает 20 га. Они примечательны обособленными укрепленными цитаделями, расположенными на наиболее защищенных участках городищ. Ко второй группе относятся крупные городища (Верхнечирюртовское, Андрейаульское, Таркинское, Урцекское, Шелковское, Нурадиловское), площадь которых составляет 30—150 га. Для них характерна, как уже отмечалось, более сложная структура составных частей. Тщательно укрепленные цитадели их возвышаются на естественно защищенных участках городищ. Их окружают укрепленные посады, поселения-спутники или сельскохозяйственные округи. Вокруг городищ сохранились огромные некрополи с различными типами погребальных сооружений, свидетельствующих об этнической и социальной пестроте их обитателей. На некоторых городищах сохранились остатки культовых сооружений (языческих храмов и христианских церквей). Импортные изделия и монеты, а также остатки ремесленных производств (металлургии, ювелирного и гончарного), выявленные в процессе их раскопок, наряду с явным тяготением городищ к Прикаспийскому торговому пути являются свидетельством важной роли ремесла и торговли в экономике их обитателей. Совокупность этих признаков, концентрированно выраженных на каждом городище, и выделяет эту группу памятников как остатки крупных городов хазарской эпохи. Они блестяще под-

[17] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 103.

тверждают сведения письменных источников о существовании в Приморском Дагестане в хазарское время обширных и цветущих городов.

Таким образом, если период до вторжения кочевников в Терско-Сулакское междуречье представлен сравнительно небольшим количеством поселений и городищ (около 20% из общего их количества), то картина здесь резко меняется в хазарскую эпоху: вся эта территория оказывается покрытой густой сетью поселений и крупных городищ. Их становится не только значительно больше, но они увеличиваются и по размерам. Усложняется структура городищ, резко возрастает массивность их крепостных сооружений. Различны как конфигурация и структура городищ, так и пути их формирования. Некоторые из них (Урцекское, Таркинское, Андрейаульское) превращаются в городские центры еще в эпоху Кавказской Албании. Однако дальнейший их рост относится к хазарскому времени. На базе поселений местных народов возникают и такие городища, как Бавтугайское, Хазар-кала, Некрасовское. Однако наибольшее количество городищ здесь формируется в хазарское время (Верхнечирюртовское, Сигитминское, Исти-Су, Нурадиловское, Шелковское и др.). Культурные отложения обширного поселения, сохранившиеся у Бораульской крепости, свидетельствуют о наметившейся тенденции разрастания некоторых крепостей Хазарии в городские центры. Если конфигурация большинства более древних памятников определена топографией местности или планировкой предшествующей эпохи, то в хазарское время они в ряде случаев строились и по заранее разработанному плану (Шелковское, Нурадиловское, Новонадеждинское городища), что и определило их прямоугольную или округлую форму.

При многообразии путей сложения исследованные городища имеют ряд общих признаков в плане исторической топографии и социально-экономической структуры. Обособленные укрепленные цитадели на большинстве городищ (Андрейаульское, Верхнечирюртовское, Урцекское, Таркинское), а также наличие вокруг некоторых из них обширных посадов или поселений-спутников являются показателем социальной неоднородности их обитателей. Они выступают не только административными и торгово-рамесленными, но, судя по обширным огражденным округам, и сельскохозяйственными центрами страны. Подобная структура городищ и полуаграрная их специфика имеют много общего с городскими центрами Средней Азии и Закавказья накануне арабских завоеваний[18], что может свидетельствовать об общих путях социально-экономического развития этих областей. Очевидно, что в тревожную раннесредневековую эпоху условия для возникновения в Прикаспии многочисленных поселений и обширных городов, оставивших мощные, нередко достигающие до 3 м культурные отложения, а также для общего развития производительных сил края могли быть обеспечены лишь мощным политическим образованием. Подобным образованием и был Хазарский каганат, что подтверждается самыми

---

[18] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 6—7; *Апакидзе А.* Города древней Грузии. Тбилиси, 1968, с. 16—18; *Тревер К. В.* Указ. соч., с. 250—267.

различными материалами представленной здесь культуры. Следует отметить, что коренным и относительно быстрым изменениям экономического уклада и интенсивному освоению Прикаспия в немалой степени способствовали былые тесные связи кочевников и хазар, в частности, со среднеазиатским миром. Как отмечают исследователи, с превращением Средней Азии в неотъемлемую часть Западнотюркского каганата здесь наблюдается общий подъем экономики и культуры. Росли и богатели города, процветали земледелие, ремесла и торговля[19]. И важно, что если кочевники конфедерации Дулу занимали степные просторы Средней Азии, то Нушиби (хазары) были тесно связаны с южными земледельческими областями Ферганы и Согда. А такие богатые города, как Самарканд, Бухара, Чач, не только были покорены ханами Ашина, но и долгое время были их опорой[20]. Тесные связи тюрок (хазар) с оседлыми народами Согда, где проживали и компактные группы тюркского населения, находят яркое подтверждение в материальной культуре[21]. В условиях Средней Азии кочевники переходят от союза племен к государству и во многом воспринимают быт и идеологию оседлых народов[22]. Вытесненные из Средней Азии хазары из тюркского рода Ашины уже были знакомы с навыками оседлого быта и городскими традициями. Поэтому в условиях Приморского Дагестана они выступают не только кочевниками, но и беженцами или переселенцами. Только этим можно объяснить, что вслед за полосой противоборства и разрушений именно с хазарского времени в Приморском Дагестане складывается наибольшее количество поселений.

Взаимосвязь возрождения земледельческой культуры Прикаспия и хазар наглядно иллюстрирует табл. 1.

Из таблицы видно, что интенсивное обживание просторов Терско-Сулакского междуречья относится к хазарской эпохе. С хазарами связано не только возрождение поселений в предгорьях, но и освоение всей степной зоны Прикаспия. На фоне густой сети памятников этого региона очевидна несостоятельность бытующей до сего времени теории о так называемой «Хазарской Атлантиде» или «Прикаспийских Нидерландах», которая получила широкое освещение в печати. Автор этой теории Л. Н. Гумилев, предпринявший в начале 60-х годов безрезультатные поиски вещественных следов хазар в приморских районах Дагестана, пытается объяснить причину их отсутствия следующим образом. Он пишет, что на Хазарию «неуклонно наступала вода морская. Она медленно заливала плоский берег — «Прикаспийские Нидерланды» — губила посевы и сады, нагонами разрушала деревни. К середине X в. уже две трети хазарской территории оказались под водой»[23]. Красноречивым свидетельством того, что Хазария не погибла в волнах Каспийского моря,

---

[19] *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967, с. 41.
[20] Там же, с. 153—158.
[21] *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980, с. 107.
[22] *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 119; *Распопова В. И.* Указ. соч., с. 109.
[23] *Алексин А., Гумилев Л. Н.* Хазарская Атлантида.— Азия и Африка, 1962, № 2; *Гумилев Л. Н.* Хазария и Терек.— Вестн. ЛГУ, 1964, № 4, с. 78; *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 1966, с. 92.

Таблица 5. Этапы обживания Терско-Сулакского междуречья

Памятник	Время существования: I—V вв.	VI—IX вв.	X—XIV вв.
Верхнечирюртовское городище	—	+	—
Бавтугайское городище	+	+	—
Сигитминское городище	—	+	—
Городище Исти-Су	—	+	+
Мусашейховское поселение	—	+	—
Поселение на Черном поле	—	+	—
Правобережное поселение	—	+	—
Поселение Тлар	—	+	—
Миатлинское поселение	—	+	+
Хадумская крепость	—	+	—
Крепость Туе-гирган	—	+	—
Андрейаульское городище	+	+	—
Андрейаульское поселение	—	+	+
Крепость Аркабаш	—	+	—

Памятник	Время существования: I—V вв.	VI—IX вв.	X—XIV вв.
Калининаульское городище	—	+	—
Новокулинское городище	+	+	—
Капчугайское городище	+	+	+
Османюртовское поселение	—	+	—
Крепость Тенг-кала	+	+	—
Герменчикская крепость	—	+	—
Бораульская крепость	—	+	—
Новонадеждинское городище	—	+	—
Некрасовское городище	+	+	—
Шелковское городище	—	+	—
Бараганчинское городище	—	+	+
Нурадиловское городище	—	+	—
Бараганчинское поселение	—	+	—
Итого	6	27	5

является сам факт существования этих памятников и густое их расположение в Терско-Сулакском междуречье. Значительные культурные напластования, отложившиеся на памятниках, не несут следов раннесредневековой трансгрессии или колебания уровня Каспийского моря. И даже на таких памятниках, как Некрасовское городище и крепость Тенг-кала, расположенных в низовьях Терека и Сулака, следы резких колебаний уровня моря и вызванных им «катастроф» в хазарское время археологически не прослежены. Таким образом, теория Л. Н. Гумилева о «Хазарской Атлантиде» применительно к прикаспийской Хазарии в свете новых археологических исследований в Дагестане оказывается несостоятельной.

Некоторые исследователи, оказавшиеся в плену этой теории, полагают, что все поселения, расположенные на прикаспийской равнине, возникли на естественных холмах, являющихся останцами древних морских террас, склоны которых якобы были специально эскарпированы в целях обороны [24]. Однако уже первые исследователи поселений отмечали, что это не так [25]. Последующие раскопки на Некрасовском,

---

[24] *Федоров Г. С., Федоров Я. А.* Прикаспийский Дагестан в первые века нашей эры.— УЗ ИИЯЛ, 1969, т. 19, с. 168; *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* К вопросу о южной границе Хазарии.— Вестн. МГУ, 1970, № 3, с. 83.

[25] *Пикуль М. И.* Отчет об археологических работах за 1951—1952 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 11, с. 8.

Новонадеждинском, Тенг-кала, Герменчикском и других памятниках показали, что они возникли не на естественных холмах, а на ровных берегах рек и древних каналов и представляют собой искусственные тепе, образовавшиеся в результате длительного скопления на них культурных отложений, особенно массивных остатков оборонительных сооружений, которые служили защитой для их обитателей и от возможных весенних паводков [26].

Не случайно навыки оседлого быта, обретенные в условиях Средней Азии, а также элементы культуры, связанные с традициями кочевников, наиболее выразительно сохранились на памятниках Терско-Сулакского междуречья. Этот район и выступает древней Берсилией, где начался процесс зарождения хазарского государства. Здесь сложился и древний политический центр страны, известный под названием Беленджер.

С исследованием наиболее крупных городищ Приморского Дагестана хазарского времени (Верхнечирюртовского, Таркинского, Урцекского, Шелковского и др.) появилась реальная возможность для сопоставления их остатков со сведениями письменных источников о географическом положении древних политических центров Хазарии.

С локализацией Беленджера на месте обширного Верхнечирюртовского городища, расположенного в долине р. Сулак, раскрываются причины противоречивости сведений письменных источников об этом городе. Топография городища и Сулакской долины в целом свидетельствуют не о противоречивости, а скорее об объективности источников. В них отразились разные, но действительно присущие не только городу, но и всей плотно заселенной долине особенности. Замкнутая отрогами хребтов долина Сулака, где, помимо Верхнечирюртовского городища, представлено 15 памятников хазарского времени, и выступает не только городом, но и страной Беленджер, являвшейся составной частью Берсилии.

Возникновение новой столицы Хазарии под названием Семендер связано со значительным расширением первоначальных пределов Берсилии в южном направлении в результате военной экспансии хазар против Кавказской Албании и Сасанидского Ирана. Новая столица, судя по археологическим материалам, складывается на месте Семендера (Таркинского городища), расположенного у наиболее узкого участка приморской полосы в районе г. Махачкала. Перемещение столицы из Беленджера обусловлено и стратегическими причинами. На новом месте она своими крепостными стенами закрывала приморский коридор и этим обеспечивала эффективный контроль над важной коммуникацией древности. Подобно Дербенту, Семендер имел выход в море.

С локализацией Семендера выясняются и причины появления у хазарских каганов летней резиденции под названием Варачан. Под этим названием выступает одновремено и столица «царства» гуннов. сложившегося в Приморском Дагестане между Семендером и Дербентом. Вара-

---

[26] *Магомедов М. Г.* К вопросу о колебаниях уровня Каспийского моря в хазарскую эпоху.— В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980, с. 147.

чан локализуется на месте Урцекского городища[27], расположенного, подобно Семендеру, на узком участке приморской полосы. Городище примечательно не только стратегическим местоположением и большими размерами, но и монументальными остатками оборонительных сооружений, протянувшихся до берега моря. Наличие в отложениях заключительного периода Урцекского городища сероглиняной керамики, характерной для древней Берсилии, является свидетельством распространения культурного и политического влияния хазар на страну гуннов. Гуннский князь, по сообщению источников, был вассалом хазарского кагана и находился с ним в родстве[28]. Поэтому расположенное в живописной долине Урцекское городище (Варачан) было одновременно и летней резиденцией хазарских каганов[29].

Археологические данные и анализ политической обстановки, сложившейся в Хазарии с началом арабо-хазарских войн, позволяют предположить о появлении в стране и второй столицы под названием Семендер. Возникновение нового Семендера связано с неоднократными вторжениями арабов и разрушениями древних центров Хазарии в Приморском Дагестане. Перемещением Семендера из приморской полосы за Терек и объясняют причины двух различных расстояний до них от Дербента, отразившихся почти во всех письменных источниках. Массивные крепостные сооружения Шелковского городища, расположенного на левом берегу Терека, наряду со слабой выраженностью его культурных отложений являются свидетельством непродолжительности существования этой основательно укрепленной резиденции хазарских каганов, которая с началом арабских завоеваний не случайно оказывается не к югу, а к северу от древнего Беленджера (рис. 67).

Таким образом, лишь комплексное исследование археологических материалов и сведений письменных источников с учетом политической обстановки, сложившейся в Хазарии с началом арабских завоеваний, дают возможность наиболее объективно разобраться в сложной проблеме местоположения и перемещения ранних политических центров каганата.

Археологические исследования в Приморском Дагестане впервые позволили раскрыть и тайну погребальных сооружений и ритуала захоронения хазар. Это стало возможно при исследовании некрополей древней столицы Хазарии — Беленджера (Верхнечирюртовское городище).

Среди различных типов погребальных сооружений на могильниках Беленджера, как уже отмечалось, выделяются количеством и богатством инвентаря подкурганные катакомбы VII—VIII вв. Конструктивные их особенности, элементы погребального обряда, а также богатый погребальный инвентарь имеют столь ярко выраженное локальное своеобразие, что они не могут быть сопоставлены с известными соответствующими аланскими памятниками. Для погребальных обрядов северокавказских алан необычно помещение в могилы слабо изогнутых сабель, кольчуг и панцирей. Аланскому набору украшений VII—VIII вв. чужд ряд форм

[27] *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 182.
[28] История агван Моисея Каганкатваци, с. 199.
[29] *Коковцов П. К.* Указ. соч., с. 83.

пряжек сибирско-алтайских типов. Здесь не лишне напомнить и о рисунке всадника с развевающимися косами из Верхнечирюртовского кургана 17 — особенность, зафиксированная только у тюрок и у авар Среднего Подунавья. Несмотря на кажущуюся общность форм катакомб верхнечирюртовских и аланских погребений, они различаются в деталях устройства. Необычна для алан забутовка дромосов булыжником, необработанным камнем или сырцовым кирпичом. Чуждо аланам применение настила и гробов из камышовых жгутов, характерных для верхнечирюртовских катакомб. Не в Алании, а среди народов Азии и степей Поволжья представлен и верхнечирюртовский антропологический тип с характерной примесью монголоидных признаков и нередко кольцевой деформацией черепа. О широком распространении катакомбных погребальных сооружений среди кочевников Приморского Дагестана свидетельствуют аналогичные верхнечирюртовским катакомбы Джемикентского, Таргунского и Андрейаульского могильников, связываемые с пришлыми тюркоязычными народами. Очевидно, катакомба не была для кочевников новым, неизвестным ранее погребальным сооружением. С ней они, вероятно, столкнулись в Средней Азии, где катакомбы были широко распространены не только среди оседлого, но и кочевого населения. Там же известны характерная для Верхнего Чирюрта забутовка дромов камнями, гробы-футляры из камыша и веток, закладка катакомб сырцовыми кирпичами. Подсыпка угля, зафиксированная во многих верхнечирюртовских катакомбах, может свидетельствовать о древних традициях трупосожжения, а забутовка дромосов камнями и кирпичами, возможно, является пережитком каменных насыпей курганов, практиковавшихся у сибирских тюрок. В условиях Приморского Дагестана в погребальном ритуале пришлых кочевников не случайно сохраняются пережитки древних традиций. Больше всего они прослеживаются в материалах богатого Верхнечирюртовского курганного могильника, прочно связывая его с пришлой хазарской знатью.

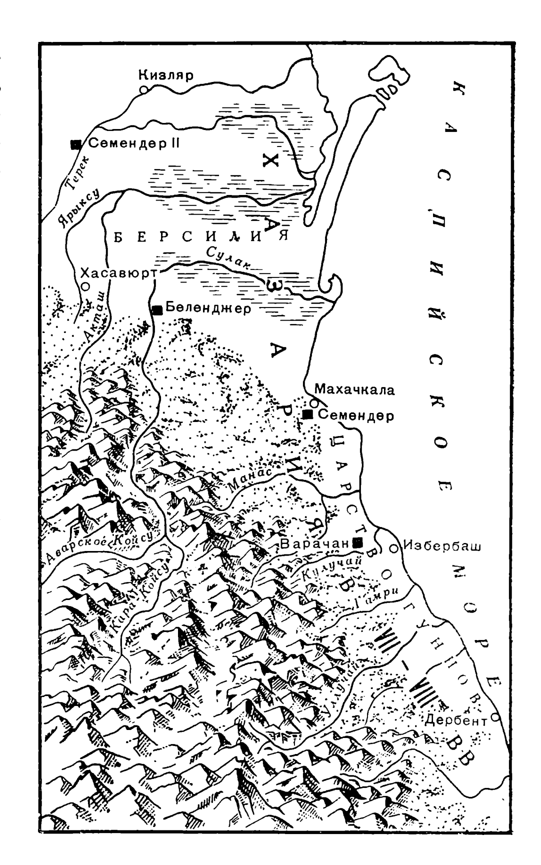

Рис. 67. Хазария в VII—VIII вв.

В целом развитию экономики и формированию культуры Хазарии, в которой четко выражены и элементы, характерные для кочевников, спо-

собствовала стабилизация военно-политической обстановки страны. В немалой степени этому способствовала и своеобразная внутренняя политика хазар. Объединенные в составе каганата народы и племена при их вассальном подчинении верховной власти хазарского царя в то же время сохраняли свою внутреннюю организацию во всем, начиная от системы самоуправления и кончая религией. Подобная веротерпимость, а также «справедливость и безопасность», установившиеся в стране, притягивали в Хазарию многочисленных ремесленников и купцов[30], которые тоже способствовали развитию производительных сил. Основной формой хозяйства Хазарии в VII—VIII вв. становятся земледелие и скотоводство. О земледельческой основе экономики не только поселений, но и городов свидетельствуют орудия труда, остатки многочисленных зерновых ям, а также структура самих городов, к которым примыкают огражденные стенами обширные сельскохозяйственные округи. Наиболее наглядно характер земледелия в древней Хазарии воссоздают результаты почвенных и палеоэтноботанических исследований памятников Терско-Сулакского междуречья. Исследованиями установлено, что земледелие в Хазарии было орошаемым и им занимались в предгорных долинах. Его основными видами были виноградарство и садоводство, немаловажную роль играл и высев зерновых культур. Об интенсивном характере земледелия в Хазарии свидетельствуют остатки древних ирригационных каналов в Терско-Сулакском междуречье. Сообщения о многочисленных виноградниках и садах вокруг хазарских городов в Приморском Дагестане нередко встречаются в письменных источниках. Древняя Хазария являлась родиной самых разнообразных сортов винограда. Хазары распространили из Дагестана навыки сельскохозяйственного производства, в частности опыт возделывания винограда, не только на Волге и Дону, но и во многих районах Восточной Европы[31].

Наряду с земледелием в экономике страны важное место занимало скотоводство. Анализы обширных костных материалов с исследованных городищ свидетельствуют о коренных изменениях кочевнической системы хозяйства в сторону традиционного для Кавказа оседлого и отчасти отгонного скотоводства.

Концентрация хазарских городов и поселений по побережью моря и вдоль рек, особенно Сулака и Терека, богатых рыбой ценных пород, является показателем существенного значения рыболовства в экономике страны. Об этом говорят и находки в культурных отложениях костей осетровых рыб и различных форм грузил.

Таким образом, отмеченное выше своеобразие развития сельского хозяйства позволяет предположить, что доминирующая роль каганата способствовала природно-географической специализации хозяйства на обширных просторах Предкавказья в VII—VIII вв.

Высокий уровень развития земледелия и скотоводства в свою очередь содействовал расцвету всех отраслей ремесленного производства в стране. Центрами специализированных ремесленных производств выступают

---

[30] *Ал-Масуди.* Книга сообщений и знаний/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII, с. 46.
[31] *Потапенко А. И.* Старожил земли русской. Ростов, 1976, с. 47—51.

города Хазарии, расположенные вдоль Прикаспийского пути. О высоком уровне развития ремесленного производства и о великолепии искусства хазарских кузнецов свидетельствуют следы плавки железа, а также разнообразное оружие: слабоизогнутые однолезвийные сабли, бронебойные и свистящие наконечники стрел, граненые наконечники копий, остатки кольчуг и доспехов, в том числе и конских, выявленные в погребениях хазарской знати. Они являются продукцией высокоразвитых центров черной металлургии. Хазарские ремесленники знали и секреты производства стали, о чем свидетельствуют найденные в погребениях знати изогнутые однолезвийные сабли.

О высоком профессиональном мастерстве ремесленников и узкой специализации различных отраслей кузнечного и ювелирного производств говорят многочисленные украшения (из бронзы, серебра, золота), найденные в погребениях хазарской знати вместе с оружием. Местные мастера не только владели сложным искусством ювелирного производства, но и, творчески переосмысливая различные орнаментальные мотивы и композиции, создавали изделия, отвечавшие традиционным вкусам своих заказчиков. В этом плане шедеврами прикладного искусства являются костяные накладки седла с выгравированными на них сценами охоты.

Самостоятельной отраслью ремесла было и гончарное производство, продукция которого представлена на памятниках десятками тысяч обломков высококачественной богато орнаментированной керамики. Комплексы керамических печей, исследованных на Верхнечирюртовском и Андрейаульском городищах, говорят не только о специализации, но и стандартизации в этой отрасли производства. Можно думать, что ремесленное производство в Хазарии отделяется от земледелия и приобретает тенденцию работы на заказ, на рынок.

Анализ основных групп керамики хазарского времени (столовой, кухонной и тарной), позволяет выявить единые пути формирования культуры сероглиняной керамики, уходящие своими корнями к древним традициям гончарного производства местных народов. Хронологическая модификация керамики наглядно прослеживается в нивелировке основных ее типов по всей территории древней Хазарии. Влияние кочевнических традиций находит отражение в орнаментации керамики лощением и рифлением, а также в способах оформления ручек в виде зооморфного изображения, чаще всего коня.

Генетическую связь керамики древней Хазарии и салтово-маяцкой культуры можно проследить в типах и формах сосудов, в технологии производства, а также в способах украшения их внешней поверхности лощением.

Остатки монументальных построек, оборонительных и культовых сооружений, исследованные особенно на Верхнечирюртовском городище, отражают большие достижения и в строительном деле. Хазарские строители не только умели возводить монументальные сооружения из необработанного камня, сырцового кирпича и глинобита, но и знали секреты сейсмостойкого строительства. Антисейсмические камышовые пояса для снижения вертикальных и горизонтальных нагрузок прослежены при исследовании крепостных стен Беленджера, расположенного в зоне повышенной сейсмической активности. О высоком мастерстве ха-

зарских каменотесов свидетельствуют остатки церквей, алтарных постаментов и крестов, исследованных на Верхнечирюртовском некрополе, которые примечательны соразмерностью форм и выразительностью элементов их украшений.

Значительные достижения наблюдаются и в жилищно-бытовом строительстве, где прослеживается тенденция постепенного перехода кочевников от простых юртообразных жилищ к наиболее рациональному в условиях Приморского Дагестана сырцовому или каменному домостроительству.

Большие достижения во всех отраслях хозяйства, высокий уровень и массовый характер ремесленного производства способствовали развитию внутренней и внешней торговли в стране. Хазария была вовлечена в международную торговлю уже своим расположением на перекрестке торговых путей. Приморские города становятся не только административными, но и торговыми центрами страны. О наличии базаров в Семендере, где жили купцы из разных стран и куда доставлялись товары из самых удаленных уголков каганата и из других стран, сообщают письменные источники [32].

Пошлины, взимавшиеся с торговых судов и караванов, являлись одной из доходных статей каганата [33]. О широких оживленных торговых связях Хазарии свидетельствуют импортные украшения, в частности некоторые виды бус и стеклянных изделий (флаконы для благовоний, скарабеи), а также различные украшения (пряжки, серьги, перстни) византийского происхождения, выявленные в хазарских могильниках. Представляют интерес остатки амфоры, найденной на Андрейаульском городище, куда она могла попасть из причерноморских городов. Уникальным документом внешних связей разных областей Хазарии является погребение китайского купца VIII в. в Мощевой балке (р. Большая Лаба), содержавшее обрывки картины на шелке и переплет рукописи с приходно-расходными записями [34]. Ярким показателем торговых сношений с внешним миром служат находки монет Византии, Ирана и Арабского халифата на могильниках Таркинского и Верхнечирюртовского городищ. Многочисленные отдельные монеты и целые клады монет халифата и Византии VIII—IX вв. выявлены на территории Северного Кавказа [35], являвшегося составной частью Хазарского каганата.

На базе оживленных торговых связей внутри страны и с внешним миром в Хазарии складываются условия для денежного обращения и чеканки собственной монеты. Для этого были не только экономические, но и политические предпосылки, обусловленные возросшей мощью каганата и соперничеством с Арабским халифатом и Византией.

О денежном обращении в древней Хазарии свидетельствует налоговая практика каганата. По сообщению Моисея Каганкатваци, в захваченной Албании хазары требовали пошлины с товаров и промыслов «и

[32] *Заходер Б. Н.* Указ. соч., с. 201.
[33] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 405.
[34] *Иерусалимская А. А.* «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972, с. 7—8.
[35] *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1959, вып. 8, с. 28—29; *Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П.* Находки индикаций византийских монет вблизи Кисловодска.— Византийский временник, 1971, т. 32, с. 219—222.

по дидрахму (дирхему) по обыкновенной переписи царства персидского»[36].

О больших скоплениях в каганате денежных средств интересные сведения сообщает Ибн А'сами аль-Куфи. Он пишет о передаче каганом около 760 г. ста тысяч дирхемов в качестве приданого своей дочери, вышедшей замуж за наместника Армении Иязида Ибн Усайда ас Сулами[37]. О чеканке в Хазарии собственной монеты могут свидетельствовать некоторые золотые монеты из верхнечирюртовских могильников, которые по заключению В. В. Кропоткина являются подражанием солиду Ираклия, чеканенному в 613—616 гг., и его византийским монетам 613—641 гг. Индикация с византийских монет — нередкие находки и на Северном Кавказе[38]. Единственным государственным образованием на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе, наладившим в VII в. чеканку монет по византийским образцам, могла быть только Хазария, тесно связанная с Византией династическими и союзническими отношениями. Интересно отметить, что чеканка собственной монеты, подражавшей восточным образцам, в Хазарии практиковалась и в VIII—IX вв. Специалисты связывают с хазарской чеканкой некоторые типы куфических монет из кладов Восточной Европы[39]. А в составе куфических монет Девицкого клада имеется несколько типов монет, чеканенных в Ард ал-Хазар («Земле хазар»), которые, по мнению А. А. Быкова, чеканились в самой Хазарии[40]. Свидетельством раннего проникновения в Хазарию халифских монет может служить динар, найденный в одном из склепов Таркинского могильника (некрополя Семендера). Омейядский анонимный динар из склепа, относящегося к 732—733 гг., имеет медное ядро и золоченную поверхность[41].

Все приведенные данные позволяют предположить, что чеканка монет в стране была обусловлена ходом экономического развития и началась с подражаний византийским образцам. В дальнейшем чеканка монет в Хазарии продолжалась в несколько этапов, причем монеты были подражанием арабским дирхемам, и оборвалась, не достигнув полного развития[42].

Новые формы социально-экономических отношений, установившиеся в Хазарии в VII—VIII вв., вызывали потребность господствующего класса в соответствующей духовной культуре. О былых языческих воззрениях народов древней Хазарии сообщает ряд источников, которые находят подтверждение в многочисленных археологических материалах.

---

[36] История агван Моисея Каганкатваци, с. 129—130.

[37] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 241.

[38] *Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П.* Указ. соч., с. 219—222.

[39] *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 121; *Он же.* Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в.— В кн.: Славяне и Русь. В честь академика Б. А. Рыбакова. М., 1968, с. 75—79.

[40] *Быков А. А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв.— В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974, с. 56.

[41] Монета была определена Г. А. Федоровым-Давыдовым, за что приношу ему свою глубокую благодарность.

[42] *Быков А. А.* Указ. соч., с. 68—69.

Свидетельством почитания хазарами культа солнца и огня могут служить огромные зольники, сохранившиеся на Урцекском и Андрейаульском городищах. Очаг для кочевника был священным местом, и поэтому выкид из него собирали в особые кучи.

С языческим культом связаны различные ритуальные фигурки в виде птицы, мышки, кабаньи клыки, онгоны, а также зубы собаки и волка, в том числе и просверленные, встречающиеся в культурных отложениях памятников. С культом солнца или верховного божества. Тенгри-хана связаны бронзовые фигурки всадника и различные амулеты, выявленные на верхнечирюртовских могильниках.

Языческий характер погребального ритуала довольно наглядно отражают и сами погребальные сооружения, сопровождающиеся нередко угольными подсыпками и конскими захоронениями.

Многочисленные языческие культы, существовавшие среди кочевников, очевидно, уже не соответствовали качественным изменениям социально-экономической структуры страны. Проникновению монотеистических религий в Хазарию способствовали успехи внутреннего развития и широкие политические и торгово-экономические связи с внешним миром. О значительных успехах закавказских миссионеров в зарождавшейся Хазарии свидетельствуют остатки двух церквей и различные христианские символы, выявленные на Верхнечирюртовском городище и некрополях. Христианские древности каганата, как показали исследования, органически связаны с албано-армянскими, откуда в Хазарию вместе с христианским учением проникли и каноны церковного строительства.

Несмотря на большие успехи закавказских миссионеров, христианство не стало государственной религией Хазарии. Официальное принятие христианства противоречило политическим интересам хазар, поскольку это означало их идеологическое подчинение Византии.

Наряду с христианством, судя по сведениям письменных источников, в Хазарии получает распространение иудейская и мусульманская религии. Однако археологические следы этих религий в древней Хазарии не обнаружены. Косвенным свидетельством распространения иудейской религии в Хазарии могут служить сведения местных хроник, в которых некоторые селения в предгорьях Дагестана называют еврейскими. В хрониках, очевидно, нашло отражение проникновение в предгорные районы Дагестана части населения Хазарии, господствующие классы которой официально приняли иудейскую религию в начале IX в.

Продолжавшаяся на всем протяжении истории Хазарского каганата «борьба за веру», связанная с внешнеполитическими причинами и социально-этнической пестротой объединенных в составе каганата народов, обусловила здесь известную «веротерпимость». Однако ни одна из мировых религий не заняла прочных позиций в Хазарии и не стала фактором социального объединения народов [43].

Бурное развитие производительных сил в стране закономерно вело к имущественному расслоению общества и превращению Хазарии в классовое государство. Этому в немалой степени способствовали и грабительские походы хазар. В VI—VIII вв. страны Закавказья неодно-

[43] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 458.

кратно подвергались опустошительным набегам хазар и облагались ими тяжелой данью[44]. Накопление награбленных богатств в руках аристократизирующейся верхушки способствовало заметному углублению социально-имущественной дифференциации.

О классовом характере хазарского общества сообщают и письменные источники (аль-Истахри, Масуди, Ибн Хаукаль), и это находит яркое подтверждение в археологических материалах Приморского Дагестана. Классовое расслоение хазарского общества наиболее выразительно прослеживается на некрополях Беленджера. На фоне бедных захоронений основной массы горожан резко выделяется могильник хазарской аристократии, где захоронения произведены в обширных катакомбах под большими курганными насыпями и сопровождаются разнообразными высокохудожественными изделиями из бронзы, серебра и золота, а также вооружением и конским снаряжением. О богатом оружии и доспехах хазарской аристократии сообщают также письменные источники. Например, Гардизи пишет, что войско хазар имело знамена, копья, крепкие панцири и добрые кольчуги[45].

Глубокие социальные изменения в Хазарии отражены и в структуре городищ. В пределах почти всех исследованных здесь городищ сохранились цитадели, изолированно расположенные на недоступных участках и огражденные крепостными стенами. Наиболее крупные города имеют и более сложную трехчастную структуру. Оборонительными стенами отделены от них обширные посады, что свидетельствует не только о социальных различиях обитателей городов, но и о концентрации в них больших масс населения. Появление в Хазарии обширных городских центров и урбанизация части населения в каганате являются следствием глубоких изменений в структуре общества, связанных с переходом к территориальной общине и начавшимися процессами социальной дифференциации. В четко выраженной социальной структуре городов Хазарии, обитатели которой были изолированы друг от друга глубокими рвами и мощными крепостными стенами, находит яркое отражение положение Ф. Энгельса, который отмечал, что «недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»[46].

Ряд основательно укрепленных крепостей-замков (Герменчик, Тенгкала, Бораул и др.), сохранившихся в Терско-Сулакском междуречье, с характерной для кочевников округлой планировкой, может свидетельствовать о начинавшемся процессе зарождения класса феодалов в Хазарии. Крепости выделяются небольшими (не более 100 м в диаметре) размерами, нередко изолированно расположены вдали от обширных городских центров и укреплены массивными сырцово-глинобитными стенами. Для некоторых из них характерно тяготение к зоне распространения современных луговых почв, не имеющих погребенного агрикультурного горизонта. Районы расположения крепостей служили преиму-

---

[44] *Буниятов З. М.* О длительности пребывания хазар в Албании в VII—VIII вв.— Изв. АН АзССР, 1961, № 1, с. 21.
[45] *Заходер Б. Н.* Указ. соч., с. 221.
[46] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 164.

щественно для интенсивного выпаса скота. Все эти особенности, присущие для крепостей, и позволяют выделить их в качестве феодальных замков аристократических семей каганата, традиционно продолжавших заниматься скотоводством.

Прослеживаемые на самых разнообразных археологических материалах социальные контрасты позволяют считать Хазарию уже в VII—VIII вв. государственным образованием раннефеодального типа.

Границы государства относительно четко очерчиваются единой серолощеной керамикой, которая при хазарах стандартизируется, обретает общегосударственный характер и распространяется по всему Приморскому Дагестану до Дербента включительно. В пределах распространения этой культуры и на современном этапе не случайно проживают в основном тюркоязычные народы Дагестана. Можно думать, что в Хазарии существовала не только монархическая надстройка, опиравшаяся на хорошо вооруженную армию, но и целая система органов управления. Свидетельством этого являются сообщения Моисея Каганкатваци о хазарских надсмотрщиках над различными промыслами в Албании. И наконец, общественные отношения, воплотившиеся в структуре хазарских городов и могильников, а также наличие здесь феодальных замков позволяют предположить о возникновении феодальной собственности на землю, что также находит отражение в письменных источниках. Довольно определенное указание о феодальной собственности на землю в Хазарии имеется в письме царя Иосифа. Он, в частности, пишет, что «...с месяца Нисана мы выходим из города и идем каждый к своему винограднику и к своему полю» [47].

Эти определяющие признаки раннефеодального государства дополняются попытками распространения в стране единого христианского мировоззрения, а также чеканкой собственной монеты.

Можно предположить, что в Хазарии была и своя письменность. Косвенным подтверждением этого могут служить, в частности, рунические надписи, найденные на Хумаринском городище VIII—X вв. Памятник связывается исследователями (В. А. Кузнецов, Х. Х. Биджиев, А. В. Гадло) с тюркско-хазарской эпохой. По культуре и времени бытования Хумаринское городище можно отнести к опорным пунктам Хазарии в предгорьях Северного Кавказа [48].

Тяжелым испытанием прочности созданного хазарами государства явились начавшиеся в середине VII в. арабо-хазарские войны за владычество над Кавказом. Арабской агрессии на Кавказе хазары противопоставили объединенную мощь кочевников и северокавказских народов. Исключительно важным фактором в отражении арабской агрессии являлась система крепостей, протянувшаяся по Приморскому Дагестану более чем на 200 км от Дербента до Терека. В этой глубоко продуманной системе обороны неоднократно увязали арабы, которые в VII—VIII вв. победоносно прошли до Индии на востоке и до Франции на западе. Измотанных морально и физически на подступах к многочислен-

---

[47] *Коковцов П. К.* Указ. соч., с. 87—102.

[48] *Биджиев Х. Х.* Раскопки городища Хумара в 1977 году.— В кн.: Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1979, с. 47.

ным городам и крепостям арабов встречала в степях Северного Дагестана хорошо вооруженная бронированная хазарская конница, которая и завершала разгром их остатков. Поэтому не удивительно, что в многочисленных сведениях письменных источников, посвященных арабо-хазарским войнам, упоминается лишь один, наиболее успешный поход Мервана, который нанес тяжелый удар по хазарам в 737 г.[49] Успех Мервана объясняется тем, что он разгадал тактику хазар и двинул свои войска против них с двух направлений. Часть войск вторглась в Хазарию обычным путем через Приморский Дагестан. А главные силы во главе с Мерваном ударили внезапно по тылу хазарской конницы со стороны Грузии через Дарьяльский перевал. Однако успехи Мервана не сокрушили хазар. Они и союзные им северокавказские народы своей героической борьбой в VIII в. остановили арабскую агрессию в Юго-Восточную Европу. В этом большое историческое значение совместной борьбы народов, объединенных в составе Хазарского каганата, против экспансии Арабского халифата. Выстояли эту схватку хазары ценой больших потерь. В огне пожаров погибли и обезлюдели цветущие города и многочисленные поселения хазар в Приморском Дагестане[50]. Центры ослабленной, но не сокрушенной Хазарии под давлением арабов переместились на Волгу и Дон. Здесь возникла очередная столица каганата под названием Итиль и появились новые поселения и города. Переселенцы из древней Хазарии (хазары, барсилы, беленджеры, савиры, булгары, аланы и др.) перенесли в Юго-Восточную Европу основные компоненты хозяйственно-культурного типа, сложившиеся в древней Берсилии. Приморский Дагестан из колыбели Хазарии превратился в конце VIII в. в ее южную окраину.

В целом, в свете археологических исследований в Приморском Дагестане древняя Хазария предстает перед нами как раннефеодальное государственное образование, в котором, взаимно восполняя друг друга, переплелись оседло-земледельческие традиции местных народов с культурой кочевников, с их мобильностью и военно-политической активностью. В тревожную раннесредневековую эпоху лишь хазары сумели стабилизировать обстановку в Приморском Дагестане и создать условия для консолидации народов и бурного развития производительных сил страны. С ними связано возрождение Приморского Дагестана, оказавшегося ареной первого феодального государственного образования Восточной Европы в VII—VIII вв. В последующих IX—XI вв. памятники с элементами культуры хазар получают распространение в предгорных районах Дагестана. В погребальном инвентаре таких могильников, как Агачкалинский, Узунталинский, Акушинский, наряду с материалами, связанными с местными народами, выразительно представлены оружие и украшения, характерные для памятников хазар Приморского Дагестана. Смешанный характер культуры этих памятников является свидетельством инфильтрации отдельных групп населения каганата в глубь Дагестана. Их проникновение в горные районы связано с последствиями

---

[49] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 218.

[50] *Ал-Истахри.* Книга путей царств/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1901, вып. XXIX, с. 37.

арабо-хазарских войн, в результате которых произошло массовое переселение хазар из разоренного Приморского Дагестана не только на Волгу и Дон, но и в предгорья Дагестана. Однако в горах хазары растворились среди местного населения, сохранив память о себе в этнографической действительности народов Дагестана. Поэтому наследие хазар здесь прослеживается и в многочисленных памятниках материальной, и в различных сферах духовной культуры. Исследователи отмечают, что тюркоязычные народы Приморского Дагестана являются коренными дагестанцами по культуре и антропологическому типу [51]. Языковой их тюркизации способствовали, очевидно, не только волны тюркоязычных кочевников, прокатившиеся по Приморскому Дагестану до и после Хазарского каганата. В немалой степени процесс их этногенеза связан с доминирующим, почти трехсотлетним экономическим и политическим господством хазар в Приморском Дагестане. Свидетельством этого может служить и то, что границы распространения тюркского языка в Дагестане совпадают в общих чертах с границей археологических памятников, связанных с хазарами. Восприняв культурные традиции местных народов, хазары в то же время навязывают им свой язык как следствие политического господства. Более того, в процессе длительного смешения с местными народами сами хазары обрели совершенно новый антропологический тип, о чем свидетельствуют краниологические материалы с верхнечирюртовских могильников, содержащие лишь незначительную примесь монголоидных признаков [52]. Поэтому не случайно, что в сведениях письменных источников хазар постоянно различают от самих тюрок, составлявших дружину Хазарского кагана [53]. Это и не удивительно, если учесть, что первые достоверные сведения о хазарах в Дагестане появляются в источниках в начале VI в. Нередки сообщения и о более раннем проникновении и вторжении их совместно с барсилами в страны Закавказья. Эти сообщения хотя и вызывают сомнения исследователей, но могут оказаться и достоверными. Тем не менее пребывание хазар в Дагестане на протяжении VI—VIII в. уже было, видимо, достаточно для радикальной культурной и антропологической их трансформации.

Как отмечал Ф. Энгельс, «... при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому «хозяйственному положению» завоеванной страны в том виде, с каким оно оказывается после завоевания; он ассимилируется покоренным народом и большей частью вынужден усваивать даже его язык» [54]. Культурная и этническая ассимиляция хазар в Дагестане, очевидно, была столь значительна, что они выступают качественно новым народом. М. И. Артамонов не без основания считал хазар местным населением [55]. От изначально тюркского хазары сохранили лишь

---

[51] *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961, с. 31; *Гаджиев А. Г.* Древнее насселение Дагестана. М., 1975, с. 53.
[52] *Кондукторова Т. С.* Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирюртовского могильника в Дагестане.— Вопросы антропологии, 1967, вып. 25, с. 128; *Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана, с. 71.
[53] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 180.
[54] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 188.
[55] *Артамонов М. И.* История хазар, с. 180.

язык, который тоже претерпел столь существенные изменения, что отличался от языка самих тюрок. Язык хазар, по сообщению Аль-Истахри, «не сходен с языком тюрок»[56]. В этнокультурной общности созданного хазарами государства процессу нивелировки подверглась не только материальная культура, но и язык. Однако тюркская основа общегосударственного языка Хазарии сохранилась на всем протяжении бытования каганата. Этногенетическая связь хазар с тюркоязычными народами Дагестана прослеживается в территориальной общности этих народов и в различных сферах их духовной культуры (в быту, фольклоре и языке)[57]. По мнению исследователей, хазар и других тюрок раннего средневековья следует считать предками кумыков[58].

Влияние хазарской культуры и языка находит отражение в обширной топонимике, этнонимике и гидронимике, сохранившейся в предгорном Дагестане. Здесь есть такие топонимы, как «Хазар» — сел. в Дербентском районе, «Хазар-кала» — городище в Новолакском районе, «Хазар-юрт» — урочище в Левашинском районе, «Хазар-майдан» — поляна в Советском районе, которые могли быть следствием проникновения хазарского элемента в глубь Дагестана. С многовековым политическим господством Хазарского каганата исследователи связывают и происхождение имен раннефеодальных правителей Серира (Авар, Баяр), Кумуха и Кайтага, которых называют «хаканами гор», «тарханами»[59]. Еще в XIX в. феодальную знать Кумуха называли «симирдал» (семендерцы)[60]. А за одним из семи кварталов Кумуха по сей день сохраняется наименование «гуннал» — народ гуннов[61]. Древнетюркские (булгарские) элементы сохранились и в языке лакцев[62]. Еще в начале XX в. у некоторой части народов Дагестана наблюдался обычай искусственной деформации головы ребенка[63], что также может являться подражанием древней моде хазар, засвидетельствованной в краниологических материалах верхнечирюртовских могильников.

Таким образом, археологические исследования в колыбели каганата свидетельствуют, что Хазария не исчезла как дым, не погибла в волнах Каспийского моря. Она оставила глубокие и выразительные следы высокой своей культуры и былой мощи на многочисленных памятниках материальной и духовной культуры Дагестана. Здесь причудливо переплелась культура кочевников, в которой ярко выражены и среднеазиатские традиции, с культурой местных народов Дагестана.

---

[56] *Ал-Истахри.* Указ. соч., с. 45.

[57] *Кадыраджиев К. С.* Язык и история.— Советский Дагестан, 1971, № 4, с. 73; *Аджиев А. М.* Дальние дороги песни (заметки о кумыкском героическом эпосе). Махачкала, 1977, с. 36.

[58] *Лавров Л. И.* Проблемы этногенеза кавказских горцев.— В кн.: Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 37—38.

[59] *Минорский В. Ф.* Указ. соч., с. 128, 132; *Заходер Б. Н.* Указ. соч., с. 123.

[60] *Каяев А.* Материалы по истории лакцев.— РФ ИИЯЛ, ф. 1, д. 144.

[61] *Булатова А. Г.* Лакцы. Махачкала, 1971, с. 22.

[62] *Джидалаев Н. С.* Об одном ряде булгарских слов в лакском языке.— В кн.: Советская тюркология. Баку, 1979, 2, с. 30.

[63] *Булатова А. Г.* Указ. соч., с. 158.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БЫТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ

1. *Верхнечирюртовское городище* расположено в проломе приморского хребта, в том месте, где из Чирюртовской долины на Прикаспийскую низменность вытекает р. Сулак. Сохранившиеся остатки городища, перекрытые современным сел. Верхний Чирюрт, протянулись на протяжении до 1 км вдоль берегов реки. Ширина его достигает не менее 1,2 км. Значительная часть городища затоплена Чирюртовским водохранилищем.

В 1955—1959 гг. в процессе строительства ГЭС на территории городища проводились значительные по масштабам археологические раскопки. В результате этих многолетних работ здесь выявлены обширные материалы, свидетельствующие о незаурядном характере памятника. Толщина культурных отложений городища, насыщенная сероглиняной керамикой и другими бытовыми остатками, составляет 0,5—3 м [1]. Исследованы остатки гончарных печей, а также жилых и хозяйственных помещений, возведенных из необработанного известняка и речных булыжников [2]. С открытой, приморской стороны оно было укреплено массивными оборонительными сооружениями, остатки которых протянулись на 800 м от вершины хребта, возвышающегося над городищем с востока, до берега Сулака, другой прикрывая северо-восточные подступы к нему и в долину в целом.

Сохранившиеся в виде оплывших валов шириной до 30 м и высотой около 4 м остатки стен тянутся вниз от вершины хребта по скальному склону, достигающему 45° крутизны. Далее направление их определено глубоким оврагом, протянувшимся на северо-запад от основания хребта. От основания хребта и до начала оврага на протяжении более 200 м перед стеной расположен оплывший ров.

Археологические исследования оборонительных сооружений городища были предприняты К. А. Бредэ. Он выявил здесь внешний панцирь стены, сохранившейся на высоту до 2,8 м, возведенной из необработанного известняка. С внутренней стороны к ней примыкала забутовка из мелкого камня и щебня [3].

Новые раскопки 1971—1972 гг. дали возможность полнее выявить конструктивные особенности этих сооружений, уточнить их назначение и время бытования. Раскопками этих лет оборонительная стена исследована отдельными отрезками на протяжении около 108 м. Остатки ее были расчищены на вершине и у основания хребта, где сосредоточена основная группа оборонительных башен. На всех исследованных участках стены

---

[1] *Канивец В. И., Березанская С. С., Костюченко И. П., Савчук А. П.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955 году.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 16.

[2] *Путинцева Н. Д.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1957 году.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 65.

[3] *Бредэ К. А.* Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 35; *Он же.* Отчет о дополнительных раскопках на Нижнесигитминском поселении и городище.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 60; *Он же.* Новые поселения на Сулаке.— В кн.: Тезисы докл. научной сессии ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959.

несут следы нескольких строительных этапов, в которых отразились соответственно и различные строительные приемы [4].

Важная роль Верхнечирюртовского городища и особенно его крепостных сооружений в историческом прошлом находит отражение в названиях современных селений, расположенных в долине Сулака. Так, в частности, селение, расположенное на месте Верхнечирюртовского городища, называется Чирюртом. «Чир» (на тюркском) — стена, ограда, забор; «юрт» — селение, дом. По смысловому значению «Чирюрт» — селение у стены или за стеной. По сохранившимся преданиям, за время своего существования сел. Чирюрт якобы 7 раз разрушалось врагами. И каждый раз его вновь восстанавливали, выбирая для этого камень с оборонительных стен городища.

Как отмечают исследователи, крепостные сооружения Верхнечирюртовского городища имели продолжение на противоположном, левом берегу р. Сулак в форме таких же остатков [5]. По словам старожилов селения, эти остатки уничтожены в результате строительства Чирюртовской ГЭС. По своим конструктивным особенностям эти сооружения, очевидно, мало отличались от правобережных и служили защитой не только правобережной части городища, но и крепости, развалы которых помнят старожилы селения.

К востоку от городища были исследованы остатки двух раннехристианских церквей прямоугольной формы размерами 7×14 м, возведенных из необработанного известняка на глиняном растворе. Здесь выявлены также обломки разных алтарных крестов и массивных постаментов, изготовленных из песчаниковых монолитов. Датируется городище VI—VIII вв. [6]

2. *Верхнечирюртовское поселение* расположено у входа в Чирюртовскую долину, в 300 м к северу от разлома хребта, занимая площадь второй террасы правого берега Сулака. Глубокий овраг с южной стороны поселения отделяет его от оборонительных стен Верхнечирюртовского городища, закрывавшего собой вход в долину. Размеры поселения составляют 200×300 м. Небольшими раскопками здесь прослежены остатки жилых помещений, возведенных вкладкой «в елочку» из речных булыжников на глиняном растворе.

Керамика представлена обломками и целыми сероглиняными сосудами, характерными для памятников Чирюртовской долины. Поселение датируется VI—VIII вв. [7]

3. *Бавтугайское городище* расположено в 5 км к северу от Верхнечирюртовского, занимая надпойменные террасы левого берега Сулака у поселка Бавтугай. Площадь его — 500×300 м [8]. Защитой для городища служили обрывистые берега реки и отроги приморских хребтов. С севера городище было ограничено крутыми склонами террас, по краю которых зафиксированы остатки оборонительных стен [9].

---

[4] *Магомедов М. Г.* Археологические исследования Верхнечирюртовской экспедиции в 1971—1972 гг.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг. Махачкала, 1973.

[5] *Котович В. Г.* Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1956 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 28; *Пикуль М. И.* Отчет о результатах археологических исследований в 1957 году.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 62; *Она же.* Отчет о работе III Бавтугайского отряда ДАЭ за 1958 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 81; *Бредэ К. А.* Отчет об археологических разведках на берегах Сулака и доисследования Сигитминского нижнего поселения в 1958.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 82.

[6] *Магомедов М. Г.* Отчеты о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции за 1970—1973 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 288, 334, 336, 346.

[7] *Магомедов М. Г.* Указ. отчет за 1970 г.

[8] *Канивец В. И., Березанская С. М., Костюченко И. П., Савчук А. П.* Указ. отчет за 1955 г.

[9] *Котович В. Г.* Указ. отчет за 1956 г.

Раскопками на городище выявлены трехметровые толщи культурных отложений, насыщенные костями животных, предметами хозяйственного назначения, сероглиняной керамикой, а также остатки помещений, возведенных из необработанного камня и речных валунов. Датируется Бавтугайское городище IV—IX вв.[10] Интересно само название селения Бавтугай, расположенного на месте древнего городища. Бавтугай означает (на тюркском) — «Долина садов». Однако, как сообщают старожилы селения, раньше оно называлось «Гантугай» — «Кровавая долина» или «Давтугай» — «Долина сражений», поскольку на его подступах происходили кровавые битвы. Не исключено, что в названии селения отразились отголоски арабо-хазарских войн, которые оставили заметные следы на археологических памятниках Сулакской долины.

4. К югу от Бавтугайского городища по краю террасы на протяжении 2 км прослеживались культурные остатки не менее *трех поселений*, отделенных одно от другого древними оврагами[11]. Однако они, как и значительная часть самого городища, уничтожены при сооружении ГЭС.

5. *Сигитминское городище* площадью 400×400 м расположено в 2 км к югу от Верхнечирюртовского, на правом берегу Сулака, и ограничено с двух сторон поперечными оврагами с отвесными склонами. С восточной, напольной стороны оно укреплено оборонительной стеной, протянувшейся на 370 м. Она возведена техникой панцирной кладки из необработанного песчаника на глиняном растворе. С приморской стороны по гребню северного оврага также возведена стена протяженностью 550 м и толщиной 1,3 м, которая берет начало от надречного выступа и тянется до крутого северного склона хребта, возвышающегося за пределами городища. Культурные отложения почти полностью смыты.

6. С Сигитминским городищем связан небольшой *укрепленный пункт*, расположенный к югу от него на прибрежном выступе вытянуто-трехугольной формы размерами 95×24 м. Подобно городищу, он огражден с напольной стороны массивной оборонительной стеной, толщиной 7 м, в которой устроена башня. Вдоль северного края оврага также возведена стена протяженностью 90 м при толщине около 1 м. Керамика с крепости и с городища аналогична, что свидетельствует об их синхронности. Крепостные сооружения датируются VI—VII вв.[12] Разъединяет их лишь древний овраг шириной 50 м. Поэтому очевидна их органическая взаимосвязь. Крепость была цитаделью городища.

7. *Городище Исти-Су* расположено на левом берегу Сулака, напротив Сигитминского, занимая ровную площадь надпойменной террасы размерами 300×120 м, ограниченной с севера глубоким оврагом и с юга обрывом высотой до 60 м. С западной, напольной стороны городище было ограждено оборонительной стеной, протянувшейся между поперечными оврагами и сохранившейся в виде валообразной полосы с выходом кладки на отдельных отрезках. По характеру культуры городище является двухслойным памятником. Нижние слои с сероглиняной керамикой перекрыты позднесредневековыми отложениями, насыщенными красноглиняной и поливной керамикой[13].

8. *Поселение на поле Муса-шейха* находится на краю высокой надпойменной террасы левого берега Сулака. С юга и севера оно ограничено крутыми, местами отвесными склонами древнего оврага, с запада к нему подходят скалы отрога хребта, окаймля-

---

[10] *Пикуль М. И.* Указ. отчет за 1958 г.

[11] *Канивец В. И., Березанская С. С., Костюченко И. П., Савчук А. П.* Указ. отчет за 1955 г., с. 114.

[12] *Бредэ К. А.* Указ. отчеты за 1956 и 1957 гг.

[13] *Канивец В. И., Березанская С. С., Костюченко И. П., Савчук А. П.* Указ. отчет за 1955 г., с. 114.

ющие узкую долину реки. Территория поселения перекрыта завалами домов старого аула. Только над обрывом у реки на площади 200×100 м и у западного края аула встречаются выходы культурных слоев [14], свидетельствующие о бытовании здесь большого поселения раннесредневекового времени с характерной для памятников этого района культурой сероглиняной керамики.

9. *Поселение на «черном поле»* расположено в 1 км к юго-западу от хутора Зурама у края второй террасы. Площадь поселения — 100×50 м. Вся поверхность его покрыта завалами и выходами стен помещений. Небольшими разведочными раскопками на поселении выявлены культурные отложения толщиной 0,5 м из золистой супеси, насыщенные обломками керамики, костями животных, кусками турлучной обмазки со следами прутьев и углями. Сохранились и остатки стен жилого помещения из камня. Характерная сероглиняная керамика из раскопа относится к раннесредневековому времени [15]. Рядом с ним расположено еще одно поселение, под названием Измаил, размерами 40×30 м [16].

10. *Правобережное поселение* расположено в 1,5 км к северо-востоку от с. Миатли у края правобережной террасы Сулака. На площади 200×100 м сохранились каменные фундаменты жилищ. Культурный слой незначителен. Подъемный материал датируется серединой I тысячелетия н. э. [17]

11. *Поселение Тлар* протянулось узкой полосой вдоль края надпойменной террасы речки Тлар. С восточной стороны оно ограничено обрывом р. Сулак. Размеры поселения 300×40 м. На поверхности его видны завалы каменных стен жилищ. Керамика с поселения также сероглиняная, раннесредневековая [18].

2. *Миатлинское поселение* расположено в конце Чирюртовской долины, которая ограничена с юга отрогами Гимринского хребта, достигающими 995 м высоты над уровнем моря. Поселение занимает несколько покатую с запада на восток надпойменную террасу Сулака, в 150 м к югу от сел. Миатлы. С востока поселение, протянувшееся на 500 м при ширине около 300 м, ограничено берегом Сулака, с северо-запада — глубокими оврагами и с юга — почти отвесными склонами Миатлинского каньона. На поверхности поселения сохранились остатки жилищ в виде небольших всхолмлений, с выходами стен и развалов камня. В разрушаемых рекой береговых склонах можно видеть культурные отложения толщиной более 1 м. На северо-западной окраине поселения был обнаружен могильник, который частично охватывал территорию поселения. В процессе раскопок могильника, датируемого XII—XIII вв.[19], были получены и материалы из культурных отложений поселения, в которых прослеживались следы от костров, очагов и зольных ям [20]. Керамика, собранная на поверхности поселения и выявленная при исследовании могильника, делится на сероглиняную и красноглиняную.

13. *Кизилюртовское поселение* обнаружено при строительных работах на территории городской больницы г. Кизилюрта. Размеры поселения и стратиграфия его культурных отложений не установлены. Несколько фрагментов сероглиняной керамики, в том числе обломки тарной посуды, извлечены строителями из золистых слоев под новым корпусом больницы. Они свидетельствуют о бытовании здесь поселения, примыкавшего к берегу Сулака.

---

[14] Там же, с. 123.
[15] Там же, с. 124.
[16] Там же, с. 125.
[17] Там же, с. 141—142.
[18] Там же, с. 126.
[19] *Пикуль М. И.* Научный отчет по археологической экспедиции 1955 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 50.
[20] Там же, с. 174.

14. *Хадумская крепость* расположена за пределами Сулакской долины, на горе под названием «Хадум», поднимающейся на 995 м над уровнем моря и вытянутой клином на запад в сторону Сулакского каньона. Остатки крепости занимают вершину горы, повторяя ее конфигурацию (площадь их — 70×45 м). С трех сторон она защищена крутыми склонами, достигающими более 50 м, а с напольной, восточной стороны — оборонительной стеной протяженностью 72 м и толщиной около 1 м [21]. По всей площади крепости прослеживаются оплывшие и заросшие кустарником впадины и выходы стен помещений из необработанного камня. Керамика с крепости сероглиняная, характерная для памятников Терско-Сулакского междуречья.

15. *Крепость Туе-гирган* расположена в 5 км к западу от Чирюртовской долины в урочище под названием «Туе-гирган». Она занимает вершину хребта, вытянутого параллельно приморским, и со всех сторон ограничена крутыми и отвесными склонами до 120 м высотой. Остатки крепости протянулись почти на 100 м вниз по северным склонам хребта. Ширина крепости тоже достигает 100 м. На всей ее площади сохранились развалы стен помещений из необработанного камня. На вершине хребта рельефно возвышаются развалы округлого в плане сооружения диаметром около 30 м, которые, возможно, являются остатками дворцового сооружения. Западная оконечность крепости была ограждена оборонительной стеной, сооруженной поперек перешейка хребта из крупных необработанных каменных блоков [22].

16. *Андрейаульское городище* является одним из крупных и наиболее исследованных. Остатки его возвышаются на левом берегу р. Акташ в 2 км к северу от сел. Андрейаул Хасавюртовского района. Оно имеет неправильные, обусловленные рельефом очертания протяженностью около 1,5 км и шириной до 450 м.

С напольной стороны городище укреплено мощной системой валов и рвов, рельефно сохранившиеся остатки которых воссоздают сложную топографию памятника, состоявшего из нескольких частей [23].

Основная часть, или сам город, размерами 500×450 м укреплена валами, достигающими 8—10 м высоты, и глубокими рвами.

На надречной стороне городища рельефно выделяется вытянутая с севера на юг небольшая территория цитадели (150×60 м), ограниченная поперечными оврагами. От самого городища она отделена массивным валом и двумя рвами.

К северу от городища простирается обширный посад, большая часть которого уничтожена рекой. С напольной стороны он также защищен системой валов и рвов, являющихся продолжением городских. Изолированный от основной части городища, посад связан с ним общей планировкой и единой системой оборонительных сооружений [24].

В процессе раскопок различных частей Андрейаульского городища прослежена сложная стратиграфия культурных отложений и получен обширный материал, проливающий свет на многие вопросы социально-экономического и культурного развития его обитателей. На наиболее сохранившихся участках городища толщина напластований достигает 8—10 стратиграфических прослоек (3,5 м), расчлененных полосами прокаленной земли. Обширные керамические материалы из всех слоев свидетельствуют о

---

[21] *Магомедов М. Г.* Указ. отчет за 1972 г., с. 48.

[22] *Магомедов М. Г.* Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1976 г.— РФ ИИЯЛ, 1977, ф. 3, д. 311, с. 48.

[23] *Магомедов М. Г.* Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 2, с. 204.

[24] *Атаев Д. М., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Раскопки Андрейаульского городища.— АО 1957 г. М., 1968, с. 33; *Атаев Д. М., Магомедов М. Г.* Андрейаульское городище.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 121.

генетической связи между керамическими комплексами на всех этапах бытования городища.

Целый производственный комплекс гончарных обжигательных печей, исследованных в древнем овраге с южной стороны городища [25], свидетельствует, что яркая и разнообразная керамика, представленная на городище, производилась на месте. Время бытования комплекса укладывается в рамки с II—III по VIII — начало IX в. [26]

17. *Андрейаульское поселение* длиной до 1 км тянется по правому берегу р. Акташ от южной окраины сел. Андрейаул Хасавюртовского района до древней балки, смыкающейся с руслом Акташа. Ширина поселения, покато спускающегося к реке, достигает 500 м. В береговых склонах местами прослеживаются культурные отложения до 0,5 м толщины. Керамика, встречающаяся по всей площади поселения, подразделяется на две группы. Наиболее многочисленна красноглиняная керамика, характерная для памятников Дагестана предмонгольского времени. Меньшим количеством представлена сероглиняная керамика, которая тяготеет к нижним слоям культурных отложений. Датируется поселение VIII—XII вв.

18. *Андрейаульская крепость* расположена на левом берегу Акташа напротив Андрейаульского поселения, в 4 км к югу от Андрейаульского городища. Она занимает округлую поверхность небольшого надречного выступа диаметром около 40 м, ограниченного с боков древними оврагами. С напольной стороны крепость ограждена валом и рвом. Ров, сохранившийся на глубину до 2 м, другой прорезал перемычку между поперечными оврагами. Вал, также высотой до 2 м, возвышается по всей окружности крепости. Керамика здесь представлена обычными сероглиняными фрагментами [27].

19. *Крепость Аркабаш* расположена в 3 км к югу от г. Хасавюрта в урочище под названием Аркабаш. Она имеет округлую форму диаметром около 50 м. Рельефно сохранившиеся валы на высоту до 3—4 м возвышают крепость над окружающим урочищем. Склоны валов густо поросли травой, а поверхность ее и вся округа засеяны зерновыми, поэтому произвести исследование крепости практически невозможно. Тем не менее конфигурация крепости, а также характер защитных сооружений позволяют отнести ее к числу аналогичных раннесредневековых памятников Приморского Дагестана.

20. *Калининаульское городище* расположено в 12 км к югу от Андрейаульского на границе предгорий и гор. Оно занимает вытянутую клином вершину хребта, у подножия которого сливаются речки Акташ и Исти-Су. Обрывистые склоны хребта, служившие естественной защитой городища, достигают 100 м высоты. Структурно городище состоит из двух частей: цитадели, расположенной на краю хребта, и самого городища. Цитадель площадью 35×25 м отделена от примыкающего с юга городища стеной и глубоким рвом. Территория городища почти полностью разрушена рекой. От него сохранилась узкая дугообразная полоса протяженностью около 150 м и шириной около 100 м. В надречных склонах просматриваются полосы культурных отложений городища, чередующиеся со стерильными слоями. Керамика с поверхности городища представлена сероглиняными и серолощеными фрагментами V—VIII вв.

Следует отметить, что городище было обнаружено лишь в 1978 г., поэтому раскопки здесь не проводились.

21. *Новокулинское городище* (Хазар-кала) расположено у северной окраины одноименного селения Новолакского района [28]. Сохранившиеся остатки его площадью 400×

---

[25] *Маммаев М. М.* Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане.— УЗ ИИЯЛ, 1970. Сер. общ. наук, т. XX.
[26] *Атаев Д. М., Магомедов М. Г.* Указ. соч., с. 138.
[27] *Магомедов М. Г.* Указ. отчет за 1976 г., с. 51.
[28] *Исаков М.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, с. 36.

×200 м протянулись по пойменной террасе правого берега р. Ярыксу[29]. В результате систематических разрушений террасы рекой от городища сохранилась лишь северо-восточная часть. От укрепленной цитадели городища, отделенного от поселения глубокой балкой, уцелел лишь небольшой останец размерами 10×10 м.

Стационарными исследованиями экспедиции кафедры археологии ЛГУ под руководством А. В. Гадло на городище выявлены культурные отложения толщиной в 3 м, стратиграфия которых свидетельствует о неоднократных катастрофах, обрушивавшихся на его обитателей. Разнообразный керамический материал с городища тождествен керамике с памятников Терско-Сулакского междуречья.

Валы цитадели городища шириной у основания 10—12 м состоят из плотно утрамбованной глины (глинобита) и прослоек мелкой гальки и золы. По вершине вала шла стена, сохранившаяся на высоту до 0,8 м. Она была сложена на глине из крупных речных валунов.

Интересно отметить, что урочище, где расположено Новокулинское городище, известно местному населению под названием хазарская крепость, город[30].

22. *Капчугайское городище* расположено в 500 м северо-западнее сел. Капчугай Буйнакского района. Остатки его простираются на 300 м по южным склонам хребта, протянувшегося параллельно северной приморской цепи. Крутые наружные склоны, а также отвесный в сторону р. Шура-озень восточный пролом хребта служили естественной защитой городища, ширина которого достигает 200 м. На всей его площади прослеживаются размытые дождями культурные и строительные остатки. Керамика представлена обломками красноангобированных, штрихованных красноглиняных и сероглиняных сосудов, а также обломками поливной керамики, позволяющей датировать его V—XVI вв.

23. *Буйнакское поселение* было исследовано Северо-Кавказской экспедицией в 1937—1938 гг. Оно расположено на восточной окраине г. Буйнакска, на правом берегу р. Шура-озень[31]. В двухметровых толщах культурных напластований поселения, прослеженных в обрезе дорог, наряду с красноглиняной керамикой выявлены многочисленные обломки сероглиняных горшков, поверхность которых покрыта рифлением и полосчатым лощением. Керамика эта встречается на обширной площади, свидетельствуя о бытовании на территории современного Буйнакска крупного памятника, связанного по культуре с памятниками Терско-Сулакского междуречья.

24. Аналогичное *поселение* обнаружено в 1953 г. в окрестностях сел. Верхний Дженгутай. Оно расположено на западной стороне небольшого горного хребта, противоположную сторону которого занимает современное селение Верхний Дженгутай Буйнакского района. Культурные слои мощностью более 1 м, насыщенные костями животных, золой, строительным камнем и остатками стен, а также красноангобированной и сероглиняной керамикой, были обнажены в карьерах по добыче щебня[32]. Датируется поселение V—XIII вв.

25. *Таркинское городище* простирается по северным склонам горы Тарки-тау. Территория городища, полностью перекрытая современным сел. Тарки, тянется на 900 м

---

[29] *Пикуль М. И.* Отчет по археологическим работам 1951—1952 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 11.

[30] *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 141—150.

[31] *Артамонов М. И.* Отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции в Дагестане в 1937—1938 гг.— Архив ЛОИИМК, д. 41, оп. 1, с. 18—53.

[32] *Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Отчет Приморской археологической экспедиции за 1964 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 104, с. 66.

в длину и 700 м вниз по северным склонам горы Тарки-тау. В срезах строительных площадок и особенно вдоль дорог по всему селению обнажены культурные отложения, достигающие 4 м толщины, свидетельствующие о бытовании здесь поселения с середины I тысячелетия до н. э. до позднего средневековья.

На восточной окраине селения обнажены остатки древней оборонительной стены, сохранившейся до 1 м высоты и до 40 м в длину, возведенной панцирной техникой кладки из средних и крупных необработанных камней. Интересно, что к востоку от остатков стены по ту сторону разлома культурные отложения городища отсутствуют. Они начинаются к западу от стены или подстилают их [33].

26. *Городище Гентурун* расположено в 4 км к северо-востоку от сел. Карабудахкент Ленинского района. Точные размеры его не установлены.

Оборонительные сооружения городища, сохранившиеся на северо-восточной стороне, протянулись на 100 м между территорией городища и остальной системой хребтов. Остатки стен прослеживаются и на юго-западной стороне городища, не имеющей перед собой естественной защиты. Стены, возведенные из необработанного камня, протянулись по склонам хребтов от городища вниз к ложбине. Культурные остатки на городище — керамика, каменные поделки, кости животных и др.— интенсивно перемешаны с золой, углем и обгорелой землей в результате выборки здесь строительного камня. Среди обширного керамического материала значительную часть составляют сероглиняные фрагменты с полосчатым лощением, которые встречаются вместе с красно- и белоангобированными фрагментами [34].

Памятник на основе подъемного материала датируется I-II—IX вв.

27. *Крепость Инглис-тюбе* возвышается к востоку от городища Гентурун на вершине хребта, над долиной р. Манас-озень. Она имеет округлые очертания диаметром около 60 м. С трех сторон выступ хребта защищен крутыми склонами и дополнительно укреплен оборонительными стенами. Крепостными сооружениями и глубоким рвом протяженностью 60 м крепость особенно тщательно ограждена с напольной, восточной стороны [35].

Собранная на территории крепости керамика, в том числе и сероглиняные фрагменты, аналогична керамике с городища Гентурун, что свидетельствует об их синхронности.

28. *Кака-махинское городище* расположено у сел. Кака-махи Ленинского района. Точные размеры жилых кварталов городища не установлены. Защитой для него служили крутые склоны скальных обнажений возвышенности, на которой оно расположено. Они и определили конфигурацию городища. Наиболее возвышенную часть занимает цитадель размерами 80×70 м. На всей его поверхности видны впадины четырехугольных очертаний, а на некоторых участках — и остатки стен помещений. Керамика с городища аналогична керамике с предыдущих памятников, что свидетельствует об их хронологической и культурной общности [36].

29. *Кака-Шуринское поселение*. Остатки поселения размерами 300×150 м расположены на склоне хребта, возвышающегося над сел. Кака-Шура Ленинского района. Остатки поселения тянутся по склону вниз и сливаются с современным селением. В разрезах, образованных в процессе выборки камня жителями сел. Кака-Шура по всей поверхности поселения, отчетливо прослеживаются напластования культурных остатков

---

[33] *Магомедов М. Г.* Указ. отчет за 1973 г., с. 33.
[34] *Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Указ. отчет за 1964 г., с. 43.
[35] Там же, с. 48.
[36] Там же, с. 52.

мощностью более 1 м, а также фундаменты и разрезы стен помещений, сложенные из камня.

Керамика с поселения представлена характерными обломками красноангобированных, белоангобированных, красноглиняных, штрихованных, а также сероглиняных сосудов, позволяющих датировать памятник V—VIII вв. [37]

30. *Губденское городище* расположено на восточном склоне хребта, нависшего с запада над естественным проломом у сел. Губден. Отвесный склон хребта, достигающий 50 м высоты, служит левым берегом р. Губден-озень. Большая часть городища уходит под строения селения, расположенного у основания хребта. Поэтому определить точные размеры городища невозможно. На незастроенном склоне хребта в результате выборки камня обнажились строительные и культурные остатки, свидетельствующие о многослойном характере памятника. Нижние его слои датируются III—IX вв., верхние — X—XV вв. В раннесредневековых слоях, представленных характерной красноглиняной и штрихованной тарной керамикой, встречаются и сероглиняные обломки, орнаментированные лощением и рифлением.

С городищем связано небольшое укрепление, расположенное на господствующей вершине противоположного (восточного) хребта [38]. Укрепление рельефно возвышается на местности и имеет округлые очертания диаметром около 35 м. Защитой для него служили крутые склоны хребта, а также оборонительные сооружения, сохранившиеся с восточной стороны в виде вала и рва.

Подъемный материал с крепости аналогичен керамике раннесредневековых слоев городища.

31. *Халагорское поселение* расположено в 6 км к югу от сел. Губден. Площадь его — 300×180 м. Оно занимает надпойменную террасу и прилегающие склоны хребта. На поверхности поселения встречаются задернованные завалы камня, выходы стен помещений, культурные остатки, аналогичные Губденскому городищу.

32. *Поселение Ачи-Су* расположено в 500 м к юго-востоку от поселка Ачи-Су Ленинского района. С трех сторон оно защищено крутыми склонами возвышенности, а с южной стороны ограждено от остальной системы хребтов задернованными остатками защитных сооружений, сохранившихся в виде рва и вала.

Строительные и культурные остатки поселения размерами 150×100 м достигают 1,0 м толщины. Керамика, собранная здесь, представлена характерными бело- и красноангобированными, красноглиняными, штрихованными и сероглиняными фрагментами, позволяющими датировать поселение V—VIII вв. [39]

33. *Урцекское городище* расположено в замкнутой с трех сторон ответвлениями хребтов предгорной долине, неподалеку от сел. Уллубий-аул Ленинского района, в 10 км от берега моря. Оно выделяется обширными размерами (35—40 га) и структурно состоит из собственно города, защищенного оборонительными стенами, и хорошо укрепленной цитадели, которая занимает наиболее возвышенную часть городской территории. Вокруг городища простирается обширная сельскохозяйственная территория протяженностью более 10 км и шириной 3—4 км, защищенная с открытой восточной стороны системой «длинных» стен [40]. Раскопками установлена многослойная стратиграфия городища, возникшего еще в эпоху раннего железа (VII—IV вв. до н. э.), а затем су-

---

[37] Там же, с. 54.
[38] Там же, с. 57.
[39] Там же, с. 62.
[40] *Магомедов М. Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1970, с. 8.

ществовавшего и развивавшегося на протяжении последующих исторических эпох вплоть до VIII в. н. э.[41]

Обширные археологические раскопки, проводившиеся на этом памятнике в 1960—1964 гг., позволили выявить значительные по протяженности мощные крепостные сооружения, свидетельствующие о сложном характере памятника как крупного экономического и политического центра раннесредневековой эпохи. Территория городища на заключительном этапе его существования достигала 450×250 м. Оно занимало террасированные склоны ответвления хребта, повторяя в плане ломаные очертания его основания. Оборонительные стены городища исследованы отдельными отрезками на протяжении 660 м. Основательно укреплена и цитадель городища площадью 110×60 м, которая занимает наиболее недоступную часть возвышенности. От городища во все стороны простирается обширная сельскохозяйственная территория, окруженная хребтами и системой «длинных стен».

На вершине горы Шеря-беш, возвышающейся с приморской стороны над Урцекским городищем, сохранились каменные завалы небольшой сторожевой крепости.

Среди обширных материалов с характерной красно- и белоангобированной керамикой на городище четко выделяется сероглиняная керамика, относящаяся к заключительному периоду его бытования и генетически связанная с памятниками Терско-Сулакского междуречья[42].

34. *Городище Чакавуркент* расположено на восточном склоне переднего хребта, обращенного в сторону приморской равнины и отстоящего от правого берега р. Гамри-озень на 1,5 км.

Территория городища размерами 18 га сплошь покрыта строительными и культурными остатками. Городище состоит из укрепленной цитадели и обширного шахристана.

Керамика, представленная на памятнике, свидетельствует о многослойном его характере. Она позволяет датировать городище от середины I тысячелетия до н. э. до XIII в. н. э.[43] Раннесредневековые слои на городище представлены обычными красноангобированными, белоангобированными и сероглиняными фрагментами.

35. *Городище Эски-юрт* площадью 400×250 м занимает западную оконечность переднего хребта, непосредственно примыкающую к долине р. Гамри-озень. С восточной стороны оно ограждено почти неприступными известковыми карнизами. Менее крутые склоны с остальных сторон были укреплены оборонительными сооружениями, следы которых прослеживаются на наиболее защищенных восточной и северной сторонах. Очевидно, оборонительные сооружения были возведены и с остальных сторон городища[44].

Культурные слои городища достигают 1 м толщины. Керамика, в большом количестве встречаемая на его поверхности, представлена характерными красноглиняными и сероглиняными фрагментами.

36. *Таргунское городище* расположено на левом обрывистом берегу р. Гамри-озень на границе Каякентского и Сергокалинского районов. Оно имеет площадь 30 га, укреплено мощной системой фортификации и структурно состоит из трех частей. В юго-западной части располагалась цитадель площадью 50×20 м. Она была ограждена камен-

---

[41] *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленжера и Таргу.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 191.

[42] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

[43] *Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Указ. отчет за 1964 г., с. 86.

[44] Там же, с. 191.

ной стеной. Ниже цитадели находился верхний город, укрепленный двумя линиями крепостных стен. Нижний город площадью 6—7 га также был окружен оборонительной стеной. На территории цитадели и верхнего городища выявлены и исследованы культовые и бытовые каменные постройки. Толщина культурного слоя на городище — 2 м. Здесь добыто большое количество разнообразной керамики, относящейся к раннежелезному, албанскому и раннесредневековому времени [45].

37. Наиболее южным памятником, на котором представлена культура сероглиняной керамики, является *г. Дербент*. Здесь в процессе археологических раскопок на территории цитадели и городища в раннесредневековых слоях выявлена сероглиняная керамика, своими формами и орнаментацией тяготеющая к посуде с памятников Терско-Сулакского междуречья [46].

38. *Османюртовское поселение* расположено на правом берегу р. Аксай напротив сел. Османюрт Хасавюртовского района. Остатки поселения занимают поверхность речной террасы протяженностью 300 м и шириной 200 м. Культурные напластования, достигающие 1,5 м, обнажены в многочисленных разрезах, образовавшихся при строительстве дороги. Особенно контрастно они выделяются серым зольным цветом на фоне желтой материковой глины с надречной стороны. В северной, изрезанной бульдозерами части поселения хорошо видны контуры вырытых в материке конусовидных хозяйственных ям глубиной до 2 м и диаметром у основания 1,5 м. Многочисленная керамика, встречающаяся на поселении, относится к различным типам характерных сероглиняных сосудов [47].

39. *Поселение Чупалав-тепе* расположено в 4 км к востоку от одноименного хутора Бабаюртовского района. Оно занимает территорию овального в плане холма шириной 65 м, вытянутого с севера на юг на 125 м. Высота холма около 5 м [48]. Раскопками на поселении выявлены культурные напластования толщиной 2 м из характерных смешанных слоев золистой супеси и суглинка, насыщенные сероглиняной керамикой и другими бытовыми остатками [49].

40. *Крепость Тенг-кала* находится в 3 км к югу от хутора Ас-аул и в 15 км к северо-западу от поселка Сулак, расположенного в устье р. Сулак. Остатки крепости, рельефно возвышающиеся над окружающей степью, имеют округлые очертания размерами 115×85 м. Валы крепости, сохранившиеся до 4—5 м высоты, достигают у основания ширины 25—30 м.

Разведочными раскопками в пределах крепости прослежена стратиграфия отложений и характер оборонительных сооружений. Толщина напластований, состоящих из характерных золистых и суглинистых слоев, насыщенных сероглиняной керамикой, костями животных и другими остатками, достигает 3 м. Раскопки на валу показали, что они являются остатками оборонительной стены, возведенной из чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей. Сохранившаяся высота стены составляет около 3 м, ширина ее — 6 м. Надматериковые отложения крепости толщиной более 1 м состоят из чередующихся слоев культурных отложений и речного ила толщиной 20—30 см. Они являются отложениями рек в период их разливов. Поэтому массивные стены крепости

---

[45] *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов..., с. 181.

[46] *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 67; *Он же.* Раскопки богатого здания VIII—XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента.— В кн.: Археологические памятники о раннесредневековом Дагестане. Махачкала, 1977, с. 77.

[47] *Магомедов М. Г.* Указ. отчет за 1972 г.

[48] *Пикуль М. И.* Указ. отчет за 1951—1952 гг.

[49] *Федоров Г. С.* Раскопки в Северном Дагестане.— АО 1967 г. М., 1968, с. 92.

служили для ее обитателей и защитой от весенних паводков, выполняя функции дамб[50].

41. *Герменчикская крепость* также рельефно возвышается над окружающей равниной в 4 км к северо-западу от сел. Герменчик Бабаюртовского района. Она имеет округлую форму диаметром около 100 м. Высота сохранившейся части валов крепости достигает 3—5 м, ширина у основания — более 20 м.

Разведочными раскопками в центре крепости прослежены двухметровые рыхлые толщи культурных напластований, содержащие типичные для них бытовые остатки, свидетельствующие об общем характере культуры памятников[51].

42. *Бораульская крепость* рельефно возвышается над окружающей равниной в 1,5 км к западу от кутана Бор-аул в Бабаюртовском районе. Она имеет овальную форму, вытянутую на 75 м с юга на север. Высота крепости над округой достигает 6 м. В пределах крепости и к западу от нее на протяжении 200 м встречаются кости животных, обломки жерновов, куски глиняной обмазки и другие бытовые остатки, в частности обломки характерной сероглиняной керамики[52].

43. *Новонадеждинское городище* расположено в 5 км к юго-востоку от сел. Татаюрт Бабаюртовского района, у пос. Новая Надежда. Остатки городища окружены валом в виде кольца диаметром 200 м. Высота его — 3—5 м, ширина основания — около 15 м. В центре городища сохранилось возвышение округлой формы высотой 7—8 м и диаметром 60 м, которое, возможно, является развалом дворца или донжона. На поверхности городища встречаются кости животных, обгорелая турлучная обмазка, обломки оселков и пряслиц, а также характерная сероглиняная керамика, свидетельствующая о его синхронности с другими памятниками подобного рода. Разведочные раскопки на городище выявили культурные отложения, достигающие толщины 2 м[53]. Стратиграфия отложений и керамика аналогичны другим памятникам Терско-Сулакского междуречья.

44. *Некрасовское городище* расположено на берегу старицы Терека в 5 км к юго-востоку от д. Некрасовки Кизлярского района. Остатки городища возвышаются над равниной, имеют вытянутую с юга на север подчетырехугольную форму размерами 400×290 м. Валы городища достигают высоты 3—5 м и ширины у основания — 40 м. Они значительно оплыли в результате сооружения на них хозяйственных и силосных ям. На всей территоии городища встречаются обломки разнообразной сероглиняной и изредка красноглиняной посуды. В разрезах хозяйственных ям наблюдаются значительные толщи культурных отложений.

На городище в 1969 г. были проведены небольшие разведочные раскопки. Они показали, что его культурные напластования, достигающие в среднем 3 м толщины, представляют собой интенсивно перемешанные слои суглинка и золистой супеси, содержащие большое количество сероглиняной и изредка красноглиняной керамики и костей животных. Толщи отложений прорезают горизонтальные полосы прокаленной земли, насыщенные золой и углем, которые свидетельствуют о внезапных катастрофах, неоднократно обрушившихся на городище.

В нижних слоях городища, датируемого III—IX вв., зафиксированы чередующиеся с культурными слоями прослойки речного ила толщиной 10—20 см, которые являются отложениями рек в период их разливов.

---

[50] *Магомедов М. Г.* Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 2, с. 213.
[51] Там же, с. 212.
[52] Там же, с. 211.
[53] *Федоров Г. С.* Отчет о разведывательных работах Прикаспийского отряда ДАЭ в 1966 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 233, с. 16; *Магомедов М. Г.* Хазарские поселения в Дагестане, с. 212.

Раскопки на валу дали возможность установить, что городище было окружено оборонительной стеной, возведенной из чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей. Общая толщина ее достигает 6 м. Стратиграфия культурных напластований, прилегающих к остаткам стены, аналогична отложениям, прослеженным в центре городища. Эта стена служила защитой не только от врага, но и от весенних паводков.

Керамика, выявленная в большом количестве при исследовании городища, в основной своей массе сероглиняная с редким включением красноангобированных фрагментов [54].

45. *Шелковское городище* размером 450×450 м расположено на левом берегу р. Терек. Оно имеет квадратную форму и обнесено мощной системой оборонительных сооружений, сохранившихся в виде валов высотой 6—8 м, шириной у основания около 30 м. Посередине каждой из четырех сторон в системе валов прослеживаются проемы въездов и по 11 оплывших башнеобразных выступов. С западной и восточной сторон сохранились остатки оплывших рвов, достигающих ширины 50 м. Территория городища используется в настоящее время под пашню. Специально для ее орошения произведен разрез вала с южной стороны. В обнажении разреза можно проследить своеобразные приемы устройства его оборонительных сооружений. Они возведены из характерных чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей. Керамика, собранная в небольшом количестве на поверхности городища, аналогична керамике с других раннесредневековых памятников Северного Дагестана [55].

46. *Нурадиловское городище* вытянулось клином вдоль правого берега р. Аксай в 2 км к западу от сел. Нурадилово Хасавюртовского района. Оно было выявлено в процессе археологических разведок 1979 г. Размеры городища составляют около 600×300 м. Рельефно сохранившиеся валы свидетельствуют о сложной его планировке. Цитадель размером 60×50 м ограждена валом высотой 3—5 м, сам город, протянувшийся к северу от цитадели, также замкнут со всех сторон валами, от которых сохранились остатки высотой 3—4 м. Территория посада простирается к северу от города вдоль берегов реки до железной дороги. Культурные отложения, четко прослеживаемые в береговых обнажениях реки и достигающие толщины 2—3 м, обильно насыщены керамикой, костями животных. Сероглиняная керамика, собранная с поверхности городища, представлена характерными обломками столовой, тарной и кухонной посуды. Городище предварительно датируется V—VIII вв. [56]

47. *Бараганчинское городище* расположено в 2 км к северо-востоку от сел. Бараганчи Хасавюртовского района. Размеры городища более 1 кв. км, оно возвышается над окружающей равниной более чем на 2 м. Выяснить планировку городища и стратиграфию его культурных отложений не удалось, так как оно превращено в плантацию томатов. Подъемный материал с городища представлен керамикой двух типов сероглиняной, характерной для памятников Терско-Сулакского междуречья раннесредневекового времени, и красноглиняной золотоордынского времени [57].

48. *Бараганчинские поселения.* В 1,5 км к востоку от Бараганчинского городища на холмообразных возвышениях диаметром от 50 до 200 м и высотой около 2 м расположены *три поселения.* Культурные отложения их достигают 20—30 см, керамика с поселений аналогична керамике из нижних слоев одноименного городища [58].

---

[54] *Магомедов М. Г.* Хазарские поселения в Дагестане, с. 208.
[55] Там же, с. 209.
[56] *Магомедов М. Г.* Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1979 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 413.
[57] Там же, с. 41.
[58] Там же, с. 43.

МОГИЛЬНИКИ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ

1. *Верхнечирюртовский могильник 1* площадью около 1 га был расположен к югу от одноименного городища, в 800 м к востоку от сел. Верхний Чирюрт Кизилюртовского района. Он занимал склоны небольшого холма, окруженного с трех сторон оврагами, а с южной стороны упирался в подножия приморских хребтов, вытянутых в меридиональном направлении от правого берега Сулака.

В процессе двухлетних работ в 1957—1958 гг. экспедицией под руководством Н. Д. Путинцевой здесь раскопано более 100 могил, которые по типам погребальных сооружений подразделяются на три группы[1]. Наиболее многочисленную группу составляют катакомбы, затем следуют грунтовые могилы и, наконец, несколько захоронений в ямах с подбоями.

Всего на могильнике исследовано 70 катакомб. Они представляли собой подземные погребальные сооружения, вырытые в твердом суглинке на глубине 0,7—1,3 м от поверхности, и состояли из дромоса и погребальной камеры. Трапециевидные в плане дромосы, достигавшие в среднем в длину 1,7 м и в ширину 0,8 м, имели горизонтальные основания. Погребальные камеры сооружались в продольной стенке дромоса и имели овальные, круглые или подчетырехугольные в плане очертания размерами в среднем 1,8×0,9×0,65 м. Камеры для детских погребений составляли 1×0,45×0,5 м. Входы в них прикрывались плитами, а чаще закладывались стеной из валунов. Валунами в большинстве своем были забутованы и дромосы камер. Ориентация камер и дромосов различная, однако преобладают камеры с ориентацией по линии северо-восток — юго-запад, а дромосы — северо-запад — юго-восток. В катакомбах встречались от одного до семи погребенных, лежавших в вытянутом положении на спине, преимущественно головой на северо-восток или северо-запад.

Грунтовых могил вскрыто около 30. Они сооружались на глубине 0,75—0,9 м от поверхности, были прямоугольных очертаний и подобно катакомбам не имели определенной ориентации. Положение погребенных — вытянутое на спине, преимущественно головой на северо-восток.

И, наконец, третий тип погребальных сооружений представлен на могильнике тремя погребениями в подбоях, сооруженных вдоль длинной стенки прямоугольных ям.

Следует отметить, что грунтовые погребения и погребения в подбоях были расположены несколько изолированно в южной части могильника.

Погребальный инвентарь всех трех типов могильных сооружений в основном одинаков, но отличается по количеству и богатству. На основании всего комплекса выявленных материалов могильник датируется V—VII вв. и связывается с местным населением Дагестана[2].

2. *Верхнечирюртовский могильник 2* выявлен в 0,5 км к югу от Верхнечирюртовского городища и могильника 1. Он расположен на пойменных террасах р. Сулак, занимая обширную платформу правого берега водохранилища, изрезанную поперечными лощинами. Размеры могильника — около 450×300 м. В отличие от могильника 1, располагавшегося на самой окраине городища, этот могильник несколько удален от него и находится по другую сторону древнего оврага, служившего естественной защитой городища с южной стороны.

---

[1] *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение).— МАД. Махачкала, 1961, т. II, с. 248.

[2] Там же, с. 250.

Всего на могильнике в 1972—1973 гг. исследовано 42 погребения, среди которых значительный процент составляют детские. Ведущим типом погребальных сооружений здесь, как и на могильнике 1, выступает подземная катакомба различной ориентации, состоящая из небольшой камеры и дромоса, забутованного валунами. Подбойные захоронения представлены на могильнике 12 погребениями. Погребальный инвентарь в целом одинаков по характеру, но незначителен по количеству[3].

3. *Верхнечирюртовский могильник 3* расположен на северо-восточной окраине Верхнечирюртовского городища, за пределами его крепостных стен. Он занимает небольшую прибрежную платформу размерами 75×75 м, ограниченную с двух сторон глубокими оврагами. Здесь было исследовано четыре полуразрушенных погребения, расположенных вдоль склонов оврага. Плохая их сохранность не позволяет точно воссоздать первоначальный облик погребальных конструкций. Погребения имели вытянутые с запада на восток овальные очертания. Вдоль их юго-восточных бортов сохранились обкладки из речных валунов, которые воссоздают катакомбные или подбойные конструкции погребальных сооружений. На подобную их конструкцию указывает и относительно лучше сохранившееся одно из погребений, костяк в котором лежал в подбое, устроенном в продольной стене ямы, и был прикрыт тремя плитами. Ориентация погребенных также неустойчива. Беден и погребальный инвентарь. Два из четырех исследованных погребений являлись детскими[4].

4. *Верхнечирюртовский курганный могильник* примечателен обширными размерами. Он простирается более чем на 3 км на восток от оборонительных стен Верхнечирюртовского городища, образуя две изолированные древними оврагами растянутые курганные группы у подножия приморских хребтов с северной их стороны. Расчлененная и несколько растянутая конфигурация могильника обусловлена характером рельефа. Как показали исследования, на всем протяжении могильника залегают плотные пласты материковой глины, удобные для устройства в них подземных сооружений типа катакомб.

I группа состоит из 65 курганов. Размеры этой части могильника составляют 1000×400 м. Она ограничена с запада оборонительными стенами городища, а с востока — глубокими оврагами. Самые крупные курганы здесь достигают 3—4 м высоты и 30—50 м в диаметре. Они имеют на своих вершинах воронкообразные углубления, свидетельствующие об их ограблении. Вокруг крупных группируются мелкие курганы высотой 0,5—1,0 м и около 10—15 м в диаметре[5].

II група курганов простирается более чем на 2 км к востоку от первой группы, занимая обширную площадь у подножия хребтов. Мелкие курганы здесь тоже группируются вокруг крупных. Последние достигают 2—3 м высоты и 20—35 м в диаметре и в большинстве своем также имеют на вершинах воронкообразные углубления. Особо выделяются курганы, расположенные на восточной окраине могильника. Они нередко достигают 40—50 м в диаметре и 4—5 м высоты.

На Верхнечирюртовском курганном могильнике исследовано 56 подкурганных захоронений, в которых выявлен обширный разнообразный материал[6].

Двумя подкурганными гробницами (склепами) на курганном могильнике представлен новый, ранее не встречавшийся здесь тип погребальных сооружений. Они находились на восточной окраине могильника под курганными насыпями небольших размеров.

---

[3] *Магомедов М. Г.* Верхнечирюртовский курганный могильник.— В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 6.

[4] Там же, с. 7.

[5] Там же, с. 8.

[6] Там же, с. 8—34.

5. *Бавтугайский курганный могильник* находится на левом берегу р. Сулак недалеко от сел. Новый Чиркей. Курганы расположены группами[7].

Курганный могильник 1, насчитывающий 53 кургана, расположен к востоку от сел. Новый Чиркей. Его протяженность с севера на юг — 650 м, ширина — 150 м. Высота курганов — 60—90 см, диаметр у основания — 7—12 м. Курганы сооружались из земли и нередко покрывались речными валунами.

Курганный могильник 2, насчитывающий 13 курганов, расположен в 80 м к югу от первого, в 1 км от сел. Новый Чиркей. Протяженность его по линии запад — юг — 200 м. Высота насыпей — 1,4—1,9 м, диаметр у основания — 10—16 м. Возводились они из камней и валунов.

Курганный могильник 3, насчитывающий 40 курганов, расположен к югу от Нового Чиркея. Его протяженность — около 300 м. Курганные насыпи возводились из крупных валунов. Третья часть курганов имела высоту 30 см, диаметр у основания — 4—7 м. Остальные курганы были высотой 1,20—1,50 м при диаметре 8—14 м.

6. *Бавтугайский грунтовый могильник* расположен к западу от сел. Бавтугай Кизилюртовского района. Протяженность могильника около 100 м. На нем представлены два типа захоронений — грунтовые могилы и катакомба.

Катакомбное захоронение произведено на глубине 2,40 м от поверхности. Камера овальной формы со сводчатым потолком имела длину 2,30 м, ширину — 1,44 м, высоту — 1,15 м. Вход в катакомбу закрывала перегородка из плит и валунов.

Форму грунтовых ям проследить не удалось, так как они были вырыты в песчаном грунте. Захоронения в грунтовых ямах были одиночными и парными. Ориентация костяков различная. На могильнике выявлены остатки тризны (костры, обломки керамики, кости животных). Погребенных сопровождал разнообразный инвентарь: золотые украшения, бусы, печатки, амулеты, ножи, керамика. Датируется могильник VII—VIII вв.[8]

7. *Миатлинский грунтовый могильник* расположен в 700 м к юго-западу от сел. Миатлы Казбековского района на северной окраине одноименного древнего поселения. Площадь могильника составляет 160×110 м. М. И. Пикуль исследовала здесь 19 грунтовых погребений, датируемых ею XII—XIII вв.[9] В береговых отложениях во время разведок 1971 г. зафиксированы также грунтовые погребения, в которых выявлены фрагменты сероглиняной керамики, синхронные материалам Миатлинского поселения хазарского времени.

8. *Андрейаульский курганный могильник* расположен к юго-западу от одноименного городища[10]. Курганы тянутся цепочкой от левого берега р. Акташ до г. Хасавюрта. Некоторые из них достигают 80 м в диаметре. Они имеют усеченно-коническую форму с западиной в центре, что свидетельствует об их ограблении. Раскопки курганов не производились.

9. *Андрейаульский катакомбный могильник* расположен к западу от городища за пределами оборонительного вала. Размеры могильника составляют примерно 150×75 м. Раскопками 1979 г. здесь выявлены остатки двух катакомб (одна из них разрушена). Погребальное сооружение состояло из дромоса размерами 2×0,8×1,5 м, вытянутого по линии юго-восток — северо-запад. Сводчатый вход в катакомбу сооружен в северо-западной стенке дромоса. Погребальная камера, устроенная в толще материковой гли-

---

[7] *Пикуль М. И.* Отчет о работе III Бавтугайского отряда ДАЭ за 1958 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 81.

[8] *Пикуль М. И.* Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 62.

[9] *Пикуль М. И.* Раскопки на Сулаке в 1955 г.— МАД. Махачкала, 1951, т. I, с. 157.

[10] *Магомедов М. Г.* Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 2, с. 205.

ны, имела овальные, вытянутые с северо-востока на юго-запад очертания. Ее длина составляла 2,2 м, ширина — 0,8—1 м, высота сводчатого потолка — 1,2 м. Катакомбы оказались ограбленными, обломки сероглиняного кувшина, выявленного в одной из них, позволяют датировать могильник VI—VIII вв.

10. *Новокулинский могильник* расположен на левом берегу р. Ярык-су вблизи одноименного городища [11]. Могильник был открыт М. И. Пикуль во время разведок. В обрезке склона реки на глубине 1 м ею был обнаружен склеп больших размеров. Стенки склепа были сложены всухую из плит и валунов, сверху его перекрывали две массивные плиты.

Вблизи сел. Новокулинское цепочкой тянутся семь одиночных курганов конической формы со срезанными вершинами. Высота курганов — от 2 до 6 м, диаметр основания — от 10 до 50 м.

11. *Узунталинский могильник* расположен в 10 км к югу от сел. Старый Чиркей Буйнакского района. Могильник характеризуется наличием двух типов сооружений: склепов и грунтовых могил. Склепы возведены под землей из необработанного плитняка в сочетании с блоками. Всего здесь раскопано три склепа. Все они имеют форму вытянутого прямоугольника, размеры их — 2,5×1,6×0,94 м. Ориентированы склепы с севера на юг. Захоронения в них коллективные: в одном склепе было найдено 49 погребенных. Примечательно, что склепы сопровождаются и грунтовыми погребениями, к сожалению недостаточно исследованными. На основании многочисленного разнообразного погребального инвентаря датируются склепы IX—XI вв. [12]

12. В 1938 г. М. И. Артамоновым были исследованы *три каменных склепа* на могильнике у сел. Каранай Буйнакского района. Они имеют в плане форму прямоугольника и ориентированы с северо-востока на юго-запад. Стены склепов возведены из плитняка, положенного в один ряд. Размеры их колеблются: длина — 2,2—2,4 м, ширина — 1,3—1,9 м, высота — 0,6—0,75 м. Выходы в них устроены в юго-восточной или юго-западной стенках. Склепы служили для коллективных захоронений. В одном из них были погребены и две лошади. Из погребального инвентаря характерны фрагменты сероглиняных сосудов, железные наконечники копий, бронзовые пряжки [13].

Еще один случайно выявленный склеп подобной конструкции был исследован на Верхнекаранайском могильнике в 1968 г. [14] Богатый инвентарь склепа состоял из различных украшений и вооружения. Среди них были бронзовые подвески, браслеты, пряжки-фибулы, подвески-секиры, лунницы, гривны. Одних железных наконечников копий в склепе было найдено 10.

13. Значительный интерес представляют склепы *Агачкалинского могильника* в Буйнакском районе, исследованные К. Ф. Смирновым [15]. На могильнике были раскопаны три склепа с коллективными захоронениями и 13 грунтовых могил, где выявлены тысячи предметов богатого погребального инвентаря. Перед склепами прослежены захоронения коней. Склепы служили семейными усыпальницами знати, представителей

---

[11] *Пикуль М. И.* Отчет по археологическим работам за 1951—1952 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 11, с. 11—12.

[12] *Путинцева Н. Д.* Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (по материалам раскопок в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС).— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 113а, с. 178.

[13] *Артамонов М. И.* Отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции в Дагестане в 1937—1938 гг.— Архив ЛОИИМК, д. 41, оп. 1, с. 18—53.

[14] Погребальный инвентарь из склепа хранится в фондах ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР.

[15] *Смирнов К. Ф.* Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана.— КСИИМК, 1952, вып. 38, с. 113.

низшего сословия погребали в грунтовых могилах с бедным инвентарем. Датируется могильник IX—XI вв.

14. *Большой Буйнакский курган* расположен в окрестностях г. Буйнакска [16]. Земляная насыпь, в которой было раскопано 26 погребений, представляла собой почти круглую площадку с покатыми склонами. Наиболее распространенной формой захоронения здесь была каменная гробница прямоугольной или овальной формы. Стены гробниц возведены из небольших камней, скрепленных глиной. Большинство гробниц перекрывалось сверху массивными плитами. Размеры гробниц различные.

Каменные ящики сложены из четырех плит и сверху перекрыты пятой плитой. Ящики имели небольшие размеры: длина — 0,71—0,75 м, ширина и глубина — 0,36—0,4 м. В них были обнаружены детские костяки.

Грунтовые могилы занимают на некрополе незначительное место, некоторые из них были детскими, с каменными подстилками. Большинство могил ориентировано по линии север—юг, некоторые — по линии восток—запад. Типы захоронений на могильнике самые разнообразные — в скорченном, вытянутом на спине и сидячем положении, погребения с расчленениями, а также отдельных черепов. Погребенных сопровождал разнообразный инвентарь — оружие, посуда, украшения. Могильник датируется III—V вв. Однако металлический инвентарь и особенно керамика с могильника находит себе параллели в материалах хазарского времени, что позволяет согласиться с датировкой первых его исследователей (Е. Козубский и Ф. А. Афанасьев) и довести его верхнюю дату до VII в. н. э.

15. *Гапшиминский могильник* расположен в 2,5 км к юго-западу от сел. Гапшима Акушинского района [17]. На могильнике открыто несколько грунтовых могил и три каменных склепа. Склепы служили семейными усыпальницами, в одном из них совершено 19 захоронений. Костяки сохранились плохо. Их сопровождали оружие, украшения, предметы поясного набора, одежды, зеркало, печатка из египетской пасты.

Формы и обряд захоронения в грунтовых ямах не выяснены. Датируется могильник III—VI вв.

16. *Таркинский могильник* расположен у западной окраины сел. Тарки, его размеры 30×20 м. Здесь исследовано шесть склепов, возведенных из необработанного плитняка, уложенного регулярными рядами на глиняном растворе и сочетавшегося с вертикально установленными массивными плитами. Массивными плитами они были перекрыты и сверху. Ориентированы склепы с запада на восток и предназначались для коллективных захоронений, а в двух случаях — для одиночных захоронений. Средние размеры их составляют: длина — 2—2,9 м, ширина — 0,8—1,1 м, высота — 0,7—1,3 м. Склепы примечательны богатством погребального инвентаря. Сотнями экземпляров представлены в них бусы различных форм и размеров, изготовленные из стеклянной пасты, хрусталя, сердолика, агата, бронзы, серебра и др. В склепах найдено оружие — наконечники копий, черешковые трехлопастные стрелы, а в склепе 3 — слабоизогнутая сабля. Керамика в них представлена сероглиняными и красноглиняными сосудами. В склепе 2 наряду со стеклянными браслетами найдена арабская золоченая монета, датируемая VIII в. Датируется могильник VIII—XI вв. [18]

---

[16] *Абрамова М. П.* Большой Буйнакский курган.— В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 54.

[17] *Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д.* Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана.— МАД. Махачкала, 1961, т. II, с. 271.

[18] *Магомедов М. Г.* Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1973 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 288, с. 38.

17. *Могильник Дегва* расположен недалеко от сел. Дегва Сергокалинского района. Погребальное сооружение представляет собой склеп с коллективным захоронением (обнаружено 19 черепов). Склеп у с. Дегва был осмотрен во время археологической разведки К. Ф. Смирновым. Инвентарь склепа идентичен материалам из Агачкалинского могильника, что позволяет датировать его VIII—X вв.[19]

18. *Джемикентский могильник* расположен у с. Джемикент на вершине небольшого холма. Протяженность могильника 190 м, надмогильные насыпи небольшие. Раскопкам подверглась одна катакомба, в которой был обнаружен скелет взрослого человека, лежавшего на спине, головой к западу. Инвентарь, сопровождавший погребенного,— оружие, предметы поясного набора и конская сбруя[20].

19. *Урцеский могильник* расположен на юго-западной окраине одноименного городища. Здесь исследованы захоронения в грунтовых ямах, гробницах и склепах.

Грунтовые ямы подпрямоугольной формы имели небольшие размеры (1,3×1,1 м). Выявить обряд захоронения не удалось, так как погребенные лежали без анатомического порядка. Инвентарь представлен украшениями, оружием, керамикой.

Каменные гробницы сооружались из плит, поставленных на ребро, и перекрывались подобными же плитами. В гробницах обнаружены детские и взрослые костяки. Погребенные лежали на спине, головой на юго-запад. Инвентарь — керамика, украшения, оружие.

Значительное место среди погребений занимают склепы. Здесь исследовано шесть каменных склепов. Все они прямоугольной формы, ориентированы с северо-востока на юго-запад. Длина склепов — 2—2,5 м, ширина — 1,3 м, высота — около 1 м. Входы в них расположены в юго-восточной стенке и оформлены вертикально поставленными массивными плитами. Плитами же их накрывали сверху. Захоронения в склепах коллективные. Они служили для захоронения представителей привилегированных слоев города и сопровождались грунтовыми погребениями и погребениями коней. Погребальный инвентарь, несмотря на ограбленность склепов, представлен разнообразными украшениями, вооружением и керамикой, в том числе и сероглиняными сосудами. Датируются захоронения в склепах VII—VIII вв.[21]

20. *Таргунский катакомбный могильник* расположен в нижней части одноименного городища. Катакомбы устроены в основном в плотном материковом суглинке на глубине 3—4,5 м. Камеры содержали как одиночные, так и коллективные захоронения, некоторые из них были детскими. Сохранившийся инвентарь — керамика, украшения, принадлежности поясного набора, деревянные миски, предметы туалета. Он относится в основном к VII — началу VIII в.[22]

21. *Бораульский курганный могильник*, расположенный к северу от сел. Бораул Бабаюртовского района, насчитывает свыше 100 невысоких курганов (высота до 1 м). Размеры насыпей различные, но в основном их диаметр колеблется от 7 до 15 м[23]. Раскопки на могильнике не производились.

---

[19] *Миклашевская Н. Н.* Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана.— МАД. Махачкала, 1959, т. I, с. 188.

[20] *Круглов А. П.* Археологические работы на Северном Кавказе.— КСИИМК, 1940, вып. 5.

[21] *Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Отчеты о работе Приморской археологической экспедиции в 1963 и 1964 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 172, 191.

[22] *Гмыря Л. Б., Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Раскопки на городище Таргу.— АО 1972 г., М., 1973, с. 121; 1975 г., с. 102.

[23] *Пикуль М. И.* Отчет по археологическим разведкам в Северном Дагестане в 1951 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 1987, с. 97.

Механический состав почв Дагестана

Местоположение почвенного разреза	Полевой номер почвенного разреза	Глубина взятия почвенных образцов, см	Илистые части-цы 0,01 мм	Физическая длина 0,01 мм	Образец почвы
У поселения Тенг-кала	Даг-1-72	0—8	28,0	52,0	легко-суглинистый
		8—16	23,0	50,0	»
		16—27	13,0	34,0	средне-суглинистый
		27—40	12,0	33,0	»
		40—70	14,0	32,0	легко-суглинистый
		70—95	15,0	40,0	средне-суглинистый
		95—135	13,0	35,0	»
		135—175	14,0	34,0	»
У поселения Тенг-кала	Даг-2-72	0—8	26,0	50,0	легко-глинистый
		8—18	28,0	53,0	»
		18—40	24,0	61,0	средне-глинистый
		40—85	25,0	70,0	тяжело-глинистый
		85—170	15,0	43,0	тяжело-суглинистый
У городища Андрейаул	Даг-3-72	0—8	21,0	45,0	»
		8—30	28,0	55,0	легко-глинистый
		30—70	27,0	52,0	»
		70—130	28,0	52,0	»
		130—170	15,0	41,0	тяжело-суглинистый
У городища Андрейаул	Даг-4-72	0—8	24,0	52,0	легко-глинистый
		8—27	28,0	52,0	»
		27—90	31,0	54,0	»
		90—130	27,0	50,0	»
		130—180	24,0	49,0	тяжело-суглинистый
У поселения Бораул	Даг-5-72	0—8	41,0	74,0	тяжело-глинистый
		8—20	47,0	80,0	»
		20—60	45,0	85,0	»
		60—100	41,0	81,0	»
		100—150	47,0	87,0	»
У поселения Герменчик	Даг-6-72	0—20	52,0	87,0	»
		20—50	51,0	83,0	»
		50—90	33,0	62,0	»

Химический состав почв Дагестана

Полевой номер почвенного разреза и его местоположение	Глубина взятия почвенных образцов, см	Гумус, %	Емкость поглощения мг/экв.	CO_2, %	Сухой остаток, %	мг/экв. HCO_3	Cl	SO_4	Сумма	Ca	Mg	K	Na	Сумма катионов	Гипс, %	P_2O_5 мг/100 г
Даг-1-72	0—8	6,63		1,98	2,43	0,40	24,20	12,40	37,00	6,25	8,60	0,64	23,48	38,97	0,80	
У поселения	8—16	3,56		0,66	2,01	0,24	11,34	16,80	28,38	10,53	8,05	0,13	17,17	35,88	0,40	
Тенг-кала	16—27	1,58		4,40	0,90	0,24	9,20	6,10	15,54	2,75	3,55	0,21	7,69	14,20	0,37	
	27—40	1,49		4,62	1,28	0,32	6,48	9,59	16,39	4,05	4,82	0,15	12,00	21,02	2,13	
	40—70	1,19		4,18	1,35	0,36	14,60	6,00	20,96	3,30	4,80	0,10	11,08	19,28	0,52	
	70—95	1,19		3,96	1,18	0,24	9,80	6,39	16,43	3,83	4,28	0,15	8,07	16,96	0,62	
	95—135	0,89		3,52	0,71	0,30	7,40	3,50	11,20	1,25	2,58	0,10	6,52	10,45	0,21	
	135—175	0,95		3,74	1,68	0,32	11,40	12,70	24,10	6,83	4,63	0,15	12,39	24,00	1,24	
Даг-2-72	0—8	5,64	24,32	1,10	2,17	0,44	14,60	14,70	22,74	9,08	10,08	0,28	11,74	31,74	1,15	7,0
У поселения	8—18	3,37	21,16	0,44	1,39	0,32	9,60	10,90	20,82	4,75	5,15	0,13	11,08	21,11	0,08	5,0
Тенг-кала	18—40	1,49	13,92	3,96	1,45	0,24	12,80	8,80	21,84	2,76	4,90	0,09	12,39	20,14	0,18	5,1
	40—85	0,95	17,04	4,18	1,56	0,24	17,60	6,20	24,04	3,35	5,25	0,09	15,65	24,34	0,16	5,0
	85—170	0,70	14,52	4,40	1,50	0,20	12,00	10,80	23,00	6,90	5,30	0,10	10,43	22,73	2,52	2,4
Даг-3-72	0—8	4,26		0,44	0,09											
У городища	8—30	3,76		0,21	0,08											
Андрейаул	30—70	2,48		0,21	0,07	не определено										
	70—130	1,20		3,52	0,07											
	130—170	0,70		3,96	0,09											
Даг-4-72	0—8	3,47	36,28	0,22	0,09										0,08	1,8
У городища	8—27	3,37	34,24	0,22	0,07										0,10	2,9
Андрейаул	27—90	1,98	28,92	0,88	0,08	не определено									0,08	2,9
	90—130	1,05	28,08	1,98	0,05										0,04	2,6
	130—180	0,70	22,44	5,72	0,05										0,04	1,9
Даг-5-72	0—8	6,34		7,26	1,39	0,44	19,20	3,79	23,43	8,40	3,00	0,69	8,70	20,79		
У поселения	8—20	5,64		6,82	1,02	0,32	15,40	1,00	16,72	5,60	2,75	0,33	7,17	15,85		
Бораул	20—60	1,45		6,38	1,46	0,36	14,00	12,00	26,96	5,50	6,00	0,13	12,61	24,24		
	60—100	0,95		5,94	1,37	1,32	5,60	11,40	17,32	4,50	4,25	0,10	6,52	15,37		
	100—150	1,35		3,08	1,27	0,44	2,00	18,50	20,94	5,15	5,00	0,15	11,08	21,38		
Даг-6-72	0—20	5,15	42,20	3,96	0,24	0,76	0,24	2,00	3,00	2,05	0,75	0,23	0,52	3,55	0,08	3,8
У поселения	20—50	4,55	43,00	2,86	0,25	0,56	0,25	2,89	3,70	1,85	1,20	0,15	1,04	4,24	0,08	3,3
Герменчик	50—90	2,08	30,12	0,88	0,46	0,40	0,25	5,60	6,25	3,70	1,90	0,09	0,74	6,43	0,06	4,3

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20.

Ленин В. И. Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33.

Абдуллаев Х. П. Гильгильчайская оборонительная стена и крепость Чирах-кала.— СА, 1968, № 2.

Абрамова М. П., Магомедов М. Г. О происхождении культуры Андрейаульского городища.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

Аджиев А. М. Дальние дороги песни. Заметки о кумыкском героическом эпосе. Махачкала, 1977.

Аладашвили Н. А. Монументальная скульптура Грузии. М., 1977.

Ал-Баладзори. Книга завоевания стран//Пер. П. К. Жузе.— В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927.

Алексин А., Гумилев Л. Н. Хазарская Атлантида.— Азия и Африка сегодня, 1962, № 2.

Ал-Истахрий. Книга путей царств/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1901, вып. XXIX.

Алкадари Х. Э. Асари Дагестан/Пер. Али Гасанова. Махачкала, 1929.

Ал-Мукаддаси. Лучшее из делений для познания климатов/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII.

Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы, I.— СА, 1971, № 2.

Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы, II.— СА, 1971, № 3.

Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).— СА, 1973, № 4.

Аммиан Марцеллин. История/Пер. Ю. Кулаковского. Киев, 1906—1908, вып. I—III.

Апакидзе А. М. Результаты археологического изучения античных городов Грузии.— В кн.: Античный город. М., 1963.

Апакидзе А. Города древней Грузии. Тбилиси, 1968.

Аракелян Б. Н. Гарни II. Результаты работ Гарнинской археологической экспедиции 1951—1955 гг. Ереван, 1957.

Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VI—XII вв.).— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.

Артамонов М. И. Средневековые поселения на нижнем Дону. Л., 1935.

Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.

Артамонов М. И. Отчет о работах Северокавказской экспедиции в Дагестане в 1937—1938 гг.— Архив ЛОИИМК, д. 41, оп. 1.

Артамонов М. И. Древний Дербент.— СА, 1946, VIII.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Арутюнян В. М. Градостроительная культура средневековой Армении.— Историко-филологический журнал. Ереван, 1963, № 2.

Атаев Д. М. Христианские древности Аварии.— УЗИИЯЛ, 1958, т. IV.

Атаев Д. М. Каменные кресты из окрестностей Хунзаха.— МАД. Махачкала, 1959, т. I.

Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.

Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андрейаульское городище.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

Бакиханов Аббас-Кули-Ага. Гюлистан — Иран.— Тр. о-ва обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926, вып. 4.

Бартольд В. В. Дербент. Из энциклопедии ислама. Париж, 1913, т. 1.

Бартольд В. В. К вопросу о происхождении Дербенд-наме.— Соч. М., 1973, т. VIII.

Бачинский Н. М. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.; Л., 1949.

Башкиров А. С. Изучение памятников старины.— В кн.: Дагестанский сборник. Махачкала, 1927, т. III.
шаков О. Г. Средневековый город Сред-
*Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Боль*ней Азии. Л., 1973.
Беленицкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом.— В кн.: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889, вып. 1.
Беридзе В. В. Грузинская архитектура «раннехристианского» времени (IV—VII вв.). Тбилиси, 1974.
Бернштам А. Н. Чуйская долина (Труды Семиреченской археологической экспедиции).— МИА, 1950, № 14.
Бернштам А. Н. Находки у оз. Борового в Казахстане.— Вопросы антропологии и этнографии, 1951, т. 13.
Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1956, № 26.
Блаватский В. Б. Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье.— Учен. зап. МГУ, 1950, вып. 143.
Бобринский А. А. Перещепинский клад.— МАР. Пг., 1914, вып. 34.
Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении.— В кн.: Античный город. М., 1963.
Бредэ К. А. Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 35.
Бредэ К. А. Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на Нижне-Сигитминском поселении и городище.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 60.
Бредэ К. А. Отчет об археологических разведках на берегах Сулака в 1957—1958 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 82.
Бредэ К. А. Новые поселения на Сулаке.— В кн.: Тезисы докл. научной сессии ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959.
Бузанд Фавстос. История Армении/Пер. М. А. Геворгяна.— В кн.: Памятники древнеармянской литературы. Ереван, 1953, I.
Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971.
Буниятов З. М. О длительности пребывания хазар в Албании в VII—VIII вв.— Изв. АН АзССР. 1961. № 1.
Буниятов З. М. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965.
Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв.— В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974, т. 3.
Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— Тр. ТКАЭЭ. М.; Л., 1966, т. 2.
Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972.
Ваклинов С. Формирование на старо-Българката культура VI—XI век. София, 1977.
Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена.— В кн.: История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе.— ЖМНП, 1908, XIII, XIV (февраль, март).
Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— Тр. ЧИНИИ, 1963, т. VI.
Виноградов В. Б. Открыт ли Семендер?— История СССР, 1968, № 4.
Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации.— СА, 1964, № 2.
Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как памятник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961.
Гаджиев А. Г. Древнее население Дагестана. М., 1975.
Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.
Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979.
Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг.— МИА, 1958, № 85.
Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
Гаркави А. Я. Существовала ли у хазар столица под названием Беленджер? — РФ ИИЯЛ, ф. 6, д. 21.
Геннинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
Гиршман Р. Раскопки французской экспедиции города Шапура в Фарсе.— КСИИМК, 1947, XV.
Гмыря Л. Б. Глиняные котлы Андрейаульского городища I тысячелетия н. э.— СА, 1973, № 3.
Гмыря Л. Б. Кухонные горшки Андрейаульского городища.— СА, 1980, № 1.
Гмыря Л. Б. Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия).— В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.

Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве.— Тр. ТКАЭЭ, 1960, т. 1.
Грен А. Н. Отчет о командировке для раскопок и археологического исследования Хазарского каганата в Хасавюртовском округе Терской области.— Изв. археологической комиссии. СПб., 1905, Прибавление к вып. 16.
Грен А. Н. Отчет о летней командировке в Хасавюртовский округ Терской области. Древности.— Тр. МАО. М., 1907, т. XXI, вып. II. Протоколы заседаний МАО за 1904—1905 и 1905—1906 гг.
Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири.— АСГЭ, 1961, вып. 3.
Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры.— АСГЭ, 1971, вып. 13.
Гукасян В. Л. О новонайденном списке албанского алфавита.— Советская тюркология, 1971, № 2.
Гумилев Л. Н. Где же тогда Семендер?— История СССР, 1969, № 3.
Гумилев Л. Н. Хазария и Терек.— Вестн. ЛГУ, 1964, вып. 4.
Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.
Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
Гюль К. К., Власова С. В., Кисин И. М., Тертеров А. А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.
Давудов О. М. Итоги первого года раскопок на Верхне-Лабкомахинском городище.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг.: Тезисы докл. Махачкала, 1973.
Декоративное искусство средневековой Армении. Л., 1971.
Деопик В. Б. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв.— МИА, 1963, № 114.
Джидалаев Н. С. Об одном ряде булгарских слов в лакском языке.— Советская тюркология, Баку, 1979, № 2.
Джиди Г. Историко-археологический очерк крепости Гюлистан. Дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1962.
Дибиров П. М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.
Дорн Б. Известия о хазарах восточного историка Табари/Пер. П. Тяжелова.— ЖМНП, 1844, ч. XLIII, № 7, 8.
Дорн Б. А. Каспий. СПб., 1875.
Дьяконов М. М. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961.
Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Северного Алтая.— Тр. ГИМ, 1941, вып. 16.
Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, 1952, № 24.
Еремян С. Т. Моисей Каланкатуйский. О посольстве албанского князя Вараз-Традата к хазарскому хакану Алп-Илитверу.— Зап. Ин-та востоковедения, 1938, т. VII.
Еремян С. Т. Сюния и оборона сасанидами кавказских проходов.— Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, № 7 (12).
Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
Ибн ал-Факих. Книга о странах/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1902, вып. XXXI.
Ибн-Русте. Книга драгоценных камней//Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1903, вып. XXXII.
Ибн-Хаукаль. Книги путей и царств/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII.
Ибн-Хордадбэ. Книга путей и царств/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1903, вып. XXXII.
Ивановский А. А. По Закавказью.— МАК. М., 1911, вып. VI.
Иерусалимская А. А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972.
Иессен А. А. Работы на Сулаке. (Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг.).— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 110.
Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М., 1958.
Ионе Г. И. Верхне-Чегемские памятники VI—XIV вв.— Учен. зап. КБНИИ, Нальчик, 1963, т. XIX.
Исаков М. И. Исчезнувший город в Дагестане.— Исторический журнал, 1941, № 6.
Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966.
Исми-заде О. Ш. Ялойлу-тепинская культура. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Баку, 1956.
Исми-заде О. Ш. Кабала — столица древней Кавказской Албании.— В кн.: Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962.
История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в./Пер. с арм. К. Патканьян. СПб., 1861.
История Азербайджана. Баку, 1958, т. 1.
История Дагестана, М., 1967, т. 1.
Кадыраджиев К. С. Язык и история.— Советский Дагестан, 1971, № 4.
Каждан А. П. Византийские города в VII—XI вв.— СА, 1954, вып. XXI.

Казиев С. М. Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1960.
Канивец В. И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г.— УЗ ИИЯЛ, 1957, т. III.
Канивец В. И., Березанская С. С., Костюченко И. П., Савчук А. П. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955—1956 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 16.
Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1.
Каяев А. Материалы по истории лакцев. Махачкала.— РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 444.
Кибиров А. К. Работа Тяньшаньского археологического отряда.— КСИЭ, 1957, вып. 26.
Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— САИ, 1971, вып. С1—36.
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
Ковалевская В. Б. Древние булгары на Северном Кавказе.— В кн.: Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докл. Махачкала, 1975.
Кожемяко Н. П. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
Козубский Е. И. Исторические памятники Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.
Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902, вып. 1.
Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.— МИА, 1953, № 32.
Комаров А. В. Пещеры и древние могилы в Дагестане.— В кн.: Пятый археологический съезд в Тифлисе. Труды подготовительных комитетов. М., 1882, т. 1.
Кондукторова Т. С. Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирюртовского могильника в Дагестане.— Вопросы антропологии, 1967, вып. 25.
Константин Багрянородный. Об управлении государством; царя Константина Багрянородного о фемах Запада, т. е. Европы; царя Константина, изложение царского чина.— ИГАИМК, 1934, вып. 91.
Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI века.— СА, 1950, XIII.
Костюченко И. П. Предварительное сообщение о раскопках раннесредневекового Верхнечирюртовского могильника. Материалы отчетной сессии ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР за 1956 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 63.
Котович В. Г. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
Котович В. Г. Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана.— В кн.: Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докл. Махачкала, 1975.
Котович В. Г. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1956 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 28.
Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М. Отчеты о работе Приморской археологической экспедиции в 1960—1964 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 104, 136, 163, 172, 191.
Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д. Некоторые данные о средневековых памятниках Горного Дагестана.— МАД. Махачкала, 1961, т. II.
Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (Итоги и проблемы).— УЗ ИИЯЛ, 1960, т. VIII.
Кошеленко Г. А. Парфянская фортификация.— СА, 1963, № 2.
Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957, т. IV.
Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967.
Кропоткин В. В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в.— В кн.: Славяне и Русь. В честь академика Б. А. Рыбакова. М., 1968.
Круглов А. П. Археологические работы на Северном Кавказе.— КСИИМК, 1940, вып. 5.
Крупнов Е. И. К историко-археологическому изучению степного Дагестана и Северо-Западного Прикаспия.— МАД. Махачкала, 1959, т. II.
Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана.— МИА, 1951, № 23.
Крымский А. Е. Страницы из истории Северного и Кавказского Азербайджана (классическая Албания).— В кн.: К 50-летию научно-общественной деятельности С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934.

Кудама. Книга о земельном налоге/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1903, вып. XXXII.
Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976.
Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания VIII—XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента.— В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977.
Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106.
Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани.— В кн.: Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974, вып. 1.
Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобадшах.— КСИИМК, 1956, вып. 64.
Кулаковский Ю. К. К истории готской епархии в Крыму в VIII в.— ЖМНП, 1898.
Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.
Кызласов Л. Р. Этапы средневековой Тувы.— Вестн. МГУ, 1964, № 4.
Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979.
Лавров В. А. Градостроительна культура Средней Азии. М., 1950.
Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
Лавров Л. И. Тарки до XVIII века.— УЗ ИИЯЛ, 1965, т. XIV. Сер. ист.
Леквинадзе В. А. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви.— СА, 1959, № 3.
Леонти Мровели. Жизнь Картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана/Пер. с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. М., 1979.
Лерх И. Я. Из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 годы из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря. СПб., 1790 (Новые ежемесячные сочинения, ч. XVIII).
Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта/Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского.— Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1884—1887, кн. 1.
Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии.— СА, 1965, № 4.
Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел.— СА, 1965, № 2.
Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
Магомедов М. Г. Верхнечирюртовское городище.— УЗ ИИЯЛ, 1969, т. XIX.
Магомедов М. Г. Отчет о работе Северного отряда ДАЭ в 1969 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 273.
Магомедов М. Г. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Махачкала, 1970.
Магомедов М. Г. Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции за 1970—1973 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 288, 334, 336, 346.
Магомедов М. Г. Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника.— СА, 1975, № 1.
Магомедов М. Г. Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 2.
Магомедов М. Г. Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта.— СА, 1979, № 3.
Магомедов М. Г. Древние политические центры Хазарии.— СА, 1975, № 3.
Магомедов М. Г. Верхнечирюртовский курганный могильник.— В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977.
Магомедов М. Г. Происхождение раннесредневековой культуры Терско-Сулакского междуречья.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг.: Тезисы докл. Махачкала, 1978.
Магомедов М. Г. К вопросу о колебаниях уровня Каспийского моря в хазарскую эпоху.— В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
Магомедов М. Г., Маммаев М. М. Кудалинская крепость.— Советский Дагестан. Махачкала, 1971, № 6.
Мажитов Н. А. К изучению археологии Башкирии в I тысячелетии н. э.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964, т. II.
Малачиханов Б. К. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане.— УЗ ИИЯЛ, 1965, т. XIV. Сер. ист.
Маммаев М. М. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и ранне-

средневекового времени.— УЗ ИИЯЛ, 1969, т. XIX. Сер. общ. наук, вып. 2.
Маммаев М. М. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
Маммаев М. М. Зооморфные пряжки Урцекского могильника.— СА, 1970, № 4.
Маммаев М. М. Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане.— УЗ ИИЯЛ. Сер. общ. наук, т. XX.
Маммаев М. М. Некоторые вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
Маммаев М. М. О христианских символах и сюжетах в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана.— В кн.: Дагестанское искусствознание. Махачкала, 1976.
Марковин В. И., Твердохлебов А. М. Акушинский могильник.— КСИИМК, 1955, вып. 60.
Марковин В. И. Скифские курганы у селения Гойти (Чечено-Ингушетия).— СА, 1965, № 2.
Марковин В. И. Дорогами и тропами Дагестана. М., 1974.
Марр Н. Я. Ани. Книжная истории и раскопки на месте городища.— ИГАИМК, 1934, вып. 105.
Марр Н. Я. Ереруйская базилика. Армянский храм V—VI вв. в окрестностях Ани. Ереван, 1968.
Масуди. Книга сообщений и знаний/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVII.
Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней/Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, вып. XXXVIII.
Масуди. Маруджад-Дзахаб.— В кн.: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963.
Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси.— СА, 1959, № 2.
Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел). VIII—XIV вв.— САИ, 1966, Е1—36.
Меликсет-Беков Л. М. Армазни. Историко-археологический очерк.— В кн.: Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1938, вып. II.
Мерперт Н. Я. Против извращений хазарской проблемы.— В кн.: Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953.
Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.— СА, 1955, XXIII.
Миклашевская Н. Н. Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана.— МАД. Махачкала, 1959, т. I.
Милованов Е., Иерусалимская А. Лук из Мощевой Балки.— Сообщения ГЭ, 1976, XI.
Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X и XI вв. М., 1963.
Моисей Хоренский. История Армении/Пер. Н. О. Эмина. М., 1893.
Неразик Е. Е. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приуралья в IV—VIII вв.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
Нечаева Л. Г. О генетической связи аланской и осетинской культуры позднего средневековья.— МАДИСО. Орджоникидзе, 1975, т. III.
Нечаева Л. Г. О жилище кочевников Юго-Восточной Европы в железном веке.— В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
Никольская З. А. Из истории аварского жилища.— СЭ, 1947, № 2.
Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.; Л., 1935.
Орбели И. А. Избранные труды. Ереван, 1963.
Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, т. 1.
Патканов К. П. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому — ЖМНП, 1883, март.
Пахомов Е. А. О Дербенском княжестве в XII—XIII вв.— Изв. Аз. ГНИИ, 1930, т. 1, вып. 2.
Пахомов Е. А. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье.— Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 9/10.
Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа.— В кн.: Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962.
Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев, областей Кавказа. Баку, 1966, вып. 9.
Пачос М. К. К изучению стен городища Афрасиаб.— СА, 1967, № 1.
Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.
Пигулевская Н. В. К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье.— Советское востоковедение, 1955, № 6.
Пикуль М. И. Отчет по археологическим работам 1951—1952 гг.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 11.

Пикуль М. И. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 19.
Пикуль М. И. Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 62.
Пикуль М. И. Отчет о работе III Бавтугайского отряда ДАЭ в 1958 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 81.
Пикуль М. И. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 116—133.
Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911.
Плетнева С. А. Печенеги, тюрки в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62.
Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
Плетнева С. А. О построении кочевнического лагеря — вежи.— СА, 1964, № 3.
Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.
Плетнева С. А. Хазары. М., 1976.
Потапенко А. И. Старожил земли русской. Ростов, 1976.
Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости Южного Туркменистана.— ВДИ, 1952, № 2.
Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма.— Тр. ЮТАКЭ. М., 1958, VI.
Путешествие Ибн Фадлана на Волгу/Пер. и комментарии под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.
Путинцева Н. Д. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1957 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 65.
Путинцева Н. Д. Отчет о работе II Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС в 1958 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 83.
Путинцева Н. Д. Отчет о полевых исследованиях 1-го Чиркейского отряда в 1959 г.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 97.
Путинцева Н. Д. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение).— МАД. Махачкала, 1961, т. II.
Путинцева Н. Д. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (по материалам раскопок в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС).— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 113.
Распопова В. И. Поясной набор Согда VII—VIII вв.— СА, 1965, № 4.
Распопова В. И. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв.— КСИА, 1970, вып. 122.
Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. М., 1980.
Рзаев Н. И. Художественная керамика Кавказской Албании.— Изв. АН АзССР, 1964, № 5.
Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П. Находки индикаций византийских монет вблизи Кисловодска.— Византийский временник, 1971, т. 32.
Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.
Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.; Л., 1948.
Рыбаков Б. А. Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии).— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.
Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси.— СА, 1953, XVIII.
Саханов В. В. Раскопки в Северном Кавказе в 1911—1912 гг.— ИАК, СПб., 1914, вып. 56.
Синицын И. В. Археологические памятники в низовьях реки Иловли.— Учен. зап. СГУ, 1954, т. 39, вып. ист.
Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана.— КСИИМК, 1951, вып. 38.
Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.— МИА, 1951, № 23.
Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг.— КСИИМК, 1952, вып. 45.
Смирнов К. Ф. Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.
Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент.— МАД. Махачкала, 1961, т. II.
Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятник местной культуры.— СА, 1956, вып. 26.
Станчев С. (Ваклинов). Некрополь до Нови Пазар. София, 1958.
Степанов П. Д. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в среднем Поволжье.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964, т. II.
Табари. История пророков и царей/Пер. А. Р. Шихсаидова.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 234.

Тарих ал-Камиль, Ибн ал-Асира/Пер. П. К. Жузе.— В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940.
Тарихи Дербенд-наме/Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.
Тирацян Г. А. Уточнение некоторых деталей сасанидского вооружения по данным армянского историка IV в. н. э. Фавста Бузанда.— В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь академика И. А. Орбели. М.; Л., 1960.
Тиханова М. А. Дорос-Феодора в истории средневекового Крыма.— МИА, 1953, № 34.
Токарский Н. М. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946.
Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг.— МХЭ. М., 1963, вып. 6.
Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.— VII в. н. э. М.; Л., 1959.
Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I.— МИА, 1958, № 62.
Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. II.— МИА, 1959, № 75.
Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. III.— МИА, 1963, № 109.
Федоров Г. С. Раскопки в Северном Дагестане.— АО 1967 г. М., 1968.
Федоров Г. С. Погребальные сооружения и обряды погребений Верхнечирюртовских могильников и их этническая интерпретация.— В кн.: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974, вып. 5.
Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
Федоров Г. С. Хазария и Дагестан.— КЭС. М., 1972, вып. V.
Фрай Ричард. Наследие Ирана. М., 1972.
Хаджилаев Х. И. К топонимике Карачая.— Тр. КЧНИИ, 1970, вып. VI. Сер. ист.
Харузин Н. Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. СПб., 1896.
Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Абу-Али-Ахмеда бен Омара ибн Даста. СПб., 1869.
Худуд Ал-Алем. Рукопись А. Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
Чеченов И. М. Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965 г.— Учен. зап. КБНИИ, 1967, вып. 25.
Чилашвили Л. А. Городище Урбниси. Тбилиси, 1964.
Чубинишвили Г. Н. Разыскания по армянской архитектуре. Тбилиси, 1967, I.
Чубинишвили Г. Н. Цроми. Из истории грузинской архитектуры первой трети VII в. М., 1969.
Чубинишвили Г. Н. Хандиси. Тбилиси, 1972.
Шилов В. П. Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969.
Шихсаидов А. Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан.— УЗ ИИЯЛ, 1957, т. III.
Шишкин В. А. Архитектурная декорация дворца в Варахше.— ТОВЭ, 1947, IV.
Шмерлинг Р. О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.
Щеблыкин И. П. Остатки крепостных стен Кабалы.— ДАН АзССР, 1945, т. 1, № 2.
Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании.— В кн.: Исторические записки. М., 1937, т. 1.
Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63.
Якобсон А. Л. Средневековые пифосы Северного Причерноморья.— СА, 1966, № 2.
Я'Куби. История/Пер. П. К. Жузе.— В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927, вып. IV.
Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии.— Тр. ТФАН, 1951, т. 39.
Якут. Географический словарь, т. I—III.— РФ ИИЯЛ, ф. 6, д. 59.
Ягралов Ю. С. Аштарак. М., 1947.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 р. 90 к.

